МАРИНА СТАРЫХ

МЕМУРЫ НА РУИНАХ

ЖИЗНЬ АКТРИСЫ В ПИСЬМАХ И ДНЕВНИКАХ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

"Мемуры на руинах" – воспоминания Марины Леонидовны Старых, актрисы Ленинградского БДТ им. Горького (с 1992 – им. Г. Товстоногова).Марина Старых играла в Ленинградском ТЮЗе (1973-1982), снялась в 48 лентах, в частности, в фильмах "Соломенная шляпка", "Открытое сердце", "Перегон", "Жалоба", "Шантажист" и многих других, а также в сериалах "Улицы разбитых фонарей", "Береговая охрана", "Профиль убийцы", "Невский"."Мемуры на руинах" – это исповедь-рамышление об актерской судьбе, об эпохе, о своем пути и месте в жизни.

- Марина Старых. Мемуры на руинахМемуры на руинах
  - Предисловие
  - МЕМУРЫ НА РУИНАХ
  - МАМА
  - ФАНТАЗИИ?
  - МАРУСЯ
  - ЛИВНЫ
  - МЕМУРЫ
  - ТЮТ
  - 1968 ГОД
  - 1969 ГОД
  - ДНЕВНИК. Творческий. Насколько возможно
  - ЛЕТНИЙ ДНЕВНИК
  - ДНЕВНИК
  - ДНЕВНИК
  - ДНЕВНИК
  - ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ВСЕГДА НЕ С ТОБОЙ
  - 1973 ГОД
  - ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ…
  - ГЛУХАРЬ
  - ЛЁША
  - ■ ВАРЯ
  - ДНЕВНИК
  - ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ…
  - МЫШКА
  - ДНЕВНИК
  - ДНЕВНИК
  - ПРАЗДНИК…
  - ДНЕВНИК
  - ЖЕНЩИНЫ МОЕЙ МЕЧТЫ
  - МАКС

- ДНЕВНИК
- ДНЕВНИК

Марина Старых. Мемуры на руинахМемуры на руинах

Марина Леонидовна Старых

МЕМУРЫ НА РУИНАХ (Жизнь актрисы в письмах и дневниках)

Предисловие

Это повествование – попытка проанализировать итоги одной жизни, не слишком короткой. Такую книгу, книгу собственной жизни может написать каждый, как известно, если он проживает эту жизнь осмысленно.

Автор – актриса, она до сих пор не знает, кому это будет интересно читать.

Молодые актёры, возможно, найдут что-то для себя, те, кто интересуется жизнью знаменитостей, – узнают ещё что-то из жизни кумиров, правда без скандальных подробностей, поскольку в повествовании нет ни капли вымысла, а только правда, хоть и субъективная. Женщины, до сих пор не понявшие законов извечной войны двух полов, найдут подругу.

Гипотетический читатель волен пропускать не интересующие его главы, автор постарается ясно разделить темы. Хотя в жизни это невозможно: в ней переплетается всё так тесно, так одно оказывается связанным с чем-то уму невообразимыми нитями, дающими совершенно непредсказуемый результат!

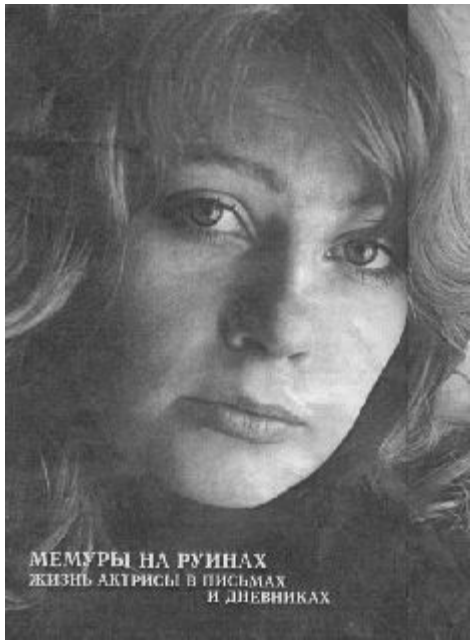
Жизнь! Непревзойдённый драматург, как понять твой замысел, если он есть, (но, правда же, цепь случайностей не могла бы создать столь совершенные узоры!)

Один твой закон уже понятен, слишком поздно: «Бойся своих желаний!»

Или ты, возможный читатель, веришь в то, что только ясно осознанная цель, на которую тратятся все силы, приводит к желаемому удовлетворению прожитой жизнью? Посмотрим, подумаем…

МЕМУРЫ НА РУИНАХ

ЖИЗНЬ АКТРИСЫ В ПИСЬМАХ И ДНЕВНИКАХ



Чтобы тебя не раздирало изнутри – нужно выговориться. Для этого существуют исповедники, подруги и психотерапевты. Заноза, если её вовремя не вынуть, строит заражение крови. Люди, которые молчат и держат всё в себе, находятся не только под серьёзным психологическим или даже психиатрическим риском, но и под риском соматики: всё начнётся с язвы желудка. Организм един – и психика и тело.

Т. Черниговская.

Самое трудное – осознать… Когда уже, может быть, очевидно… кому-то… А ты все еще ходишь по кругу, гордясь пройденными километрами… А тебя, как котенка тычут мордой в те же, с той же периодичностью повторяющиеся грехи…Ну? Понял? Нет, не понимаю, за что, за что, Господи? Услышать Глас… Узнать в лицо Провидение… Какой соблазн придать особенно значение собственной жизни, которая не безразлична кому-то там, наверху. Всемогущему, Невидимому Другу! Как хочется верить в то, что не бывает случайностей! В то, что существует предназначенность и определенность, которую мы, по штрихам и очертаниям не распознаем, вглядываемся и не видим даже тогда, когда она очевидна. Но, те, кто считает, что всё уже расписано там, наверху, а человеку только остаётся немножко шевелиться в заранее проторенной колее, (шаг влево – шаг вправо!), по сути, перекладывают ответственность с себя на Высшие силы. То же и с православными, которые самозабвенно повторяют: «Уповай на Господа! На всё воля его! Помни, от меня всё это было!» Дурной человек заболел – Бог наказал! Святой заболел – это испытание ему, чтобы через мучения обрести святость! Младенец погиб по недосмотру родителей – Бог ангела забрал, чтобы молился о нас! На всё есть утешительные ответы! А тебе только и остаётся покаяться и не грешить. Хотя с грехом тоже непонятка какая-то… Почему женщина должна расплачиваться за первородный грех Евы… которой, на самом деле-то и не было… А Динозавры были. А о них в Священном писании – ничего! Ну, не стоит вспоминать «слезу ребёнка», а то автор может попытаться ещё раз написать «Братьев Карамазовых, как однажды, написав пьесу про Фитцджеральда, позже выяснила, что написала пьесу Теннеси Уильямса.

Нет, рациональному духу Октябрёнка, Пионерки и Комсомолки оказалась, близка только Индуистская идея о реинкарнации, правда несколько видоизменённая современными трактовками: человек сам отвечает за собственную жизнь, от того, как он прожил её, зависит его собственное лицо «Там», лицо, которого он в следующий жизни не узнает, но, не усвоив урока будет как двоечник ходить по кругу, пока до него не дойдёт! И только это предположение о прохождении нескольких жизней может объяснить то, что одним – всё, а другим – ничего. Вот мы тут носимся со своими переживаниями, придаём собственному существованию вселенское значение (в самом деле, как только нас не станет, вселенная перестанет существовать для нас), а какой-то нищий бенгалец растит для нас рис, а какой-то юноша идёт за нас под пули, а какая-то от рождения убогая страдает всю жизнь, не рассчитывая на простое женское счастье, а кто-то

мучается тем, что яхта на три метра меньше, чем у конкурента. Нет, только мысль о том, что вот этот вот проживает свою первую жизнь, или застрял на третьей, примиряет с человеческой низостью, глупостью, жадностью. В самом деле, что сердиться, пожалеть надо бедолагу. Вдруг когда-нибудь дорастёт.

Сказанное общеизвестно, но автор пытается чётко обозначить собственную веру, не претендуя на высокий духовный уровень.

– Я, Маруся, обвиняю себя в том, что бездарно распорядилась подаренной мне жизнью, достойным именем, заработанным предками в тяжёлой борьбе и самопожертвовании, верой учителей и потраченными ими на мою персону усилиями…

ДОКТОР:– Вы будете себя судить?

– Да, чтобы удержаться от соблазна свалить вину на кого-либо!

– Это инфантильно! И какую же роль вы отводите мне: Прокурора, Адвоката?

– Нет, у вас будет ваша собственная роль, вы – доктор!

– А кто свидетели?

– К сожалению, многих из них уже нет на свете, поэтому я дам им возможность заговорить, я сохранила письма!

– Ну что ж! Попробуем.

– Зло страшное, непоправимое – существование таких людей, как я. У меня больная душа, и я жгу себя с обоих концов, чтобы не чувствовать боли.

– Это не ваши слова.

– Да, это написала Вера Комиссаржевская.

– Насколько я помню, у неё было психическое расстройство.

– Может, и у меня тоже… Но я хотела бы ТАК «расстроиться»…

– Вы мечтали о славе Комиссаржевской?

– Нет, конечно, может быть… Но ведь я узнала про неё уже юной, уже повзрослевшей заболела идеей посвятить всю себя одному только театру. А всё началось в бессознательном возрасте, – это я про «жечь себя», – уничтожать себя, не дорожить собственной жизнью, не цепляться за неё…

Вспомнить… Головокружительная спираль несёт тебя к самому первому проблеску сознания, как на американской горке перехватывает дыхание, вниз тянет что-то отяжелевшее в животе, и, кажется, сейчас дойдёшь до основы, до самого зарождения своей души. Сердце сжимается от этих первых картин и запахов, где перепутались явь и сны.

МАМА

Почему тебя нет в моих воспоминаниях? Есть городок с одноэтажными домами, чудно пропахший дымом из печных труб, чёрный пёс с капелькой крови на ухе, горка в детском саду, под которой валялся разбитый унитаз, большие цветные кубики сколоченные из фанеры, из которых можно было строить домики, бесконечная ночь, на улицах – моряки, моряки, моряки, такие красивые в своих кителях с золотыми пуговицами, и сопки, пахнущие голубикой и багульником, но тебя – нет. Утром, проснувшись, я перелезала через сетку своей кроватки к папе. В уголках его глаз ещё были засонки, вдвоём мы наслаждались ленивым утром, и я вдыхала и вдыхала его запах, запах покоя и защищённости, который потом всю жизнь искала в мужчинах.

– Да, ты была «Читой» этого Тарзана, – так ты писала на обороте многочисленных сделанных им фотографий, где я – ещё существо без Сознания, – Приходя из плаванья, он только с тобой и возился.

Как потешно ты кричала: – Уки почь от Негипта!

– Ты ревновала?

– Вот ещё! Правда, иногда мне казалось, что для него я только – способ продолжить род, о котором он так пёкся. Правда, ждал он мальчика…

– А ты?

– А ещё хотела пожить для себя… Что я видела? Войну, латвийскую провинцию? Этот проклятый военный городок? Мужчины – в море, а ты сходи тут с ума от тоски… А где-то родной Ленинград, клубы, танцы…

– Когда меня спрашивали: «Как тебя зовут?», я отвечала: «Саша – сынок». Я сама не могла это придумать, кто-то уже внушил мне, как я всех разочаровала, родившись девочкой. И я с радостью поддержала эту игру: никаких кукол! Только мишки и собаки!

– Да, ты не была той девочкой, о которой может мечтать мать: ласковым котёнком. Ты играла с мальчишками, как настоящий пацан: я пришла за тобой в детсад, а ты в луже лежишь, между прочим, в одежде, которую я должна была стирать, не имея «горячего водоснабжения: – Тише, мама, мы в войну играем! Ну, вроде как, – чего припёрлась?

– Может, это, всё-таки, потому, что я не слишком занимала твоё внимание. Разве ребёнок сам может отторгнуть мать?

– Всё выдумываешь! Я только тобой и занималась! Я была к тебе привязана с самого твоего рождения, ни на кого же не

оставишь!

– Привязана – то самое слово, как раб к своему столбу.

– Что ты про это знаешь! Вы, с вашими мультиварками, что вы вообще знаете про нас? Тогда большим счастьем было выйти замуж за офицера, да ещё такого красавца, по большой любви. Но привёз он меня с тобой недельной не на северный берег Чёрного моря, а на южный – Баренцева, в деревянный барак. Утром рано растопить печку, нагреть бак с водой, иначе тебя не распеленать, а ты, мокрая, орёшь. Пеленки разверну – а от них пар, и разит мочой, а то и чем похуже. А у меня мастит, а ты как вопьёшься беззубой пастью, я в крик, и ты орёшь. Кормить грудью не смогла, что делать? Где достать детское питание? А у тебя – рахит, какие витамины за полярным кругом? В магазинах пирамиды из банок с крабами и ананасами – и больше ничего! Ты всю жизнь должна меня благодарить за то, что ноги у тебя прямые: настояла, вывезли тебя в отпуск в Геленджик. И одна я, совсем одна, мама в Ленинграде, а мне только 23 года, ещё ничего не умела. А Лёня придёт из похода, купит кило шоколадных конфет, посадит тебя на стол и конфеты высыплет тебе на голову, сидишь на горшке, жрёшь шоколад, вся перемажешься, он только хохочет… – Да! Теперь я могу сказать: я была не готова! Не готова!

– Отец потом признался, что от первого ребёнка ты избавилась. У нас бы мог быть… или могла…

– Кто бы говорил! У тебя их могло быть сколько? Семь? И где они?

– Знаешь, теперь мне кажется, что честнее не родить, чем сделать кого-то заложником своих неразрешимых проблем.

– Умничаешь, как всегда? По-простому нельзя? Ты просто – эгоистка, зацикленная на своём пупе. Ты так и не решилась посвятить свою жизнь кому-то другому…

– Не решилась… Посвятить жизнь… Я потом видела их, этих несчастных, некрасивых, почти нищих, из последних сил тянущих бремя ответственности за потомство, которое будет таким же несчастным, почти нищим, без надежды на любовь и семью… Может быть, в другом обществе, в другое время все имели бы шанс «по способностям», но у нас всё было очень определено наличием жилплощади и денег на содержание ребёнка, иначе – да, идти работать в детский сад и уничтожить всё, заложенное отцом?

– На мой взгляд, лучше бы ты так и сделала. Но, чего уж теперь…Я сделала для тебя всё, что могла… А ты… Вот опять – этот высокомерный взгляд, вот так, как у отца, вниз поехала губа: – Ну что вы хотите? Это же Лариса Леонидовна! Какое презрение! За что? За то, что я не так образована?. Да, мне было двенадцать,

когда началась блокада, к счастью, вовремя эвакуировали, а какое там ученье, в детском доме, да ещё и двухлетняя Музка на руках…

– Муза… – Пьяная, наверное, была, но сказала, что ты измывалась над ней, как самая настоящая садистка…

– Ладно, я – дура необразованная, а теперь ещё и садистка…

– Стою в кроватке и ору. Заходит соседка, пытается успокоить, я показываю на голую попу и кричу: – кооовь! Кооовь! Это ты меня отлупила и ушла.

– Ты не можешь это помнить! Ты и слова-то такого ещё не знала!

– Потом уже соседка Ганна рассказала. Зачем ей выдумывать? А слово, видимо, знала, не в первый раз, значит.

– Нехорошо, несправедливо. Я ведь и песни тебе пела, и книжки читала.

– Пела ты, действительно, замечательно, я помню эти песни, а книжки я читала сама, как только научили.

– Я же и научила, ну, шлёпала иногда, когда нервы не выдерживали, да кто ж этого не делал? Ты сама не больно ласкова со мной была – папина дочка, вся в него. Одевала я тебя, как картинку, сама шить научилась. Купили новое пальто, отпустила тебя в детский сад – он через дорогу, совсем близко…

– Я помню! Вместо тротуаров – деревянные настилы, а между ними колея от грузовиков – глубокая, жидкая грязь. Мне почему-то очень интересно было идти задом наперёд. Настил на перекрёстке кончился и навзничь, спиной я в эту грязь и рухнула, пришла в детсад зарёванная.

– Та ещё была малышка! А болезни? То свинка, то ветрянка, то скарлатина!

– Да, тебе я обязана своим здоровьем. Но кроме того… Разве ты воспитывала меня, как девочку? Разве ты вообще воспитывала меня?

– Мы жили, как все. Никто про это не думал. После войны, какое счастье было – сыты, здоровы, уже хорошо!

– Нет-нет, не сваливай на всех. Было что-то ещё. Я боялась тебя. Ты выпускала меня на улицу и говорила: – Не смей ни к кому заходить в гости! Ты же знаешь, я вижу сквозь стены!

– А как ещё уберечь девочку в маленьком военном городке?

– У тебя на всё есть ответ! Но ведь все девочки этого городка не стали стервами! Значит, было ещё что-то? Почему я была так одинока? Почему, когда мне было страшно, я не могла уткнуться в единственно безопасное для ребёнка место: материнские тёплые колени?

– Может быть, я сама не знала, что это такое… Да и не до

тебя было. Лёня хотел бросить меня. Я умоляла его… Он остался ради тебя. Но я никогда ничего тебе про это не скажу, это – наше личное… Но с тобой всё с самого начала было не просто. Не могу объяснить… Как будто не мой ребёнок, ничего общего, родного… только обязанность…

– Наверное, есть женщины, которым нельзя рожать девочек, они не способны их любить. Ещё в утробе я мешала тебе.

– Доктор, можно, я буду говорить о себе в третьем лице? Мне так проще.

ФАНТАЗИИ?

Когда отец сходил на берег, семья шла в офицерский клуб смотреть кино, заполярном военном городке, других развлечений не было.

По границе ярко зелёных высоких густорастущих пальм и сверкающей воды, в которой отражаются эти пальмы, идёт женщина в белом. Фоном звучит популярная песня: Страна родная, Индонезия!… И Маруся понимает: вот её истинный дом, вот где она родилась! Не Здесь! Она – принцесса, посланная с другой планеты, чтобы всё тут исправить! И называет чахлые кашки, с трудом выживающие на склонах сопок за полярным кругом – индонезийскими цветами

Когда посмотрели «Багдадского Вора», образ принцессы получил законченность: корону на голове в виде золотой диадемы и шаровары. Но быть принцессой не так-то просто. Быть принцессой – значит: иметь неограниченную власть, значит, почувствовать, что власть – это очень сладко. А над кем может властвовать трёхлетний ребёнок? И этот ещё неосознанный импульс, почти инстинкт ищет возможности осуществиться. Вот тут и появились полусны-полуфантазии, в которых Маруся расправлялась со своими гипотетическими врагами. Нет, никакой крови! Детской фантазии хватало только на то, чтобы обездвижить врага, поместив его в деревянные колодки, и обмазать глиной. Наслаждение заключалось не в том, чтобы наблюдать страдания, про них ребёнок либо ничего не знал, либо не помнил, а в безграничной власти над неподвижным телом, которое не имело ни лица, ни имени. Маруся в этом возрасте откуда-то уже имела представление о боли и унижении, которые один человек может принести другому, если считает, что имеет на это право.

Психологи говорят, что агрессивность – врождённое свойство, присущее каждому в той или иной мере. Да, если человек – частично животное, то почему бы не провести параллели? Например: щенячий помёт: с рождения все разные, и наиболее активные агрессивны, что очень хорошо в животном мире, но не поощряется у людей, у которых есть «нравственный закон», опять-таки, неизвестно, врождённый, или приобретённый благодаря среде и воспитанию. Многие считают, что дети безгрешны и «портит» их окружающий мир. Идиллическая картинка лепечущих, ласковых, играющих в невинные игры ангелочков придумана взрослыми, забывшими своё детство. «Счастливая

пора» – миф, для того, кто слишком рано осознал себя. Знакомство с этим миром, сложной системой взаимоотношений, в которую надо вписать своё маленькое «я» – процесс трудный и мучительный. Волшебство и реальность, то переплетающиеся, то расходящиеся, как две стороны трещины в земной коре во время землетрясения, лишая опоры, демонстрируя всю глубину разверзающейся бездны, составляют сложный мир ребёнка. И Зло, присущее всему человечеству, может по каким-то причинам поселиться в душе младенца. Если он чувствителен.

Казалось бы, ничего страшного: ну кто из детей не играл «в доктора», когда для этого созданы все условия: невнимательная воспитательница и орава безнадзорных детей из очень разных семей. Поначалу Маруся была инициатором, она подчиняла себе более простодушных и упивалась властью. Правда, довольно скоро обнаружилось, что ровесники, лишённые изощрённой фантазии, но одарённые совершенно неосознанной доминантной волей оказались сильнее, и Маруся втянула в панцирь свои нежные рожки и окончательно ушла в мир фантазий. О! какими они были изощрёнными, как подчиняли себе несоответствующее им тело, заставляли сбиваться дыхание, пульсировать кровь! Но… чем больше отдавалась Маруся этой тайной страсти, тем больше нравственный закон, так же, взявшийся «ниоткуда», (Ну, потому что никто не мог объяснить, что хорошо, а что плохо, просто потому, что поводов для таких бесед как бы и не было), диктовал, что мысли эти – постыдны, нечисты, а сама Маруся – глубоко порочное существо. Хотя и слов-то таких она тогда не знала.

И Маруся стала милой, тем более, что о внешнем виде мама заботилась. Однажды даже воспитательница в детском саду подвела к зеркалу Марусю и другую девочку: – Вот, видишь, – сказала она другой девочке, как должна выглядеть хорошая девочка?» Маруся, действительно, была опрятна, аккуратно причёсана, и никак не выдавала своего уже очень мощного спрятанного «Я». Это раздвоение заставляло внешнюю Марусю говорить «не своим» голосом, строить неискренние отношения со сверстниками, замыкаться, мучительно и тщетно искать адекватное внешнее воплощение.

Взрослой Марусе казалось, что всё дело в том, что она изначально чувствовала себя мальчиком. Разве желание подчинять себе – не чисто мужское свойство, разве не эта же агрессивная энергия заставляет овладевать, делать из женщины источник собственного наслаждения?

ДОКТОР:– Так вас влекло к женщинам?

– Не знаю. Теперь к этому относятся проще. Этому есть название… Многие афишируют бисексуальность. Но разве это не

определяется набором гормонов? Вот – типично женский тип с широкими бёдрами, а вот – широкие плечи и узкий таз… Наверное, у этих типов разная психология? Вас интересует, была ли Маруся лесбиянкой? Конечно, нет. Все, кто знал её тогда, в расцвете сексуальности, посмеялись бы над этим предположением. Скорее, Марусю считали блядью. И это тоже смешно, потому что, повторяю, Маруся не чувствовала себя женщиной. Она никогда не умела вести себя так, как должна вести себя женщина, она не знала, в чем женская сила, женское достоинство, чем женщина должна стать для мужчины, её не научили.

– Кто должен был научить?

– Конечно, прежде всего, родители. Ну, и общество, наверное. Она родилась за год до смерти Сталина, через семь лет после войны. В том советском обществе все были октябрятами, пионерами, борцами за дело коммунистической партии, отличниками и двоечниками, но никто не делил их на мальчиков и девочек, никто не объяснял, чем они отличаются, только туалеты, конечно, были раздельными. Ну и … кто не прошёл через это:

– У тебя что?

– Пушка на колёсиках. А у тебя?

– Я не знаю, как это назвать…

ДОКТОР:– Мы задали два вопроса: – Почему? и Кто? Всего вопросов шесть: Почему, Кто, Что, Где, Когда и Как. Но первый из них – главный. Чем чаще повторяется – почему? – тем больше проявляются скрытые причины.

– Вы забыли: – Что делать?

– Вспоминать. Анализировать.

– Легко сказать… Сейчас, когда я уже «пожилая женщина», вдруг, как бы сами по себе, всплывают воспоминания, от которых кровь горячей волной поднимается к измученному мозгу откуда-то из центра живота… Стыд…

– У человека есть защитный механизм, стирающий неприятные воспоминания…

– Значит, я другой человек. Нет, правда, сколько раз такое было: я кому-нибудь напоминаю о пережитой совместно ситуации; – Помнишь? – Нет, не помню, отвечают мне, в лучшем случае. А то ещё говорят, что я выдумываю…

– Может, и такое бывает?

– Ну вот, и вы туда же! Я помню! Помню! Я всё помню! Я не могу забыть…

МАРУСЯ

Она была внешне нормальным, счастливым ребёнком. Только со своей тайной. В её воспоминаниях смешиваются картинки реального детства с тем, что приснилось и помнится до сих пор: речка с «кисельными», то есть красного бархата берегами, на которых дети в белых панамках играют в «куличики», Ленин на скамейке с голубой кошкой на коленях. Одно неизменно: стоит во время снегопада поднять голову к небу, чтобы проследить, откуда падают снежинки, как можно снова почувствовать себя пятилетней. Очень многое значили картинки из книжек, которые папа всё время покупал Марусе и тщательно переплетал. Читала она лет с четырёх, картинки очень помогали осваивать текст, даже волнующие гравюры к совершенно непонятной тогда «песне о Гайавате». Впервые влюбилась в четыре года в шестнадцатилетнего соседа Валентина. Папа фотографировал их, посадив Марусю парню на колени. От волнения Маруся описалась.

Папа создал Марусю. Она была его творением. Она до сих пор помнит, как её, трёхлетнюю, папа взял на свой корабль, и она карабкалась по слишком крутым трапам, ступени которых были выше её коротеньких ножек, рассматривала зачехлённые орудия, гордо, в центре всеобщего внимания стучала по клавишам пианино в кают-компании.. И любила только моряков. Да и кто тогда мог быть красивее их? Папин кортик висел на стене, а настольной книгой была «Книга о морских кораблях» с иллюстрациями. Марусино инакомыслие тоже от папы. В 66-67 его статью под названием «Правда и Полуправда» напечатали в «Известиях». Главной идеей статьи была попытка пристыдить нынешнее коммунистическое руководство и вернуть его к идеалам начала движения. Потом папа положил на стол руководству свой партийный билет. Правда, Маруся не уверена, сделал он это по принципиальным соображениям, или потому, что с пенсии не хотелось платить ещё и партийные взносы. Во всяком случае, после очередной семейной битвы на идеологическом фронте папа воскликнул: – Ну, ладно, Сталин! – «Но ЛЕНИНА МЫ ВАМ НЕ ОТДАДИМ!»

ДОКТОР:– Позвольте вас перебить. Всё-таки, я не просто слушатель! Если уж вы нуждаетесь в помощи… Итак… Второй вид защиты, который у вас сформировался по отношению к отцу: Идеализация. Истоками формирования примитивной…

– О, как меня унижает это слово!

– … идеализации является необходимая вера ребёнка во всемогущество своих родителей. Она создаёт оторванные от реальности образы превосходства и всемогущества значимых людей и самого человека, что неминуемо приводит впоследствии к сильному разочарованию.

Обесценивание – оборотная сторона потребности в идеализации. Чем сильнее идеализируется объект, тем кардинальнее потом обесценивание. Например, преувеличенное ощущение человеком своей грандиозности, собственного великолепия и некой избранности могут сменяться на ровно противоположные ощущения ничтожности и отвращения к самому себе. «Тварь я дрожащая… или право имею?»

Некоторые люди на протяжении всей своей жизни не могут вырваться из пут защитных механизмов, работающих в прочной связке друг с другом…

– Спасибо! Вы так ясно объяснили мне всю мою жизнь! Если бы я с самого начала знала про эти механизмы, я могла бы прожить её иначе?

ДОКТОР:– Женщина сможет вырваться из этого порочного круга, осознав работу всех трёх механизмов, выявив причинно-следственные связи…

– Огромное спасибо!… Как сказал один мой друг: – И только в самом конце жизни ты, наконец, будешь к ней готова. Ну что ж, похоже, вся моя жизнь – иллюстрация к этим коротким научным выводам.

ДОКТОР:– Мы должны выявить эти связи…

– Смешно… Я тоже напишу свои «Мемуры».

– ????

– Папа писал. Будучи уже совершенно больным, с водянкой в пол-мозга и новообразованием там же, писал мемуары. Ему хотелось иметь кучу детей. Ему хотелось оставить им духовное наследие. Ему не хотелось сгинуть без следа… Он был атеистом. Как показала энцефалограмма, сделанная Марусе в 14 лет, её мозг работал идентично отцовскому. Отсюда – наследственная страсть к бумагомаранию, и, ещё большая страсть – желание остаться в памяти потомков. За неимением собственных детей и, соответственно, внуков, Маруся должна была оставить хоть что-нибудь «для вечности». Папины экземпляры мемуаров, напечатанных на старой машинке «Смитъ» , почему – то, то ли случайно, то ли сознательно, носили заголовок «МЕМУРЫ». Видимо, это наследственный долг.

ЛИВНЫ

Протоирей Сергий Булгаков.
Автобиографические заметки.

Ливны – небольшой (12 тыс.) город Орловской губернии, расположенный на высоком берегу реки Сосны, со впадающей в неё маленькой речкой Ливенкой. Город древний, исторический. Ещё во времена татарских нашествий здесь была крепость, от которой остались следы монастыря в виде Сергиевской церкви. В могилах при постройке соседняго храма св. Георгия были находимы обширные кладбища, очевидно, военныя,, хотя и более поздния, близ бывшаго монастыря обретались св. останки в могилах, чтимые, как мощи. Земля была исполнена и освящена человеческими останками, как некое кладбище с позабытым и оставленным алтарём. Я разумею ту нагорную часть, высившуюся над рекой, где тихо сияла Сергиевская церковь, близ которой я был рождён. Город был довольно обширен, большею частью из бедных деревянных домов, хотя в центре были и каменные. Был пылен и грязен. Мало растительности, хотя и был городской сад и чудный кладбищенский, теперь обращённый в парк. Кое-где были небольшие садики при домах; был и у нас, такой дорогой, тихий, нежный, хотя и бедный, маленький. Наш дом, в котором я родился, был недалеко от нагорной части над рекой в пяти минутах от Сергиевскойой церкви. Он был деревянный, в пять комнат, расширявшийся пристройками. Сколько здесь было рождений и смертей, – тоже алтарь предков. Когда приходилось приезжать домой из далека, он тихо обнимал странника и нашёптывал ему песни детства… Святая колыбель… Вокруг – колокольни с разными звонами, ближними и дальними. Это была сладкая и благородная музыка, которой освещался воздух и неприметно питалась душа. Этот скромный дом был срощен с душой, ея не покоряя. Но он был всё-таки больше и выше, чем дано было большинству в нашем городе, и это преимущество неизменно отражалось в моей совести, как некая незаслуженная привилегии и её будило и бременило

этой своей незаслуженностью, тревожило социальную совесть, давало заповедь на всю жизнь.

Мы были горожане в самом дурном смысле слова, от города мы не имели ничего положительного, но были лишены и не знали никогда прелестей деревенской жизни, никогда не переживали сельско-хозяйственного года, пашни, косьбы, уборки урожая, ничего, ничего. Поистине с варварским равнодушием и вместе безразличием бедности мы никогда не живали в деревне (на даче) и – самое большее, мне случалось провести в деревне два-три дня, причём я изнывал от безсонницы, от жары, от непривычных условий жизни, от блох.

… Я замечал, что мужики так равнодушны к природе, хотя сами составляют ея часть; они относятся к ней или как корыстные хозяева, или как… звери в хорошем и плохом смысле слова). Край наш прекрасен своей широтой и своими полями, но беден о и однообразен природными красотами Вероятно были красоты в «имениях» «помещиков», полумифических аристократов, приезжающих на тройках, но эти угодья представлялись сказкою нам, бедным поповичам. Красой природы для нас тихия, иногда глубокие речки, с возможностью рыбной ловли. На нашей реке Сосне летом мы жили, то в купальне, то на рыбной ловле….Наши Ливны были для меня Китежем… были Китежские легенды, которые пели моей душе, и она пела о них. Одна была о колоколе, который будто бы сорвался во время подвешивания и скатился с горы в реку, но иногда гудит под водой. Я воспевал это в детских, неумелых виршах:

Тьма ночная над водою,
Город весь заснул,
И несётся над рекою
Колокола гул…
Заунывный… как тоскою
Полон этот звон…

ДОКТОР:– Это к чему?

– Это к моим корням. Только нет – я не потомок эмигрировавшего протоиерея. Мой папа, комсомолец и богоборец родился на соседней улице.

ДОКТОР:– Вы считаете, что ваша болезнь – корнями оттуда?

– Я считаю, что силы, которая должна найти в себе – корнями

оттуда.

БАЛЛАДА

Стало модно петь о родных городах.
В песнях тех – что ни город, то – чудо…
Не бывал я давненько в родимых местах,
Только разве ж я их позабуду?

Помню тёплого синего неба чертог,
Но попасть мне туда нету средства:
Городок мой остался за чёрной чертой,
За которой осталось и детство.

Помню: чудо стояло над быстрой Сосной
На резной белокаменной круче,
В белой кипени вишен скрывалось весной
Колокольнями выкрепив тучи.

Лишь один спиртзавод в его небо кадил.
Воздух чист и здоров, как на Южной Ривьере.
Ах, какая была школа номер один!
Ах! Какой был дворец пионеров!

Городок поживал, не кичился собой,
Без театров, зато – не голодный,
На полтыщи сограждан – чудесный собор.
А на тыщу – кран водопроводный.

То на гору взбирались дома, то – с горы…
Пощадил их бог времени Хронос.
Об индустрии думал ПредРИК А. Старых,
Об асфальтовых улицах – ПредГорсовет В. Сафронов.

Зимы снегом мели. Лета грозы несли.
Что ни год – спиртзавод выжигали…
Вот заморские клёны уже подросли
Что всем миром в субботу сажали.

Ах, как счастливо жили до чёрной поры!
В сорок первом велел Комитет Обороны…
Под Смоленском пропал политрук А. Старых,
Город сжёг председатель Сафронов.

Пепелище захвачено было врагом,
Маски сбросили приспособленцы…
Три берёзы росли над родным очагом –
Всех не минул топор отщепенца.

Сорок третий. Июль. Над руинами – гул –
У бомберов – одышка от смертной нагрузки.
Днём и ночью крушат: он опасен врагу,
Этот маленький город: уж больно он русский.

Сел я песню писать о родном городке,
Не сложилась она, и не диво:
От того городка на прозрачной реке
Лишь названье осталося: – Ливны.

Нет отца, нет деревьев, посаженных им…
А заморские клёны пожар искорёжил.
Образ Родины, в сердце который храним,
С бегом времени – дальше, смутнее… Дороже.

Говорят, по-над плёсом Сосны – пых да пых! –
Дым валит заводской, даль от глаз заслоняя…
Вот бы мог это зреть фантазёр А. Старых
Что подумал бы он? Я не знаю… не знаю…

Говорят, мало пользы в вишнёвых садах,
Лучше лук и клубника, хурма привозная…
Не бывал я давненько в родимых местах…
Да и надо ли быть там? Не знаю, не знаю…

ДОКТОР:– Ну да, не Пастернак!

– Но и не Сурков! Дело же не в этом! Мы же обо мне говорим. Ваше дело – слушать.

– Как пренебрежительно вы отзываетесь о самой высокооплачиваемой профессии!

– Это в Америке! А здесь для таких повёрнутых, как я, всё – бесплатно! Государство сначала сводит нас с ума, а потом делает вид, что лечит.

– Значит, Государство во всём виновато!

– И оно в большей степени! Здесь просто можно свихнуться от фальшивой идеологии и тотального вранья, здесь независимый

человек задыхается!!

– Сменим тему?

– Помедитируем? Нет, лучше я продолжу, а ваше дело – слушать, теперь – моего отца.

МЕМУРЫ

(сохранены стиль и орфография оригинала)

Мой прадед, Павел Старых появился в слободе Белой Местной, что на правом берегу реки Быстрая Сосна, которая затем впадала в реку Дон при городе Ельце. Откуда Павел Старых там взялся – не знаю.

Где именно поселились крестьяне Павел и Пелагея – неизвестно.

Мой дед Пётр Павлович родился около 1880 г. Женился около 1900 г. на крестьянке Татьяне Никитишне из рода Пожарских, не князей, а по-уличному. Татьяна в девичестве была горничной у бар, я это знаю по колыбельным, которые она мне пела на мелодии Чайковского. Пётр и Татьяна пахали свою полосу где-то на бугре по дороге в лес «Липовчик», этот лес сыграет большую роль в судьбе нашего рода. Они сладили избу в три окошка. Потолки в избе низкие – сейчас бы мне за притолоку задевать.

В 1902 году родился Александр. Народ в роду – низкорослый, отец был верно-165. Рос он как все беломестненские парни, ухаживал за лошадью, ходил в церковно-приходскую школу, окончил 4 класса. Цыганка ему нагадала: если в 14 лет не утонет в реке, то жить будет долго. Отец отказался купаться но…

В 1914 грянула Первая мировая война и Петру сию чашу пришлось испить с лихом. Партия Большевиков делала своё дело. Фронт в 17 году развалился, Пётр Павлович вернулся домой. Время было трудное, тем не менее, Пётр и Татьяна зачали ещё одного ребёнка… Выгодное дельце подвернулось в 1918, когда какие-то евреи собрались ехать на юг к Деникину. Пётр вызвался везти их на своей лошади. И пропали Пётр, и лошадь, ни слуху, ни духу…»

Старшему, Александру Старых пришлось взять всё на себя. Сначала его отдали в обучение знакомому сапожнику – чтобы при деле был. В это же время он вступил в комсомолию, «чтобы народ просвещать».

Ливенская газета. Статья Скуридина Феодосия Игнатьевича, члена К. П.С. С. с 1926 года. «Политпросветработа в 30-е годы. Выдержки.

Осенью 1926 года Черкасский волостной комитет поручил мне работу политпросветорганизатора. Это была активной идейно-воспитательной работы с крестьянскими массами. По сёлам

организовались избы-читальни, красные уголки…

Первым избачом в Воротынске стал член РКП(б) Александр Петрович Старых.

Главным делом избы-читальни, этого основного крестьянского очага культуры, была пропаганда идей ленинского кооперативного плана, но Саша Старых заботился и об отдыхе крестьян, С большим энтузиазмом организовывал он самодеятельные любительские спектакли и концерты для сельской публики.

Популярность любительских спектаклей была столь велика, что в 1927 году сельский сход в Воротынске решил на средства самообложения построить новую избу-читальню со зрительным залом на сотню человек.(Александр поставил «Разбойников» Шиллера, и сам играл Карла Моора, говорят, хорошо получалось.)

«Местные кулаки угрожали даже бить избача, но как-то несерьёзно…. Как сейчас вижу: отец из водочных бутылок обрезанием горлышка делает стаканы, наливает туда раствор соли чтобы сделать радиоприёмник и ловить станцию «коминтерна», которая стала работать в Москве. Из этой затеи ничего не получилось.

Наталья Савенкова, дочь кровельщика с малых лет была приспособлена ходить за коровой. Она пасла её вдоль речки, кое-как одетая, вся в цыпках, часто голодная… Александр и Наталья женились в 1926 г. На свадьбу Александр подарил жене её первую в жизни обувь: собственноручно сделанные туфли на высоком каблуке.»

… После работы избачом в период коллективизации Старых приложил много энергии для объединения

крестьян в артели и в 1930 г. был избран председателем колхоза «Красный пахарь», потом работал председателем райисполкома, заведующим орготделом райкома партии.

«В 1918 году случился в ливенском уезде небольшой крестьянский сабантуй, и говорили, что Иван Павлович(дядя Александра) был в числе восставших на конеи, врде бы, с обрезом. Восстание подавили, Иван Павлович вернулся к своей обычной жизни и работе. Но в 1938 году лихой человек донёс в ГПУ об участии дяди отца в бунте 18 года, и Ивана временно посадили в КПЗ, а моего отца отстранили от должности пред. РИКА. Отец пожелтел за сутки. Слава Богу, дальнейших санкций не последовало. Отца бросили на «прорыв»: – дали строить хлебозавод по чертежам то ли немцев, то ли кого ещё. Мы тогда жили на Пушкинской д.5, хлебозавод должен был стоять на той же улице д.2, а моя школа № 1 стояла на Пушкинской д.6.

(*Маруся хорошо помнит рассказы отца о том, как «грыз» дед учебники, восполняя пробелы четырёхклассного образования, чтобы*

построить этот хлебозавод. Если отец-избач, сын должен соответствовать. Леонид читал запоем всё подряд. По рассказам, однажды читал на ходу и лбом чуть не снёс столб, встретившийся на пути.)

«… в 12 лет я читал Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», сидел за столом, а отец поверх плеча прочитал: «Они увлечённо занимались трением друг о друга», и приказал сдать книгу в библиотеку и месяц не читать….»

«Цыганка нагадала Александру что, если не утонет в реке в 14 лет, то жить будет долго. Наврала, грязная, отец опасался купаться, но в 39 лет погиб в окружении под Вязьмой. Он был политруком 3-ей роты 855 полка стрелков. Этот полк формировался в июле-августе 1941 в лесу Липовчик, это в трёх км от Беломестного, я с бабушкой Татьяной навещал его там.»

(*Тогда у деда было уже трое детей: Леонид, мой отец, сёстры Мила и Тамара. Дед имел право на бронь и как политработник, и как отец семейства, и как язвенник. Он пренебрёг всеми льготами.)*

«Летом 1939 мама попросила меня сходить на Крестьянскую улицу, забрать сестру Милу из садика, там произошла встреча, которая потрясла меня до основания: навстречу шла стройная белокурая девочка с огромными голубыми глазами. … в пятом классе эта белокурая, та самая! – вошла в класс и заняла пустое место. – Вот вам новенькая! – Её звали Мила Черных.

Это был знак судьбы, я так понял, её звали Милой, как и мою сестру. С тех пор я постоянно думал о ней: куда она пошла после школы, с кем встречается? Я сам не знал, что мне от неё нужно, но догадывался, что это та самая любовь, хотя признаться даже себе не мог, я очень боялся её. «Пал Смоленск, в октябре немцы взяли Орёл. Стали поговаривать об эвакуации семей партийцев. От отца приходили скупые строчки: «Жив, здоров». В ноябре нас посадили в товарный пульман и повезли на восток. В в село под названием Штрассбург мы приехали на верблюдах, немцев оттуда Сталин вывез на восток, оно заселено были «выкурными» с Украины. Мать пошла работать в овчарню. В тот год нам ничего не платили за отца (неизвестно, жив, или погиб, – получалось последнее _ никаких вестей не было). Раз в месяц нам власти давали пятидесятиграммовую пачку грузинского чая, мы чай не пили, обменивали у кочевых казахов на смалец – твёрдое баранье сало, этот жир добавляли в каши.»

В седьмой класс мы пошли уже в другое здание, первую школу отдали под госпиталь для раненых военных. Новая школа располагалась на откосе, над Ливенкой, за кинотеатром, – там был кинотеатр со времён Хонжонкова… Мила попросила мою записную книжку, зачем – это была её тайна. Когда я получил

книжку обратно, Мила всё поглядывала таинственно на меня, наконец, не выдержала: – Посмотри в корошок! Там было написано: – «Я вас люблю». Я впервые почувствовал мою душу: она пела и рвалась куда-то ввысь.

Вернулись к пенатам. Занимались огородничеством, кажется, с помощью Ивана Павловича (дяди который невольно подвёл отца, а потом принял от него колхоз), засеяли клин земли просом, по осени обмолотили, потом мы с мамой отвезли на немецком снарядном ящике, который бабушка употребляла как тачку, – на крупорушку, получили полпуда чистого пшена, мама варила из него кашу сливянку – с картошкой с зажаркой – пальчики оближешь!

Начиналось летнее наступление немцев на Харьков- Воронеж, на Сталинград. Нас опять повезли на восток. На станции Измалково близ Ельца стояли несколько дней. На насыпи железной дороги зрела земляника, и вот тут я вновь увидел Милу. Мы оба признали друг друга, но ни словом не перемолвились тогда. Мама непостижимым путём догадалась о моих чувствах. Когда мы пошли по делу куда-то, она, заслышав «страданья» девок, гуляющих по улице, сказала: – «Сынок, она ведь старше тебя, вот она уже интересуется мальчиками!» Я тогда не ответил, но следующим вечером узнал, где живёт Мила и пришёл на свидание. Она рассказывала, как пережила оккупацию, как она специально мазалась сажей, чтобы не приглянуться немцам. Но вторую оккупацию они не смогли выдержать, и потому оказались в Берёзовке. Мы уже готовы были расстаться, как вдруг Мила сказала: – «А меня отправляют в ФЗО (Фабрично-заводское обучение) в Пензу.» Я сразу принял решение: не расставаться. Мила решила, как это сделать: – «мы тебе прибавим два года, и мы едем вместе.» Я сказал маме о нашем решении, и мы стали собирать меня в дорогу. Мама была не против: ей станет легче. В райкоме комсомола сказали, что вот ещё один доброволец шестнадцати лет Мы с Милой и её подругой переночевали где-то, по рекомендации комсомола. Пришли на вокзал, ждём поезда. Вдруг в сквере появляется Наталья Ефимовна, берёт меня за руку, ведёт, как бычка на верёвочке домой. Добрые люди отсоветовал ей меня отпускать. Теперь я знаю, что это было мудрое решение.

В военкомате появилась информация: А. П. Старых в сентябре 41-го пропал без вести, маме выдали сколько-то денег, и она купила дойную козу.

!943. Время голодное, а у тёти Олиной коровки появился телёночек. Тётя просит меня, как старшего в роду мужика зарезать телёнка. Я не очень представляю, как буду это делать, но соглашаюсь. Я прожил жизнь, но до сих пор мне становится дурно

при воспоминании, как я тупым кухонным ножом пилю шею телёнка, как он обдаёт меня из перерезанного кровавого горла тёплым дыханием невинного ребёнка.

Однажды ночью нас разбудил яркий свет с неба, такой яркий, что он проникал даже в закрытые глаза. Был июль 43-го… Немцы взяли за правило ночью бомбить тылы нашей армии, А Ливны оставались прифронтовым городом. Вот они развесили свои осветительные бомбы. Одна «люстра» медленно, на парашюте пролетала над Беломестной, от неё вниз летели огненные термитные капли, хорошо, что на соломенную крышу бабушкиной избы не упали, а упали на соседнюю. Крыша, словно она ждала – вспыхнула как порох, наконец дождавшийся горящего трута, и осветила слободу шумным пламенем. Посыпались искры, бабушка Татьяна приставила лестницу, полезла на крышу: – «Давайте воды побольше!» Все засуетились, кто-то нёс полные вёдра, кто-то с пустыми бежал к колодцу. Соседу удалось не пустить пламя на избу вовремя оттаскивая солому на землю, где она спокойно догорала. Я тем временем следил за догоравшей «люстрой»: куда она будет падать – меня интересовал парашютный шёлк: это был бы хороший подарок моим сёстрам. К сожалению, «люстра» упала за рекой Сосной, искать её там не было смысла.

При свете «люстр» немецкие наблюдатели засекали танки, шедшие от Ельца по шоссе через Ливны дальше на запад, где зачиналась Курская битва. Они поставили дальнобойную «Берту» может, в ста километрах к западу, и методично, через каждые три минуты посылали снаряд в Ливны, авось снаряд найдёт наш танк. «Рама» вертелась над городом, снимала на плёнку происходящее. Наши зенитки, стоящие за винзаводом – около двадцати стволов ни разу не попали в раму, сколько я помню. Расчёты зениток – сплошь женщины, уж не знаю, где их обучали.

Немцы отступили. Я был в огороде. Из города вернулась мама, она видела мою бывшую классную руководительницу. – «Она очень сожалеет, что Лёня, такой способный мальчик занимается сельхоз работами вместо учёбы, она очень рекомендовала принести документы и подать заявление в восьмой.

В конце года у меня созрело решение: идти в курское лётное спецучилище. Я сагитировал двух одноклассников поступать вместе. В июне 44-го пришли на станцию и сели в поезд. Учиться на лётчика мне не пришлось: медкомиссию я прошёл, но на мандатной провалился. Спросили про отца, про мать, почему по русскому четвёрка. Я сказал, что наша училка по русскому никому больше четвёрки не ставит. Сказав: «училка», я понял: не быть мне лётчиком! Возвращаясь домой Горка Черников утешал

меня: – «Ничего, Лёнька, что Господь не делает, – всё к лучшему!» Горке то хорошо, у него отец – зав. магазином, я был у него на день рождения: на столе было такое изобилие, которого я не видел в отцовском доме, и вообще никогда не видел… Гена Гололобов тоже тогда чувствовал себя неважно после вращения на кресле, но когда заявил, что его отец – директор Ливенской племенной свинофермы, его сразу приняли. А в Мармыжах в ожидании поезда случился с Геной припадок падучей, это было ужасно. Я и раньше видел падучую, в Лукашевке, но оба случая произвели на меня тяжкое впечатление. Если бы мне сказали, что со мной может случиться подобное, я бы жить не захотел, наверное.

А потом пришёл с войны наш дядя Иван Петрович это уже был май 1946. Ивана забрали в морскую пехоту в Ленинграде, воевал на Моонзундских островах, был взят в плен, отдан батраком эстонскому кулаку, бежал, был пойман и определён в арбайт-команду в Германии. Во время американской бомбёжки взрывом был отброшен на ближайшую стену, получил тяжёлую контузию. Когда пришли американцы, он попал в их госпиталь, отнялись ноги… (По другим сведениям И. П. как бывший военнопленный попал в советский лагерь, где работал по пояс в болоте, после чего ноги и отнялись. М. С.)

Привёз его с вокзала какой-то мужик из деревни. Я присутствовал при том, как он, держась за телегу слез, заковылял к избе, как голосила бабушка, дождавшись с войны хоть одного сына…

Сначала Иван Петрович взялся делать из меня мужчину (- Как это, не куришь и не пьёшь? – вот тебе самокрутка, и вот – стопка. – Я стал покуривать, а алкоголь вызывал тошноту и рвоту), затем подумал о моём будущем: в Ленинграде он был знаком с людьми, знавшими что-то о дзержинке – училище им. Дзержинского, он подсказал подать документы. Как ни странно, ответ был положительный. Я стал ждать вызова в Ленинград, я так ухватился за эту идею – представлял себя курсантом в морской форме, на казённом довольствии…

Документы у меня приняли без сучка, без задоринки: аттестат с золотой медалью дал мне зелёный свет, я просился на электротехнический факультет: стать электриком – моя мечта с детства, если уж не суждено стать лётчиком. С однокашниками у меня отношения складывались нормальные, мне особенно нравился один фронтовик, он стал старостой нашего класса. Меня он выделял как запевалу – у меня с детства был звонкий голос. Хорошо я чувствовал себя с другими ребятами – бывшими фронтовиками. Особняком стояли ребята, пришедшие из

Нахимовского училища. Я обратил внимание на группу щёголей в курсантской форме при палашах. Так смотрят люди простые – из народа, на интеллигентов в шляпах, при галстуках. Я сразу подумал: – «с этими ладить будет непросто!» – Так потом и вышло!

Я был мамочкиным сынком, робел на людях, смущался, был простодушен, не умел лгать, строить козни, людей принимал такими, как они о себе говорят. Многим это во мне нравилось. Но были и другие люди – со своим непонятным мне воспитанием, они лгали так же просто, как чихали. Им было неинтересно жить просто, им надо было интриговать, ставить ловушки, обманывать, унижать, делать друг другу гадости…

Выпорхнув из-под крыла Натальи Ефимовны, я тогда не знал, что люди бывают разные. Первый конфликт у меня случился как раз с другом – Толей Бариновым, из-за пустяка – песни. «Шаланды, полные кефали..» Я тогда не видел фильм «Два бойца», а Толя ездил в Одессу, поступал в мореходку, и этот фильм видел, и песню любил. Как – то Толя её напел: – какая хорошая песня, а тебе нравится?

Я откровенно сказал: – Мелодия хорошая, а вот текст – разит уголовщиной, какая шпана написал?

– Сам ты шпана! – и друг понёс меня по матери.

Наконец до одного «нахимовца» дошло, что орловский парень не хуже питерских снобов. Конечно, нет сомнений, что эти парни получили ещё в детстве многие знания из области интеллекта личности, и мне надо было их догонять в этом смысле. Например, уже тогда, по их словам и намёкам, стало понятно, что они читали книги М. Булгакова: – «Белую гвардию» и др. А для нас это было под запретом до симоновского выступления в «Новом Времени» в защиту Булгакова.

Толе на втором курсе прислали 1200 руб. на новые тогда часы «Победа». Мне тоже нужны были наручные часы, но я пошёл своим путём. Летом 1948 Наталья Ефимовна получила в первой школе заслуженную мою золотую медаль. Я был уже на третьем курсе, и при первом же увольнении в город толкнул её какому-то барыге под аркой Главного Штаба за 300 рублей, потом пошёл по Невскому. Где-то за Владимирским я приметил магазин, где продавали наручные часы – «кировские», очень хорошие, с рубиновыми подшипниками, с надёжным ходом, только очень большие, – теперь делают такие же будильники. При выходе из магазина меня встретил незнакомый мужик, – верно, он давно меня стерёг. В подворотне мужик показал мне «золотые» часы в восьмиугольном корпусе и на ходу. Мужик предложил мне махнуть это «золото» на «кировские», мол, твои легче сбыть, а мне

нужно срочно купить Ж/Д билет. Мужик обратился по адресу: такого лопуха, как я, ему было трудно найти. С «золотыми» часами я явился в класс, где знатоки сразу определили: это американская штамповка под золото, и часы вскоре должны встать. Потом я долго копил деньги, во всём себе отказывая, на новые «кировские» часы, – я уже не мог жить без времени, и купил их ко времени поездки в Крустпилс, где расписался с Ларисой Леонидовной…

В 1948 г. у меня появился друг, офицер – артиллерист, недавно уволенный из армии, у него была жена, Нина. Она сказала: – Я познакомлю тебя – это мне, – с хорошей девочкой. Они вместе были в детдоме в Карабаше на Урале. Нина имела в виду Ларису. Но встретиться мы долго не могли. Тогда я написал письмо, предложил Ларисе встретиться под часами у Мариинского театра. Лариса скоро должна была уехать по назначению в Латвию: она закончила железнодорожное медучилище по специальности санэпидемиолог. Я был уже на втором курсе, мы переписывались целый год, письма были тёплые, как потом выяснилось, Ларисе помогала составлять их квартирная хозяйка – латышка Берта. Вот под диктовку Берты Лариса и дала согласие выйти за меня замуж.

Я очень хотел жениться. Получив благословение Марии Васильевны – матери Ларисы, я на зимние каникулы отправился на станцию Крустпилс. Своим напором я даже смутил Ларису, которая втайне хотела, чтобы свадьба произошла в далёком будущем.

Расписались в городе Екабпилсе, гостями у нас были курсанты лётного училища. В первую же ночь Лариса понесла, но это была ещё не Маруся. Очень не хотелось Ларисе становиться матерью. Среди её подруг были девушки-хирурги. Они всё сделали на высшем уровне…

ДОКТОР:– Мы не слишком отклонились от темы?

– Простите. Мне трудно прервать отца. Вы не представляете, сколько своего я слышу в его голосе, сколько скрытых доселе связей открывается мне… Но да, вас же интересует жизнь актрисы… Только ещё немного, о Ливнах:

Я была там трижды: фантастические места, описанные Тургеневым, Буниным, Паустовским… Безрадостные для Сергия Булгакова… Действительно, настоящая Россия. Впервые меня туда отправили с тётей Музой. Мне было лет пять… Мы остановились не в самом городе, а в Беломестной. Ну, как объяснить… Вот, на одном берегу Сосны – меловая гора с городом (как жаль, что я не застала – до власти, в которую так

верил мой дед, говорят, вся гора светилась золотыми куполами Церквей). Прямо из города – мост на низинный берег, и прямо от моста – единственная улица с крестьянскими домами. Дом моего прапрадеда – обычная хата с низкими потолками, в которой доживали свой век бездетная тётка Дуня и инвалид войны Иван Петров. Его знал весь город. Ветерану, ему выдали тогдашний инвалидский транспорт: что-то вроде трёхколёсного мотоцикла с крышей, Он бодро разъезжал на нём в поисках «Червивинки» – так он называл дешёвое плодовое вино, к которому был очень пристрастен. Постоянно попадал в аварии: сваливался на своей таратайке в канаву, или, даже, с небольшой кручи. Его всегда вытаскивали и доставляли домой, неизменно добродушного и оптимистически настроенного.

Что я помню от того приезда? Муза ходила на танцы в клубе, никому не было до меня дела, и я отрывалась с местной пацанвой. Боже, чего мы только не ели из дикорастущих трав! И у всего были приличные названия – какая-то «капуста» – трава с жирными, сочными стеблями, какие-то недозревшие семенные коробочки… В Сосне плескались, вылавливали местных устриц: те, что широкие – «бабки», те, что вроде мидий – «дедки». Ходили к тёте Кате на край слободы за козьим молоком. Свобода! Страшные грозы, которые намного страшнее в деревне, а потом – счастье бродить по тёплой, мягкой глиняной луже!

Второй раз мы приехали с отцом к бабушке после его операции. Мне было четырнадцать, ему, соответственно, 38. В пути нас никто не принимал за отца и дочь. Хотя, если бы люди были повнимательнее… Вечерами я вслух читала отцу «Войну и мир», сама мало что понимая. Бабушка Наталья мне не понравилась: толстая, с отвисшими губами, она страшно храпела по ночам, не давая спать. Отец почему-то решил отправить меня на пару дней в деревню к дальним родственникам. Но разве можно оставлять Марусю без присмотра! Там, в деревне, потрясли бесконечные поля цветущей гречихи! Всё советское население тогда слушало радио, а по радио всё время передавали песни в исполнении хора Пятницкого, и Маруся, «русская душой», знала их все наизусть: и про «Ой ты, рожь, ты о чём поёшь?» и про «в поле за околицей трата татата, и шумит и клонится золотая рожь..» ну, в общем «на тропинке узенькой встретились они»… и «лён мой лён, кругом цветущий лён, а тот, который нравится – не в меня влюблён!» – очень актуальные темы для девочки-подростка 66 года, не знающей, что такое «Дом-2». Итак, поля – полями, а вечером – завалинка. Все краснощёкие спелые девицы собираются вокруг гармониста, который нарочито гнусавым голосом (так принято) исполняет, подражая блеянию козла: «Ты

мне вчера сказаааааааала, что позвонишь сегодняяяяяяяяяя…» Восторг, аплодисменты, но девушкам понадобилось пописать. Ночь уже вроде как спустилась, поэтому всей компанией отправились в ближайший проулок. А там, в доме мужик, видимо, в одиночестве выпивал, ну и выбежал в трусах и майке, размахивая топором. Вся компания «пырскнула», Маруся, мало того, что долго не могла натянуть трусы, а, значит, бежала последней, но, к тому же, поскользнулась на куче мелкого кокса и ободрала себе кожу на всей правой ноге. Родственники, как водится, лечили рану свежей мочой, но, когда папа приехал забирать дочь, у неё температура была под сорок. Как описать разочарование отца, вложившего в дочь всего себя, дочь, которую и на день нельзя оставить, чтобы она во что-нибудь не вляпалась! Как описать бесконечные перевязки и торжественные фланирования по городскому бульвару (традиция, оставшаяся с дореволюционных времён в городе, в котором «нет театра») с забинтованной сверху до низу ногой, пахнущей на весь бульвар вонючей мазью Вишневского?

– Да, но это я забежала вперёд… Демобилизовавшись по состоянию здоровья, папа привёз свою семью в Ленинград, где прописаться можно было только в комнате свекрови, размером 22 метра, которые делила с ними ещё и тётя, Муза, сестра матери. У Маруси был свой закуток, над изголовьем висела Божья Матерь в серебряном окладе, которую потом, после смерти Марии Васильевны, тётя завернула в газету и вынесла на помойку. Ночью по радио звучал гимн, который Маруся очень любила, а из окна открывался вид на липы Покровского сада, которые Марусе казались такими волшебными, как в мультфильмах про Новый год. Неужели тогда уже в семье был телевизор? Маруся точно помнит, какое впечатление на неё произвёл фильм «Антон и Кнопка», про богатую девочку, которая вырезала дырки на своих чулках, чтобы нищенствовать вместе с другом Антоном.

Уже была украшена ёлка, и комната наполнялась её запахом. Фонари на улице были тусклыми, они не слепили глаза и позволяли увидеть и белые сугробы, не загаженные автомобильными выхлопами, и чёрные силуэты старых лип, выживших в блокаду, и крупные хлопья снега, медленно и умиротворяюще падающих в колеблющемся свете. Маруся, как многие дети, ждала, что в Новый Год произойдёт ЧУДО, но она не ждала ряженого Деда Мороза, тогда этого бизнеса ещё не было, Маруся ждала чуда, и попросила родителей разбудить её ровно в полночь. Что и было сделано. Девочка ещё не знала, что её нельзя будить – убить сможет, она орала и била ногами в руках у расстроенного отца, и не знала, что несостоявшееся Чудо станет

причиной всех психологических проблем, и однажды приведёт к попытке самоубийства. Новый Год – самый ненавистный праздник разрушения иллюзий.

Папа купил Марусе «снегурки» – коньки, которые привязывали к валенкам, и учил кататься на коньках на маленьком, тогда казавшемся огромным пруду посреди Покровского сада. Весной ей купили велосипед, двухколёсный! И, о символические образы, преследующие нас! – учил её кататься на двух колёсах, придерживая за седло и уговаривая крутить педали. Она так хорошо их крутила, пока видела тень отца, бегущего за велосипедом… Но как только эта тень, чёткая в ярком солнце, отстала, она, тут же потерявшая уверенность – рухнула. Так до сих пор перед глазами – тень отца, отставшего, лишившего поддержки… Детский сад… Недавно его снесли… Детей водили на прогулки по Покровке, выстроив парами. И главное развлечение – рассматривать выложенные между окнами на вате (от сквозняков) произведения тогдашнего домашнего дизайна: ёлочные игрушки, звёзды из фольги, засохшие папоротники… А весной водили на Фонтанку, где резали наросшие ветки тополей (их тогда, после войны, много посадили в городе, где все почти деревья ушли на дрова). И мы их собирали, терпкие, липкие, чтобы принести домой и поставить в банку с водой. Они очень быстро давали листочки, знаменующие начало весны. Баня. Общая баня. Ванн не было практически ни у кого. Мучительный для ребёнка жар и пар. И, наконец, – награда: маленький бассейн с «грибком» – маленькой конструкцией с прохладным душем по периметру – счастье, ради которого можно было терпеть это мучительное мытьё.

Всё было бы хорошо, если бы юная Муза не влюбилась в Марусиного красивого отца… ((подозреваю, что он стал для неё идеалом мужчины на всю жизнь). Утром девочку отводили в детсад, и ей пришлось идти по полу, на котором пятнами сверкали свежие яичные желтки в прозрачном ореоле. У бабушки всегда была целая миска яиц на шкафу (это после блокады), а Муза швыряла их в неё, в маму, как бомбы, непонятая, одинокая и нелюбимая.

Надо было разъезжаться. Мама была практична и активна. Поделить двадцать метров комнаты в коммуналке – это была серьёзная проблема. Мама все вечера проводила на Малковом переулке. Там всегда стояла большая толпа. Люди переходили от одного к другому с вопросом: – А что у вас? Почти всегда мама брала Марусю с собой не для того, чтобы научить практической жизни, а просто потому, что не на кого было оставить. Вот она и слонялась в этой толпе, предаваясь, за неимением иного,

собственным фантазиям. Мамина страсть к обменам так глубоко впечаталась в её сознание, что иногда, стоя в булочной в очереди за хлебом, она рассчитывала: вот если бы это помещение было пустое и принадлежало мне, как бы я его перепланировала и обустроила! Мамина страсть к обменам заставляла менять адрес каждые три-четыре года, выигрывая, каждый раз, два-три метра площади, что для семьи тогда было очень важно! Если маме не удавалось поменять площадь, она устраивала перестановку в комнате. Отец так к этому привык, что вырезал из картона маленькие символы нашей жалкой мебели: кругляш – обеденный стол, прямоугольники – тахта и мой диванчик, шкаф… На миллиметровой бумаге создавался чертёж комнаты, по которому все эти кружочки-квадратики долго двигали, в спорах и обидах, пока не находился оптимальный вариант. Наконец, переехали в почти новый, девятиэтажный дом с огромными светлыми окнами на проспекте Стачек. Квартира была трёхкомнатная: две занимала рабочая семья с девочкой, больной полиомиелитом. Папа по – прежнему, был обожаем – читал маме Коллинза, переводя с английского, играл на семиструнной гитаре: «Гони кур под сарай», три аккорда, казавшиеся дочери музыкальным шедевром. Маруся боготворила отца, во всём ему подражала: шахматы? – значит, надо научиться, ну… хотя бы знать, как ходит конь, и что такое – «рокировка».

Эрмитаж? Да! Слушать мифы в папином изложении, переходить из зала в зал… Вместе с папой считать, что лучшая картина всех времён – «Кающаяся Мария Магдалина» Тициана, потому что слеза – совершенно настоящая! А Пикассо – урод и безобразник! Но подлинное наслаждение, только для двоих – фотография! Отец уже давно был ею увлечён и оставил запечатлённую в изображении летопись семьи, в которой одна из первых фотографий – двухмесячная Маруся, смотрящая в объектив ещё не наполненными сознанием глазами. Как странно сейчас, в конце жизни, смотреть в эти свои глаза! Маленькую кладовку отец приспособил под фотостудию, и что же это было за волшебство: при свете красной лампы пинцетом подцеплять кусочки бумаги, и видеть, как постепенно проявляются лица… А потом – в закрепитель, наклеить мокрые снимки на оргстекло, высушить, отглянцевать…

Последнее лето в детском саду перед школой. Там, в Рождественно, у воспитательниц было три поляны, по которым расходились группы. Маруся всегда умудрялась сбежать. Она шла по тёплым пыльным просёлочным дорогам, заросшим орешником, вдыхала терпкий пыльный воздух, изумлялась каждому новому повороту, каждому красному обрыву Оредежи, и наслаждалась

свободой и независимостью. Странно, но её ни разу не поймали, она умудрялась вернуться ровно к тому моменту, когда детей пересчитывали. Взрослые по-прежнему считали Марусю хорошей девочкой. Правда, в родительский день случился казус: к Марусе никто не приехал. Родители подружки, рабочие с «Красного треугольника» взяли её с собой. Как это было принято, взрослые устроили пикник на берегу речки, а детей отпустили купаться. Взрослые наслаждались долгожданным отдыхом на природе, пока не увидели, что дети посинели и дрожат от холода. Какие проблемы! Марусе налили стограммовый стаканчик водки и дали закусить помидором. Папа всё-таки приехал, но пьяна ли была Маруся, так никто и не знает, потому что температура уже поднялась до сорока градусов, и ребёнка отправили в изолятор. В последнее лето детства Маруся трагически распевала: «Говорят все, что я некрасивая, так зачем же он ходит за мной…»

– Итак, разъехались. Бабушка с Музой переехали на улицу Рылеева, на последний этаж доходного дома, в комнату с печкой. Меня очень часто «подкидывали» к бабушке, сажали на девятнадцатый трамвай, который шёл из Кировского района, по Обводному, мимо «Красного Треугольника», по Лиговке, мимо Московского вокзала и бывшей тогда Греческой церкви… А дальше надо было идти пешком от Жуковского до Рылеева. Мы тогда были самостоятельными детками. Улица Рылеева была вымощена булыжником, по которому, при отсутствии автомобильного потока так весело было перепрыгивать с камушка на камушек. На «Песках» стоял удивительный запах (о, эти запахи моего детства!) – дыма из печных труб, дров, поленниц, сложенных во дворах, и совершенно сухих до появления центрального отопления подвалов, в которых ещё не водились крысы и комары, но можно было хранить запасы овощей. Какой непередаваемый запах стоял на «парадной», каменной, с литыми перилами лестнице! Мы с бабушкой ездили за дровами на набережную Невы, где теперь стоят сфинксы Шемякина. А тогда не было набережной, а громоздились брёвна на продажу. Заказывали грузовик с наколотыми дровами, везли по адресу, а дальше хозяевам надо было быстро «раскидать» то, что обеспечивало теплом на всю зиму. У бабушки были две узкие кладовки с двух сторон от парадного входа. Я, что есть сил, помогала. А потом сидела у печки, всё пытаясь открыть дверцу, чтобы посмотреть на огонь, и, уменьшая тем самым тягу.. ну и т. д. у кого есть теперь камин – тот знает. Правда, каждый раз, чтобы затопить, Мария Васильевна должна была спуститься, а потом подняться на пятый этаж с поленницей дров. Но ведь у неё был орден Ленина…

Кроме печки у бабушки в комнате была кровать «красного дерева», на самом деле, красного дерева были только украшающие детали, а всё остальное – шпон по ёлке, но детали были грандиозными – высокие ступенчатые… (Всё это мой отец «модернизировал» и упразднил в духе отказа от излишеств конца шестидесятых), мой любимый скрипучий книжный шкаф, как мне казалось – чёрного дерева, на самом деле – крашеный, но резной. В нём на нижней полке всегда стояло для меня любимое варенье из брусники с яблоками, и он тоже так дивно пах! Нет, конечно, в этой комнате жила ещё и Муза с её девичьими проблемами, но тогда, когда я была маленькой и спала с бабулечкой вдвоём на кровати красного дерева, меня это мало задевало: – Как, ты съела сливочное масло! (Почти по Хармсу) – Это же было для Марусечки, чтобы картошку ей пожарить на маслице!

Ещё у бабушки на окне был огромный фикус. Она, не пьющая совсем, никогда, покупала с пенсии «маленькую», разводила её водой и поливала свой фикус (кто-то ей порекомендовал). После её смерти родители забрали фикус, стали его поливать обычной водой, он зачах за месяц. С тех пор я уверена, что ни в коем случае нельзя резко бросать пить.

Квартира была огромная, естественно, с одной кухней на всех и ванной, которой нельзя было пользоваться, потому что она была – дровяная. У меня были приятели – Витька и Сенька. Иногда мы закрывали дверь в первый парадный холл, гасили свет и играли… как же это называлось? Ну, в общем, кто в темноте кого поймает… А когда выгоняли взрослые – так славно играли во дворе, среди дивно пахнущих поленниц. В Новый год тогда было необходимо ко всем соседям зайти в гости, посмотреть, у кого лучше наряжена ёлка, съесть что-то такое, чего у тебя (в отличие от еврейской семьи) не готовят.

Мне было уже двенадцать, когда с бабушкой стало происходить что-то странное: она говорила мне: – Пошла за чем-то на кухню, открыла ящик стола, руку в него засунула… а зачем, не помню…

Их было три сестры: Прасковья, старшая, Анастасия, младшая, дожили почти до девяноста лет. И только моя Мария Васильевна умерла в 63. Я её уже старше. Орден Ленина куда-то сгинул (вернуть, что-ли, надо было родной партии), а осталась кровать (мой любимый книжный шкаф был вынесен на помойку, которая заменила поленницы дров), и мешок лоскутков: прокипячённых и тщательно выглаженных. И моя память… Они все – Ефремовы, приехали один за другим в Ленинград из Рыбинска. Там, у прадеда, работника железной дороги, был двухэтажный дом недалеко от вокзала. Детей, как водится, было

много, выжили: Прасковья, Леонид, Мария и Анастасия. Отец семейства был очень верующим, мучил детей запоминанием библейских текстов, как выяснилось не так давно, мог приложить дитятю головой об печку… (Это я в смысле модных разговоров про карму). Мария вышла замуж там же в Рыбинске. Партия была очень выгодная: Мясников был не из пролетариев, а из купцов, у них был каменный дом, он закончил Рыбинскую мореходку, играл в ансамбле балалаечников, оставил огромное количество дореволюционных фотографий, не желтеющих, никому не нужных, потому что уже никто не знает, кто на них запечатлён. Но деда я всегда узнаю. Да и как не узнать «денди» в роскошном костюме и шляпе, запечатлевшим себя в городе Лондоне в 1929 году (год рождения моей матери). Дед Леонид, перевезя семью в Ленинград, довольно скоро оставил Марию, стал штурманом дальнего плаванья, затем – капитаном, любимой дочери – златовласке, привозил чемоданы продуктов и «вещей» из-за границы. Но потом, как у всех – война. Пока не знаю точно, где был дед во время войны (узнаю), но, когда мне было один-два месяца, дед был в Мурманске, он отправлялся в Ледовый поход (не тот ли «Перегон», о котором написал Конецкий, по повести которого был снят телефильм, в котором я снялась (Конецкий смотрел материал, бил себя по коленкам и кричал: да, такая, такую я написал!), и Марусю родители ему торжественно представили. А потом дед умирал от рака носоглотки (что часто бывает у моряков, надышавшихся перенасыщенным солью ветром). Ему было всего 55, Марусе – три, и она очень хорошо помнит и холм из глины с песком, и кашу с изюмом(кутью) и тошнотворный запах свинофермы, который для неё навсегда стал запахом смерти. (За Серафимовским кладбищем, действительно, существовала свиноферма, директором которой был некий Голомшток, спустя полвека ставший Марусе каким-то родственником и похороненный там же, на Серафимовсом, где её почти что – все…

Мария Васильевна осталась одна, правда в 39-году родила ещё одну девочку – Музу, и тайна рождения этого ребёнка – не обсуждаема. В начале блокады девочек (десяти и двух лет), удалось эвакуировать в Нижний Тагил, бабушка продолжала работать на РЖД бухгалтером. Ничего больше не знаю, никто, из тех наших родственников, которые всё это пережили, ничего нам не рассказывали. Знаю только, что у бабушки был орден Ленина (хотя она не была сотрудником НКВД), меня потом очень удивляло, что у бабушки – орден Ленина, как и у всего Кировского театра. Сначала была комната на улице Писарева, прямо напротив кондитерской фабрики Самойлова, и этот

кондитерский запах стал главным запахом моего детства, вызывающим ещё много лет томительно-ностальгические, подсознательно-утробные ощущения. И круглые творожные сырки, и прогулки в парке, бывшем парке дворца, и первый вырванный коренной молочный зуб в поликлинике на углу Красной улицы…

Бабушка (несмотря на орден Ленина) была очень бедна. Иногда ей удавалось скопить какие-то денежки. Однажды она подарила мне настоящую куклу(единственную в жизни) с закрывающимися глазами. Она всегда дарила мне конфеты, которые пахли нафталином, потому что, ей их кто-то когда-то дарил, а она сберегала для меня подолгу в шкафу. Если вдруг она приезжала сразу после того, как меня выпороли и я ещё заходилась в рыданиях, она вступалась за меня, но так робко… (такое ощущение, что она пасовала перед собственной дочерью). Когда мы вдвоём укладывались на её кровать, она, раздеваясь, шутила: – видишь, какие у меня трико-семафоры? «Семафоры» – это потому что трико (женские панталоны) естественно, изнашивались в промежности, и бабушка аккуратненько, крохотными стежками латала их лоскутами их других изношенных панталон.

Когда я была маленькой, бабушка приводила меня в Преображенский Собор и поднимала целовать Святые иконы. Я это помню, но смысла тогда не понимала, просто боялась проходить мимо часовни, где всегда светился красны огонёк, и, будто, лежали покойники. Мимо неё мы проходили часто, потому что рано утром бабушка сажала меня на восьмой троллейбус, чтобы я успела к первому урок на Прмышленной улице, за Нарвскими воротами. Вот такая, друзья мои, у нас тогда была тяга к знаниям, почище, чем у того Толстовского Филлипка! В августе поехали в Ессентуки подлечить папину язву. Папа заболел, но потом выздоровел. Осталась фотография счастливой семьи: папа, мама с животом и Маруся. Вернулись в Ленинград. Родители купили зелёную дерматиновую детскую коляску, поставили её в коридоре. Полиомиэлитная девочка порезала дерматин бритвой. В гости приехала тётя – папина сестра. Папа сидел на тахте, с возмущением рассказывал о порезанной коляске, для большего впечатления скрючил руки, сведённые вечной судорогой, изображая полоумную соседку, да так и изогнулся, забился… на губах вступила пена… Марусю увели в коридор. А вскоре маму увезли ночью. Вернулась она с орущим красным существом – долгожданным Сашей-сынком. Марусино детство кончилось.

ДОКТОР:– Так. Я понимаю. Родился брат, и вы стали его

нянькой.

– Ну да, все девочки играют, а я сторожу коляску, чтобы «цыгане не украли».

– Но это обычно так и происходит, когда есть старшая сестра, что такого трагичного? Вы не любили брата, вы к нему ревновали?

– Нет, он был моей куклой. Правда, не очень приятно было менять мокрые марлечки, и потом, он так орал, совсем не давал спать. А ведь мама кормила его грудью почти до двух лет. Однажды я просто взяла и посадила его. А ему было три месяца. Сидеть было ещё рано. Но с тех пор он сидел. – Любовь? Я почувствовала её, когда брату было меньше двух лет. Мы вместе с бабушкой приехали летом в Кавголово в ясли. Этот мальчик, которому я не так давно меняла вонючие марлевые подгузники, увидев нас, бросился ко мне, сладкий, с его неповторимым запахом, с «зализами» на лбу… ко мне… Нет, Саня не был моей обузой. Вот только помню, бегу в школу, (а мы все тогда в школу ходили самостоятельно, даже, если идти было далеко), реву… дяденька спрашивает: – Что с тобой, девочка? – Я брата оставила одного! Мамы нет, а мне в школу надо!

– Ну да, и там ответственность и тут… Вы разрывались? Что было важнее? Школа?

– Была ли я ответственной ученицей? Нет, конечно, я была ленива и недисциплинированна… Просто школа была уникальной, лучшей в городе на тот момент, и учительница первых классов, Наталья Владимировна была такой доброй… Но… у нас было чистописание, по разграфлённым специальным тетрадкам, и Вы не поверите, как до революции, «вставочки» с железными перьями, чернильницы-непроливашки и перочистки из фетра, старательно изготовляемые на уроках труда… Это проклятое чистописание!

– Если бы не болезнь отца, можно считать, что всё было, как у всех?

– А? Ну да. Поначалу, пока отец ещё пытался работать… Он же был очень талантлив, он почти закончил кандидатскую диссертацию… почти… потом отдал материалы ближайшему другу. Друг некоторое время ещё заходил к нам в гости… Всё, казалось бы, было ещё хорошо… Если бы не чувства, которые разрывали душу Маруси и которые надо было от всех скрывать… (То самое, тайное, ради чего я и обратилась к вам – психотерапевту). Однажды в первом-втором классе кто-то украл у кого-то какие-то копейки. Наталья Владимировна строго спросила: – Кто это сделал? Я покраснела, и весь класс повернулся ко мне. А я просто знала, что и украсть могу, и ещё

что-нибудь сделать, более страшное… Я себя ощущала до самой глубины, до самого злого и подлого… А вокруг все были такими «правильными» – октябрятами, пионерами, «Будь готов!», приди на помощь другу!.. Кажется, я с этого и начала: надо было всё время прятать свою «гадость» перед «хорошими» окружающими.

– Вам никогда не приходило в голову, что они не такие уж и хорошие? Что они чувствуют нечто подобное?

– Нет! Они бы хоть в чём – то это проявляли! Нет! Не то! Понимаете, кто-то из них ведь тогда украл, кто-то хитрил, кто-то обижал соседа… Но… они всё это делали, как бы не осознавая, не испытывая мучительных угрызений совести! …

– Так всё дело в совести?

– Да, наверное. Маруся ни один проступок сама себе не прощала, стоило только осознать его, как он начинал грызть изнутри. Изгоняемый днём возвращался ночью.

– Много было проступков?

– Да на каждом шагу!

В который раз пытаюсь написать, как положено, букву «А», а она расплывается, потому что заливается слезами.

– Почему?

– Выпороли. За двойку по чистописанию.

– Это было единожды?

– Часто. Отец щадил – бил ремнём. Мама пользовалась шнуром от утюга, от него синяки долго не проходили, Маруся заходилась в крике, но наказание следовало неминуемо.

– За что?

– За всё подряд. Считалось, наверное, что так и нужно воспитывать. Марусю пороли так, что, заходясь криком, она уже не понимала, где находится. В любой момент мама могла ударить по спине, по лицу, не важно, чем, что под рукой: – тапком с ноги, – правда, нет, утюгами в неё не бросали.

– Так мама была… не хочу произносить это слово, она была жестока по отношению к вам?

– Сейчас всё скажу, и покончим с этим. Пришла из школы, дома никого, есть нечего. Сердобольная соседка чем-то накормила, задала какие-то вопросы. Мама вернулась с работы, обо всём узнала, поднесла к моему лицу клещи и с ненавистью сказала: – Вынь свой поганый язык, я тебе его сейчас откушу.

– Сколько вам было лет?

– Девять-десять.

– Вы верили, что откусит?

– Несомненно. Уже тогда я привыкла к тому, что от страха сжимается что-то в центре живота, и прерывается дыхание. Я смертельно её боялась. Когда больного папу на десять дней

отправили в санаторий, я цеплялась за него и кричала: – Не уезжай, она меня убьёт!

– Вы верили, что убьёт?

– Совершенно точно.

– Он понял вас?

– Он должен был спасать сам себя, но я этого ещё не понимала, я только заворачивалась в его пиджак, пахнущий табаком и его родным потом, и только там успокаивалась. Продолжу страшилки. В огромном дворе на проспекте Стачек на газоны смели снег, получились замечательные снежные горы. Я, как обычно, бежала то ли за хлебом, то ли за молоком и по дороге потеряла десять копеек. Когда вернулась то ли без хлеба, то ли без молока, получила страшный удар по спине: – Иди и найди! – мама. Папа: – Она тебе этого никогда не простит! – Да что ты, папа, прощу! Прощу! – В огромном дворе, в огромных сугробах, разглядела крохотную щёлку, сделанную моей монеткой, раскопала снег и торжественно вернула в семейный бюджет десять копеек.

– Простили матери этот эпизод?

– Наверное, нет, если до сих пор его помню. Хотя… Возможно, она искренно считала, что это – необходимый элемент воспитания. Мама была очень экономна… Она тянула на себе семью.

– Как бы это ни было бы вам обидно, существуют три вида примитивной психологической защиты…

– Как у обезьян?

– Ну собственно… Наукой доказано…

– Ну, раз наукой…

– Итак: расщепление. Считается, что оно формируется в младенчестве, когда ребёнок ещё не может понять, что заботящиеся о нём люди обладают одновременно как хорошими, так и плохими для него качествами. Предполагается, что малыш воспринимает свою маму не как одного человека с различными проявлениями по отношению к нему, а как различных людей (плохая мама и хорошая мама)…

– У меня не было различных людей.

– Мама не делала для вас ничего хорошего?

– Был другой эпизод. Мне очень хотелось завести какое-нибудь домашнее животное, но условия не позволяли. Папа за неимением лучшего, сам смастерил аквариум, потом увлёкся, завёл ещё один, и ещё… (Ах, какие выставки общества аквариумистов проводили в ДК Первой Пятилетки! Каким праздником было ежегодное посещение такой выставки!) В какой-то момент расплодилось огромное количество гуппи. В выходной

мама наполнила ими большую банку и вместе со мной приехала через весь город на Калининский рынок, где торговали всякой живностью. Целый день мы простояли за прилавком и к вечеру заработали почти десять рублей. Мама добавила рубль и тут же, недалеко от рынка в обувном магазине купила мне красные туфельки.

ДОКТОР:… При благоприятном развитии ребёнок должен интегрировать своё восприятие двух «мам» в один образ. Использование расщепления направлено на снижение тревоги и поддержание самооценки.

– Когда мне было тринадцать, мама сказала, что это я виновата в том, что разваливается её семья. Виновата, виновата, всегда виновата…

Мама:– Вроде бы, это у меня должно было быть чувство вины… Хотя… А кто понял меня? Лёня был… ну не знаю… но всё должна была решать я, а особенно после того, как обнаружилось, что у него эпилепсия. Он, конечно, ещё пытался работать, но всё чаще и чаще возвращался домой с разбитым затылком…

– Я знаю. Я даже уже знала, что нужно расчёску вставить между челюстями, хотя, какая расчёска, если это могло произойти в трамвае, когда мы ехали за грибами…

– Не то. А я ещё была активная, весёлая… Мне было тридцать, когда кончилась моя женская жизнь из-за его болезни. Правда, меня очень любили директора овощных баз… но разве я могла позволить себе? да и негде… на грудах капусты, что ли? Противно. А пенсия у него, не закончившего диссертацию, – 57 р., а у меня – - 75. А вас – четверо, и всех надо кормить, а Лёне уже нет дела, у него «сумеречные состояния», он говорит мне: не оставляй меня одного – я в окно выброшусь, такие головные боли…

– При мне такого не было. Папа всегда был сдержан, читал все мои сочинения, дурацкие стихи, направлял… Да, пытался сделать из меня своё состоявшееся воплощение, забыв о том, что я – ДЕВОЧКА… Это ты, ты всё время говорила, что вы разведётесь, и Сашенька останется с тобой, а я уеду куда-нибудь со своим любимым папочкой… Но не это было самое страшное. Ты помнишь, я же ничему не противилась, стирала и мыла всё, что было поручено, утром просыпалась первая, чтобы никого не разбудить (У папы был такой радиоприёмник – будильник: в назначенное время включалось радио), так вот, я успевала вскочить по первому щелчку, до того, как заработает радио, сготовить себе яичницу и убежать на трамвай (45 минут до станции «Нарвская», а там ещё бежать до школы на Турбинную. И вдруг меня стало рвать… посреди урока… в трамвае… одной

жёлтой пеной… Папа спросил: – Может, с ней что-то не то? – А что с ней будет, с этой здоровой кобылой? – спросила ты.

– Всё помнишь?

– Всё. Отец настоял, чтобы меня положили на обследование. Месяц в больнице, за два дома от нашего. Один только раз папа с маленьким Сашкой подошли под окна…

Месяц обследований, напротив – палата грудничков – отказников. Мы, подростки за ними, в основном, и ухаживали: меняли мокрые больничные ползунки, кормили. Кашку в рот запихиваешь, он, бедолага, выплёвывает, ты со щёк собираешь ложкой, и снова в рот запихиваешь, а как он ещё выживет? Счастье – через месяц нашли язву желудка, значит, не зря на меня тратили государственные деньги, не зря отвлекала внимание врачей…

ДОКТОР:– Стоп! Вы чувствовали себя виноватой, за то, что вас обследуют?

– Но ведь не зря же люди потратили на меня время и внимание! Язву желудка нашли!

А потом было счастье: направили на лечение в Санаторий в Железноводск прямо посреди учебного года! Да, что бы ни говорили, а детей при советской власти лечили бесплатно …

Мама отдала свои старые часы «Звёздочка», и снабдила в дорогу целой варёной курицей! Ехали в пустом вагоне-люкс с бархатными полками. Когда приехали, стоял такой густой туман, что не видно было корпусов санатория. Но… воздух! какими ароматами был напоён этот воздух! От чего? Ещё ничто не цвело – начало февраля. Стоит вспомнить этот запах, и снова: – детство, свобода, счастье полноты ощущений. Марусю сразу поместили в изолятор. Через три дня перевели в общую палату. Маруся проснулась от яркого солнца, подошла к окну и чуть не упала на спину: горы, которые были скрыты туманом, оказались так близко, что, по Марусиному ощущению, вот – вот должны были надвинуться и раздавить санаторий. Как это было прекрасно!

Сорок пять дней счастья! Уроки – так себе, чуть-чуть, (Маруся всех поразила тем, как читала отрывок из «Мцыри»). Трижды в день – поход на источник, (а если сбежать и попробовать быстро подняться на гору, – то и Казбек можно увидеть!)… минеральные ванны, грязи… вечером – маленький биллиард… И подружки, конечно. Одна, из Уфы, с ней делили тумбочку. Ей родители всё время присылали посылки с фруктами, она делилась, Маруся униженно принимала угощение.

– Вы не скучали по семье?

– Будете смеяться: Маруся скучала по Эрмитажу, по его особенному запаху… (Уже и автору понятно, что запахи играли

слишком большую роль в жизни Маруси). Особый запах начинался… в туалете, внизу, рядом с гардеробом. Это было какое-то дезинфицирующее вещество, которым пользовались, видимо, только там, и он встречал всех приходящих в Музей. Дальше – воск. Тогда все паркеты ещё натирали мастикой, и каждый зал имел свой особенный запах, по которому можно было ориентироваться. Маруся по запаху ощущала приближение египетского отдела, где лежала страшная мумия. Однажды классу объявили, что все едут в Эрмитаж, но что-то там не состыковалось. На обледеневшей набережной встретились только Маруся и Наташа Мёд, которая жила на Петроградской. Девочки бросились друг другу в объятия и, как и следовало, поскользнувшись на льду, рухнули, не разжимая объятий. (Так и не разожмём, друг мой, с которым почти не видимся!) Что делать? Идти в музей! Бесплатно же! Это был год примерно 63, толпы не стояли в очереди, смотрительниц надо было долго разыскивать. Что ещё нужно было двум девочкам для счастья? – Присвоить себе дворец со всеми картинами и коллекциями, бродить по нижним античным залам, поставив задачу: выбраться самим, ни у кого ничего не спрашивать!.. И, в самом деле, спрашивать было не у кого: пустые залы с античными скульптурами, под сводами которых эхом отдаются шаги двух детей… Ну, в египетском отделе фантазия разыгралась: а вот если бы наш класс сюда ночью запустили, а мы бы вылезли из саркофагов!!! Зато со второго этажа с итальянской живописью можно было спускаться по лестницам, прихватив воображаемые юбочки, играя в принцесс, которым принадлежит Всё Это!

Маруся вернулась в школу к четвёртой четверти с месячными, которые, то ли наступили, то ли ещё «мазали» – ну не с мамой же об этом говорить! – на грани отчисления из школы, потому что по всем предметам была – хана, как сейчас говорят. Один из главных людей в Марусиной жизни – учительница французского, Ленора (Ленинизм – Наше – Оружие) Яковлевна Гинзбург, на уроке начала диалог: «И когда вы займётесь спортом?» – «Когда я буду совсем святой!» – сказала Маруся, перепутав два очень похожих слова: святой и здоровый. Все захохотали, но Маруся, вдруг, неожиданно для себя, заговорила на языке.

Впервые, после ежегодных лагерей (пионерлагерей)! Марусю вывезли на дачу в Сиверскую, где ей всё лето приходилось решать алгебраические примеры, чтобы догнать курс математики.

Не могу не описать пионерлагеря.

В лагеря на лето отправляли всех, практически, детей. В первых числах июня перроны Балтийского и Варшавского

вокзалов (Не упоминаем Финляндский – туда, на Карельский перешеек и Ладогу выезжали привилегированные, из специальных НИИ) заполняли толпы родителей и детей с чемоданами, в которые по списку были уложены подписанные (чернилами), или любовно вышитые, определённые начальством трусы, майки, носки…

Мама работала в санэпидстанции и имела возможность ус троить девочку в «самый богатый лагерь» – То ли от Кировского завода, то ли от «Красного треугольника». Маруся не страдала (а чего страдать, если другого опыта не было?) жила, как все: железный распорядок, утренняя линейка. «Будь готов!» – «»Всегда готов!», баня раз в неделю (с хозяйственным мылом), раз в неделю кино: «Человек-Амфибия» и «Марья-Искусница», на весь лагерь – бравурные песни, которые из памяти не изгнать.

Были, конечно, некоторые особенности.

Ну вот, скажем, перед обедом все двадцать с лишним отрядов собирались у столовой и ждали своей очереди войти. Чтобы как-то провести время, заводили хороводы… Ну, «ручеёк», конечно,

– А мы просо сеяли- сеяли…

Но и ещё более «жалостливые»: про «Первая дочь – красавица была…» или «Всё васильки, васильки…»

До нас, послевоенных детей, каким-то образом, под пионерским флагом дошёл подлинный народный фольклор не только в текстах, но и в сокращённых обрядах, стенка на стенку наступая, мы, не сознавая того, повторяли дошедшее из глубины веков, нынче почти забытое, хранимое только энтузиастами-фольклористами …

Я уж не говорю об анекдотах: «Срава Богу, проморчара, не сказара ничего!» – это что-то дореволюционное, явно. Или «Пока смотрел «Багдадский вор», то русский вор штаны упёр!» В самом деле, это были мои Университеты! Там всё рассказали и про особенности нашего телосложения, и про всё остальное! Но, самое, иглой сидящее в душе: народные военные песни. Блатняк, (пардон, шансон!) который инвалиды пели по вагонам: – «Милый папочка, – пишет Аллочка, – мама стала тебя забывать, стала модничать и кокетничать, с лейтенантами стала гулять…» И даже: «Вот кончился суд приговором, преступнику слово дано…. – Я – Сын трудового народа, отец мой родной – прокурор!»

Поразительно, как тогда, всего лишь пятьдесят лет назад, мы были пуповиной связаны с глубинными народными ощущениями… А при этом радио орало; «Будет людям счастье, счастье на века! У советской власти сила велика!»

А потом приезд кубинской делегации, многочасовые репетиции на стадионе. «Слышишь чеканный шаг? это идут

«Барбудос»…

Ну, а потом – апофеоз: дети с букетами строят окружности, наклоняются вперёд-назад… Ну вы это видели во время Олимпиады-80… Динамик орёт: – За правду сражается наш народ, мы знаем, в бою нас победа ждёт!» – ну, и куда деться без: «Солнечный круг, небо вокруг…»

Ладно, опять отвлеклась… Всё никак не могу перейти к жизни актрисы. Ну вот -

У папы был однокурсник, который вдруг стал известным оперным баритоном в Кировском. Папа с дочкой слушали его в арии Жермона… Восхитительно. Потом Толя Калошин повесился. Папа, не способный (как и Маруся теперь) сдаться, на какие-то гроши покупал в магазине «Конструктор» детали, из которых собирал транзисторные радиоприёмники и проигрыватели. В двадцатиметровой комнате на четверых у Маруси было два способа уединиться (что ей почему – то требовалось): читать книги и слушать радио под одеялом. Она уже почти наизусть знала оперы Верди.

Читать книги – это стало манией. В том самом огромном дворе, который снится до сих пор, была детская библиотека. О! этот волшебный запах книг! Сначала Маруся прочитала всю детскую литературу, потом стала требовать всё – про животных, потом книги у Маруси родители стали отбирать и прятать, беспокоясь за успеваемость в школе… Ну, потому что она не приносила из школы нужных отметок. Потому что успешность ребёнка напрямую зависела от его отметок. Так считала мама, не получившая должного образования.

Но Марусе не хотелось учиться. Сначала охоту отбили порки за плохую каллиграфию, потом домашние заботы, которые необходимо было взять на себя… а главное – двор!

Пока папа мог работать, Маруся, выполнив необходимые обязанности, была предоставлена самой себе, значит – дворовой команде. Как и положено, в команде был лидер – девочка, то ли чуть старше, то ли уже слишком многое узнавшая, кто теперь узнает, но, несомненно, девочка, обладающая фантастическим даром рассказчика. Как виртуозно она плела свои «Взрослые истории» про то, о чём мы, остальные, не имели ни малейшего понятия: как развязываются лямки её ночной рубашки… – И что? И что потом?… Она сама не знала. Однажды увлекла всю маленькую компанию на «АВС». Звучало таинственно. Снарядиться надо было лыжными палками. Три маленькие девочки ушли за километр от дома в треугольник, составленный из трёх пересекающихся железнодорожных насыпей за промзоной Кировского завода. Там не было никого. Только горы замёрзшего

песка, которые надо был штурмовать с помощью лыжных палок. Всё было страшно увлекательно, пока Маруся не увидела серое «плато», которое надо было преодолеть. Она разбежалась и прыгнула в середину кучи цемента, который тут же начал засасывать… Инстинкт – повернуться на живот и ползти… вернуться домой и долго отстирывать хлопчатобумажные чулки от цемента. Чтобы мама не узнала…

Много лет спустя Маруся увидела на улице спившуюся женщину, в лице которой смутно проглядывало что-то очень знакомое… Она? Та рисковая девчонка? Маруся прошла мимо.

Папа, как мог, помогал: рассказывал про строение атома, непостижимые физические и математические законы становились немного понятнее. Однажды на дом задали доказательство теоремы о непересекающихся прямых. Чтобы не ошибиться, папа открыл математический справочник… На следующий день вызванная к доске Маруся гордо ответила, что теорему доказывать не будет, потому что прямые всё равно пересекутся… в бесконечности. Получив заслуженную двойку, возмущалась страшно. Может, учительница ничего не знала о Лобачевском?

Всё было неплохо, но… Ну, в общем, исполнилось Марусе 14… и, (как вы сказали?) – в общем, вдруг рухнули авторитеты и, то ли гормоны взыграли, то ли призвание позвало…

У Маруси была необъяснимая (поскольку не выросла за кулисами, не мечтала о кино и славе), страсть к лицедейству. Сначала – примитивно: встать на стул, «чтобы я что-то делала, и чтобы меня все слушали и любили.» Фантазии развили воображение, сформировавшееся «эго» требовало власти над «толпой»… Ну, вы знаете текст Нины Заречной, он у всех на слуху… хотя Маруся тогда ещё не читала «Чайку», в общем, потребность.

В школу пришёл пожилой дяденька поставить «Золушку» на французском. Марусю назначили Золушкой вместе с другой девочкой. У той девочки было прекрасное платье из кружевной занавески. Маруся сама себе соорудила что-то несуразное из марли. Но, когда пришла её очередь играть на маленькой школьной сцене, Маруся вдруг неожиданно для всех, и для себя самой, бросилась на колени, умоляя мачеху отпустить её на бал. Подруги потом довольно безжалостно говорили, что Маруся «переигрывала». Слова-то какие уже знали! Да, Маруся ужасно переигрывала. Всё, что пряталось под личиной «хорошей девочки» вдруг совершенно бесконтрольно вырывалось наружу, Марусю несло, но это было счастье!

В 13 лет пробовала поступить в Театр Юношеского Творчества, прошла три тура, но оказалось, что для Маруси «роли

нет», ей предложили ездить в филиал – во Дворец Моряков, но это было невозможно, а тут – болезнь, санаторий, отставание по всем предметам. Никогда не забыть, как опустошённая пришла домой, включила телевизор, а там молодые артисты: Особик, Овсянко играют в телесказке про песочные часы… Им можно, а Марусе нельзя! Как же она рыдала!

Но на следующий год поступила, и пропала, пропала для семьи и школы, началась новая волшебная жизнь!

ТЮТ

Итак… Уже «по блату», потому что нашлись знакомые знакомых, стыдно, но… свершилось! Почему мне, не самой бездарной, нужно было пройти через это унижение – не знаю, так карта легла. Длинный, длинный коридор, запах воска, изумительный запах, предваряющий вход в святая святых: тогда несколько комнат, в которых уживались все: монтировщики гримёры, бутафоры, осветители, и – сама маленькая сцена, и классы актёрского мастерства. Марусю взяли в грим. цех, где царствовала Зоя Серебрякова. Но вдруг оказалось, что «учиться на артистку» здесь было совсем не обязательно, (хотя занятия по «мастерству» были на уровне профессиональном), здесь царила такая атмосфера… (прости за клише, возможный читатель!) Да-да! Именно атмосфера! Во-первых, – спектакли, которые казались шедеврами «Снежная королева» и «Поезд дальнего следования» и «Три шпаги на троих». Игравшие в них были обожаемы, им завидовали, мечтали занять их места, (что естественно). Но… Было ещё и нечто более важное, выделяющее ТЮТ из всех многочисленных театральных кружков в Домах Пионеров (одним из самых серьёзных конкурентов был ДПШ на 17 линии, откуда вышли многие мои друзья), – ТРАДИЦИИ, передаваемые и тщательно хранимые из поколения в поколение! А кто были те, кто создал эти песни, эти гимны, под которые мы радостно шли пропалывать морковь? Они на десять лет были старше нас – шестидесятники! Кац, Сазонов, Додин, Фильштинский, Энтин… А мы впитывали, пытались соответствовать… Чему? Ох! Служение общему делу, честность во всём, в общем, если бы не полное отсутствие коммунистической риторики, то моральный облик ТюТовца должен был быть чем-то средним между кодексом и катехизисом. То есть, это была ПОЛНАЯ ПОБЕДА ИДЕАЛИЗМА НАД РЕАЛЬНОСТЬЮ! Что Маруся с радостью и восприняла!

Матвей Григорьевич сказал;
Ребята, дело не простое,
Нужны горящие глаза,
А остальное – наживное!

Но было и ещё в этой атмосфере то, что не могли

контролировать старшие: атмосфера всеобщей влюблённости. Любовь была в песнях, которые достались нам по наследству, любовь была здесь, где собралось довольно серьёзное подростковое, чуть старше, чуть младше, сообщество. Старшие, от которых нас не изолировали, тут же сообщили: если ты не влюблён, то ты не ТЮТовец! А они уже составляли такие красивые, всем известные, завидные пары!

Марусе было четырнадцать. Как у Барто: пора влюбиться! Маруся огляделась: тех, кто уже был занят, сразу отмела, выбрала того, кто казался не слишком востребован: Сергеича, – и он сразу, не подозревая об этом, завладел её романтическими мечтами!

Сергеич был совсем не красив, маленького роста, но с задатками истинного лидера, с колоссальным авторитетом. К тому же, он уже снялся в телевизионном фильме вместе с Рэмом Лебедевым, про мальчика, который, чтобы травить крыс, толчёт стекло и теряет зрение…. Этого было достаточно для того, чтобы Маруся всю свою новую, ещё не осознанную, как сексуальную, энергию направила в это виртуальное пространство.

Смейтесь над старушкой, молодые, раскрепощённые, смейтесь, и завидуйте!

Случайная встреча в коридоре становилась событием. Когда Маруся случайно узнала, о том, что Сергеич живёт на улице Воскова, она стала таскать ни в чём не повинного брата на Петроградскую в поисках этой улицы, а сердце билось так, будто вот сейчас, под этими чужими окнами и произойдёт что-то…. что? Маруся не знала. Просто это было что-то волшебное и необъяснимое. А по транзистору под одеялом Маруся уже слушала «Изабель» Азнавура, и мысленно была с ним, с героем своей мечты. Иногда удавалось сбежать с урока, вернуться на Первую Линию, где, из окна четвёртого этажа, поставив пластинку «Времена года» Чайковсконго, несколько минут следить за тем, как решительным шагом Сергеич идёт пешком из знаменитой тридцатой школы к себе на улицу Воскова.

Боже, Боже!!! Марусе он казался таким уверенным, таким надёжным, а он был всего лишь мальчик из неблагополучной семьи, никому не нужный, никем не защищённый!

В начал марта кому-то из старших пришла в голову идея выбраться за город. Собралась немаленькая компания с бутербродами, чайником и буржуйкой. Ехали на автобусе, потом шли по заснеженной дороге среди елей – к месту ночлега, в качестве которого обнаружился сарай с пустыми оконными провалами. Тут же взялись за дело; чем – то пытались завесить окна, рубили лапник, чтобы постелить на дощатый пол, пытались раздуть буржуйку, которая нещадно дымила, на костре кипятили

воду. Усилия были бесплодны, но очень хотелось спать, и в изнеможении мальчики и девочки вповалку, не снимая верхней одежды, улеглись на лапник, задыхаясь от дыма, и пытаясь согреться теплом друг друга, как стадо сбившихся овец.

Заснуть было очень трудно. Вдруг Маруся почувствовала, как кто – то, (Сергеич!) прикоснулся губами к кончикам её пальцев. Прикосновение было таким осторожным и нежным, что… (Ну как это описать? Только избитыми словами: электрический разряд, озноб, потрясший всё физическое существо… Самое сильное ощущение за всю жизнь, да простят её старательные любовники взрослой Маруси).

Рано утром выползли на свет божий и опять засуетились, пытаясь разжечь костёр и вскипятить чайник. Маруся тоже хотела быть полезной, но вдруг осела на бревно, охваченная сладкой слабостью, причины которой не понимала. Так потом и шла вместе со всеми к станции по дороге, пахнущей конским навозом и подтаявшим снегом, с ничего не видящими, обращёнными внутрь себя удивлёнными глазами.

Несмотря на полное отсутствие времени (Марусе после школы надо было 45 минут ехать на пятом трамвае до Невского, а потом – обратно), одними занятиями пространство ТЮТовской жизни не исчерпывалась.

Очень быстро единочувствующие нашли друг друга, и возник особый, замкнутый мирок, который начал жить по своим, не предусмотренным идеалистом Дубровиным законам.

Во-первых – Колесо. Он был местной знаменитостью, потому что уже снялся в культовом фильме. Как и когда он обратил на Марусю внимание? Кто помнит? Внимание это стало очень значительным в дальнейшем. Не хочется говорить: судьбоносным, но… почти так.

У Колеса был свой «детский» язык, символический и сентиментально – пронзительный. Под обаяние этого странного, непростого общения попадали все. Маруся помнит, как в коммунальной квартире на восемь семей часами занимала общий телефон, не в силах оторваться от этого «для избранных» общения.

Однажды зимой Колесо назначил встречу в 22 часа у Летнего сада. Маруся пришла, и ни о чём не беспокоясь, перелезла с Вовкой через ограду. Сколько бродили по зимнему саду, сидели в беседках, читали друг другу стихи, время летело, (Маруся читала Солоухина, которым тогда увлекался отец, но и Превера, которого изучали в школе). Напоследок вытоптали на знаменитом пруду крупные буквы: ТЮТ. И никакой охраны! Ощущение полной свободы и уединённости в самом центре города.

Тут были только дружеские чувства, потому что Маруся «любила» Сергеича, а Колесо уже познакомился с Гугой.

Что делать, в юности мы тянемся не к тем, кто может нас остопить, попридержать, вразумить! Мы тянемся к тем, с кем находим общий язык, и, как в Марусином случае, плюс, помноженный на плюс, так надолго зашкаливает, что после и костей не собрать!

«Бегите же, пока бежится, а не снесёте головы, хотя бы память сохранится, как весело бежали вы!»

Гуга была необыкновенно одарена. Но главным её даром было абсолютное влияние на всех, кто оказывался в её сфере влияния. «Ведьма!» – много позже скажет один из них. В самом деле, мужчины и женщины много лет ходили вокруг неё как заколдованные. И Маруся тоже.

Папа Гуги умер, а мама, Эсфирь Исаевна отбывала срок за необузданное предпринимательство. Тетя, Мина Исаевна, редактировала Ахматову, дядя был ведущим шекспироведом. Вместе со старшей сестрой Марьяной Гуга обитала в огромной квартире на углу Маяковского и Некрасова, где в сорокаметровой гостиной был действующий камин.

Там все и «поселились». Голубоглазая Марьяна была старше Гуги на два года, у неё уже были «взрослые «друзья из Кулька: Саша Пурер, который потом стал Галиным, некто Флориан, который танцевал с Марусей и всё шептал ей: «Ты – Фро!, Ты Фро!». Тем самым пробудив интерес к Платонову.

Странное было время. Ещё не было официальных сборников, но в списках ходили стихи Цветаевой, а кое-кто уже цитировал и Мандельштама. Круг, в который попала Маруся, жил именно этим. Девочка иногда стала возвращаться доимой к полуночи. Кто бы мог поверить, что весь вечер Колесо читал «Короля Матеуша» или «Эй, кто-нибудь» Сарояна, пьесу, которую хотел поставить с Гугой, А Маруся дико ревновала.

Цветаеву Маруся приняла безоговорочно, полностью идентифицировав себя с ней. Да и как иначе? Именно в этом возрасте так близки категоричность суждений, чувство абсолютной непохожести на других, а значит – одиночество, а значит – надрыв, а значит, трагическое восприятие действительности.

Чудом доходившие стихи Маруся переписывала от руки, ещё больше присваивая их, знала почти все наизусть и повторяла по любому поводу, если не вслух, то – про себя.

В «маленькой» (двадцатиметровой) комнате у сестёр по обоям крупно написано: «Несбыточны сны, что снятся влюблённым и безумным!», «И потому никогда не спрашивай, по ком звонит

колокол!».

Маруся, никогда подобной свободы не знавшая, тут же подбила малолетнего брата оставить на обоях отпечатки ладоней и ступней. Почему-то сошло. Может, родителям было уже не до обоев.

Главное – Гуга писала стихи. Мы все были уверены, что среди нас – новая Ахматова.

Вбирая улиц протяжённость
Взвесь на ладони отзвук сна
И тополей посеребрённость
И сиротливый свет окна.
Здесь всё – от звука и до дна
Души необъяснимо значимо.
Все тени резко обозначены,
И ясно музыка слышна.

Маруся помнит это уже пятьдесят лет.

Ну да. А ещё Соля и Гуся.

Как звучало в капустнике, написанном одним из самых талантливых из нашего поколения, слишком рано ушедшим Саней Рачковым:

«Гуга, Соля, Воля, Гуся… О-о-о-х Ох, здоровый коллектив!»

В белые ночи случился первый серьёзный конфликт с отцом. Причина, наверное, была… Часов в одиннадцать Маруся в слезах выбежала из дома и понеслась по набережной. На набережной человек выгуливал овчарку. Огромный пёс встал на задние лапы и вылизал Марусе лицо. От этого она разревелась ещё горше и побежала быстрее. Цель была очевидна: через стрелку Васильевского острова, мимо Эрмитажа, мимо Летнего Сада, за Литейный мост, где в огромной коммуналке в комнате с родителями жила Гуся. К ней можно было заявиться ночью: – папу она ни в грош не ставила. А мама ей во всём потакала. Гусина постель стояла за шкафом, на задней стенке которого висел потрясающий плакат: женщина с красивым лицом пристально всматривается в лицо сына, положив ему на плечи руки: – НЕ ЛГИ НИКОГДА! Этот закуток был неприкасаемым Гусиным пространством, в котором она могла принимать подруг.

Днём ходили в ТЮТ, питались батонами, ночью – у кого-то из подруг. Домой Маруся вернулась на четвёртые сутки. Отец снова начал курить.

1968 ГОД

Удивительно, но родители отпустили Марусю в ТЮТовский лагерь. Может, это было дешевле, чем где-то ещё, лагерь-то был трудовой: полдня прополки на совхозных полях, вечером – репетиции.

Коробицыно. Знать, что пик твоего счастья остался там, летом 68-го, и дальше скользить всю жизнь по наклонной вниз…

Есть ещё один тютовец, с которым знакомы больше пятидесяти лет, – Дубровский, мастер афоризмов, сказал: ТЮТ, это как небоскрёб без лифта вниз, ты поднимаешься наверх и,.. шагаешь в пустоту.

Никто лучше не мог объяснить того, что слишком многие из этого поколения 10-го-12-го сезонов безвременно ушли.

Коробицыно. У нас уже сложился наш узкий масонский круг со своим языком, понятным только нам, со своими ритуалами: Гуга, Гуся, Маруся, и приезжающие Соля, Абраша и Колесо. Сергеич приезжал редко – поступал на ХимФак, а когда приезжал, отказывался играть в наши игры: – «Самая лучшая сказка – жизнь!» сказал он, сильно потеряв в глазах Маруси.

Это, видимо, была реакция на то, что наши символы были бесконечно упадочными, почему-то близкими Серебряному веку:

– К надгробью сказки, к белым плитам я принесу тебе из сада букет увядших маргариток, – писала пролетарская дочь Гуся.

Гуга оказалась обладательницей настоящего сокровища: сборника Аполлинэра:

«Белорунных ручьёв Ханаана
Брат – сверкающий млечный путь!».

Марусю разрывали эмоции. Много лет спустя Сазонов встретил её в кафетерии и сказал: – У меня до сих пор перед глазами стоит, как ты танцуешь в грозу на теннисном столе!

В этом танце было всё – ожидание прекрасного будущего, одиночество, невозможность выразить иначе бушующие внутри страсти, желание публичного явления.

Соля – солнышко, Колесо – «А вы знаете, что на, а вы знаете, что не, а вы знаете, что бе… – Что на небе вместо солнца скоро будет колесо?…»

Видимо, мы в нашем кругу были очень высокомерны, всех остальных считали «пионерами», позволяли себе непозволительное в лагере.

Но как было не сбежать после отбоя в поля ржи, когда белая

ночь и спать невозможно?

Как не позволить себе сигаретку без фильтра, тайком кем-то принесённую?

Однажды Гуга задумала операцию «Слоны ушли на водопой». Сговорились с несколькими мальчишками, на рассвете ушли из лагеря, пошли по дороге до озера. То озеро для меня – самое красивое в жизни. На другом берегу – ели, как в иллюстрациях Конашевича к детским сказкам, из-за низ едва пробиваются лучи, а по чёрной, недвижимой глади озера клочья тумана, разбегаясь, взлетают, как по взлётной полосе самолёты.

Даже ТЮТовская дисциплина нас тяготила. Как хотелось свободы! А слухи ходили о танках в Праге.

О, моё Коробицыно! Тогда маленький посёлок вокруг птицефабрики на полях которой мы и потели. Но когда шли по дороге, распевая твисты и рок – н -роллы старших товарищей, вокруг величественно сияла наша «Швейцария» с горами и озёрами, почти нетронутая, чистая, девственная.

На кухне дежурили по очереди. Огромная плита, тётенька, обучающая накормить ораву в сто человек. Сырники – это мы научились на раз. Трудно было потрошить цыплят с фабрики, нутро их было ещё тёплым, сохраняющим остаток жизни… а потом видеть в бульоне пёрышки… От куриного бульона отвратило на много лет.

«Маринушка, здравствуй!

О том, что мы не приедем к тебе, ты уже знаешь из маминого письма Я хочу огорчить тебя ещё больше: я никуда не уезжаю, я остаюсь дома неопределённо долго, поэтому из твоих планов на «самостоятельную жизнь ничего не выйдет

А мама уезжает 4 08. Как тебе, кажется, уже известно, в Севастополь, дабы взять под крылышко своего неблагодарного сына.

У меня всё по-прежнему, пишу технические описания; вынашиваю в голове очерки, памфлеты и эпиграммы, которым не суждено увидеть сет… А ещё – лечу зубы. Последнее, кажется, вытеснило на задний план все остальные заботы: ты же знаешь, как я люблю лечить зубы…

Приобрёл ещё несколько грампластинок, в Т. числе «Марицу»… Как ты там – без музыки? Впрочем, осталось совсем немного до твоего возвращения. Ну, «до увиденя», как говорят хохлы.

Твой (всё-таки) отец.

P.S. Привет твоим наставникам и друзьям.»

Ах, папа! Знал бы ты! Прелестное письмо, но ко всем, ко всем в этот родительский день приехали родственники! Ко всем приехали. К Гуге приехала Марьяна, а Маруся знала, что к ней никто не приедет, и поэтому заранее записалась на дежурство на кухне. Она одна знала, что никому уже не нужна.

Марусю выбрали бригадиром, одну из четырёх бригадиров, входящих в Совет. Вот тут всё, заложенное тобой, папа, и проявилось! Хотя, зачем перекладывать вину… Маруся не смогла поднять свою бригаду на ударный труд на полях, слишком далеки от коллективного труда были её помыслы, разозлилась, даже кого-то назвала – «людишками», что было в этом идеальном обществе «равных» непозволительно.

Что делать, весь узкий круг, в который входила Маруся, не считал себя равным остальным, но никого из них не избрали лидером, никого Рудольф Кац не вывел в своей пьесе под именем Маши Горящих.(Хотя он же впервые и произнёс это страшное слово, ставшее проклятьем всей жизни: эгоцентрик!)Одна Маруся оказалась как под лупой. Было собрание. Марусю клеймили всенародно. Почему-то, больнее всего были доносы тех, кто до этого пресмыкался: – «Я видела, как ночью она шла в туалет и остановилась, и долго смотрела на закат»… Эх, Фелюля!

Разбирательство было долгим, впервые Маруся прошла через товарищеский суд, когда он закончился, рванулась бежать, но куда? – без денег, ночью… спряталась в кустах, долго перебирала варианты: повеситься? Броситься под поезд? Часа через два, измотанная эмоциями, замёрзшая, тихо пробралась в палату, где все уже спали. Дверь приоткрылась, Сазонов убедился, что ребёнок на месте и тихо ушёл.

Заканчивалось лето. Вечером лагерь как всегда, был построен на «линейку», а над самыми головами с шипеньем пролетали сияющие метеориты. Такого «звёздного дождя» в жизни Маруси тоже больше не было.

Начался последний учебный год, и Марусе категорически запретили ходить в ТЮТ. Она так ничего и не сыграла, но запретная, уже разожжённая страсть к лицедейству сжигала изнутри. При любой возможности Маруся срывалась к своим друзьям, которые были главным в её жизни.

Новый год решили встретить вместе. Сергеич должен был быть там. Мама тоже готовилась к Новому году, и даже, кажется, сумела запечь гуся, но атмосфера в семье была вовсе не праздничной. Отец молчал, кривился, что-то гнетущее висело над

семьёй. Маруся заранее пыталась отпроситься, затем стала настаивать, ей хотелось туда, где её настоящие родные по духу. Отец не выдержал и вдруг сорвался: – Ты взрослая девка, у тебя – менструация! (Маруся до сих пор не может слышать это слово, а тогда оно резануло, как ножом), не хватало ещё, чтобы ты в подоле принесла!

Это было слишком. Вдруг прорвалась истинная мужицкая природа, слетела маска умного ироничного интеллигента, каким Маруся считала своего отца, и которым он никогда не был. Маруся огляделась: как уныло, опять не будет чуда! Тогда зачем?

– Я пойду спать. – Было около одиннадцати.

– Тогда прими снотворное, – сказала добрая мама.

Картинка, достойная описания: в одной комнате четверо, бабушкина кровать, на которой спит Маруся – у дверей, на самом проходе, отгороженная наполовину старым советским сервантом, в котором у папы – запас люминала. Семейство сидит за столом у окна, а Маруся поглощает люминал, закусывая конфетами «антракт». Мама просит маленького брата: – Посмотри, что она там делает? (Как будто мать и дочь разделяют километры или непроходимые стены). – Конфеты ест, – говорит брат.

Семейство опомнилось только в два часа следующего дня, когда на губах у Маруси выступила зелёная пена. Откачали.

Весной семья получила ордер на новую квартиру на улице Солдата Корзуна. Рядом с новым домом осталась полоса нетронутого леса. В мае после дождя Маруся пробежала через этот лес и влетела в дом, задыхаясь от счастья: – Папа! Папа! Как там,.. Какой воздух!

– Вот и напиши стихи в духе твоего любимого Превера; Весной просыпается природа, расцветают цветы и в свежих могилах заводятся черви.

Маруся согнулась, как от удара в живот: – За что?

– Это я к тому, что было бы, если бы мы тебя весной схоронили.

Школу Маруся закончила, как и положено: с тройками по математике, физике и химии и пятёрками по гуманитарным предметам.

Принципиально Маруся не читала ничего, что было положено по программе. Но когда на восьмом году обучения весь класс дружно взбунтовался против учительницы русского и литературы, которая говорила, что сакля – то же самое, что аул, не явился на её урок, а рванул на Невский смотреть фильм «Старики на уборке хмеля», был наказан, но своего добился, в школе появился учитель Марин, фронтовик, хранящий в своём теле осколки, а в душе – бунтарство много повидавшего человека. С ним Марусе

было очень легко: можно было не читать «Что делать», ухватить какой-нибудь один тезис, развести вокруг него полемику, на которую пожилой учитель так легко ловился, что потом и на переменке хватал Марусю за локоть и продолжал дискуссию. Этот трюк Маруся так отработала, что потом и в институте пользовалась им с такими асами, как Чирва и Гительман. Кстати, когда обнаружилось, что Марин – алкоголик, из школы его выгнали, но он предложил Марусе написать совместную книгу о ком-то из партийных деятелей. (Марин и Марина – вот, что будет на обложке, здорово?) Марусин вклад в это произведение заключался в переписывании фактов биографии деятеля, что требовало многочасового просиживания в Публичке. Маруся взялась, но, естественно, бросила, потому что уже была захвачена другим потоком. Так вот, в ночь перед экзаменом Маруся напилась кофе и обложилась книгами, но, к несчастью, начала с «Обломова», от которого до утра уже не оторвалась. Сочинение с испугу написала в стихах на тему «Моя встреча с Пушкиным». Получила «Отлично».

Экзамен по французскому тоже прошёл легко: никто не донимал грамматикой, любимая Ленора Яковлевна просто попросила прочесть наизусть то, что мы учили, выслушала, явно получая удовольствие, и поставила пятёрку. (Что бы я делала, если бы родилась на пятьдесят лет позже с этим ЕГЭ?)

Мама сшила выпускное платье из самого дешёвого материала. Марусе не понравилось. Из крохотного отрезка дедерона, подаренного тётей, она соорудила себе что-то предельно короткое и бесформенное. Но в парикмахерскую пошла, как и все одноклассницы. Её длинные волосы долго начёсывали, сооружая на голове башню, закреплённую миллионом «невидимок», затем опустили на глаза чёлку и залили всё это мебельным лаком. Маруся ужаснулась и стала всё это разбирать, но башня была создана на века, поэтому на выпускной Маруся явилась с чем-то невообразимым на голове, вроде развалин старой крепости.

Накануне выпускного классная руководительница Елена Сергеевна позвала всех к себе домой. Она была потрясающей классной: водила с мужем-альпинистом детей в походы, а потом и в горы. Альпинистская романтика, очень особенные песни так сплачивают! Только Маруся опять-таки, была маргиналом: формально – из-за язвы, на самом деле, из-за нищеты, Маруся и мечтать не могла ни о каких походах. Будем справедливы: этот класс однажды чуть было не расформировали, потому что в нём не было достаточного процента пролетарских детей, слава Богу, обошлось! Родители моих одноклассников в основном –

«плавали», а значит, у кого-то появлялись первые шариковые ручки, первые колготки, одевались, в основном, прилично, но всё прятала обязательная форма: коричневое платье с белым воротничком и чёрный фартук, как у гимназисток. Поэтому разницы в достатке родителей мы не замечали: все были равны и встречались не по одёжке.

От Елены Сергеевны с угла Кировского и ул.Попова шли пешком. Шли всю белую ночь через весь город. По улице Писарева, где Марусю зачали, шла поливальная машина. Маруся ещё не видела фильмов Хуциева, но романтизм шестидесятников почему-то был у неё в крови, она гордо шагнула под сверкающую радугой струю воды, и её с ног до головы усыпало грязным песком, смытым с асфальта.

Прошли Нарвские ворота, ряды одноклассников редели, один был бы не прочь проводить Марусю до дома, но она, от переживаний закурила, дальше, ещё километров десять до улицы Солдата Корзуна шла одна.

Сам выпускной вечер стал катастрофой. Ну, потому что, если Новый год – то как в «Карнавальной ночи», если выпускной – то как… ну не помню, в общем, они идут шеренгой в белых фартуках по набережной Невы и поют что-то лирическое и обнадёживающее. А тут… Шесть мальчиков на шестнадцать девочек, никакого тебе прощального вальса. Какая-то толкотня… На Неве – пошлятина: первое представление «Алых парусов», – Ассоль! – Капитан Грей ждёт тебя! В Лебяжьей канавке плавают хорошо отпраздновавшие. Маруся бежала в слезах. (Да! уже заметно, что Маруся была только в двух состояниях: либо в восторге, либо – в слезах!)

Куда? К Колесу! У него на Таврической был выход на крышу, а там было плоская площадка. Видно было очень далеко: сразу несколько разведённых мостов и восход, незабываемый восход над Невой!

А потом Маруся поступила к Корогодскому.

Учёба занимала всё время, но связь с «кругом избранных» продолжалась ещё много лет. Соля женился на Гусе. Правда, этому предшествовал «декадентский» эпизод, когда Гуся пыталась повеситься в подвенечном платье. Но – обошлось. Двое детей и вполне себе реалистичное, лишённое иллюзий существование, в котором Гуся, как ведущая, не лишала себя, женскиих радостей, да кто ж осудит столь рано оказавшуюся за мужем женщину? Отличились оба тем, что втянули бывших друзей в откровенную «Пирамиду». С тех пор многие с ними не здороваются.

Колесо стал режиссёром, играл и ставил в провинции. Менял жён, охмуряя их своим поэтическим детским лепетом.

Единственный, ставил пьесы Каца, один из многих, что пытались, но… слава Богу! Жив ещё.

Гуга перестала писать стихи и потихоньку всё больше стала похожа на свою очень практичную маму. Когда Эсфирь Исаевна вернулась в Ленинград, она тут же нашла направление своей кипучей энергии: достав из огромного шкафа старые наряды, стала перешивать из них дочерям что-то невообразимое и невозможное к употреблению. Жаль, не дожила она до эпохи Васильева, он бы, наверное, оценил дизайн. Квартиру она тоже стала перестраивать, делая из кухни комнату для Гуги. Когда провели новую вентиляцию, с гордостью сказала Марусе: – Смотри, какая вентиляция – человека выносит! Правда, в Гуге нет материнского размаха.

Но, может, и правда, хватит отдавать дань безумию, его было с избытком в нашей молодости.

Маруся познакомила Гугу с художником Окунем, который жил от неё через дом. Окунь к Гуге зачастил. Куда-то они вдвоём рванули в заповедные места, после чего Саша написал м. б. одну из лучших своих картин: «Невеста» – На золотистом фоне девочка в фате, которая то ли снимает, то ли надевает обручальное кольцо… Потом – очередной эмоциональный всплеск, – и картину режут ножом… Потом заклеивают и преподносят тому же хирургу Зельдовичу, что лечил Марусину и Саши Окуня, впоследствии, маму.

Кто бы подумал на Земле Обетованной, на что в своё время был способен этот очень успешный, ироничный и уравновешенный художник! С ведьмой встретился. Но ноги унёс вовремя. Надёжная жена спасла.

Сергеич… Его страшная смерть стала для нас для всех шоком. Хотя… Мы все как-то самоустранились. Ну да, он поступил на химфак, потом неожиданно ушёл в армию, потом вернулся, потом работал дворником на Вознесенском проспекте, ему тогда помогали, к нему приходили. Маруся с ним переписывалась, пока он был в армии, письма сохранились, в них нет ничего замечательного, просто товарищеская поддержка. Потом Сергеич женился на ТЮТовке из очень хорошей семьи. Почему-то не сложилось. Однажды Гуся с Солей пригласили старых друзей. Сергеич пришёл, выпил, ушёл на кухню, на кухне раздался грохот упавшего тела. Гуся сказала брезгливо: – ну вот, опять…

Маруся, занятая своими делами, не знала, что Сергеич спился. Да и поверить в это было трудно: железный Сергеич! Почему? Никто не знает. Может, ферменты, справляющиеся с алкоголем, не вырабатывались. Такое бывает. Но дело не в этом.

Мало ли у кого плохо с ферментами. Это для докторов. Дело в другом. Его мама умерла, а папа снова женился, и Коля стал никому не нужен, со всеми своими незаурядными мозгами. И – главная проблема питерских мальчиков и девочек – отсутствие жилплощади. Провинциалы поселялись в общежитиях, а потом получали свои законные восемь-десять квадратных метров. С этого можно было начинать! Мы, Питерские, живущие под родительской фамилией, ни на что права не имели. Девочки без собственного жилья не рассматривались в качестве невест, мальчикам было намного хуже. Создать семью, будучи в полной зависимости от жены и её родителей? Как это? Сергеич – с детства лидер, вдруг оказывается никем, человеком, не способным завести и обеспечить ?… Говорят, что и в армию он пошёл, потому что не имел права на общежитие, а жить было негде. А ещё идеализм, максимализм, ну, наш полный набор, неумение идти на компромиссы, ловчить, выгадывать… Бросился под электричку, гроб не открывали. На поминках делали общую фотографию, на которой, залив горе, все уже улыбались. Только Абраша на балконе рассказывал Марусе то, что знал о последних днях Сергеича, и ещё иногда на балкон выходила никому не интересная последняя его женщина, та, которая любила, пыталась спасти и больше всех не могла смириться с потерей.

АБРАША

Он был среди нас, как не от мира сего: всегда любящий, всегда понимающий, прощающий… У него были идеи, которые иногда удавалось воплотить, но тут же находились те, кто эти идеи присваивал, даже самые близкие, включая жену, которая всем ему была обязана, поднялась, обворовав очередного своего шефа, и с презрением давала работу уже уставшему бывшему мужу, который, как всегда, был талантлив. Вечная история: деловитые и наглые используют талантливых нестяжателей… Но в рамках одной семьи… Когда и ребёнок общий…Абраша не боролся за свои права, говорил – да ладно!.. и выпивал. Как и многих, водка примиряла его с миром. Он умер легко и красиво: вошёл в прохладную реку, поплыл, вздрогнул и пошёл на дно…

ДУБРОВСКИЙ

Маруся увидела его впервые в аккуратненьком пальто с каракулевым воротником – мальчик из хорошей семьи. В юности был любвеобилен, первым женился, первым стал отцом. В «Муху» не поступил, стал завсегдатаем «Сайгона», бродил по городу, философствовал, искал смысл жизни, то пробовал наркотики, попав в компанию какого-то таинственного «Солнышка», то

изучал японскую культуру. Без работы, почти без денег, он как-то вполне комфортно существовал, время от времени поселяясь к кому-нибудь из друзей, становясь как бы членом семьи. От жены ушёл, чувствовал себя свободным и независимым, что было несложно, поскольку родители продолжали содержать взрослого сына.

ПИСЬМО

«Ожидание и надежда увидеть нечто за поворотом судьбы.

Вероятность! Жизнь – вероятность. (пусть это эпиграф)

Ты моя вся, потому что ничего не хочешь дать. За это я беру тебя всю. Создаю из звучания тебя, твоих губ, волос, рук, взгляда. Создаю тебя из тебя, но другую, не просто живую – любимую.

Послушай, когда тебе будет очень, совсем больно, вспомни. Я всегда на коленях перед тобой. Как раскаявшийся мальчик, как седой, седой старик перед цветком, как в ту ночь, всегда смотрю тебе в глаза и вижу, как рождается из боли твоя улыбка – ещё печальная. Я желаю её до неистовства, наконец, она расцветает, и будит во мне такое страдание, что всё: небо, я, всё становится восторгом и мукой.

Я для тебя – рождающей боль.

Прошу тебя, пиши мне каждый день хоть слово. Я должен знать каждый день, что ты есть.

Владимир.»

ДОКТОР:– Ну, просто Захер-Мазох!

– Да нет, конечно. Дубровский любил себя, и все эти выкрутасы, полагаю, были только развлечением его бессонных ночей, или, в самом деле, вызваны каким-то лёгким наркотиком. И, конечно, никакой такой роковой ночи с Марусей не было.

Потом он любил Гугу, потом ещё кого-то… Потом женился на Марусиной подруге, родил сына и влюбляться перестал. Про Марусю однажды сказал: – «Ну, надо же, тут сидит целое благородное собрание – никому не даст! И вдруг появляется какой-то мизерабль…!»

«Хиппы запоздалые», – тоже его выражение. В уникальном сборнике рассказов о «Сайгоне», – очень хороший его рассказ.

С годами Вова остепенился, закрылся в себе, стал жить один, и по собственному его выражению, «стремиться к форме шара».

По ночам он делал вещицы из кожи и дерева, тщательно отполированные пепельницы из кап, деревянные ювелирные изделия, стал уникальным мастером. Днём он разъезжает на велосипеде, непрерывно слушая музыку, ещё больше отгораживающую его от мира, который, похоже, ему только мешает. Теперь Маруся страшно его раздражает, он, извиняясь, объясняет, что не терпит «Тельцов».

Друзей, которых он любил, почти не осталось.

У каждого свой ТЮТ. Я не претендую на объективное мнение. Я говорю только о том своём поколении 50 -53 г. г. которое, почему-то не нашло себе места в этом мире. Можно назвать ещё несколько фамилий безвременно ушедших ровесников. Думаю, что прав был Дубровский: мы пытались жить в идеальном мире, и все наши иллюзии были жесточайшим образом разбиты реальностью.

1969 ГОД

Получив свой аттестат с предсказуемыми тройками по всем точным наукам, Маруся пошла поступать в Театральный.

ЗАПИСКИ УЧЕНИЦЫ

Сразу перемудрила: нет, чтобы просто почитать стихи, решила читать их «в образе». Выбрала Бёрнса «Оду на смерть моей овцы Долли» и читала от лица сентиментальной дурочки. От природы высокий голос завысила до писка, а манерность довела до предела. Слетела с консультации. Стояла, оглушённая, не способная осознать весь ужас провала. Подошла длинноволосая девушка, которая не была слишком расстроена и сохраняла способность действовать. Взяла меня за руку и привела в ТЮЗ. Конечно, мне и в голову бы не пришло поступать в детский театр, но выбора не было. Учтя прошлую ошибку, выбрала стихи Тушновой: «Знаешь ли ты, что такое горе?» Читала «низким» голосом, со всем возможным драматизмом. Думаю, зрелище было прекомичное: семнадцатилетняя, с пухлыми щёчками и наивно распахнутыми глазами читала о том, о чём не имела ни малейшего представления! Как уж З. Я. увидел то, чего не видели другие, и Вот Вам подарочек на целых 13 лет, дорогой Учитель!

Задание на лето:

1 Работать над книгой Станиславского «Моя жизнь в искусстве» (Основные тезисы).

2 Подарок классу.

3 Вариант курсового гимна.

4 Музыкальный сюрприз (концертный номер).

5 Дневник (огорчительные впечатления и радости в период поступления, первое занятие, творчество летом).

«Дневник» у меня не получился. Папа как-то сказал, что когда человек совершает нехороший поступок, он всегда может найти ему целую гору оправданий, и даже научно обосновать. Он прав. Оправданий, точнее, причин у меня очень много.

Мне иногда говорят, что я неискренна, самое страшное – неискренна сама с собой. Не понимаю. Всё перепуталось, и сама не понимаю, что искренно, а что – нет. Бывает, убеждаешь кого-нибудь, или пишешь письмо, сочинение и веришь в то, что сказано, написано. Проходит день, и оказывается, что мысли-то,

наверное, были чужие, они давно забыты, и в следующем разговоре (сочинении) с той же убеждённостью говоришь обратное. И можно ли искренно писать дневник, зная, что его будут читать? Станиславский выбрал форму дневника для многих своих произведений, но ведь у него было, что сказать людям!

Итак, огорчительные впечатления в период поступления, радости, испытанные в этот период. Когда на первом занятии был задан вопрос о том, что именно огорчало и радовало, кто-то сказал: «Огорчало то, что не поступили многие ребята, с которыми сдружились». Мои огорчения – чисто эгоистического характера. Да, жалко ребят, хорошие были ребята, но это механические, неискренние мысли. Я прекрасно чувствую, физически ощущаю состояние полной пустоты и одиночества после того, как в списке не была названа твоя фамилия. Долго не можешь опомниться, и на счастливчиков смотришь так, как будто они гении, откуда – то с другой планеты, и отлично знаешь, что их жалостливые взгляды – случайность, минута – и от жалости не остаётся и следа. Они уже заняты новыми заботами. Ты уходишь и долго-долго плачешь где-нибудь в укромном месте.

Самое большое огорчение, которое я пронесла через все три тура – то, что никогда не удаётся сделать то, что хочется. Пока вызывают других девочек, забыв о том, что скоро и мне выходить, слушаю их и, кажется, чувствую все недостатки. Малейшая фальшь в голосе, интонации, всё это моментально отдаётся где-то в груди, и уже знаю, как надо бы прочесть, и уже читаю мысленно. Но вот выхожу на середину комнаты – голос не повинуется. Что я говорю! Как я говорю! О, Боже мой! А в это время, наверное, девочки сидят и отмечают про себя, непроизвольно, каждую мою фальшивую нотку. Отвратительное чувство, когда выходишь на сцену с дрожащими ногами, не способными просто согнуться, не то, что вальсировать, или исполнять «характерные» па. И вот танец, тщательно подготовленный в общежитии института Культуры, вызвавший одобрение у знакомых студентов, «проваливается» в самый ответственный момент: на туре. И не так уже радует весть о том, что допущена к третьему туру, потому что всё время живёт чувство, будто тебя взяли по какой-то случайности, ведь способности свои ты так и не показал. Чувство неустойчивости, шаткости твоего положения в студии. На третьем туре раздали драматические отрывки и познакомили с кураторами. Как я ошибалась, когда считала роль Джульетты своей и самонадеянно думала, что справлюсь! Встреча с куратором – и вся моя самоуверенность разлетелась в пух и прах! «Дорвалась» до трагедии и, не имея опыта игры, стала выть. Не знаю, как это

получалось. Может быть, дурную услугу оказала привычка «петь» стихи:

> «Белорунных ручьёв Ханаана брат, сверкающий Млечный путь!..»
>
> «Ромео, о, зачем же ты Ромео! Покинь отца и отрекись навеки…»

Текст, который знала без запинок, вылетел из головы напрочь. Всё, на что я была способна – схватить партнёра за руки и трястись крупной дрожью. Педагоги по речи засомневались, есть ли у меня вообще голос. Как странно. Ещё во время поступления быть студийцем казалось таким счастьем, которое невозможно пережить. Но вот сдана история, написано сочинение, но кроме усталости – ничего. Я до сих пор не верю, что всё это не сон, и поверю, наверное, только когда начнутся занятия, и, как во сне прикоснусь руками: если не исчезнет – значит, я, действительно, счастлива!

30.07.69 г. Первое занятие.

Пришли, сели, началось. То и дело мелькало: «Очень важно. Надо обязательно запомнить.» Но вот появлялась другая мысль, её надо было тут же схватить, обработать, пережить, отложить куда-нибудь в уголок мозга, но времени не хватало. Пыталась только запомнить сказанное, чтобы после занятия «переварить». Но, то ли я была не готова, то ли слишком много было этих мыслей – непривычная пища мозгу, не знаю. Факт тот, что выйдя на улицу и попытавшись что-нибудь вспомнить, я обнаружила, что в голове кроме светло-серого тумана ничего нет. Во время занятия поздравить нас пришли старшекурсники. (Потрясающий по составу курс, уже создавший «Наш цирк») Чудная песня, чудное исполнение. Неужели и мы будем такими? Но почему все девочки плачут, а мальчики виновато улыбаются? Почему? Не понятно, но чуть не расплакалась вместе с ними. Результат занятия: надо работать, надо что-то (а что именно?) на корню в себе переделывать, что-то оставить позади, начать новую жизнь! В конце концов, мысли, может, не так важны, как настроение, вызванное первым занятием: желание делать, огромное желание делать! (Которое очень быстро улетучилось, стоило мне заняться подготовкой подарков людям, в большинстве своём мне не знакомым. Слава богу, что хоть имена и фамилии запомнила!)

Творчество летом.

Итак, дневник у меня не вышел. Каждое утро я вставала с надеждой, что сегодня оно должно начаться, творчество. Но с утра приходилось идти в магазин, на рынок… Потом

одноклассницы сдавали экзамены в ВУЗы, кому-то помогала, кому-то мешала (не нарочно), читала какие-то книги, а творчества всё не было и не было. Правда, много времени уходило на «упражнения». Летняя «idee fixe» была постановка голоса. Целыми днями, когда отец уходил, я пела романсы низким, «грудным» голосом, стараясь, чтобы звук резонировал где-то в животе. Мне усиленно стучали в потолок соседи сверху, и в пол – соседи снизу, но я мужественно переносила «критику». Но вот настали холода, пальто ещё не готово, я мёрзну, хрипну, сиплю, лечу насморк и с каждым днём теряю надежду исполнить свой музыкальный номер в концерте. …

Дневник у Вас всё-таки получился. А если добьётесь систематичности и конкретности, то совсем будет хорошо. Дневник – очень сильный помощник в становлении творческого характера, в самовоспитании. 4 – 3. Корог.

10.09.69

9 часов. У входа в ТЮЗ

Собрались рано. Стояли у дверей страшно взволнованные и напуганные. Плохо с заданиями. Что-то недопонято, что-то не сделано, что-то сделано не так, как надо. Слишком необычно это начало новой жизни. Первые шаги – с опаской, с оглядкой.

Вошли в зал, расселись. Следом в зал – очень много народа: артисты, педагоги. Поздравляют, напутствуют. Уже не до страха, нет, он не ушёл, а просто отошёл на задний план, заслонённый чем-то более важным и сильным: желанием работать.

– Бороться с ощущением, что – главное (поступление) позади! Всё только начинается. Очень важно не остыть, сохранить «героический пыл». Не привыкать! Воспринимать давно знакомое с чувством его первоначальной новизны. Очень трудно. Я вообще очень быстро привыкаю к важным переменам. Состояться! Очень хочется. Что-то чувствую в себе, хотя это не довод, конечно. Это «что-то» чувствовали в себе и те, кто провалился на турах – иначе зачем было приходить сюда. А всё-таки, я не такая! Невозможно поверить в свою ординарность. Наверное, жизнь не била: слишком уверена в своей судьбе, даже когда предполагаю какие-то падения.

Первые задания: воспитать аккуратность, следить за руками (они, как глаза нужны актёру), избавиться от дурных привычек, (а что тогда от меня останется?), учиться вежливости.

Только при неустанном контроле (самоконтроле), филигранной работе по пустякам (???) можно чего-то добиться.

11.09.69

Тренинг. Никто ничего не умеет. Упражнения интересны, но, в конце утомляют, видимо, без привычки. Наконец, «Концерт»: концертный номер. Ошибки у всех, в основном – одни и те же, так что все замечания можно принимать на свой счёт. «Каждый номер должен быть законченным, т. е. иметь начало и конец, Никакой самодеятельности, трепатни, пошлости, дурновкусия.» Хорошо говорить, а как отличить? Выбирала, колебалась, достала пластинку Пиаф. «Милорд» – любимая. Знала, отлично знала, что даже подобия Пиаф не будет, а пародировать не хотелось, решила рискнуть. Хотелось показать истинную француженку так, как я понимаю (всё-таки довелось пообщаться) с её темпераментом, страстностью. Песня знакома каждым звуком. Репетировала рано утром в лесу: птиц пугала. А иначе где? Иной раз так хочется петь, как можешь, пусть плохо, но громко-громко, когда голос уже не колебание воздуха, а что-то осязаемое, вещественное, выходящее из самой середины! На площадке случился ужас: пропал, (совсем!) голос, слова исчезли… несколько проклятых минут беспомощного перетоптывания под взглядами всего курса… С облегчением ушла с площадки, на которую, оказывается, надо рваться. О. М и В. М. (Ольга Михайловна и Вениамин Михайлович) ругали не очень сильно, сказали, что не хватало аккомпанемента. Стояла на сцене «как голенькая».

12.09.69

Разделились на две группы. Мы – с В. М. Тренинг. Немного не понимаю. Или усложняю? Упражнение на концентрацию внимания: проследить свой путь от дома до студии. Сначала вижу всю дорогу так, как будто лечу с огромной скоростью на высоте 2-3 метров. Мелькают дома, улицы, повороты. Всё. А все ещё «идут своим путём». В. М. : – Внимательно… шаг за шагом…

Тогда в ход идёт старая моя игра, принесшая очень много вреда. Не помню, когда она родилась, наверное, с первой книжкой: видеть себя со стороны, отождествляя с героиней романа (отсюда – непроизвольно-картинные позы), думать о себе в третьем лице, придумывать свою жизнь, как книгу, где я, и не я, в общем-то, трогательная особа. Играть «в кино», видеть себя «с экрана». Иногда иллюзия настолько сильна, что многие впечатления оставляют зрительный след (ой, куда забралась, но это правда!) когда действую, живу как во сне, не чувствуя, а наблюдая со стороны. Как будто выхожу из тела и, оставаясь в стороне, смотрю, как оно там без меня.

Пишу, и всё больше становлюсь себе противной, насквозь фальшивой, «изображающей». М. б., эта привычка вошла в кровь и стала причиной того, что, как бы искренно я ни говорила,

любящие однокурсники отвечают: неестественно. Ужасно это мучит. Даже, когда верят, сама начинаю сомневаться. Каждое слово, каждый шаг кажется фальшивым, ещё больше сковываюсь, становлюсь совсем не собой, и ещё больше мучаюсь. Откуда эта манерность? От книг? От французского языка с семи лет? От того, что с детства стремилась к самосовершенству и придумала свой образ?

Ненужное самокопание. Делом надо заниматься. Но эмоции «не по существу» отнимают слишком много сил и внимания.

«Всё лучшее, что есть в армии, в смысле организации, должно быть в студии.» З. Я. К.

13.09.69

Тренаж описывать не буду. Естественно, что сначала у нас ничего не получается, но потом будет получаться, с каждым днём – лучше (дай-то Бог!)

Сдавали летнюю работу: К. С. Станиславский «Моя жизнь в искусстве». Не очень интересно. Цитируют все одно и то же, очевидное, трудно понять, что же человека задело. Выглядело, как соревнование на лучшего знатока афоризмов. Отличился Комиссаров. Не восторгался, как все. Надо будет поговорить с ним. Бесспорно: книга нужна начинающим актёрам. Возник спор: можно ли считать её руководством. Не знаю. Кажется, она не избавит от ошибок. Мало того, что ошибки могут выходить за рамки книги – начинающий может допускать (должен допускать, иначе – никак) те же ошибки, с той лишь разницей, что будет знать их «научное название». Но причины этих ошибок всё-таки различны, и по одному рецепту лечить их нельзя.

15.09.69

Занимались в «Брянцевской» комнате. В тренинговых упражнениях сдвига нет. Дорогу от дома до студии вспоминали, помогая себе словами. Результат: меньше отвлекаешься, но картина уменьшается, дробится, «видю» отдельные предметы, а не общий «пейзаж». Разбирали и собирали воображаемую авторучку. Надо чаще работать с воображаемыми предметами, но… не всегда есть время, а, главное – желание.***«В начале учёбы многое будет казаться скучным, неинтересным. Да и потом, в жизни. Будущий актёр должен во всём, что необходимо, находить интерес.»*****(????)**

Всекурсовой конкурс песни. Песни не написала. Даже к лучшему, что песня осталась ненаписанной: посмеялись бы. Ведь это же было: «Я прихожу в ТЮЗ. Как в сказку!» Было. Теперь нет.

По чуткому облаку
Шагаешь несмелая, непорочная.
Несёшь своё солнышко: сына первого –
В злую ночь его!
С доверчивой радостью ладони протягиваешь:
– Смотрите, вот какой!
Хватают, и жадно зубами вгрызаются.
– О, мой родной!
По голому сердцу – грязными пятками:
– Нам так понятнее!
Вырвали ножки, головку выдернули,
кровавую тушку изнанкою вывернули:
– На кол – знаменем!
Небо каменное.
Твою колыбельную хором воют.
Плачь, омертвелая!
Плачь, скорбная!

Нет, дело не в том, что я хорошая, а они – толпа, не понимают. Они, наверное, правы. Я не хочу ставить себя выше других, наоборот, многому учусь у ребят. А стихи такие хочется писать. Потому что есть такая тенденция: люблю страдать. Если нет внешних, событийных причин, ищу их в себе. Страдаю от своего несовершенства. В этом смысле очень «помогают» книги. Всякое резкое суждение автора о недостатках своего героя принимаю на своё счёт.

Цвейг «Нетерпение сердца»: «Есть два рода сострадания. Одно малодушное и сентиментальное, оно, в сущности, не что иное, как нетерпение сердца, торопящегося поскорее избавиться от тягостного ощущения при виде чужого несчастья; это не сострадание, а лишь инстинктивное желание оградить свой покой от страданий ближнего.» Обо мне. Может быть, в этом эгоцентризм – слишком много внимания обращать на свои переживания! А, как выяснилось на днях, эти переживания, довольно- таки бурно выражаемые, неприятны окружающим.

Но, только разобравшись в собственных переживаниях, легче, по аналогии, разобраться в чужих. Мне говорят: – Держи всё в себе, ничего не показывай, всё равно не поймут. Не показываю. Просто скрывать не умею. Показывать, изображать – противно. Надо учиться держать себя в руках. Этюд «молча вдвоём», чтобы сказать самое необходимое. Фильтр. Как же я на сцене буду реагировать, если научусь сдерживаться. Так и буду «брёвнышком». Всё в себе, и никто ничего не увидит. В. М. назвал

меня «колбой». Но истеричность тоже никого не трогает. Фильтр. До последней возможности держать в себе, чтобы наружу вышло самое необходимое, истинное.

18.09.69

Неожиданно Т. Куприянова предложила мне участвовать в её номере – игре на детских роялях. Долго колебалась – завтра концерт, не успеем. Но после провала моего «Милорда», когда я на полном трагическом серьёзе пыталась изобразить Пьяф, в зале захохотали, я обернулась и увидела, что мой «аккомпанемент», видимо, не зная, чем себя занять, приплясывает и корчит рожи что есть сил… На перроне метро сели с Таней на скамейку, достали «инструмент». Соседние скамейки оккупированы молодыми парами. Сначала недоумённые взгляды, потом – смех, разошлись. Меня страшно это смутило, и, чтобы побороть смущение, стала бить по клавишам ещё сильнее.

19.09.69

Ждали. Боялись этого дня. Подарок курсу. Ничего лучше не придумала: полено, из которого ёщё не вышел Пиноккио, а уж какое у него будет лицо – зависит от курса. Рано утром выскользнула из дома с пилой-ножовкой за пазухой совершать диверсию. Удивительно приятно побороть лень, заставить себя встать рано, из тёплой постели – в морозное утро, бродить по лесу, пилить толстенное бревно, вдыхая запах опилок, скинуть плащ в разгаре работы…

Общие ошибки: игра в «кого-то», неправда, возникающая из желания казаться лучше, милее. Оригинальность без оправдания – теряется вера в совершаемое. (????)

О номере с детским роялем и вспоминать не хочется. Я здорово испортила Татьяне номер: стыдно было выходить на площадку, неловко, нехорошо. От этого – трепалась. От стеснения всегда кривляюсь. Мою сентиментальную сущность очень тронуло выступление Оли Лысенковой. Она вышла, запела, кровь прилила к лицу – у меня слёзы на глазах: – верит! Очень хорошо. Хотя без замечаний не обошлось

21.09.69

Сегодня утром предоставлены в полное распоряжение Саши Тропкина Крик стоит страшный – слышно от метро. Ещё ничего не сообразили. Но уже были расставлены по местам, получили задание, работаем. Как в армии, когда общий результат не виден, но каждый рядовой делает своё дело. Но пришёл З. Я. и очень нас ругал. За что? Тропкина отчислили.

«Наибольшую эффективность в работе приносит непрерывность и сознательность работы.»

Это ясно.

«Не сбиться на развлекательность и затейничество! Наши цели – гораздо выше!»

Высокие цели! Вчера было открытие сезона – «После казни прошу.»

Спектакль трудный для многих. Требует работы мозга. Впереди, в партере дерутся программками, сзади модерновые девицы целуются и громко, навесь зал – хохочут. Вывели. Так для кого выматывается больной Тараторкин? Кому он рассказывает жизнь героя? Героя! Наши цели – выше! Не развлекательство! Не затейничество! Знаю. (17 лет!) Знаю, что искусство перестаёт быть искусством, если идёт в ногу со временем: впереди, только впереди! А всё-таки больно, очень больно! Сцена – чудовище! Она моментально отбирает у человека возможность дышать, двигаться, видеть, слышать… Она оглушает, ослепляет, отупляет! Нет, не так! Чтобы быть на сцене живым человеком, надо, отдав ей 90% чувств, оставить себе 100%. Нужно быть большим, для того, чтобы не уменьшиться. Сцена уменьшает достоинства и увеличивает недостатки. Обратить недостатки в достоинства! Главное – не как выглядит человек, и не какую роль он играет, а что он этой ролью хочет сказать. Вопрос, которым я живу на сцене – важнее успеха. (Понятно: успех может быть дутым. Даже часто. И забота об успехе – это низменно, тогда – идти в манекенщицы!

Задание: пойти в зоопарк, найти зверя, попытаться побыть им.

22.09.69

ОСТОРОЖНО. ЗВЕРИ! Выбрала льва. Потому что великолепное животное – царь. И ещё потому что – грива. Как у меня. Но не суть. В зоопарке не повезло: лев спал, час, второй.. решила «додумать» Ужасно не хотелось изображать льва внешне: вставать на четвереньки рычать, выставляя задницу. О чём может «думать» лев, кроме еды? Достоверно, что животные переживают нечто вроде ностальгии, посаженные в клетку. Мой лев вдруг встал и начал ходить взад-вперёд по тесной клетке. Куда смотрели его глаза? Вышла на площадку. Стараясь ступать как можно мягче, хожу взад-вперёд, пытаюсь увидеть пустыню, далёкий горизонт, но вижу только стены, лица, лица, стены, белые пятна вместо лиц. Руки девать некуда (не вставать же на четвереньки!) – сложила на груди, – Литературно! Фальшиво! Мимо задания! !!!!!!!!

Поняла, что такое – сентиментально: когда чувства,

выраженные внешне, не оправданы изнутри, не профильтрованы. А если – это просто бурный всплеск? Как его профильтровывать? То же о естественности. Как часто неестественным называют человека, просто не похожего на других.

«Разница между этюдом и упражнением с препятствием: этюд – это когда упражнение целенаправленно. Я непрерывно иду к цели. Моё движение к цели составляет борьбу с объектом. Этюд – отрезок жизни, в котором есть обстоятельства. Отсутствие обстоятельств и отсутствие движения к цели превращают этюд в упражнение.»

11.10.69

Этюд. Молча вдвоём (краткий конспект), «Воспитание глаза, органов восприятия.» Почему молча не один, а оба? В жизни поведение человека зависит от окружающей среды и поведения партнёра. Разучивать надо – «что за чем», а не «как делать». Точно работать с воображаемым предметом не вообще, а конкретно. Внутренний текст должен быть интенсивным (никто так и не объяснил, что такое, этот внутренний текст. То есть, он как бы должен появляться сам по себе. А если не появляется – ты бездарь. Он не появлялся, приходилось сочинять, вместо взаимодействия с партнёром – сосредоточенная на себе отрешённость, ступор, бездействие.) Оправданность! Главное – объяснить себе, мотивировать, и, тогда – поверить. Разница между воображением и фантазией: воображение пользуется знанием, фантазия – выдумывает.

15.10.69

Сцендвижение. С каждым уроком всё больше нравится. Боже мой! – проклятое освобождение по физкультуре, добытое такими нечеловеческими муками, как оно сейчас мешает!

НЕ МОГУ БОЛЬШЕ! Дёрнуло меня переписывать дневник – ничего не успела. Ну, ладно! Пусть мне будет хуже!

Дневник любопытный, стихи… противоречивые. Можно согласиться с Вами, где вы отмечаете некоторую самовлюблённость и эгоизм, но главное в дневнике – анализ учебного процесса и творческой жизни, своей и товарищей. Пропуск цитаты в тексте и особенно конец дневника – непростительны и беспардонны. Этого себе позволять нельзя. 4 – 3. К.

21.10.69

Сценречь пропустила глупейшим образом – стояла в очереди к паспортистке в ЖЭКе. Необходимы справки, связанные с

перепропиской – а тут новосёлов целая комната, за полчаса обслуживают одного-двух. Когда подошло время уходить – до окошка оставалось так мало, а в следующий раз попасть можно только через неделю! На урок не пошла – поздно.

В очереди, как всегда, велись чрезвычайно интересные разговоры: одна молодая и полная женщина убеждала всех, что, если не дашь «на маленькую», – будешь сидеть без газа, света и воды хоть целый год! Она, дескать, учёная – приспособилась – дала, и, пожалуйста! – во всём доме воды нет, а у неё идёт, да ещё – горячая! Бывает же!

А с речью плохо вышло. Много важного пропущено – не наверстаешь, учебник не прочтёшь на переменке – не в школе.

Думаю: не слишком ли рано поступила в студию? Актёр – общественный деятель. Что я могу сказать людям? Что я могу, если не хватает элементарных знаний, не говоря о знании жизни. Что я видела, что пережила? Из одного стеклянного колпака – в другой! Никаких трудностей, трагедии по пустякам, в голове – бредовые идеалы. В этом новом коллективе чувствую себя занозой, куда-то пропали организаторские способности, проявившиеся в ТЮТе. Хожу по комнатам, ищу тёплые глаза и не нахожу. Чем- то успела оттолкнуть от себя людей. Всегда так: с первого взгляда нравлюсь (особенно взрослым), потом разочаровываются, находят кучу недостатков и уходят прочь. Остаются редкие и, продолжая изучать, привязываются, узнав почти до конца, разглядев что-то под оболочкой. Целых три оболочки! Я не горжусь этим, как может показаться, но и не хочу полностью сбросить оболочки! Во-первых, потому что сама ещё не научилась различать: где оболочка, а где – ядрышко, что моё хорошее, что моё плохое, а что не моё – напускное. Просто не знаю. В кровь, что ли вошло, это напускное? А во-вторых, нельзя обнажать это ядрышко для всех – всех, первых попавшихся. Могут плюнуть. Пусть докапываются те, кому это нужно, а не те, кому просто любопытно. И потом: отдавать всё «своё» надо на сцене. В остальное время – держать, копить, чтобы было ЧТО отдать на сцене. Ведь известно, что, как только раскрыл «ядрышко» – оно уже не твоё, а общее. Ой, туманно вышло, но мне это всё так понятно!

18.12.69

День какой-то странный. Так много надежд было на него возложено. Экзамены на носу – а многое не сделано. Помещения не было: всё занято. Магнитофон единственный – сломан. Гитары унесли и не вернули таинственные незнакомцы. Настроение паршивое. Руки опускаются. Мастерство с Ольгой Михайловной.

Что показывать? Конечно же, ни к тренингу, ни к заданиям с полной серьёзностью отнестись не могли. И так времени нет, а тут – тратить его на ерунду. Страшная взвинченность, люди на глазах сходят с ума – каждый по-своему. Коллективно придумывали рассказ – изощрялись в глупости. А потом пришлось играть это. Выскакивали, по мере способностей, кривлялись, убегали за кулисы и корчились в судорогах совсем не весёлого смеха. Может быть, преувеличиваю, но так я видела всё сегодня. И сама была такой. Все силы направлены на одно: сессия, кто-то должен «вылететь». Кто? Скорее бы всё решилось! Не знаю, может быть, эти вечные напоминания о том, что в студии много лишних людей и верны, как стимул: право быть студийцем надо завоёвывать. На меня они действуют в обратном направлении: руки опускаются. Работа не приносит никакого облегчения, скорее, наоборот. О каком радостном творчестве может идти речь? О какой дружбе, когда каждый занят только одним: сделаю, вдруг похвалят, вдруг не выгонят! Каждый за себя! Борьба за место под солнцем. Гадко! Я никак не могу привыкнуть к этой системе обучения, столь отличной от школьной, когда за полгода – ни одной удачи, каждое занятие – шишки на голову. Самое сильное чувство: отчаянье. По всем проф. предметам – одни неудачи. Чувствуешь себя не только бездарностью- тварью низкой, инфузорией туфелькой. Не понимаю, в чём дело. В пионерлагере, в школе, где собраны случайные люди, а не 25 из 600 как здесь, – легко! Моментально пишутся песни, весело идут концерты. Самодеятельность, которая здесь – чуть ли не ругательство!. Никто не заставляет, делать что-то радостно. Почему эти 25 ничего не могут сделать? Идея «зачина» с муками рождается у одних и тех же людей. Репетиции: ад! Бегает несчастный Кошелев, пытается хоть как-то организовать орущую толпу. Каждый тянет в свою сторону, боится вылететь? Дура Гурман взывает: «Ребята, давайте что-то делать!» – это единственный её вклад в коллективное творчество. Но когда лидеру удаётся организовать толпу, срежиссировать, все остаются недовольными отведённым им ролям, выполняют порученное без охоты. Кончается всё истериками.

Об уроках мастерства писать нечего. Всё то же: с предметами работать не научилась, от предрассудков не избавилась, кривляюсь, вся притворная… и т. д. в разных вариантах. Кроме того, последнее время перед экзаменом в какой-то горячке вообще плохо воспринимала всё то, что говорили педагоги. Всё запуталось, часто не понимала, чего же от меня хотят. Упражнение «Птичий двор», (это когда все студенты на площадке «становятся» домашними птицами, при том, что многие и в глаза

их не видели.) Педагог сказал что-то вроде (записала, как услышала): «Смелость, слава богу, у вас какая-то появилась. Теперь уже важно не это. Важно, насколько вы подлинны во внутреннем поведении, в думаньи, в слушаньи».

ДОКТОР:– в думаньи, в слушаньи птицы?

– Но, клянусь, это подлинная запись, может, опять неверно поняла! Не так-то просто учиться на актёра.

«Немного форсируете от того, что врёте. Сами по себе вы на площадке – ничто. Весь смысл в среде, в партнёре. Энергия по-существу уходит на оценку, на подлинный смысл. У актёра есть интересная раздвоенность: Дездемону не душит, в оркестр не падает. Кроме воображения существует «контролёр». Отсутствие контролёра – первый признак неправды. (А если нет никого, кроме «контролёра»?) «Самое точно выполняемое упражнение неправдиво, если не срабатывает контролёр времени: слишком мало – суетня, слишком много – затянутость. Если контролёр нечуткий – пропускаются подробности. В чём грациозность? В естественности. Грация – не значит: манерность».

Это всё понятно. Это всё так понятно, когда слушаешь или смотришь со стороны. Но стоит выйти на площадку…. Где она, мерка, по которой можно определить подлинность? Задание: вспомнить физически укол. Мне показалось, что вспомнила, хотя никак не могу, так как Галка Михайлова буквально почувствовать боль. С физическими ощущениями мне вообще трудно. И дело, наверное, не в недостатке тренировки. Можно тысячу раз пытаться вспомнить мороз или воду, а тело не вспоминает. Тысячу раз будет халтура, враньё. Ну и что? Хоть день заставь себя сидеть и вспоминать – разве что к вечеру немножко сойдёшь с ума и прогаллюцинируешь.

Маруся:

«Мастер, конечно, прочитал эту жалкую исповедь, он успевал прочитывать все наши обязательные работы и обязательные же, конечно, дневники, которые по-настоящему не были дневниками, а имитировали их, потому что писались в последний день перед сдачей. Он сам непрерывно вёл дневник, на каждом занятии заполнял одну за другой толстые тетради. Боюсь, что большая их часть так и не разобрана. Но вот времени вправить мозги, терпеливо объяснить путаницу в терминах у педагогов не хватало. До всего доходить мы должны были самостоятельно. Главное, процесс обучения, к которому я так стремилась, оказался мучительным. В самых простых групповых тренингах, когда нас просили «броситься в предлагаемые обстоятельства», я вставала

как вкопанная посередине зала, потому что не могла придумать логичного обоснования своим поступкам, а без него не могла действовать. Я ненавидела этюды с воображаемым предметом, считала их бессмысленными. Я почти ненавидела однокурсников – асов этих упражнений: один в течении часа полз по какой-то землянке, другой столько же времени потратил на сборку магнитофона, а нас было 28, и всё надо было высидеть, не упасть со стула… А завершалось занятие муштрой: как солдат в казарме заставляют по много раз заправлять и разбирать койки под секундомер, так нас заставляли бесконечно переставлять стульчики, быстро, ровно и бесшумно… Обычно время шло к полуночи, кто-нибудь обязательно ошибался, всё начиналось сначала… Когда мы втроём приезжали на станцию метро «Дачное», автобусы, обычно, уже не ходили. На такси денег не было, до улицы Солдата Корзуна было километров пять, в конце пути – довольно заросший парк, который мне надо было пересекать в одиночестве, так как я жила дальше всех. К девяти утра надо было быть на лекциях…»

31 дек.

Впервые «Наш, только наш» на публике. Господи, как легко и просто! Никаких сверхвыдумок, эффектов, никакой техники-автоматики! Эффект в самом актёре. Почему у нас это с таким скрежетом. Кажется, чего проще – выйти и спеть, да под фонограмму! Но ошибки те же: этюдные. Не доросли ещё!

Показ этюдов. «Соседский ребёнок». (Тётя меня ещё долго помнить будет. Я приходила нянчить её пятимесячную дочь. Тётя всё никак не могла понять, почему Алёна у меня всё время плачет. Но жертвы были напрасны.)

«Отношение не по-существу, а понарошку. Бедность жизненных наблюдений. У вас подробности – «вообще», ради подробностей. Подробности должны быть внутри события, а не вокруг него. Безответственное пребывание на сцене. Вы должны отвечать за каждую секунду на площадке: для чего она? Всё должно вести к цели. Бездыханное самочувствие. В жизни дыхание всё время меняется, иначе человек монотонен. Регулировать дыхание невозможно. Единственный способ – бросить себя в этюд. Может, вы дрессируете этюды? Работать вглубь явно не умеете. Предлагаем сменить способ работы: этюды подробно рассказывать.»

Но началась сессия. Первый экзамен – по зарубежному театру. (Обожаемый наш Лев Иосифович Гительман. Публичная библиотека на Фонтанке – особый, обособленный мир.) В голове всё перемешалось… Кто написал «Менандру»? Но интересно:

впервые читаешь антику (С утра книг было набрано штук двенадцать, но потом тянуло в курилку, где непрерывно царил Марик Мазья, поэт, историк и философ), причём, в обострённой ситуации, интересно, трястись от страха: когда вызовут, и так суметь подать свои скудные познания, чтобы уж совсем уж… как говорила моя мама: «серый, как штаны пожарника». В общем, своего рода спорт, горячка, в которой забываешь, что впереди огромная голова Гидры с надписями: танец, сцендвижение, мастерство.

«Я ничего не пишу о тех страшных занятиях с З. Я., сразу после Нового года, когда он покинул нас на месяц. И только перед экзаменом пришёл, чтобы сказать, что те, кто не уверен в себе, могут пойти и забрать документы, и почти все приняли эти слова на свой счёт. Я – то точно, потому что только что перед этими словами были другие, о том, что в этюде «Соседский ребёнок» всё – сплошь неправда: ничего исполнителям не нужно: ни опаздывать, ни успокаивать ребёнка, ни… Конечно же, так оно и было. Мы старались, пересказывали, пересказывали…»

Этюды на импровизацию. Всем раздают белые билетики с заданиями. «Показать известный цирковой номер». Тут я струсила. Известных номеров не знаю. Во-первых, потому что не люблю цирк. (Когда по телевизору передают цирковую программу, отец отпускает ядовитые шуточки типа: «С такой бы силой, да вагоны разгружать!») Во-вторых, вообще боюсь импровизированных заданий, не потому что не умею без подготовки, а потому, что мысли туго ходят, и ничего не придумывается.***(Надо научиться бросать себя, не думая, а уж потом… З. Я. Кор.)***

Маруся:

Экзаменационный этюд потому и получился, что в панике, в полуобморочном состоянии, я забыла всё, что должна была делать, но поскольку уйти с площадки было невозможно, я отдалась на волю бессознательного, и природа всё сделала сама. Но это был случайный прорыв.

В каникулы болела. Читала. До сих пор не могу опомниться от «Идиота» Достоевского.

Посмотрела «Цилиндр» в театре Комедии. Неужели надо так долго учиться по системе Станиславского, так долго работать в театре, чтобы потом выходить на сцену, со страшной силой наигрывать, и иметь успех! Может быть, это условия жанра, но я смотреть не могла.

Не учитесь простым вещам. Всё время мудрите и не даёте волю естественным порывам, желаниям, поступкам. Акт.

професс. требует акт. хар-ра, в котором воля и терпеливость (терпимость тоже, контактность и подвижность – главное. И всё это помогает воспитать дневник, а Вы его фактически не вели. З – З. Я. Корог.

Что я поняла в 1 семестре.

Работа студентки 1 курса Старых Марины.

В деталях, от урока к уроку всё было ясно, насколько помню. Кое-что было знакомо до студии (работа и ещё раз работа плюс воля и т. д.), а за эти полгода проверялось практически, на собственной шкуре, что гораздо важнее.

Поняла отличие этюда от упражнения, его специфику. Поняла значение этюдов: пьеса, любая, вся состоит из маленьких этюдов, крошечных событий, которые сплетаются в большое событие – пьесу.

Очень плохо дело обстоит с внутренней речью. Нам говорят, что это очень важный помощник. Приблизительность – враг искусства, приблизительность в работе с предметами – враньё. Но ведь в жизни большая часть внутренней речи – вовсе не речь. В голове какая-то песенка, а оценка окружающего идёт подсознательно. В жизни многие действия совершаешь механически: думаешь о чём-то отвлечённом и делаешь бутерброд, наливаешь чай, набираешь чернил в авторучку.

Когда выходишь на площадку – всё меняется. Первое достижение есть – почти исчез страх перед площадкой, вернее, он есть до выхода, когда встаю с места и иду. Стоит выйти – всё пропадает, забывается: зрители, яркий свет. Но за первым достижением должно быть второе… И вот тут-то!.. Выхожу на площадку и начинаю придумывать текст. Конечно же, стараюсь делать его менее литературным. Приблизить его к естественному, но текст принудительный, насильственный, естественным быть никогда не может. «Я беру кусок пластилина. Он зелёный, холодный, твёрдый. Мну его, он теплеет. На пальцах остаётся кусочек, он жирный…» Никогда в жизни ничего подобного бы не было. И текст работает в обратном направлении – уводит от естественности так далеко. Нет, я вовсе не хочу спорить с К. С. Станиславским. Я просто где-то допускаю ошибку и очень бы хотела от неё избавиться. То же ведь и в парных этюдах. Никогда не бывает оценки: «Ага, он на меня смотрит, значит, нравлюсь.» Фальшивый текст рождает другую фальшь: «Беру стакан с чаем. Чай жёлтый, пахнет так-то и так-то, горячий. Как горячий? Я не чувствую, в пальцах-то вроде холодно. Ой! Горячий, как же это? Поставить стакан? Ой, да и со стаканом вру, как же его держат? Надо вспомнить!.. и т. д. А ведь в это время нужно ещё

заниматься партнёром. Тут уж не до переживаний! Я не о тех «переживаниях», от которых нас удерживают, а об элементарной оценке события в этюде. Не могу видеть и слышать то, что вне предмета. Поэтому так неудачен был этюд «Соседский ребёнок». Все усилия уходили на чертёж и на попытку внутренним ухом слышать крик ребёнка, то затихающий, то увеличивающийся. Причём порой даже эти два пункта в концентрации внимания не совмещались. А ведь ещё обстоятельства: тороплюсь. Отношение к соседке… и т. д.

Что ещё? То, что на сцене надо быть предельно естественным, это было ясно и раньше. Ещё до того, как год назад прочла «Работу актёра над собой». Любая фальшь, малюсенькая, из зала заметна. Казалось, что это так просто: говорить слова роли от себя. Не понимала, как можно иначе. В первом семестре оказалось, что это настолько трудно!. И зажимы всякие, и целая куча недостатков, и «милота», от которой ну никак не избавиться. Другая крайность: никогда в жизни мне не стать естественной. Это слишком сложно. Перед самым экзаменом я узнала, что совершенно беспомощна в этюдах, и полгода прошли даром. И вдруг четвёрка на экзамене. Я знаю, что об оценках говорить нехорошо. И не наше это дело, и не знаем мы, за что их ставят. А всё-таки! Ведь я же совсем ничего не делала для этого. Ведь я совсем не изменилась. Ребята говорят: – только серьёзнее стала, повзрослела. И всё. Но в этом и разбираться-то не хочется. Единственно, что понято совершенно – надо ломать характер и работать. А ещё очень трудно без воли. Всё.

01.01.70 *(конспект)*

Этюд нельзя играть, если ничто в него не толкает. Этюд – средство вспомнить жизнь.**Сцена не выносит скуку и злобу.**

1. Идти от живого партнёра.

2. Сиюминутно, непрерывно и разнообразно двигаться к цели.

3. Воздействовать от собственного имени. Я – в предлагаемых обстоятельствах.

4. Слово – самое сильное средство воздействия.

Обмануть можно только себя.

К миру надо быть снисходительным. К себе – требовательным. Только к себе!

Лишь твоё душевное совершенство может поразить обывателя.

Учиться у каждого дня. Человека, обстоятельства,**без пауз!** Требовательный подход к дню! Доказывать правоту только делом!

Увлечённость – это обаяние!

Неожиданно и ярко надо выражать своё отношение.

Студия – это коллективный идейный сговор.

Надо уметь быстро договориться о географии, обстоятельствах (время, погода, место) и сразу брать ощущения. Действовать.

Басня. На сцене, как в жизни, слова либо выражают мысль, либо скрывают, либо подготавливают к чему-то, более важному. Одна из целей упражнения – сделать слова необходимыми, оправданными. Басню надо прочесть на такой подробной базе, на прожитом материале, чтобы не было различия между жизнью реальной и жизнью этюдной, чтобы этюд вошёл в жизненный опыт. Подробности должны существовать внутри события, а не вокруг него.

Интонация – вторична, первичны – внутренние картины и цель.

Мы учимся не читать басню, а говорить с видениями и целенаправленно.

Эмоциональная окраска возникает объективно – как следствие.

Рекомендации лично мне: бороться с «милотой», ярче, неожиданнее выражать своё отношение. Искать характерность, бытовые ноты.

Цель 2 семестра – научиться действовать словом.

1. Басни
2. Отрывки.
3. Наблюдения.
4. Творческие сюрпризы.
5. Тренировочный цикл – развитие сенсорной системы.

Во втором семестре кроме обоняния, осязания и т. д. надо постепенно формировать чувство правды, меры, вкус – на фундаменте общего воспитания и раскрепощения творческой природы.

Либо я произношу то, что во мне родилось, либо то, чего во мне нет, что я изображаю. Мне лично: соединять звучание с действием: первое – подкрашено, второе – просто.

09.03.70

После зарубежного театра придумывали этюд на басню «Мыши» Басня страшно современная, с явно политической подоплёкой…Кто-то уезжает насовсем. А корабль плывёт дальше, а течь будет заделана, стране ущерб не велик. Комсомол, в который я рвалась, потому что «хочу быть в первых рядах советской молодёжи»! Районный сбор комсомольцев-активистов. Активистов, лучших! Боже мой, что там было! И сколько гадких людей, как много подлости! Мне кажется, что всё общество

делится на 3 группы:

1. Животных (грубо говоря), т. е. людей, все интересы которых – еда, водка, сон, зарплата и рвачество (к этой группе относятся и так называемые «образованные», имеющие высшее образование, эрудированные, но не ушедшие вперёд по своему духовному развитию).

2. Разочарованных, не верящих и оттого либо страдающих, либо ушедших в себя, закрывших на всё глаза, пришедших опять-таки, к животному состоянию.

3. Группа самая малочисленная – «Верящих». Группа делится на подгруппы:

А) глупых, ограниченных, готовых подхватить любой клич только от неспособности вдуматься.

Б) подгруппа «Данков» – думающих, сильных, одержимых, смотрящих широко. Незаурядные – их слишком мало.

Да, к чему это? К тому, что такое понимание басни очень жизненно, но невозможно. Как показать мышиность, серость, гибель за бортом, и спокойный путь корабля без них?

Очень здорово думать вдвоём. Почему-то мысли более или менее стоящие приходят мне в голову только тогда. Когда спорю, или пишу, когда надо доказать или выразить словами. В остальное время в голове – ветер, мелодии, часто целый оркестр с солистами. А в перепалке, когда хватаешь мысль собеседника, развиваешь её, он, в свою очередь, развивает дальше… в этой игре что-то может родиться.

10.03.70

Мастерство с В. М.: «Импровизированные этюды не получаются. Дело не в том, что плохо обучены, а в том, что не умеете договариваться. Время используете не по назначению. Каждый день на улице множество живых событий (**а мы бываем на улице?), х**отя никто ни с кем не договаривается, а у вас они – мёртвые».

11.03.70

Занятие по «ИЗО» в Эрмитаже. Рассматриваем бюсты римлян и пытаемся угадать характер по бровям, носу, подбородку, лбу. Глаз нет. Без глаз, их живого выражения – трудно. Если природа дала человеку курносый нос, маленький лоб и круглые брови – потому, что мама и папа были такими, что можно сказать о человеке? Если изваять нашего Кошелева в мраморе – как много плохого можно будет о нём сказать, но как это далеко будет от истины! А главное – всё так иллюзорно: стоит чуть сдвинуть брови и криво усмехнуться – на лице появляется презрение,

которого внутри совсем нет – по себе знаю!

(Извечная борьба школы переживания и школы представления, совершенно искусственно противопоставленных в советской педагогике! Они не разное – они дополняют друг друга, и Маруся это чувствовала интуитивно.)

Вечером мастерство. С 7 до 8 ждали мастера, дёргались при каждом звуке лифта. Этюды по басням нельзя делать «в лоб», это инсценировка – примитивно, но нельзя и натягивать этюд чехлом на басню: басня – база. Болтать опасно, событие должно быть сильнее слов. (А если вся басня состоит из диалога?) Расширить круг тем. Басни написаны, в основном, не на бытовую, а на гражданскую тему. (Раздолье! Теперь все будут играть в войну и политику – раньше-то не разрешалось. Потом мы быстренько перегнём палку, и нам снова посоветуют брать что-нибудь попроще, и делать поточнее.

12.03.70

Сегодня театру вручают орден Ленина. Пришли с утра, слонялись по студии. «Там» было не до нас. Днём развозили письма с приглашениями. Но вечером… Зазвучал «Интернационал», но как-то особенно, я чуть не прослезилась. Выходили официальные люди и читали по бумажке тексты, написанные, скорее всего, секретарями. А потом говорил З. Я. Без бумажки. Просто. И так захотелось скорее на сцену, чтобы воспитывать, направлять, будить, чувствовать и на себе часть этой огромной ответственности.

15.03.70

Мастерство с З. Я. Зачин – «Эх, птица тройка!» Едем в музей басен.

«Мысль милая, форма озорная, учебная. Но… кони – не кони, а танцующие мальчики, люди – не в санях, и никуда не едут.»

(Я пыталась представить бегущие назад деревья. Но ничего не получилось.)

«Зачин – вымысел, который должен всем доставлять удовольствие, иначе: физкультурная режиссура. По этюдам: тенденция верная. При более тщательной работе – возможно. Но, если басня не выучена – всё бессмысленно. Этюд – не цель, только подступ к основному: к басне. Если этюд близок к басне – она запоминается, её не надо вызубривать. Басня не учится, а прорабатывается, заполняется подлинными фактами. Обратите внимание на этюд Михайловой «Ворона», Хоть и про немцев, но значительно. Про это можно написать

басню. Все остальные – мелкотемны. Серьёзная проблема: в конце басни вдруг возникла гитара, это – постановка, а не отрезок жизни. Разъяснять что-то можно только процессом. (Часто в этюдах говорим слова, не нужные нам, но, «объясняющие ситуацию», от боязни. Что не поймут. Это – конферанс, он фальшив.) Этюд является в этом задании такой же серьёзной основой, как и прежде.

Цель – прочесть басню, но на такой подробной базе, на таком прожитом и пережитом материале, чтобы не было различий между жизнью бывшей и жизнью этюдной, чтобы этюд вошёл в жизненный опыт».

(!!!!!!!?)

19.03.70

Придумали! В связи с Чехословацкими событиями молодую журналистку отзывают из Польши, потому что – неблагонадёжная, на родине не печатающаяся. («Сейчас кричала я на весь народ, что ко дну наш корабль идёт! Куда! Никто и ухом не ведёт!») Она в панике: соц. строй рушится, (Югославия, Албания, Венгрия, Польша, теперь вот – Чехословакия). Она садится в поезд и едет в Чехию. Границы не закрыты, в общей сумятице легко будет перебежать в капиталистический лагерь. В купе встречает коллегу журналиста, чешского подданного. Рассказывает о себе, ища поддержки, предлагает бежать вместе. Оказалось – единомышленники («В этом фальшь, ложь, натянутость»). Первая станция в ЧССР. Входит русский военный, (оказывается, Сов. Армия уже взяла Прагу), проверяет документы, уводит женщину, т. к. у неё нет чешской визы. Этюд долго разбирали. Обнаружилась куча всякой фальши. Галка сообщила. Что граница не могла быть открыта, а незамужних женщин не выпускают даже в Польшу. Я воспротивилась критике всеми силами. Ведь действительно, если я делаю этюд в машине, которую никогда не водила, но определяю воображаемое место педалей, рычага скорости, панели управления. И вдруг приходит кто-то и говорит, что на самом деле всё не так и не там. Но зачем мне это знать, если я всё придумала и в свою фантазию поверила? Переубедить меня не удалось, но этюд всё-таки запретили. Снова и снова перечитываю сборник басен. «Змея и овца» Но Овца гибнет. Иносказательно? Или убийство? Тогда – шпионы. На показе чувство правды отказало напрочь! Надо же было накачать себя, чтобы убить. Я несла что-то вроде: Тю-тю. Уезжаю! Накося! Что, съел, легавая собака? И убила. Казалось, что верю, потому слова эти рождались сами, в секунду. Как все смеялись! Давно не видели такого бреда. «Мыши». В кухне коммунальной квартиры

обвалился потолок. Две домохозяйки в панике кричат, что дом рушится, убегают, кляня домоуправа. Бодренький старичок-инвалид заделывает дыру! В конце: гимн труду!

Вечер ТЮЗа в Капелле. Многое видела впервые, (у нас не поощрялось общение со старшими). Ну что говорить! Здорово! Никогда, наверное, мы так не сможем. Не умеем работать. Причём неизвестно, что первично: не умеем работать, потому что не работаем, или не работаем, потому что не умеем работать правильно, и работа не приносит радости. И почему на мастерстве так часто клонило в сон?

Весь март был посвящён работе над баснями.

27.03.70

Перечитываю дневник, и тошно делается. После занятий с З. Я. – сплошные цитаты. Потому что большинство положений обсуждать, обдумывать бессмысленно. Со всем согласна – наматываю на ус. А после практического занятия писать тем более нечего, потому что всё одно и то же: не оправдано, не родилось, не верим! Как всё мертво внутри! Комиссаров принёс «Мастера и Маргариту». Читала взахлёб. Не отрываясь. И ничего не поняла. Остались только эмоции, как сон. Хочу быть ведьмой, чтобы делать гадости. Не стыдясь себя, не мучаясь от того, что кто-то меня не любит, не выясняя: за что? Как хочется не презирать себя, быть сильной, независимой, лететь со страшной скоростью на метле и бить стёкла в домах недругов. Хоть их и нет.

21.04.70

Наконец пришёл З. Я.

Узнала о том, что будет З. Я., и не обрадовалась, испугалась только. Кажется, зачем тогда здесь учусь, если боюсь Мастера? Стыдно. Перед нами человек, способный на титанический труд. Почему я не способна? Угрызения совести мучительны. Вот он приходит, и страх постепенно улетучивается, но всё равно трудно. После занятий часто хожу, как пришибленная. Вот и сегодня то же. З. Я. смотрел только одну басню. После этюда попросил Юру Орнатского прочесть басню. Плохо Юрка читал. Не связывался у него этюд с басней. Всё последнее время занимались в основном этюдами, а к читающим басню предъявлялось одно требование: громче! – не слышно, осмысленнее – ничего не понятно! З. Я. рассердился. Предложил читать ещё раз, ещё раз…. Закричал. Юрка, парализованный страхом, посередине сцены, у всех на виду… уже ничего не соображал, читал по инерции, пытался угодить и перебирал интонации. С каждым разом всё

хуже и хуже. Как мне жалко было его. Хотелось схватить его за руку и увести. Ведь я бы на его месте чувствовала бы и делала тоже самое. (Ю. Орнатский, лучше всех собиравший «магнитофоны» в первом семестре, во втором был отчислен) З. Я. полностью разочарован, мы подавлены. Всё справедливо, и всё-таки, тяжело. И в довершение – происшествие с Галкой. Нам раздали дневники. У Галки не было. Почему? Потому что написала мало и постеснялась сдавать халтуру. Бывают дни, когда есть потребность записать передуманное. Случается – нечего писать. От человека зависит, каких дней больше: наполненных либо нет. Я отвлеклась, пропустила, каким образом от оценки за дневник перешли на тему о средних актёрах. Галя заявила, что хочет быть средним артистом. Неужели можно всерьёз принимать её слова. Говорит ведь, не соображая, просто перенервничала и не может объяснить то, что чувствует на самом деле. Мастер кричит. Кто ещё хочет быть средним артистом? Я чуть не вскочила из солидарности, но задумалась. В самом деле, я не так много видела спектаклей в ленинградских театрах, но зачитывалась воспоминаниями о Ермоловой и Комиссаржевской. Описания того, как зрители в зале рыдают, не могут покинуть свои места, уйти из театра, поражённые, потрясённые до глубины души. А сейчас? Известная актриса изображает плач, а зрители, выходя, говорят о чём угодно и, немного отойдя от театра, забывают о спектакле. Зато потом будут говорить сослуживцам: «Посмотрел, ничего, только вот…» Ах, какой эрудированный, высокодуховный человек, он посмотрел весь репертуар, это ему понравилось, а то – нет! Он судит, а что изменилось в его сердце? Нет, я точно, не будущая Ермолова, стать бы просто профессионалом, средним актёром, но ходить на работу в театр, а не в ЦКБ… В общем, я с Галкой солидарна.

Маруся:*«Но, казалось бы, естественный (в другом кругу) обмен мнениями, превратился в бунт, который, как известно из истории, имеет обыкновение разрастаться». (Из искры – пламя).*

Нам велено было худеть. Кто-то достал рецепт на гормональные лекарства от ожирения, которые мы радостно приобрели. Дозу, конечно, увеличили для быстрого результата, при этом ничего не ели. Через некоторое время управлять нервной системой стало почти невозможно. Мастер в очередной раз рассердился на курс (Старшие открыли нам нехитрый механизм: каждый раз, когда Мастер выпускал спектакль, он ссорился с курсом всерьёз, так, чтобы чувство вины глубоко внедрилось в сознание учеников, что, по идее, должно было увеличивать творческую энергию. По идее… Мы просто скисали.)

– «Все ваши беды от того, что вы эгоисты!»

Честно говоря, надоело: я уже была «эгоцентрик», «вещь в себе», «колба» – Вениамин Михайлович, тогда юный, тоже любил дать точное определение! А всё только потому, что я честно ждала когда «родится», зазвучит внутренний голос, появятся запахи, звуки… короче, ждала галлюцинаций, и как только не угодила в психушку!

*Не понимаю… Ведь эгоизм – естественное человеческое чувство. Я не встречала человека, лишённого его. Если бы я не была эгоисткой – никогда бы не пришла сюда, зная, как трудно больным матери и отцу кормить меня лишних 4 года. Я бы посвятила свою жизнь сначала им, а потом человеку, которого смогла бы полюбить больше себя, хотя это тоже трудно себе представить. Я не выросла ещё до любви к людям «вообще». И разве на Западе, где «царствуют индивидуализм, насилие и капитал», где эгоцентризм – форма существования, нет огромного количества замечательных актёров? Почему же это естественное свойство мешает именно нашему курсу?**Я очень хочу верить в идеальных людей – не получается, убедите меня, успокойте, снимите груз непрерывных сомнений!***

Вскочила со стула: «Я не понимаю! Допустим, мы все эгоисты, но работаем как звери ради карьеры, с такими же эгоистами, неужели мы ничего не добьёмся?!» – Если бы это было сказано тихо и спокойно… Но на фоне лекарственного психоза, голос, по природе имеющий истерические оттенки поднялся до высот настоящего бунта. Не помню, что было выкрикнуто в ответ, некоторое время мы с похудевшей до костей Михайловой рыдали размазывая дешёвую тушь по щекам, пока не прозвучало: «Уходите обе, завтра же забирайте документы!»

И напилась же я в ту ночку! Старшие товарищи, прошедшие армию, (те, с которыми зимой брели в сторону дома) уже давно объяснили, что доступные тогда «Гавана клуб», виски «66», или на худой конец, портвейн 77 лучшее средство от непрерывного стресса. На следующий день в больные головы пришли светлые мысли: А что, в самом деле, нет, что ли других театральных, в конце концов, в Москве? Кончились сомнения, всё решилось само собой. Пришли забирать документы, но документы нам не отдали без специального разрешения Мастера. А где Мастер? Уже в Москве. На конференции.

Перехожу к документальной части.

ДНЕВНИК. Творческий. Насколько возможно

Купе. Нас двое. Медленно плывёт перрон. Столик, на котором очень удобно писать дневник. Правда, покачивает, и буквы пляшут. Убедилась, что путешествие – лучшее лекарство. Около 11 вечера вышли из ТЮЗа. Ощущение странное – как будто никогда не вернёмся в Ленинград. Попрощались с ребятами – навсегда. Путешествие началось сразу с вокзала. Увидела огромную очередь в кассу. Встали. Всё отошло. Все переживания далеко. О себе думать некогда – столько людей вокруг. К очереди подходит огромный пьяный мужчина. В руках – нарциссы. Один цветок падает, он наклоняется за ним, из кармана выпадает бутылка водки, разбивается. Страшно смутился, быстренько исчез за колонной. Ещё один странный (господи, человек?). Лицо чёрное заросшее и грязное. Глаза – дырки куда-то в пропасть, не карие – никакие. Не видно почти под бровями. В отрепьях. Шатается. Он – человек. Он мыслит и чувствует, так же, как мы все. Ой, как стыдно! Мы – здоровые, сильные, молодые: ноги – руки, всё на месте. Переживаем, света не видим. Ничего, никого нет, кроме моего мучения. Как смею я, счастливая, уходить в себя, мучиться, если живёт он! Деревенская женщина, маленькая, сухонькая, уродина. Так загорела, что не видно глаз, они бледнее щёк, бесцветные. Длинный нос – единственная заметная часть на лице. Муж под стать ей. Дети – мальчик и девочка. Стоят, маленькие посреди толпы и дрожат крупно, в ознобе, дико озираются. На лицах – ни мысли, ни интереса, ни элементарного детского любопытства. Страх. Хорошо не думать о себе. Некогда! Ложимся спать. Утром: – Поезд прибыл в столицу нашей Родины – Москву. Доброе утро, товарищи!

14.05.70

Этот день я запомнила в подробностях на всю жизнь, такая в нём была мистическая драматургия, обострённая до предела нашим состоянием и обстоятельствами приезда в Москву. Конечно, мы знали, что приехали встречаться с Мастером, поэтому и отправились прямиком в гостиницу «Россия» Москва поразила контрастом: Из Питера уезжали в мороси, тумане, холоде. Москва ослепила солнцем, цветущими яблонями, пламенеющими тюльпанами. В холл гостиницы пробирались, как преступницы: оглядываясь и вздрагивая. Узнали номер телефона

в номере, уже собирались с духом, чтобы позвонить, но тут увидели отъезжающие автобусы с логотипами конференции и вздохнули с облегчением: не сейчас! На радостях на последние копейки купили страшно шикарные сигареты «Фемина», гордо выкурили их на набережной и стали строить планы. Куда пойдём? В Третьяковку! Бродили по музею, пока внутренняя тревога не остановила надолго у «Грозного, убивающего сына», как магнитом притянула картина, стала первым потрясением того дня. Потом бродили по городу, поражались контрасту между небоскрёбами и «деревенскими» домами, с сохнущими на верёвках портками (потом рассмотрели, что портки принадлежали посольству Танзании). Были оскорблены консьержкой (В Питере такого на дух не было), не пустившей нас в Сталинскую высотку. (Очень хотелось подняться на лифте и оглядеть с высоты панораму столицы). Короче, тянули время, оттягивая тот самый «час пик», ради которого и приехали. Вечером попали во МХАТ на «Марию Стюарт». Осудили, как мёртвый, никому не нужный театр, поскольку уже были убеждены в том, что только Студия жива, а все остальные, и Институт в том числе – сборище пошляков, каботинов, моральных уродов и предателей идеалов, тогда как нам суждено нести факел истинного служения искусству, не оглядываясь на потери, утраченное здоровье и прочие несущественные мелочи. А время шло. Ночевать в Москве не планировали – никого из знакомых не было, (Москва 70 года – неосвещённая, немноголюдная быстро пустела в своём центре. Может быть, где-то на окраинах и была нормальная жизнь, но не в районе ГУ Ма, уже закрытого, Музея Революции… Собственно тогдашним москвичам совершенно нечего было делать в этом центре) «Час пик» настал, когда звонить уже было неприлично. Конечно, из автомата звонила Галя, как наиболее уравновешенное психически существо. Дозвонившись, всё- таки довольно сбивчиво доложила о том, что вот мы, Михайлова и Старых приехали в Москву разговаривать с Мастером… (Было около полуночи) – Как? Где? Идиотки! Срочно домой и завтра же на занятия!!!

Нет, мы ещё прошли по Красной площади. Цитирую дневник, чтобы очевидна стала степень моего идиотизма почти в 18 лет! (Боже, как же ты дал мне дожить до 60 !): «Тёплый ветер, звёзды на небе и на башнях. Первый раз вижу кремлёвские звёзды. У Мавзолея – настроение революционное: хочется жить и бороться. И ещё странное: такое ощущение, будто сегодня 21 июня 1941 года. Так тихо люди у Мавзолея переговариваются – громко нельзя! Маленький островок, освещённый прожекторами – а дальше темно, дальше – запад. Там готовят войну. Несколько

часов – и сюда упадут бомбы. Всё рухнет Откуда это чувство? Оттого, что так тихо? Глупое чувство, но такое сильное, так страшно, так беспокойно. Вот-вот что-то случится. Улицы тёмные. Не по-хорошему тёмные. Только у ресторана кучка пьяных. Это не выразить словами, но почему так беспокойно?

В метро никого. Здесь гулко отдаются шаги. Узкий перрон и дыра тоннеля, в поезде – чужие лица. Площадь перед вокзалом – пуста: ни такси, ни людей. Только ветер несёт по асфальту газеты и пыль. Зал вокзала освещен, но все дверцы камер хранений распахнуты. Как будто люди испугались войны, все вещи унесли и убежали, спрятались. Галя дико кричит и выбегает на улицу. Я не сразу соображаю: посереди огромного пустого зала Ленинградского вокзала стоит мужичок и спокойно, как работают столяры, забивает себе в висок перочинный ножик. Вылетаю на мусорную площадь, по углам – тени ночующих-бомжующих, цыгане, другой выход на перрон каталка, увозящая покойника, последний поезд. – Ради бога, возьмите нас, пожалуйста, ну будьте людьми, у нас нет денег. Но мы обязательно заплатим, когда приедем, хотите, в залог оставим паспорт? Пустите хоть в тамбур, мы постоим, ну что вам стоит! Пустили вдвоём на верхнюю полку, где головы не поднять, а лечь вдвоём – тесно. Но не до сна было: дрожали обнявшись до самого утра. Весь следующий день просидели в Студии, боясь выйти на улицу, сесть в метро, вернуться к нормальной жизни. Но.. раз велено идти на занятия – надо идти.

16.05.70

Показали с Галкой и Андреем этюд «по жизни» «Волк и лисица» (То есть, задано было найти и прожить жизненную ситуацию схожую по сюжету с известной басней). Как Галка просит проводника взять её без билета на поезд. В. М. (Вениамин Михайлович Фильштинский) нашёл много неправды, нежизненности. Ну, бог с ним, с этюдом. Замечания В. М. принимает каждый для себя, потом выходим и импровизируем. С одной стороны – хорошо. Нет заученности. Каждый раз по-новому. С другой стороны – очень плохо. Нет настоящей работы. Недоделка всё. Да, не работаем вглубь, не оправдываем для себя. А может, это только у меня. Я ж не знаю, как работают партнёры. Опять проклятая депрессия. Ничего не хочется. Вот потому-то и профнепригодный характер. Нет жизненной устойчивости. Не способна я на длительную затяжную борьбу. Момент! Но пыл прошёл – всё по-прежнему. Наверное, от того, что нет трудностей. И не было. Ведь упорство приобретается в трудностях, в борьбе с ними. Я сломаюсь от первой же.

18.05.70

Сегодня нас с Вавиловым поздравляли с днём рождения. Хорошо-то как! Не просто формальное поздравление, а каждый поздравил, как мог. Ольга Лысенкова, зная мою любовь к Марцинкявичусу, подарила мне «Кровь и пепел». Какое счастье. И столько чуткости. Честно говоря, даже не ожидала. Спасибо.

20.05.70

Сегодня из Москвы приезжает З. Я. Вчера сидели допоздна. Готовились к встрече. Энтузиазм, ажиотаж. (Решили вывезти мастера за город и провести занятие на пленэре). К 6 часам собрались на Финляндском. Дождь, холод, а настроение прекрасное. Только бы З. Я. поехал! В Парголово долго искали поляну, извалялись в грязи. Костёр не разжечь: мокро. Кто-то одолжил мне ватник, с Готовкина сняла кепку – тепло! Конечно, З. Я. не поехал. Естественно. Но немножко обидно: так старались, всю ночь не спали. Решили привезти «природу» в город. Набрали веток, пеньков, мха… На перроне долго ждали электричку. От нечего делать танцевали вальс-миньон. А я вдруг стала беспризорником. Кепка сваливается на глаза, ватник широкий болтается. Подкрадываюсь, вытаскиваю из кармана газету. Ловят. – Ай, дяденька, не бейте, не надо, пустите, дяденька! Ну зачем я не травести, так хочется сыграть мальчишку! Кажется, впервые так жила в образе! Но как хочется спать!

Вечером показали З. Я. своё «творение». «Лесная студия» – очень уютная. Как было весело! Вдруг пришла странная свобода, я забыла, что на сцене, что – зрители, педагоги, резвилась, и всё тут! Впрочем, может быть, это просто развязность. И какой конец: – Пошлость! Изыск! Чего вы этим добивались? Здесь даже нечего обсуждать! Ушёл. Ребята в трансе: так старались, от души, от сердца – и вот! Почему? Недостаток вкуса? Что же нужно? Как мы ещё беспомощны!

З. Я. ушёл. Почему – понятно. Конечно, курс не в должном состоянии. Если сравнивать с блестящим 3-им курсом, или 2-м режиссёрским – у нас скучно. Творчество из-под палки. Почему? Может, потому что «заелись»? Когда поступали – горы хотели свернуть. А что сейчас? В ТЮТе этого не было. Потому что была школа, а творчество – отдых после школы, радостный труд. Здесь творчество – работа, привычное дело. Теперь тянет «отдохнуть от творчества» Выспаться, сходить в театр. Хотя, может, это только у меня? Но я наблюдаю за ребятами, как быстро расходятся в свободное время, и считаю себя вправе говорить не только о себе, но о курсе. Чтобы стать чем-то «нужно сделать жизнь каторгой».

Ни один из нас не способен на это. Где-то таится уверенность, что если не вылетим, нормально закончим, всё равно будем на сцене. Конечно, каждый втайне мечтает стать «явлением», надеется на талант, но… до дела далеко. Воли не хватает. Сочиняем письмо к З. Я. что-то он скажет? Пустота. Педагогов нет. Медленно движемся к законной расплате – экзамену по мастерству.

Истины познаются через тяжёлый труд. А Вы зачастую хотите вывести их из абстрактного философствования. Ваши претензии к себе зачастую выглядят ссылкой на несовершенство мира. Будьте к себе по-настоящему требовательны. З – З. Кор.

Посмотрели «Глазами клоуна» Только недавно прочла книгу. Была убита. Открыла Бёлля для себя. А в спектакле – Бортников. Никогда ещё так не была потрясена спектаклем. На сцене все чужие, злые, равнодушные, а он, клоун – плачет. Он один. Он – и я в зале. Туда, к нему! Но занавес закрывается – ничего нет. Заболела клоуном. Хожу по студии, руки висят, голова упала: марионетка с оборванными нитями. Как он движется! Руки, поворот головы, глаза – всё об одном. Мне бы так двигаться! Проклятое тело! Я ненавижу его. Большой кусок мяса. Чего с собой ни делаю: всё такая же бомба. Не поднять собственную ногу. Как будто подо мной магнит, который не даёт оторваться от земли. Если бы не эта сибирская широкая кость, я могла бы быть балериной. В танце не боишься переиграть. Музыка – и руки сами движутся. Чувство в движении, что может быть прекраснее? Забываешь себя. Только музыка. Лицо, глаза, порыв, вихрь! Боже мой, какое счастье!

28.05.70

Мастер пришёл. Оказывается, всё просто: главное – труд и вежливость. Не надо копаться: истинно или нет. Просто – вежливость. Не получается, потому что не верим. Нет, верим, но в другое. Молимся другим Богам. (Разве?)

«Единство веры, непререкаемость учебного процесса, идеалогия важнее профессиональных навыков.»

Не усвоили, что не нас учат, а мы учимся.

Вера? Когда я не верила? Когда у меня были более сильные авторитеты? Не помню. Не было. Вежливость? Не помню, чтобы была слишком груба. Наоборот. Меня часто мучило то, что не могу никого ненавидеть, всех понимаю, всех оправдываю. Говорят: кто не ненавидит – не может любить. И потом: где кончается вежливость и начинается беспринципность? Где грань допустимой и недопустимой бескомпромиссности? Как заманчиво бывает рубануть правду в глаза. Но ведь бессмысленно говорить

дураку, что он дурак, а подлецу – что подлец. Разве можно этим что-нибудь изменить? Но об этом я думала гораздо позже. А на уроке, когда З. Я. говорил, и каждое слово ко мне имеет отношение, и слова резкие, от них, от выражения лица – больно, до слёз. Слёзы текут. Уже не записывала. Уже не соображала. Решала, что делать.

С одной стороны: хочу учиться только в студии, только у З. Я., хочу, чтобы из меня делали человека. Одной – трудно.

С другой стороны: З. Я. сказал, что даже если вернётся, будет заниматься с нами профессией, не больше. Потерял интерес. А значит, не будет делать из нас человеков. Тогда какой смысл? Средним актёром можно стать где угодно. Правда, это очень трудно – когда из тебя чего-то делают. Надо уйти из студии.

Надо оставаться, потому что: здесь было всё, что нужно. Не получилось – сама виновата, имела все возможности. Не имею права уходить, пока не выполнила все требования. Нельзя разочаровываться в пути, не сделав шага. Смогу ли вообще что-нибудь сделать, если уйду. Могу ли быть актрисой вообще? Хочется начать всё заново.

«Вы должны служить делу детской радости! Отдавать, а не ждать бонусов!»

Надо уходить, потому что: не знаю, есть ли любовь к студии. Если покопаться, преобладающее чувство – страх. Не хочется идти на занятия потому что – страшно, страшно, когда ругают, и ещё больше утверждаешься в своей ничтожности. На площадке зажата от страха. А если останусь, смогу ли? А кем могу быть?

Совершенно искренно: Если бы точно знала, что поступлю в другое театральное училище – ушла бы. Потому что здесь ничего не получается, потому что больше нет сил.

31.05.70

На занятие с З. Я. нас с Галкой пустили

Главное – уважение, основанное на работе. Необходимы идейные и организационные предпосылки. ТРУД БЕЗ ПЕРЕРЫВОВ НА ОБЕД. Работа на сцене выражает идеологию. Прежде – идеология. Потом – методология. Что же вы хотите выразить? Сначала – иметь позицию, потом – выражать её. Сюрпризы (обязательное упражнение, развивающее фантазию и творческую инициативу) уродливы оттого, что нет идеи. Я не могу иметь точку зрения, если она мной не прочувствована (оказывается, всё проще: у нас идеи быть не может, мы принимаем её на веру у учителей, затем проверяем на собственном опыте) С сегодняшнего дня девиз: ТРЕБОВАТЕЛЬНОЙ МОЖНО БЫТЬ ТОЛЬКО К СЕБЕ, мир так слаб, нужно быть снисходительным.

Лишь твоё собственное душевное совершенство может поразить обывателя.

Самоанализ характера, честный, подробный. Наблюдения над жизнью интересные. Но работать Вы не работаете, в учебном процессе растёте мало, об этом соответственно не пишите, а тогда всё бессмысленно. Где же всё-таки июнь-июль – главное предэкз – месяцы. Марина, а м. б. мешает злинка? З. Корогодский.

На второй курс я была зачислена, как вольнослушатель, без стипендии и на птичьих правах.

Если вы не перестанете брыкаться, как парнокопытное, мы вас ничему не научим. З. Я.

ДОКТОР:– Может быть, он был прав, вы действительно, брыкались, не слышали, не брали то, что вам давали?

– Когда я попала под влияние этого человека, мне было 17 лет. Я ведь пыталась вам уже всё объяснить: книжное, неженское воспитание и не то, что дух противоречия, а синдром Фомы: чтобы поверить, надо пощупать, рассмотреть со всех сторон, подвергнуть анализу, и только тогда – навсегда! А главным тормозом был – страх. Парализующий, животный страх перед педагогами. Они, видимо, так соблюдали дистанцию, чтобы ни в коем случае не пострадали их авторитет и наша дисциплина. Дисциплина и изнуряющий труд – это удел ещё балетных и музыкантов. Но можно ли воспитать талантливого ученика, не поощряя его, не любя, как собственного ребёнка, не понимая особенностей его психики, не подходя к каждому индивидуально? Вы можете представить себе балетный класс, в котором всех научили одинаково делать па и выпустили на сцену? Это будет театр миманса. Или ТЮЗ, в котором сорок человек на сцене, и никто не выделяется, требовал этого конвейера, постоянного поступления новой крови, согласной ходить в массовке, гордясь тем, что мы – лучше всех, и с уничижительным сочувствие смотреть на «стариков», которые начинали при Брянцеве и всю жизнь, действительно служили делу «Детской Радости»? А, может, это всего лишь субъективное восприятие Маруси, отчего-то наделённой обострённым чувством справедливости не терпящей ни малейшего насилия, ни над собой, ни над другими, не способной любить тех, от кого зависит её судьба, кто постоянно повторяет: будете отчислены, если… Даже когда Корогодский занял в душе место отца, Марусе казалось низким и недостойным обнаружить свою привязанность. Она считала, что таким образом делаются карьеры. А карьеризм – порок.

ДОКТОР:– Вы попали не в свою школу, и, может быть,

действительно, честнее было бы уйти?

– Я ТЮТовка, эта школа была единственной похожей, отвечающей моим человеческим устремлениям. Я хотела стоять на кафедре проповедника и сжигать себя ради других. Мы же, действительно, верили в то, что нам внушали с первого дня:*ТОЛЬКО ЗДЕСЬ ИСТИННАЯ ШКОЛА, ТОЛЬКО ЗДЕСЬ – СЛУЖЕНИЕ С ЧИСТЫМИ ПОМЫСЛАМИ!*Все остальные – пошляки и каботинцы!)

Маруся компенсировала дневное унижение, уходя в ночные фантазии, по-прежнему представляла себя Принцессой Мира, властвующей над толпой. Как в фильмах про фараонов: одна на вершине, а перед ней толпы подчиняющихся одному повиновению, смиренно склоняющихся перед вершительницей судеб, в то время, как её собственная судьба всё время норовила съехать с укатанной проторенной дороги и завязнуть в непролазных ухабистых просёлках. Невидимый Друг, проливая тихие слёзы, напрягаясь из последних сил, пытался вытащить на проезжую… но Марусину судьбу так и тянуло туда – в болота, гниль гибельную, где бесовской радости предавались её друзья по несчастью.

ЛЕТНИЙ ДНЕВНИК

01.08.70

Прошло 13 дней, а дневник ещё не начат. Жизни в искусстве всё нет и нет, а дни такие одинаковые. Утром, позавтракав, иду в магазин, или на рынок, оттуда – на работу, затем – в больницу к маме. (Мама устроила меня на работу уборщицей в свою санэпидемстанцию на Петроградке. Я должна была выносить на помойку баки с анализами, кипятить стёклышки, мыть полы и санузел, вытирать пыль. Надев халат и шапочку, спускаясь с огромным баком в лифте, я рассматривала своё отражение в стекле и уже готова была играть роль санитарки. Эта игра и скрашивала моё довольно вонючее занятие). Дома – приготовить чего-нибудь поесть, посуда, пол, который надо подметать каждый день, бельё, которое время от времени надо стирать, варенья и соленья на зиму. Всё было бы нормально, но у меня же вечно всё не как у людей: обязательно что-нибудь да забуду купить, и отец, бедный, сидит то без творога. То без кефира. Ворчит. Говорит – плохая, нечуткая дочь. Каждый день мама даёт мне список необходимых ей вещей, и одна – то выпадет у меня из головы. Мама недовольна. На работе что-нибудь забываю вымыть. Оказывается, пыль на подоконниках вырастает за день чуть не в палец толщиной, я и не замечала. Оправдываюсь: магазинов у нас в Ульянке мало, в одном есть колбаса, в другом – масло, надо обойти все. Везде очереди. В день столько надо оббегать, чуть не полгорода. Да ещё полные сумки таскать из центра, в давке, в толкотне. Домой прихожу «без ног». Время уходит совершенно бездарно. Будь на моём месте другой человек – справился бы, но я – безалаберная, всё из рук валится, и многое переделывать приходится. Хватит! Пора браться за ум! Творческий я человек, или нет! В конце-то концов! Чем меньше думаешь о себе и чем больше – о людях вокруг, тем легче.

«В людях». На работе все женщины. И все знают мою маму. Спрашивают о её здоровье, беспокоятся, собирают передачи, помогают мне. Но вижу и фальшивые улыбки и любопытство. Пусть это останется на их совести. Я поняла: «Никто никому не обязан, никто никому ничего не должен!» Это трудно осознать. В школе мы привыкли к тому, что учитель должен учить, коллектив должен поддерживать, друзья созданы для того, чтобы выручить в трудный момент. Но когда маму оперировали, я приходила в студию только вечером и не участвовала в подготовке «симфонии» для второй части экзамена. Потом меня не приняли в

уже «Спевшийся» коллектив. И я обиделась. Хотя… Никто для тебя ничего не сделает, если не сделаешь сам. И в то же время страшно приятно делать что-нибудь для других, когда от тебя не ждут.

02.08.70

Сегодня воскресенье. Дочитала «Обломова» Гончарова. Нехотя взяла книжку на днях, достала с пыльной полки – слишком уж она «по программе», в школе это вызывало полное отторжение. А тут вдруг решила, что литературу надо всё-таки сдать за первый курс. Взяла нехотя, ожидала чего-то страшно скучного, и – не смогла оторваться. Чуть не плакала – настолько современно, настолько про меня! Потому что я – Обломов! Так же, просыпаясь утром строю грандиозные планы и … лежу до последней минуты. А любимое занятие – сидеть, не двигаясь, и мечтать о чём-то несбыточном. Правда, ничего не стоит сорваться с места и ехать куда-нибудь… ради пустякового дела. Бежать, стремиться к чему-то, в надежде, что в самом движении – смысл. Но стоит день пробыть дома – и уже ничего не хочется, даже читать. Хватаюсь за одно. За другое, бросаю всё и, в конце концов, впадаю в меланхолию Ужасно страшно. Прекрасно понимаю, что ничего из меня не выйдет, хотя больше всего хочу быть в театре. Но «обломовские «зажигания моментально проходят. Затосковала, скинула халат… и снова надела, легла, заснула, а там – сны. Я не знаю, что с собой делать. Страшно уже сейчас готовить себя к обломовской гибели.*«Всё знаю, всё понимаю, но силы и воли нет. Дай мне своей воли и ума и веди куда хочешь. За тобой я, может быть, пойду, а один не сдвинусь с места.»*– Это мои слова, когда ещё не читала. Вот так я узнала о своём будущем. Там же в романе: – «самолюбие везде есть, и много – это почти единственный двигатель, который управляет волей.» В этом надежда? Самолюбия у меня предостаточно, даже слишком, из-за больного самолюбия обижаюсь, противоречу, брыкаюсь. Но самолюбие неотделимо от уверенности в себе. А как без неё стать актёром? В общем, в школе говорили: «Обломовщина», значит – равнодушная бездеятельность. А я его полюбила, и его бездеятельность мне милее активности Ольги и Штольца, выбор мой, наверное, сделан.

11.08.70

На работе я «своя» Взрослые женщины рассказывают мне о своих бедах и заботах. Много их – и ни одной счастливой. Хотя, может быть, о счастье не рассказывают. Одна, стоя у окна, плачет. Я увидела, испугалась, что делать? К ней подойти – неудобно.

Пошла, сказала другой женщине. И та всё мне объяснила: вместо обещанных двух ставок плачущая получила только одну, а жить вдвоём с десятилетней дочерью на 60 рублей – не так просто.

А коллектив, кажется, дружный, если не считать одной женщины, которая всё время пишет анонимки главврачу. Но всё равно, все знают, кто их автор. Слава Богу, сейчас она в отпуске. Работы летом мало – время отпусков. Собираются все к девяти утра и разговаривают. О холере, о семье, о детях, иногда просто о погоде. Потом смотришь – обед. Обедают в складчину. А про холеру здесь узнали раньше всех в городе – профиль работы такой.

Сегодня разговорились с Галиной Васильевной. Ей лет 30, интересная, пышущая здоровьем. Почему-то речь зашла об идеалах. Я сказала, что раньше моим идеалом был Устименко – такой бескомпромиссный. А потом стала понимать, что прямолинейность – не лучшая черта в человеке. И вдруг, грустно, без тени рисовки, моя собеседница говорит: «Идеалов в жизни нет. Может быть, ещё встречаются среди студентов. Но потом они приходят на работу, попадают в это болото, где все жабы сытые и довольные – и вязнут. Медленно их затягивает. Или ломает. Вот и меня так… засосало. Сначала тоже мечтала… А сейчас кроме работы и дома не вижу ничего. Да и дом-то… Утром встану – скорей бы на работу, а вечером с работы уходить не хочется. Живём в двух комнатах со свекровью. Наша проходная. Свекровь – бывшая генеральская дочка. Привыкла при служанках – то, думала – я прислуживать буду. Не на такую напала. Семьдесят лет ей, а до сих пор красится, руки массирует, до сих пор они у неё красивые. А то ещё романсы петь начинает. Дома палец о палец не ударит. Я бы всё сделала, но не могу, когда понукают да приказывают. И уйти некуда. Так вот и живём.» – улыбнулась.

12.08.70

Читаю Станиславского. Года три назад начинала – скучновато было. А сейчас – аж радостно! Товарищ по несчастью – Названов. Всё-таки, не так одиноко в неудачах. В основном, всё уже знакомо. Теорию то за год я, оказывается, усвоила. Но некоторые вещи понимаю вдруг заново. Я всё мучилась, что не беру физических ощущений. Оказывается, ждала галлюцинаций. Оказывается, не надо представлять себе холод, чтобы «само» родилось движение, реакция на холод. Надо просто чаще наблюдать за собой, запоминать ощущения и реакцию тела, мускулов. Впрочем, как же тогда в тех случаях, когда ощущения должны придти без помощи мускулов? Господи, дурёха! У нас же зимой целый урок был этому посвящён!

30.08.70

Ничего. Серо. Пусто. Вдруг что-нибудь приснится? Мне бы что-нибудь многосерийное, широкоформатное и цветное. И чтобы с музыкой. И без журнала «Новости дня».

Что я поняла за первый курс.

Вспоминаю, и становится стыдно за всё, что показывала в этом году. Сейчас, летом, полна решимости снова и снова вылезать на площадку с глупостями, чтобы ругали, чтобы разносили на части, чтобы учили. Итог всего года: «Вы копытное, вас учат, а вы брыкаетесь, не берёте школу!» Господи, с какой бы радостью перестала брыкаться, если бы понимала, что имеется в виду!

Дневник интересный. (Хотя «Жизни в искусстве» – мало.) Хочу поддержать Вас в том, что Вы в этом дневнике больше занимаетесь людьми вокруг, нежели собой. 4 – P.S. «Что я поняла за 1 курс» – коротенькая и малосодержательная. З. Корог.

Со второго курса мы, неожиданно для себя из студийцев ТЮЗа превратились в студентов ЛГИТМиКа, что не изменило принципов обучения, но сильно повысило статус: вместо корочек о среднем специальном образовании – диплом о высшем.

«Эгоистическая холодность: ВУЗ, а почему бы и нет? Это же надо заслужить! Это не само собой разумеется! Незаслуженно свалилось. НИКОГДА БОЛЬШАЯ ПОЛОВИНА ИЗ ВАС НЕ ПОСТУПИЛА БЫ В ВУЗ! Если вы добьётесь чего-то в искусстве, то и это вам будет обычным, ДОЛЖНЫМ. Вы разовьёте преувеличенное отношение к себе и будете требовать незаслуженных благ. Теперь не может быть отговорок: «Это всего лишь наши милые забавы». Государство требует отчётного отношения. Вы представляете марку школы и театра. Я не понимаю ваших скоропостижных болезней. Талант – это ещё и здоровье. Хуже, если не болезнь, а недисциплинированность. Недисциплинированным делать здесь нечего.» – З. Я Корогодский

Творческие сюрпризы (обязательные) – путь к самовоспитанию. Надо сотворить маленький факт искусства. Не нужен тв. сюрприз, если он никуда не продвинул. Забавы, шутки, трогательные поздравления – не худо, но т не нужно. Трогательное и милое содержательным не бывает, Не пускает корней в душу, остаётся на поверхности. Актёр делает зрителя собой, через себя. Что становится содержанием в искусстве?

ОПЫТ ЛИЧНОГО ЧУВСТВА – ЛЮБВИ И НЕНАВИСТИ.

(Передайте Старых: если она не перестанет влюбляться, – мы её ничему не научим!) В произведении звучит либо любовь, либо ненависть, защищающая любовь. Всегда в основе – любовь! Чтобы ненавидеть – надо любить. Любовь – дар, не всем данный. Но чем она проверяется? Чувством гражданина, а не биологического экземпляра, человека, ответственного за общество и за самого себя. Милосердием проверяется, состраданием, доброжелательностью, стремлением другому помочь, другому дать, энергией, потраченной на другого. *(Доброжелатель: Старых, как гиена бросается на чужие несчастья.)* ***Любовь активная, преобразующая, больная состраданием. Любовь: боль и ненависть, горькое чувство, требующее силы и воли.*** *(О ком Вы, Зиновий Яковлевич? Обо мне, восемнадцатилетней?)* ***Надо относиться к жизни так, как будто теряешь близкого, или уходишь сам. ЛЮБИТЬ БЕЗ УМИЛЕНИЯ И СЕНТИМЕНТАЛЬНОЙ СЛАБОСТИ.***

Ученик – человек, причастный к твоему делу и жизни. Причастность – критерий подлинности. С институтом вы связаны только юридически. Надо найти верную позицию между двумя полюсами: институтом и театром. К институту – вежливое, тактичное, не больше. Процесс обучения: процесс создания иммунитета, ко многим заразам, которые ждут.

«О мрамор нам подошвы не стирать,
Не суетиться нам у зеркала большого.
Своими нам дорогами шагать,
У нас Свой дом, у нас ДРУГАЯ школа»

- курсовая песня.

30.09.70

Я, наверное, становлюсь мещанкой. Если в прошлом году могла пять часов подряд спорить о проблемах бытия и сознания, упивалась, читая краткий философский словарь, то сейчас… Сижу на лекции по диалектическому материализму. Зачем стоматологу философия? Ну вот, он лечил, лечил зубы, а потом задумался: почему так часто портятся зубы, нет ли здесь социальных закономерностей, стал философом. А кто же зубы будет лечить? Главный вывод первого курса: действовать, а не раздумывать. Поэтому так скучно слушать курс философии. Эти вопросы, типа: «Что первично?», «Что такое время?», «Что такое смерть?» – только ломают головы, не разрешаются, приводят к ненужным умствованиям. Так ведь опять крайность! Да, я не могла бы сейчас как Галка спорить до хрипоты о том,

материально ли сознание, потому что это бесполезная трата времени. Но… «Действовать, а не раздумывать!» – ведь так родился фашизм! От мещанства родился фашизм! Что бы ты делал сегодня, если бы завтра должен был умереть? Попытался бы сделать сегодня как можно больше хорошего для людей. А я? А, может быть, пошла бы, ограбила магазин и взяла бы от жизни всё, что она не успела дать и, скорее всего, никогда не даст, потому что я сама не возьму, сдерживаемая нормами морали и, главное, – собственной совестью. Но что значит совесть для смертника, у которого нет «завтра» и нет «как жить с таким грузом на совести»? Даже героизм можно рассмотреть с этой точки зрения: перед смертью сделать подлость? Кого-то выдать? Предать? Для чего, если жизнь я этим не спасу? Все понятия, все идеалы имеют власть над человеком только тогда, когда он любит жизнь, хочет жить. Ради долгой жизни стоит ломать себя и обрекать на трудности и жертвы. Вот опять пишу ерунду и никак не остановиться.

3 окт., суббота.

Очень хотелось сделать вечер поэзии Цветаевой, но почти никто не поддержал. Всё разваливается. Неожиданно пришла поддержка в лице Вити Емельянова, да и Ольга горит. Милый человек, на которого всегда можно положиться. Правда, всё равно будет маразм: то, что намечалось на целый вечер, придётся укладывать в 10 минут зачина. Раскрыть Цветаеву за 10 минут? Абсурд! Да и нужно ли это кому-нибудь? И с Галкой совсем худо. За что её так ломает? Я-то ведь знаю, что дело совсем не в замужестве (что ей вменяют в вину при каждом удобном случае). Замуж она вышла больше по доброте душевной, чем по собственному желанию. До последней минуты брыкалась, не хотела, собиралась убежать. Такая маленькая, для неё ли всё это? Но что-то всё-таки случилось. Почему самым тонким, самым человечным – самая трудная судьба. Ведь живут же другие вполне счастливо. Незаслуженно. Я ненавижу счастливых даже в студии. Им слишком мало нужно для счастья. В Б. Р.З. репетируют наблюдения. А я сижу и тихонько завидую. А наблюдения у них, должно быть, прекрасные, судя по тому, что рассказывали.

5 окт., понедельник.

Занятие с З. Я. Поздравили Вен. Мих. Поразительно, у человека родился сын, и хоть бы что, – всё равно всё время в театре и с нами. Представляю, как ему это трудно! Прочитали Цветаеву. Ничего не получилось, потому что ничего не изменилось в людях, которые нас слушали. Их не только не

потрясло, но и никак не тронуло.

3. Я. ругал:***«Театральная значительность, пышность, энергия и внимание направлены на эмоции. Говорить надо не чувствами, а картинами.»***

Но я знаю, отчего это так. Если бы читала стихи, менее трогающие меня – всё было бы в порядке. Но когда каждое слово значительно до бесконечности, когда преклоняешься перед тем, что читаешь! Тогда невозможно допустить мысль, что кто-то слушающий не полюбит так же. Тогда зачем читать? Картины есть, и какие яркие! Но невольно плюсуешь, чтобы потрясти. Не тем как читаешь, а тем,**что**читаешь. «Все глухие, слепые! Потому что в жизни такого не было, значит – абстрактно, значит – нет веры, значит – плывёте! Наблюдение – этюд исключительный, отобранный, особо интересный.» Вот так. Таковы пока результаты.

7 окт., среда.

7. среда. Пробовали с Игорем Овадисом отрывок: Пьер и Элен Безуховы. Элен решила взять, потому что в прошлом году «на страстях» обожглась. Хочется найти что-то холодное, бесчувственное, но целеустремлённое. Чтобы спокойно действовать, добиваться своей цели. Но такого отрывка пока нет. Да и этот, с ледяной Элен – разрыв с мужем, – начинается с дикой, хотя и сдерживаемой ненависти, которую приходится «накачивать» за кулисами. Как только вижу добродушнейшую физиономию Овадиса – вся ненависть исчезает. Репетировали долго, но показывать не будем.

10.10.70

Утром почему-то проснулась рано. Приехала в Тюз к 8 ми часам. Сидела, тренькала на фоно. Потом пришла уборщица и стала ворчать и кричать, потому что Галкины камыши вдруг решили размножаться, и их коричневые головки наполнили предбанник пухом до самого потолка. (Это был наш с Галей сюрприз. Ездили с ней за город, влезли в болото, нарезали камышей, набрали жёлтых листьев и украсили предбанник. Мастер потом кричал: «Уборщица не виновата в том, что вы занимаетесь творчеством!») И я вытряхивала этот пух до начала занятий, а он был мягкий и летящий. Ужасно жалко было его выбрасывать. А потом вышла на улицу и села у ног каменных пионеров. Вдруг всё почему-то само оправдалось: нас трое. Мы – скульптуры, мы стоим здесь давно, со дня открытия ТЮЗа. А потом пошёл внутренний текст: Странно, давно я здесь сижу, а каждый раз ночью, когда нас освещают фонари, мне становится

неловко, кажется, что все прохожие смотрят только на меня, догадываются, что я – живая. И каждый вечер, когда я смотрю на улицу Дзержинского, возникает удивительное ощущение полёта. Но полететь я не могу, потому что – часть скульптуры и с каждым днём становлюсь всё более каменной, потому что эти болваны забирают у меня всё тепло. Вот опять мёрзнут спина и ноги, как каждую ночь. Бездушные камни! Они целыми днями улыбаются и смотрят вдаль, а сами ничего не видят! Оторваться, бежать, лететь… Внизу стояла завтруппой Елизавета Ивановна, текст сбился, и я не сразу сообразила, что надо встать и поздороваться. И так жаль было! Ведь вряд ли когда-нибудь так «заживу» на площадке. А потом всю ночь гуляла по городу. Потому что надо же проводить осень. Листья тихо-тихо вальсировали. Ночью почему-то исчезает реальность. Остаётся пруд, где воды не видно из-за листьев, где утопилась Катерина. Остаётся звон часов на башне Петра и Павла, а фонари сквозь жёлтые листья – резные и золотые. А в фонтане плавают кораблики. Удивительная ночь! Потому что это – откровение. Я тысячу лет не была таким ребёнком: совершенно спокойным, бездумным, счастливым. Сама в себе не ожидала такого: куда-то бежала. Прыгала, кувыркалась… В ворохах листьев. Обалдеть можно! Вот так приходит уверенность.

12.10.70

А наблюдение всё-таки, пришлось выдумать. Но оно, кажется, должно получиться, потому что тема уж больно больная. Как часто видишь ребятишек, которых за руку приходится тянуть из буфета на второе действие. А когда они, не дождавшись конца спектакля, ломают двери, давят друг друга, чтобы встать первыми в очередь за пальто, так и возненавидишь их иной раз. Да и не только дети, взрослые ведут себя так… послушаешь разговоры после прекрасного спектакля, и возненавидишь род человеческий… Завтра надо показать.

14 окт., среда.

Весь вечер в Публичке искала отрывок. Станюкович «В мутной воде».

Вроде бы… но уж больно не нравится само произведение, неинтересно делать. Лесков – «Леди Макбет Мценского уезда» – такая силища! И ни одного игрового отрывка: то убийство, то нет диалогов, то нет борьбы. До смерти обидно! 51 страница всего, а вышла я из библиотеки, почти шатаясь. Вот бы сыграть когда-нибудь! А главное: так понятна Катеринина трагедия, как будто со мной это было, только очень давно. Сочувствую ей до боли! А

ещё я ненавижу себя за то, что очень легко поддаюсь внешнему воздействию: книге, фильму, спектаклю, музыке. Плачу, чувствую, сопереживаю почти до физического ощущения. И никогда мне не удавалось что-либо подобное в отрывке, не могу воздействовать сама на себя. Очень хочется по-настоящему расплакаться на площадке. Для меня это пока критерий веры в обстоятельства.

15.10.70(краткий конспект урока)

Творческий опыт – опыт нервной клетки, то, что вошло в кровь не только буквально, но и через опыт воображения, как опыт сенсорной системы(?). Чтобы сыграть рабочего не надо вставать к станку – надо увидеть, наблюсти. Бальзак не был куртизанкой.

Играет воображение артиста – возбуждается воображение зрителя.

Артист должен быть человеком с юмором. Смеётся легко – плачет ещё легче. Идеал артиста: СВОБОДНАЯ, НЕПРИНУЖДЁННАЯ ЛИЧНОСТЬ.*(О па-на! Должен быть, конечно, если его не пугают ежедневно.)*

«Смысл обучения: вернуть взрослых к детству, к собственной человеческой сути. Детство, (но не инфантильность!) – свобода от предрассудков, вера в то, что есть, было, будет, лёгкая переключаемость из одного состояния в другое. ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ УСТРЕМЛЁННОСТЬ, ОШЕЛОМЛЯЮЩАЯ ПОДВИЖНОСТЬ. Нельзя приобретать кругозор, знания, умения, мудрость за счёт детскости. Но, возвращаясь к детству, идите к зрелости, мужеству.»

25.10.70

Наблюдение – этюд исключительный, отобранный, особо интересный – открытие невероятного. ПОДСМОТРЕННОЕ. Наблюдение проходит всеми путями подлинного процесса, но – усложнено. Наблюдение – этюд на более сложном уровне. Мы это видели, нас это волнует. А вы всё обозначаете.

«Художественный опыт не адекватен жизненному. Нельзя враждовать с жизнью и людьми. Нельзя воображать, что ты благороднее, возвышеннее, чем другие.»

(Это уже ко мне лично: самый тяжёлый характер в классе. Причина – высокомерие. Раздражимость от того, что «недооценивают».)

05.11.70

«Профессия требует соединения наива,

неприспособленности, неискушённости с трезвостью и исключительным здравым смыслом! Можно не принимать порядок вещей, но понять его и уважать. Цель не достигается однообразно. Вы обязаны быть заинтересованы в том, чтобы я ругал вас за смелость. Чтобы стать человеком, имеющим право пророчествовать, влиять на сознание других необходимы: трудовая дисциплина, человеческий облик, мораль, трудолюбие. Остальное прилагается. Природа чувств проявляется в природе общения.»

Что я поняла за второй курс.

Когда работа, что называется, «греет», – внутренний текст идёт сам собой. Если надо нарочно заинтересовывать себя – необходимо огромное усилие, чтобы вызвать его. Но даже и тогда, когда вн. текст идёт, что-то ещё, чего я не поняла, мешает. Откуда игра в «светскую даму»? Это контролировать не могу. Отсюда – неуверенность. Хочется начать второй курс сначала, не освоено умение вести вн. текст. Сейчас страшно браться за какую-нибудь работу – кажется, что без этого навыка ничего не смогу. Надо искать комедийные, характерные куски – на них лучше всего проверяется школа. НЕ ИСКАТЬ ВНЕШНЕГО – оно придёт само, если двигаться к цели и думать от лица человека, которого играешь. Если поймать образ его мышления в каждой конкретной ситуации, характерность придёт сама. Комедийные куски – сильное испытание умения верить в предлагаемые обстоятельства. Обычно я колюсь, когда смешно, не выдерживаю. Это ещё надо освоить.

Дневник ведёте лениво, без усилий. Впечатлений много, мало анализа. Выводы по второму курсу поверхностны. Где записи 4-го семестра? З – З. Кор. P.S.Ожидания могут не состояться. Будет горько и мне.

ДОКТОР:– Простите, но я устал. Так много правильных слов…

– Ну да.

Я нарочно не сокращала весь этот блок, несмотря на повторы. Именно так обрушивались на нас эти прекрасные формулировки, правильные и недосягаемо совершенные, для меня абсолютно непостижимые. Думаю, что не для меня одной. Только две однокурсницы убедительно существовали на площадке: Галя Михайлова и Оля Лысенкова, и обе – за счёт изначальной, врождённой естественности, незамутнённой лишними знаниями. Остальные болтались в подвешенном состоянии, неспособные

найти опору и помочь друг другу. Но знание пришло потом, потом, намного позже, уже после окончания института, когда нашлись люди, старший курс, объяснившие мне простыми словами, на конкретных и понятных примерах все эти страшные термины: подтекст, действие… В самом деле, как неопытный студент может точно найти действие, как режиссёр, никогда не побывавший в нашей шкуре может объяснять, что такое внутренний текст, который, к тому же, должен быть интенсивным? Нет, Нет, нет никакого внутреннего текста! Теория, теория в словах, и неосознанный и бессмысленный повтор одних и тех же физических действий. Полагалось, что от количества выходов на площадку зависит озарение. Но не получалось. Одно существовало совершенно отдельно от другого. Простите, учителя, я много лет разбирала эти завалы и выработала на их основе простые и понятные рекомендации. Может быть, когда-нибудь, если будет востребовано, напишу брошюрку. А главное – игровое самочувствие должно возникать в радости, а не в унынии!

Дневники за второй курс утрачены, но, думаю, потеря невелика: там те же самокопания, борьба с собой и окружающим миром, который никак не хотел подстроиться под мои о нём представления. Нас постепенно стали выводить на большую сцену. Сначала – конечно же, «Конёк-горбунок», поставленный ещё при Брянцеве, потом – «Наш цирк», «Сказки Пушкина». Неотвратимо произошло то, от чего нас так долго ограждали: встреча с актёрами, среди которых еще много было стариков-основателей, и со старшим курсом, о котором надо сказать отдельно. Это был фантастический курс, весь состоящий из ярких индивидуальностей, находящихся в состоянии непрерывного соперничества и монолитного сотворчества. Когда они заходили в «наш» предбанник, мы здоровались вставая. Предбанник был расписан Гошей Антоновым, и мы бросились расписывать окна и оставшиеся стены. Я удивлялась тому, как странно складываются как бы случайно собранные группы: в классы школе – наши «А» и «Б» – разительно отличающиеся по внутренней сути, курсы… Не может быть, чтобы педагоги сознательно собрали в одном случае – сплошь молодых звёзд, в другом – закомплексованных, рефлексирующих, или, в худшем случае, беспросветно глупых. Подозреваю, что эти компании складываются опять-таки, по чьей-то неведомой воле, чтобы пройти по жизни примерно одной дорогой. Да, в нашем случае, все возвышенные призывы звучали напрасно: мы ничего не были способны создать. Мы плелись вслед старшему курсу, в лучшем случае повторяя ими созданное. Даже наблюдения, составившие костяк «Открытого урока», вовсе

не были наблюдены, а талантливо сочинены теми же старшекурсниками. Перед глазами стоит Гошино «И я бы мог!», наблюдение, не вошедшее в спектакль. Дядька подзывает пацана, достаёт м аленькую, стакан: – Будешь? Понимаешь, талант, это – как деньги: либо есть, либо нет! Пей! Вот я бы мог! И ты бы мог! Но… Гоша, Гоша… Как будто сам себе накаркал.

Однокурсник Юра Ильин, будущий лауреат Госпремии, был тогда реальным кандидатом на отчисление. Высокий, с широченными плечами и огромными голубыми детскими, всегда встревоженными глазами, он был патологически нервен и зажат. Казалось, что как солдат Урфина Джюса, он не владеет деревянными негнущимися ногами, а если упадёт – то плашмя, и обязательно проломит пол. Он предложил Марусе сыграть какую-то американскую новеллу на двоих, и рискнул привести в качестве режиссёра старшего коллегу. Вот тогда в её жизни и появился Кира Филинов, но Маруся не оценила жеста Судьбы. Отрывок сыграли, её с Ильиным не отчислили. Можно было жить дальше.

Проблемы, накопившиеся за эти два года, привели Марусю к безапелляционному выводу: чтобы избавиться от повисших на ней ярлыков эгоцентрика самовлюблённой фальшивой барышни с непомерными запросами, надо ИДТИ В НАРОД!

Обстоятельства способствовали моим стремлениям. В секции переводчиков, созданном Львом Иосифовичем Гительманом я познакомилась с Толей Кулешом, театроведом, увлечённым Цветаевой. В его перепечатке я впервые прочитала письма к Тесковой. Марина Ивановна нас подружила. Кружок милых людей собирался в путешествие автостопом в Елабугу, на могилу. Прекрасно! Правда кружок как-то незаметно распался и, и остались только мы с Толей, но… если я чего решил…

Два рюкзака, два спальных мешка, некоторое количество сухих супов и каш в брикетах, котелок и какая-то смешная сумма в рублях.

Поначалу всё было совсем не страшно: купили билеты на поезд до Ярославля, целый день гуляли по городу, посетили колыбель русского театра, театр им. Волкова, белый Гостиный, белая набережная, белые церкви… Кресты манили – через базар, через подворотни и нафталинные дворы, манили, и разочаровывали: склад, швейная фабрика… руины. Скрипят оторванные ветрами, изъеденные ржавчиной листы кровли, зарастают травой колокольни, а на окнах старинных церквей – чайники, герани и грязные бутылки из-под кефира. До Ростова – 5000 км! Как бы хорошо на поезде! Может, добрые люди подвезут! Я как-то до этой самой решительной минуты не

представляла себе нашего пешего хода. Оттого-то видимо, дрожащим от страха голосом высказалась против поезда. Начинался поход. Бодро надели рюкзаки и пошли вдоль трассы в сторону Ростова Великого. Машины проходили мимо, а мы стояли на обочине, переглядываясь и перетоптываясь. Постепенно до меня стало доходить, что мой товарищ, прошедший армию, старше меня на целых семь лет, совершенно не способен брать инициативу на себя. Пути назад не было, и я выскочила с поднятой рукой и криком: – Дяденька, дяденька, подвези! (Урок на всю жизнь: уверенной в себе, сильной и способной на поступки я становилась только, когда обстоятельства припирали к стенке! Если бы обстоятельства об этом знали, сколько всего я могла бы совершить!) Как мы любили шофёра! Целых 12 км! Как горячо мы подхватывали каждую его реплику, как объясняли, рассказывали, делились планами! Пока машина не свернула на просёлок, и пожилой шофёр не взглянул многозначительно и выжидательно. Мы очень смутились, быстренько выпрыгнули, помахали ручкой и пошли дальше. Шли часа два со средней скоростью 3 км/час, всё по шоссе. Мимо проносились шикарные туристические автобусы. И только, пробившиеся сквозь пыль, грохот, гуденье, шипенье редкие всхлипы петухов и коровьи лепёшки напоминали нам о том, что мы находимся в центре России, на большаке. Пот лил обильно. Топали мимо лесочков, мужественно закрывая глаза, проходили мимо остановок междугороднего автобуса, пока не пошёл дождь. Остановился автобус-драндулет, переполненный. Подвыпившие тётеньки и дяденьки ехали в Ростов. Первый раз нахожусь в тесной пролетарской среде. Так что же такое – народ? На заднем сиденье весёлая женщина запевает высоким, хрипловатым голосом. Вот уж, действительно, душа поёт: голос срывается, но она тянет, как ни в чём не бывало. Очень по-русски – вперемежку с криком. Напротив меня – муж с женой. Он в одной майке – жарко. Удивительное лицо – живая карикатура, причём, очень-очень знакомая. Вспомнила – кукла-пьяница в театре Образцова. Очень хитрое, очень доброе и глупое. На красных белках – синие-синие глазищи. Его качает, но непослушным, очень громким голосом, фальшиво начинает подпевать. И так это у него хорошо получается – с душой. Жена сердито одёргивает его, ворчит и пыхтит рядом. Он наивно хлопает глазами, послушно затихает. Вот так весело доехали до Ростова. Высадили нас чуть не в центре. Где ночевать? Как за город выбираться? Вышли по крутой улице на берег озера и ахнули: озеро Неро – огромное, спокойное. Солнце садится, небо сереет, и озеро сереет. А на другом берегу – поля, золотые, ещё светлые, и кое-где – колокольни. Нашли лодочника, договорились, взял он нас в

лодку, и поплыли мы! Ну, такого восторга я давно не испытывала. Отъехали от берега, и весь Ростов оказался перед нами: лес куполов, колоколен и крестов, маленькие, издалека уютные домики… Высадил нас паренёк на берег. Оглянулись мы: слева озеро, справа, сзади, заросшее, в кувшинках, а впереди – трава по плечо и мошки над ней. Ступили – вода. Но ничего, пошли вперёд. Я думала: не дойдём. Рюкзаки плечи оттягивают, мошки кусают, в сапогах вода с грязью хлюпают, а через траву не продраться: густая. Высокая, острая осока. Падали, проваливались, петляли, кровь в висках бьёт, лицо в испарине… в общем. Масса удовольствий. Наконец, выползли и упали. Через мокрое скошенное поле кое-как перешли, чтобы опять оказаться на шоссе. Я, конечно, разочарована. Весь день мечтала о ночлеге где-нибудь посреди леса – и на тебе: узкая полоска деревьев, проклятая цивилизация: бумажки. Банки, мусор в общем. Но какой везучий день! Послышались голоса, и из шалаша, замаскированного между деревьями вылезли пацаны. Они оказались сговорчивыми, так что мы были обеспечены не только крышей над головой, но и печёной картошкой с луком, и беседой часов до 11. Рассказывали они, в основном, о пьянках, и самых известных по этому делу героях. Важно закуривали. И странно: то, что в обычной жизни кажется отвратительным, из их уст звучит естественно. Пьяные подвиги, драки, воровство воспринимаются как само собой разумеющееся. И ещё: мальчишки нам попались добрые, любопытствующие (а я так боялась хулиганья), страшно подумать, что лет через 20 станут они грубыми, суровыми людьми, с которыми трудно будет найти общий язык Да и надо ли?

Солнце пробивалось сквозь щели шалаша почти отвесно – встали поздно. Пошли к монастырю, который так приглянулся нам с озера. Вблизи всё оказалось не так привлекательно: только что стали расселять людей, которые жили в монастыре. Всё неухоженное. Загаженное. Но туристов уже возят, показывают снаружи. Двинулись дальше по главной улице. Театра в Ростове нет. А жаль. Я бы хотела жить (с вами?) в маленьком городе. Тихая провинция, в которой ещё сохранился дух старины. Одноэтажные домики, сады, цветы, тополя. И над городом – Кремль: огромная белая стена, а за ней целый город: 53 креста, 53 купола и 15 колоколов на звоннице. Правда. знаменитые ростовские звоны можно услышать только во время съёмок кинофильма, или с пластинки. Город резной, крытый серебряной от дождей осиновой черепицей. Город сказки. Смешались с экскурсантами и обошли весь музей. Тишина, гулкость и светлость церквей. Дивные росписи. Над стеной – навес,

огромные брёвна. Со стены виден город, по ней можно обойти весь Кремль, под стеной – озеро. Отстала от группы, иду одна – молодая боярышня. Само по себе возникает «если бы» и Вера. Долго ещё не могла освободиться от этого почти сна. В маленькой палате – крошечная дверь. Крутые ступени. Каморка за решёткой – квадратный метр. Кандалы. Окошко с два кулака. А до солнца метров пять камня. И это самое страшное. Я уже сижу там, пытаюсь подняться, посмотреть в это окно-трубу. Но даже солнца не видно. Бьюсь тихонько головой об стену. Долго-долго. Чтобы не думать ни о чём. Страшно. Заживо погребение. Как под землёй. Воздуха не хватает… А потом – огромная белая грановитая. И пруд с утками.

Вышли на шоссе, уже уверенно голоснули. В Переславле были к вечеру. Родина Александра Невского, родина русского Петровского флота. Памятник Александру. Маленькая церковь, его помнящая. На холме по-над городом, по-над озером Плещеевым – монастырь. Туда мы не попали – было закрыто. Двинулись дальше, в сторону Юрьев-Польского. 20 км проехали на сельском автобусе, по тарифу. Такого в моей жизни ещё не было: идём по просёлочной дороге, за нами садится солнце, небо чистое-чистое и золотое на западе. Ещё жарко. Свет удивительный. Село скрылось, с двух сторон – стена ржи, а над ней – верхушки дальних колоколен. По дороге шли долго, молча. Дивный, торжественный звон кузнечиков, пчёл. Птиц. Лес впереди уже тёмный. Только верхушки ещё празднично светятся. В лес вошли – сразу в синь. Туман, шелест. А воздух лесной так густ, так пахуч. Что одного полного вдоха мало: надо так вдохнуть, чтобы заполниться им до пят, до кончиков пальцев. Я вдруг поняла. Что искусство не обязательно рождено творением рук человеческих. Искусство первоначальное. Древнее – подражание природе, желание выразить восторг перед родной землёй: песней, слезами. Молчанием. Первый раз в лесу ночевали. Палатки не было – только спальники. Выбрали ель погуще, чтобы не промокнуть. Долго не могла уснуть. Кричали ночные птицы. Лес жил.

Утром оказалось, что есть нечего, но, странно, меня это не огорчило. Дорога наша была пустынной. Долго шли, начался дождь. Рюкзак вымок – отяжелел, дорогу мгновенно размыло, ноги увязают в грязи, то и дело поскальзываемся, но я даже рада: почему то хочется сделать себе хуже. чтобы было ещё труднее, как будто мщу себе за что-то, или от чего-то лишнего хочу освободиться. Очень хотелось к концу путешествия стать другим человеком… А прямо на дороге росли белые грибы. Прошли километров десять. Недалеко от деревни Симы, где умер

Багратион, под проливным дождём остановилась огромная «Шкода». (Странно, когда машины пролетают мимо, и лишь мелькают равнодушные лица шофёров – это кажется естественным, но когда большущая авто из-за меня сворачивает на обочину, – делается неловко и, одновременно очень хорошо! И с какой благодарностью смотрим на шофёра! Ведь мог бы и не останавливаться. Мог!.) Из машины вышли только в Юрьеве-Польском. Наконец, пообедали в столовой. (Всё время думаю, как бы похудеть, это – одна из целей похода, но тут уж не до того.) Подошли к монастырю – выходной, но дверь открыта. Вошли с опаской. Подошли к навесу, под которым от дождя скрывались рабочие. Около 4-х часов, а они уже пьяные. Как один. И очень благодушные. – Ты, осторожно, вишь, щас на девушку упадёшь, – говорит один другому, вздумавшему подняться по крутой лестнице, после чего тот благоразумно переходит на четвереньки для безопасности. Среди работяг – студент из Киева, ужасно обрадовался, заговорил до смерти, посоветовал ночевать не во Владимире, а в Боголюбово, у сторожа Покрова на Нерли. Монастырь, вернее его руины осмотрели. Груды кирпича, гниющие голубиные трупики, всё заросшее бурьяном, но настоящее.

К Покрову шли по огромному полю, собор вырастал на фоне набухшего чёрного неба и светился изнутри. «Белый лебедь»! Домик сторожа – остатки монастырской постройки, оказался забит до упора туристами, байдарочниками, школьниками… Долго пришлось уговаривать, чтобы потеснились, но договорились и даже сообща сварили суп из собранных нами белых грибов. Вечером пришла хозяйка, села и стала рассказывать. Простая, малограмотная женщина, но как она говорила! Как она знала и любила свой белый собор! Расспрашивала учёных, старожилов, и стала ходячей энциклопедией. Заснули на голом полу, считая это верхом комфорта.

День решили провести в Суздале. Остановили два грузовика, гружённых камнем. Мне шофёр попался молодой, лихой. Всю дорогу говорили. Парень очень смущался, бравировал, а я забыла все свои комплексы: болтала легко, просто, без «украшательств». Сама себе удивлялась. _Выговор у тебя не наш. У нас – на «О», как камни. Суздаль оказался слишком большим для восприятия, слишком знакомым по кинофильмам, слишком туристическим. Церкви закрыты, в музеях – выходной, наша невезуха! Вернулись на Нерль, искупались. (Чуть не сказала – домой.) Как мало надо для счастья! Иностранцы осматривают русский пейзаж, в который я вписываюсь, стоя по колено в воде, застирывая единственную

рубашку. Ночь. До ближайшей деревни – два км, огни, лай собак – далеко. А здесь – только ветер, сильный и тёплый, вливающий в жилы одуряющий аромат цветущих лип, близкие – близкие звёзды, в которых плавает крест Покрова. Собор светится в темноте – прямая дорога в небо. Восторг (или ещё что-то, не найти слово!) вливается в грудь, переполняет её, его чисто физически не удержать внутри: надо вылить, ВЫРАЗИТЬ! Ищу слова, напрягаюсь, надо крикнуть их, прекрасные, как эта ночь, в небо, чтобы не упасть под тяжестью этой величественности, не быть раздавленной. Но нет такой песни. Танцую, ору (слава Богу, что никто не видит), кажется, что, если найду слова – взлечу в небо, стану равной этому великолепию, стану Богом. Ощущение такое сильное, что хочется рвотой изрыгнуть внутренности, вывернуться наизнанку. Слова маленькими серенькими червячками прячутся в траве, чтобы стать жалкой копией звёзд – это всё, на что они способны, бессильные. Я побеждена в этой борьбе и повержена. Плачу от бессилия и переполненности. И только Цветаевское: «Чёрная, как зрачок, как зрачок сосущая свет, люблю тебя, зоркая ночь! Голосу дай мне воспеть тебя, о Праматерь песен, в чьей длани узда четырёх ветров! Клича тебя, славословя тебя, – я только раковина, в которой ещё не умолк Океан. Ночь, я уже насмотрелась в зрачки человека! Испепели меня, Чёрное Солнце, Ночь!»

Цветаева победила. Бах победил.

Утром отправились во Владимир. Золотые Ворота. Наверху – музей. Галерея Героев, погибших в Великую Отечественную. Лопоухий паренёк 18 лет на фотографии, удивлённые глаза, солдатская форма. Под фото – указ о присвоении звания Героя. Посмертно. Он был младше меня. Дмитриевский собор – резной, кружевной. Успенский – действующий. Полутёмный. Запах ладана, свечи, много-много икон. Рублёвские росписи – «Шествие Праведных жён»…

23.07.71

Рано утром выходим на дорогу. Долго голосую. Начались тяготы совместного путешествия. Долгое общение с человеком утомляет и раздражает. Товарищ мой оказался нервным и капризным. Я, конечно, тоже хороша, но пересилить раздражение не могу: не разговариваем. К тому же, он не умнее меня, а в 26 лет это непростительно. Я не прощаю, хотя знаю, что не права. Ловим грузовик и едем молча, до самого города Горький, где, как известно, ясные зорьки. Бородино проехали без остановки. Часа в три прибыли. Прошли по главной улице. Кремль смотреть не стали – лень. Вышли на шоссе. Сил почти нет: разморило,

укачало. Пить хочется страшно. Придорожная столовка – лучшее место для ловли попутки. У пивного ларька – очередь. Общаются трёх-пятиэтажным матом. Наблюдение: из дома выскакивает разъярённая женщина и на этом языке пытается убедить пьяного мужа вернуться домой. Он пугается, но, пьяному море по колено! бодро огрызается на том же языке. Наблюдение не для показа. Я думаю, что не выдержу, убегу, но нет – эти дни меня здорово изменили. Здесь мат естественен, как еда, а у меня простые заботы: еда и ночлег. Стою спокойно, изучаю фольклор. Да и потом: что за предрассудки – слова! Буквой больше – прилично, буквой меньше – нет! Какая разница. Я даже отважилась на кружку пива, чем привожу в восторг шоферню: свой парень! Мимо проходит огромный дядька с хлебом Совершенно обнаглев, бегу за ним: – Дяденька, дяденька! Возьми с собой! (Дяденька направлялся к головной машине колонны. Горький- Оренбург написано мелом. Я не могла упустить такую возможность). Спутник мой залезает в кузов – едем! Шофёры обычно долго молчат, но потом – прорывает, рассказывают о работе и о сынишке (обязательно!). Никогда раньше не думала, что с «работягами» может быть так интересно! Невольно сравниваю: шофёр – сильный, уверенный, спокойный, и я, глядя на него – уверенная и сильная, я – простой парень без кривляний, «милоты» и комплексов, останавливающий машины и так быстро находящий общий язык с незнакомыми(так кажется) – и мой друг, по праву старшинства пытающийся быть во главе нашей экспедиции. Но потерявший уже авторитет. Почти совсем – уважение и власть надо мной. Человек, который в комнатных условиях казался идеалом ума, такта, эрудиции, поражал знаниями и суждениями, здесь оказался беспомощным. Начитанность не заменяет опыта. А то, что раньше казалось милой детскостью, здесь видится инфантильностью. Ехали до темноты. Нас накормили и уложили спать в кузове на сене. Утром были в Казани.

Я переоценила свои возможности. Писала слишком подробно и не успела к сдаче дневника. Посему перехожу к воспоминаниям сорокалетней давности, потому как «Каждый день помню так подробно, вижу в ярких картинах, как будто это было накануне. В путешествии удалось добиться той жизненной полноты, которой так не хватало. Дни были долгие-долгие, и каждый стоит нескольких в обычной жизни. Конечно, хорошо было бы так всегда жить, но нереально. Одно дело – перепрыгивать высокий забор, другое – преодолевать собственную лень. Одно дело – физическая усталость, другое – работа над собственной психикой. От второго устаёшь намного больше. Мне, для того, чтобы

чувствовать себя живой необходимо постоянное движение.»

Итак, в Казани, где у Толи были родственники, задержались дня на три, отоспались, отъелись, погуляли по городу. А дальше – трасса, уже наработанные способы передвижения: в кабине, в кузове вместе с колхозниками и мешками, как придётся. Елабуга стала мистическим испытанием. И так напряжённые отношения стали невыносимыми. За 50 км от города мы полностью прекратили общение. Город поразил высоченными заборами и пыльными пустынными улицами без намёка на цветущий уют. На кладбище нашли памятник, поставленный сестрой Анастасией, но, как объяснили сторожа, неизвестно, на том ли месте, где могила. Впечатлительные, мы поддались эмоциям, кто-то от кого-то убежал, (что было довольно рискованно, потому что, несмотря ни на что, вдвоём мы могли преодолевать все трудности, но невозможно представить, что бы значило остаться одному посреди кладбища в неуютной Елабуге!) кто-то кого-то разыскивал, потом кричали друг на друга, потом замолчали ещё на 50 км. Дальнейшее передвижение не было отмечено культурными потрясениями, потому что двигались вниз по Уралу, через Бугульму и Бугуруслан, стремясь в Среднюю Азию, где, якобы ждали Толю в Душанбе.

В Орске выяснили, что дорог дальше нет – пустыня. В полном опустошении пытались поспать на вокзале, не представляя себе, что дальше делать. Толя отлучился, вернулся нескоро, не один, сияя: Женя, новый знакомый, произвёл на него потрясающее впечатление: мало того, что знал всю питерскую богему, называл по именам общих знакомых, разбирался в литературе, но… (главное!) направлялся в Ташкент, и знал, как туда ехать: на тормозных площадках! Вот это было открытие! Тогда, в 72 году по нашим железным дорогам ходили ещё старые, времён гражданской войны дощатые грузовые вагоны с обязательными тормозными площадками, одну из них мы заняли втроём, прихватив с собой демобилизованного солдатика. Счастье было недолгим: товарняки пропускали все гражданские составы и двигались со скоростью велосипедиста. На площадке было тесно и холодно, ещё и очень жёстко. Толя – высокий, худоплечий, с очень загорелым, изрезанным глубокими морщинами лицом, на котором ярко сияли узкие, пронзительно-голубые глаза, не стал скрывать, что – вор, медвежатник, только что освобождённый из лагеря, запасся кипятком и выпил все наши запасы чая, потребляя исключительно чифир, учил греться по-зэковски, сильно растирая ладони, и вообще, был само обаяние и предупредительность. Этот день был, всё-таки, одним из самых тоскливых: степи вокруг, верблюды, и нудное, с постоянными остановками, продвижение. К

ночи доехали до станции. Знаменитый разъезд, кажется, Кандагач – деревянный барак в степи, в котором, как выяснилось, сосредоточилась вся культурная жизнь окружающих степей: целая толпа подростков слонялась, не находя применения своей молодой энергии.. Мы с Толей купили в буфете еды на четверых, поели, и Женя потребовал гитару. Пел он песни Высоцкого, хорошо, характерно опустив углы рта вниз, с особой, блатной интонацией, которую тут же распознали мальки, окружили тесным кольцом, откровенно выражали восхищение, а я сидела в центре, и Женя пел только для меня, и все это видели, и я чувствовала себя королевой «Малины». Только… где же мой Толька? Выскочила на улицу, а там – мой театровед и мальцы с огромным тесаком! Заорала, вышел Женя, сказал несколько слов на непонятном мне языке, спасла, можно сказать, Толе жизнь.

Но, очевидно стало, что грузовым транспортом мы передвигаться больше не хотим, хотя деньги на исходе. Женя, абсолютно уверенный в себе, сказал, что и на пассажирских можно ездить бесплатно и абсолютно безнаказанно, только надо, чтобы я пошла с ним, солдатик к машинисту, о Толя – куда хочет. Мы его найдём. Повёл меня Женя в вагон-ресторан, где заказал портвейн. Казалось, что контролёры, действительно, не должны беспокоить обедающую публику, но… допив портвейн, Женя повёл меня через состав. В каком-то тамбуре прижал меня к зарешёченному окну: – Ты меня под ребро зацепила! В Питере мне нельзя – только в Луге, но у тебя всё будет: шубы, деньги, всё! Ну?? Дверь тамбура открылась, быстро проходящий мимо мужик с железными зубами спросил: – Давно от хозяина? – Только что. Не знаю, что я лепетала, но Женя вдруг исчез, мне удалось найти Толю, с которым мы вдвоём забрались на третью, багажную полку плацкартного вагона и пытались не дышать, сделать вид, что нас нет, но нас обнаружили, пришлось заплатить за билеты, отдать, практически, последние деньги. Но до Ташкента доехали. Там, на вокзале нас и разыскал жизнерадостный Женя. – Ребята, здесь погуляем, у меня куча друзей, надо только, чтобы не подумали, что я с зоны, слушайте, дайте мне ваш фотик, будто я журналист! Отдали, идиоты-идеалисты, конечно – с концами, со всем «Золотым кольцом», Нерлью… Сутки ждали на вокзале возвращения блудного сына… Спать нельзя было. При нас у спящих снимали часы. У нас уже брать было нечего. Одного хорошо одетого юношу, явно руководящего воришками, спросила: о чём мечтаешь? – Стать большим начальником, руководить и ничего не делать! – Баи, они и остались Баями. На путях нашли вагон-магазин, направляющийся в Кушку. Рисованные ковры, ткани,

галантерея… Приютили нас до Самарканда. Сбылась мечта! Когда-то, в ролике перед киносеансом показали комплекс Шах и Зинда, с цветущими вокруг маками. Как захотелось увидеть! И вот… денег хватило и на лаваш, и на чай, и на фантастические манты, и, даже, на дыни, которые стоили совсем копейки. Самарканд изучили досконально: обсерватория Улуг-бека, Регистан… там из автобуса вышли французы, и я грязная, оборванная бросилась к ним как к братьям, крича что-то по-французски о всемирном братстве. В Душанбе решили не ехать. Купили самые дешёвые билеты на поезд до Омска, где жил Миша Левшин, которому везли самую красивую и душистую дыню. Четыре дня восхитительной передышки, и опять… На тормозных площадках было уже кайфово: держаться за поручень, практически летя над дорогой, касаясь гранитных туннелей, ловя встречный ветер. Ночевать в стогах сена, считая падающие звёзды. На какой-то станции побежала за кипятком, наткнулась на таборную цыганку, по привычке посторонилась – Ты что, девка? Ты же такая же, как я! И, в самом деле! Довольно большой обратный путь мы проделали в вагоне, в котором везли лошадей во Францию на колбасу, зарывшись в

сено, пропитываясь их запахом. Куйбышев, Пенза, Рязань… Москву объехали по кольцевой – очень хотелось домой. Последний грузовик довёз нас до восьмидесятого километра от столицы. В полной темноте топали по шоссе, пока хватало сил. Ночевали на двух скамейках автобусной остановки, а там уже… дом. Ровно 30 дней. Поздно вечером позвонила в дверь, открыл отец, на лице – никаких эмоций (Я ни разу не звонила) – Живая вернулась?

ДОКТОР:– Сочувствую вашему отцу.
– Да, наверное… но болела мама…

ПИСЬМО МАРИНЕ

«Защищая своё гипертрофированное достоинство ты, в который уже раз! – очень больно задела моё – отцовское. Потеряв надежду найти общий язык и вновь обрести в тебе друга, а так же, будучи убеждён в недопустимости продолжения наших аномальных отношений, решаюсь на окончательный разрыв с тобой.

Эти деньги тебе до стипендии, а дальше – получай «самостоятельность», за которую ты боролась (не там и не с тем!) с упорством, достойным лучшего применения.

Отныне в нашем доме к твоим услугам «только» постель. Ни нянек, ни кухарок, ни прочего… Только брать, не давая ничего взамен – несправедливо. Старая, даже для тебя, истина…

17 ноября 1971 Отец.»

ДОКТОР:– В чём же было непонимание?

– Не помню. Судя по дате, это было за четыре месяца до смерти мамы. К тому времени тётя Муза уже просветила Марусю, сообщив, что у отца есть женщина. Няньки? Кухарки? Стипендия была рублей тридцать, по рублю на день, это, если не покупать одежду. Маруся уходила из дома до восьми утра, чтобы успеть на лекцию к девяти, возвращалась после часу ночи. Когда мама периодически ложилась в больницу, за время между лекциями и вечерним мастерством надо было успеть приехать в Ульянку, приготовить еду и отвезти на Каменный остров. Скорее всего, папе просто очень не нравилось абсолютное влияние «этого еврея» на дочь. Или уже мучило чувство вины перед готовящимся предательством.

И потом, «девочка созрела».

На первом курсе Марусю познакомили с Толей Колибяновым. Он учился в институте на курсе Андрушкевича, был на два года старше. Высокий, плечистый блондин, он не мог не понравиться. Встречались урывками, между занятиями, если Маруся успевала, в знаменитой пирожковой на углу Литейного и Белинского. Однажды Толя решился навестить Марусю в Ульянке, но потом всю ночь шёл пешком к себе на Пороховые, потому что трамваи уже не ходили. А Маруся весь вечер обсуждала с ним номер, который придумала для «Нашего Мюзик-Холла». Уже летом Толя договорился с однокурсником, который для вполне понятной цели уступил свою комнату в Петродворце. Всю ночь не спали, ни на что не решаясь. Так и не решились. Хотя и с мамой Маруся уже познакомилась, и понравилась ей, и картинки Марусины надрывные Толя застеклил и повесил на стену… Но…

– Что но…?

– Но я же о том всё время и говорю: в Марусе был ужасный изъян, как потом сказал один замечательный художник; «Как обидно! Ты похожа на драгоценную вазу с маленькой трещинкой. Но через эту трещинку вся вода и утекает!» Маруся металась и страшно утомляла. Маруся искала опору, мечтала подчиниться и сопротивлялась малейшему давлению… Ну и, в конце концов уже на первом курсе старшие товарищи объяснили, что успокаивают только сигареты и алкоголь… Увидев Марусю со стаканом вина, Толя сказал: – Я вижу, что за этим последует!» и бросил Марусю. Она была ужасно привязчива, не могла так сразу взять и порвать! Однажды в учебном театре на Моховой был какой-то вечер сюрпризов, через весь зал Маруся увидела его белую голову над голубым свитером, а на сцене шёл номер под песню «Биттлз» And

i love you… и Маруся бежала, ветром высушивая слёзы, и ехала на Пороховые, и стояла полночи под окном… Где-то около часу ночи к замёрзшей Марусе подошёл какой-то молодой человек и предложил пойти к нему переночевать. Он привёл Марусю и уложил её спать, а утром в комнату влетела мама юноши с криком: – Что это ты водишь тут по ночам блядей! И Маруся наскоро одевшись, бежала, опять бежала, а юноша бежал за ней и просил остановиться и просил прощения за мать, и так до самого служебного входа…

Всю жизнь Толя проработал в Малом Драматическом. Сначала играл главные роли, потом перешёл на эпизоды. Потом совсем стал мало играть. Очень боялся потерять театр. Очень боялся… всего… Друзья говорили, что никогда не видели настолько застенчивого актёра. В кино начал сниматься рано, но не продолжил, имея прекрасный голос, мог бы делать концертные программы, но не стал, личную жизнь от всех скрывал. В 86-ом встретились на Чапыгина в телепостановке. Толя сказал Марусе только одно: – «У меня есть сын Тимур.» Как потом выяснилось, всю жизнь он прожил один. Следил за собой, бегал трусцой, и умер от туберкулёза в 64 года. Памятник на могиле поставили за счёт театра, перепутав дату рождения, ошибившись на 10 лет.

– Он, наверное, любил Марусю, отказался от неё и ничего не нашёл взамен… Не могу не думать о том, как бы сложилось… ведь Маруся никогда не опускала руки, и, значит, и ему не дала бы потерять веру в себя…

ДОКТОР:– Нет смысла гадать, что было бы, раз ничего нельзя исправить.

– Конечно. Просто странно, что он, так же точно, как Маруся, не видел другой жизни, кроме жизни на сцене, лишил себя обычных человеческих радостей, а результат – грустный… Что один человек может дать другому, если отбросить страхи и условности? Даже взрывная, как гремучая смесь, связь может дать ускорение и выход на орбиту… А может и убить… Только нельзя узнать это, не попробовав.

ДОКТОР:– Мы говорим о вас…

– Мы говорим о Нас, о странном сообществе людей, которых учитель называл Цыганами, которых презирают, хоронят за границами погоста, которыми восхищаются, которые на виду, если успешны, и погибают в забвении, лишённые своего привычного адреналина…

ДНЕВНИК

Третий курс начался, как обычно, с сюрпризов курсу. В дальней каморке, служившей нам для переодеваний, я расписала стену: женщина в платке на фоне храма. Когда подошла моя очередь, зажгла свечу, пригласила всех присутствующих в каморку и торжественно объявила: – Александр Солженицын, «Вдоль Оки». Очерк был посвящён заброшенным храмам и гибнущей национальной культуре. Реакция мастера: – «Спасибо, что потолки не расписала.» Некоторое время спустя, узнала, что очерк написан Солоухиным, и мой диссидентский порыв был напрасен.

Итоги третьего курса. Летняя работа.

Прошедший учебный год, сумбурный и странный, поразил меня своим результатом. Постоянное ощущение кризиса, упадка, чувство обречённости и бесполезности всякой попытки как-то выкарабкаться, гнетущее ощущение потерянного, уходящего времени, не покидавшее мня весь этот год, почти полная потеря интереса к работе, и, в конце года – недельный аврал, который, казалось, уже не спасёт положения, тяжёлые взаимоотношения внутри курса, невозможность совместной работы, скандалы, истерики… И, неизвестно откуда взявшаяся, пусть маленькая, уверенность в своих силах, когда чувствуешь себя уже не беспомощной студенткой, но уже немножко – актрисой, в конце года. Только на последнем в году занятии с З. Я. вдруг поняла, что не так уж бесследно прошёл этот год: где-то внутри нас, незаметные нам, происходили изменения, шёл рост, приведший вдруг к качественному скачку. Он проявляется в почти исчезнувшем страхе перед площадкой, в появлении удивительного покоя и ответственности, и, главное – пусть небольшой, но – свободы! З. Я. сказал, что мы научились работать самостоятельно, и это, конечно, главное в прошедшем году. Я, правда, не научилась работать одна, несмотря на все конфликты, без сокурсников, режиссеров с параллельного курса и старших, пришлось бы очень худо. Во время гастролей театра в Москве дважды играли «Открытый урок», в отсутствии педагогов сами отвечали за качество спектаклей. Реакция зрителей была удивительной: как в дни премьеры. Сейчас мне необходимо проанализировать сделанное за год, чтобы выяснить, что же было приобретено и что потеряно.

Пятый семестр прошёл впустую, в заботах, не имеющих отношения к профессии. Почти перед самым экзаменом, (где-то

за месяц), начали репетировать вдвоём с Л. Дмитриевой сцену из «Доходного места». Разбирали внимательно и подробно, добились того, что верили уже друг другу, но, видимо, не то разбирали: на экзамене волнение не по существу взяло верх, всё найденное смешалось – ничего не вышло. Горько и стыдно. В шестом семестре оказалась незанятой в работе над «Рыжиком». Слонялась и тосковала. Начались вводы в «Наш только наш», и это стало спасением. Участие в кордебалете даёт очень много: это радостное пребывание на сцене, освобождающее тело и нервы. Танцевать готова бесконечно.

Этапом стала работа с Мишей Богиным над постановкой сцены и танца из «Порги и Бесс» Гершвина. Мне нужен режиссёр! Разрозненные теоретические знания Миша систематизировал, они обрели практическое подтверждение. Верно найденное событие в каждом маленьком эпизоде, верно названное, потому что многое зависит от нюансов, делает действие конкретным и направленным, не остаётся времени «на переживания». Прекрасным учителем оказался и партнёр – Гена Егоров со старшего курса. Он ещё в самом начале работы поймал меня на неправде, которую я сама не замечала: действие физическое отрывала от словесного: сначала делала что-то, а потом «говорила слова». Оказалось, что соединить довольно трудно, но когда удавалось – вера в происходящее приходила. Постоянно Гена останавливал меня: – Не верю! Действуешь не в полную силу, поддаёшься!» Я, оказывается, уже успела «приспособиться»: научилась существовать правдоподобно, особенно не затрачиваясь. В ходе репетиций Гена не позволял мне врать, если я его не убеждала, останавливал сцену до тех пор, пока не добивался полного воздействия. Было тяжело: постоянное напряжение – и физическое и духовное, – но прекрасно! Моментами мне казалось, что действительно живу на площадке.

В день показа умерла моя мама. Пять часов проведя у её постели, услышав последний всхрип, позволив сошедшим санитаркам подвязать отвисшую челюсть, отрыдав в кабинете доктора Зельдовича, выкурив с ним заграничную сигарету, приехала в студию, работать. Танец был настолько сексуален, что режиссёрский курс замер, не дыша, только Вайткус вдруг громко выдохнул. Никто не догадался, что со мной произошло страшное.

«Не позволяй чужой женщине войти в наш дом…»

«Никогда, мама…»

«Запомни, Лёня ни с кем не будет счастлив …»

Дома меня не ждали – отец непрерывно ставил пластинку с записью 6-ой симфонии Чайковского, а на третий день привёл в дом женщину, которая сделала меня практически бездомной.

– Мама, если есть «тот свет», теперь ты знаешь, что вся моя жизнь была бы другой, если бы не твоя страсть жариться на солнце, ведь ты бы не позволила…

– Теперь это знаешь ты.

– Если я перед кем-то и виновата…

– Ты была совсем чужая, как и твой папочка, презрительно кривила губу. Я отдала тебя во французскую школу, я научила тебя читать, я таскала десятками килограммов овощи и фрукты с баз, чтобы у вас были витамины, я варила борщи и пекла пироги, чтобы вы не голодали, на гроши я исхитрялась «Из говна конфетку сделать»! – и я видела только снисхождение в твоих глазах! Но вспомни…

– Да, я помню, чистый сюрреализм: каток на Петроградке, куда ты меня привезла почти ночью, и мы вдвоём (о! тебе должно было быть уже 38, ты же уже была старой, но смогла встать на коньки!) в полном молчании нарезали круги. И да, бассейн, и, главное, ты захотела пойти со мной в кино, а я привела тебя на «Рукопись, найденную в Сарагоссе», а ты ничего не поняла, но молчала, видимо, предчувствуя, что скоро уже никого не будет интересовать твоё мнение…

Когда ты собирала вещи в больницу и, как обычно, хлопала дверцами шкафа, папа спросил: – Я могу чем-то помочь? Ты закричала: – Чем, чем ты можешь помочь!?

– Ну, тогда я пойду, мне надо беречь нервы.

Мы приехали в поликлинику при онкодиспансере, а там была очередь, а ты вдруг побледнела и стала оседать, а я подумала: Вот какая артистка, всё сыграет, чтобы пройти без очереди!

Только из кабинета ты уже не вышла. Доктор Зельдович объяснил, что тебя кладут в больницу, подарил мне пачку каких-то ни кем не виданных импортных сигарет, и сказал, что тебя кладут в больницу до конца, чтобы не мучились мы, к этому не готовые… Я долго курила на Берёзовой аллее (и пыталась запомнить это состояние, чтобы потом верно сыграть).

– Ты знаешь, если я и была перед тобой виновата…

– Ты искупила всё своими страданиями… Я, дура, когда ты уже никого не хотела видеть, кроме меня, пела тебе: «Мне кажется порою, что солдаты…» Я инстинктивно пыталась успокоить тебя, намекнуть на внеземную жизнь, о которой сама не имела ни малейшего представления, а ты просила не пускать в наш дом чужую женщину. Папа с братом приехали, впервые за всю историю болезни, постояв на пороге палаты, попрощались и ушли.

Ужас в том, что, поскольку между нами так и не возникла близость, поскольку я не теряла мать, как основу своего существа,

пять часов агонии я наблюдала, как сторонний наблюдатель, время от времени взглядывая в окно, где мрачно нависало над чёрными стволами серое питерское мартовское небо. И только после того, как произошёл последний вздох, я бросилась целовать ещё тёплые руки, такие знакомые, с искривлёнными мизинцами, пытаясь поймать последнее тепло…

– И я, и я никогда… Господи! Как бы мы с тобой, наконец, поняли друг друга! Вся моя жизнь случилась бы иначе! Ведь ты не позволила бы мне избавляться от детей, ты бы встала на мою защиту, я знаю…

ДНЕВНИК

Нас часто обвиняют в неумении действовать, в игре в «естественность». Работа над «Вей, ветерок!» была для меня тяжёлой и поучительной. На первом этапе, когда мы ещё не знали названия пьесы, не имели текста, знали только сюжет, по которому надо было этюдно воссоздать реальность, я потеряла к работе интерес. История казалась чужой, совершенно не грела, я никак не могла поверить в обстоятельства, придуманные нами же, не зная обычаев, жизни деревни, многое считала надумью и литературщиной, не могла свести концы с концами, спорила, ударилась в скептицизм. Выходила на площадку механически, не веря ни себе, ни партнёрам. В общем, стыдно вспоминать. Нельзя позволять себе не заинтересовываться работой, даже, если трудно: появление интереса не стихийно, зависит только от нас самих. На какой-то момент, когда схема выстроилась, примитивно, но всё-таки определились цели каждого персонажа, работа, вроде, зажила. У нас появился новый педагог – Мих. Гр. Шмойлов. Позволили прочитать пьесу, меня поразило, насколько точно иногда мы в пьесу попадали своими придумками, но… теперь мешал стихотворный текст. Никогда в жизни я не сказала бы: «Не отдам я! Не отдам я! Никому! Никому!» Как это сделать своим? Самостоятельно сцены репетировать было невозможно: девочки по очереди бились в истериках, кричали, отстаивая своё мнение, считая себя умнее и опытнее, либо, наоборот, рыдали, называя себя бездарями, в общем, старая история. Бич всех трёх лет: обстановка, совершенно не способствующая творчеству. Единственный способ избежать скандала – работать маленькой группой, и с мальчиками, но это не всегда возможно. Оценка З. Я. категорична: – «Профнепригодно!». До сих пор не понимаю, чему мы обязаны этим удивительным сдвигом, произошедшим после ночной репетиции с Мих. Григорьевичем. Сил не было никаких, отрепетировав свою сцену, выходили на внутреннюю галерею, чтобы забыться на голом полу, и только М. Г. не унывал, зажигал всех личным примером, от отчаянья появился энтузиазм… А потом родился этот приём с платками: превратил вдруг обыденную работу в интересную игру, захотелось озорничать. Вот это состояние: «хочется озорничать», стало для меня определяющим в работе, даже, когда в роли есть трагическое. Ещё не знаю, как этим пользоваться. Когда носишься с платками, тело в движении, физическая усталость страшно помогает: слова рождаются сами собой. Но главным, наверное, стало осознание

цели работы: что хотим сказать, какую проблему поднимаем, про что, вообще играем. После занятия с З. Я., когда всё это выяснилось, работа получила цель и смысл. Правда, у меня таки ничего не получилось. Сначала казалось: иду от себя, не задумываясь, какая она – Зана. Замечание З. Я.: «Зана – замкнутая», «Зана – гусыня», сбило меня совершенно. Я схватила только качество, не найдя ему оправдания в предлагаемых обстоятельствах, не уточнив, а как же это проявляется в действии, и – потеряла действие. Когда действие удавалось найти, смысл, почему то становился с ног на голову. Чувствую, что без помощи не обойдусь.

Должна сказать, что эта роль была моим мучением довольно долго, несколько лет.

Сергеич посмотрел, тонко подметил, умница: – «Ты – как самовар, который внутри кипит, а наружу ничего не выходит!» Так и было, пока Маруся ждала, когда же что-то родится внутри, как учили. После каждого спектакля можно было вызывать «скорую» – настолько задавленные эмоции разрушали организм, казалось, сердце останавливается.

ДНЕВНИК

«Что можно совершить,
перебирая вздохи, но летопись души –
как летопись эпохи»

Галина Губанова

– Но, как вы понимаете, доктор, не искусством единым…. Пришла пора… Природа требовала своего… Подруги юности уже давно стали женщинами и смотрели на Марусю мудро и снисходительно.

– Маруся лишилась девственности в 19 лет, когда уже просто неприлично было оставаться в неведении. Дальше всё по накатанному сценарию: своего избранника достала… опять слёзы, страсти в клочки… а тут появляется Кира…

– Теперь можно доставать его?

– Ну, примерно так… Правда до этого Маруся назначила встречу своему первому мужчине, конечно же, тоже актёру (а куда деваться, если мы все были в стенах одного сумасшедшего монастыря!) и гордо сообщила ему, что изменила.

– Чтобы отомстить?

– Нет, за что?

ДОКТОР:– Проснулось то ваше глубоко спрятанное «Зло»?

– Наверное, нет, если вы сможете это понять. Ведь у Маруси не было никакого личного опыта. И не было женского интуитивного чутья. Она подсознательно стремилась пережить незнакомую ситуацию, пронаблюдать её, как бы со стороны, запомнить, чтобы потом сыграть. Это страшное свойство актёров. Даже на похоронах, в самых страшных ситуациях, актёр немножко смотрит на себя со стороны, чтобы запомнить и потом использовать свою реакцию. Но, об этом уже много написано. И потом, если не знать своих тёмных глубин, как можно играть Шекспира? Нет, конечно, в ТЮЗе эта перспектива не светила, но – Марина Мнишек – страсть властвовать…

– Так далеко можно зайти.

– Вы правы. Но и мой первый, судя по театральной реакции, тоже почувствовал себя немножко на сцене. А главное – внешне взбешённый, он, похоже, испытал истинное облегчение, передав Марусю на другое попечение.

Как я уже говорила, общение с актёрами совсем не поощрялось, более того, было запрещено. Но… разве уследишь, если уже на первом курсе студентов выпускали в массовых сценах легендарного «Конька – Горбунка» вместе со всеми. Видимо, артистам тоже запрещали смущать нашу невинность и святую веру. Громогласный Михайлов, легенда, ветеран, принципиально не пользующийся гримом, поскольку нос его имел естественный багровый оттенок, возвышаясь над нами перед выходом на сцену, косил глазом, как испуганный конь и напряжённо что-то невразумительное басил. Но потом изолировать в стерильных боксах студентов стало совсем невозможно: их ввели в «Наш только наш», «Наш Чуковский», где по сцене в костюмах баранов и носорогов ходили взрослые актёры и актрисы, общение с которыми стало неизбежным и ошеломительным, во всяком случае, для Маруси.

Если бы она сознательно хотела загубить свою карьеру – лучшего варианта не могла бы найти: артист, на семь лет старше, женатый, возглавляющий театральную фронду, поддерживающий стариков, вечная заноза для Учителя… Она не помнит, когда именно случайные встречи в общих коридорах, по которым студенты передвигались, прижавшись к стене, чтобы ненароком не подхватить вирус «каботинства», стали странным образом учащаться. Вскоре было назначено свидание в метро, на станции «Невский проспект» на первой скамейке. И вот они сидят близко, и Маруся удивляется длине ресниц, оттеняющих эти такие грустные, полные чувства, умные глаза. Во всяком случае, ей так тогда казалось. Знал ли Кирилл, что в поисках «своего» мужчины она даже не рассматривала в качестве кандидатов тех, кого высокомерно называла «спортсменами»? Он действовал безошибочно: вызывал и смех и сочувствие, и желание помочь и спасти… Маруся была покорена. Не известно, как ему удавалось лавировать, куда уходила жена, где была любимая бабушка, но с мамой он её познакомил сразу, вскоре приведя в свой дом.

Это были три комнаты в большой коммунальной квартире на Большом проспекте рядом с площадью Льва Толстого. Одна, большая комната, с роялем, обеденным столом посередине, резным буфетом и старинными гравюрами на стенах, и две узкие, как пеналы, проходные. Киру воспитывали мама и бабушка. Дедушку, профессора я уже не застала. Он был человеком, который сам себя сделал, родом из деревни на реке Паша, где долго жили ещё пять его сестёр. Бабушка – крутая полячка, Ржепецкая. Отец Киры, Игорь, погиб сразу после войны, когда сын ещё не родился. Мама, – урождённая Ипатова,(говорили, что её семейство происходит от незаконнорожденных княжеских

отпрысков), всю свою молодую жизнь прожила под неусыпным надзором свёкра и свекрови, в проходной комнатушке, воспитывая сына. Ему она посвятила себя без остатка, работая секретарём в Первом меде и постоянно беря на дом работу. Махонькая, хрупкая, она непрерывно стучала по клавишам пишущей машинки, время от времени затягиваясь сигаретой без фильтра. Каким должен был вырасти мальчик, воспитанный двумя прямо противоположными друг другу женщинами, не надо рассказывать тем, кто сталкивался с этим довольно частым в большом городе явлением.

Довольно быстро произошло «всё». Кира оказался ещё и опытным любовником и, впервые испытав всю полноту физической близости, Маруся отдала ему и душу.

М. С. 3-й курс

«Моя девочка, здравствуй! Да, я не написал тебе в Ленинград. Ай-яй-яй, какой подлец Кира Филинов. Я смертельно хочу тебя видеть. Ты, конечно – нет. Понимаю, и тем не менее…. Я скучаю, ты мне нужна и нет… Но мы же договорились – не врать! Нужна. Очень. Я ничего не знаю и не хочу знать, но пусть взойдёт солнце. Теперь у тебя на руках не только документ, но и колоссальный повод для смеха. Письмо отдаст Алексей Палыч (Колобов) – не друг, не враг, но можешь ему доверять. Только будь умной и понимай, когда человек валяет дурака, а когда – всерьёз.»

Встречались тайком, у «Грибоедова», выкраивая время в плотном учебном и рабочем графике. Необходимость скрываться добавляла остроты детектива.

Незабываемое 1 мая. Маруся официально представлена друзьям: Валере Кравченко (по прозвищу Жбан) и Юре Ерофееву. Юра пришёл в гости с тортиком, испечённым мамой, Жбан пьёт неразведённый спирт из бутылки и толстым пальцем собирая с тортика крем, отправляет его в рот, по подбородку стекает спирт. Маруся смотрит с изумлением. Кравченко – бывший чемпион Белоруссии по боксу, здоровый мужик, талантливый во всём, к чему прикасается, Юра – тонкий, застенчивый. Обоих Маруся часто видит на сцене в костюмах быков и носорогов, в шапках с рогами. Они уже переросли детский театр, им скучно, они пьют. Кира смотрит победителем.

Гастроли в Москве. Студенты должны присутствовать на всех спектаклях и яростно аплодировать в финале. На сцене пушкинского театра идёт «Гамлет». Декорации устанавливали в спешке, суфлёрскую будку не смогли убрать, накрыли половиком. Сцена приезда бродячих актёров. Первый выбегает из кулисы на

сцену, спотыкается о будку, падает, второй, с огромной корзиной на плечах – падает, третий… Зрители говорят: какое оригинальное решение. В поезде по дороге домой удаётся уединиться в тамбуре. Мимо пробегает Додин, останавливается на секунду в полном изумлении, и спешно ретируется.

Ну да… К концу семестра всегда запарка и нервотрёпка. Репетируют «Рыжика» Жюля Ренара. Маруся хочет играть мадам Лепик, но ей достаётся служанка Онорина, деревенская женщина, совершенно непонятная. Юра Ильин опять на грани отчисления. У Маруси и Комиссарова дела обстоят не лучше. Комиссаров приносит пьесу на троих. До вечера сюрпризов – три дня. Репетировать «этюдным методом», искать правду существования, физическое самочувствие – некогда. Главное – выучить текст, как в старом провинциальном театре. Репетируют ночами на съёмной квартире у Ильина: двое на «сцене», третий подсказывает текст. Вечер сюрпризов затянулся. В первом часу ночи троица гордо объявляет: Мар Байджиев, «Дуэль»! Надо отдать мастеру должное: он не только не упал со стула, но весь этот час с лишним внимательно смотрел на происходящее. Всех троих трясло от волнения. Но с Марусей произошло что-то странное: в экстремальной ситуации вдруг заговорила сама природа, инстинктивно Маруся горбила плечи, говоря об аборте, (о котором тогда знала только по скабрёзным картинкам в убогой электричке, в которой детей везли из пионерлагеря), очень естественно вырывала из рук Комиссарова флягу, в которую он для храбрости предусмотрительно налил настоящий коньяк… – Вот! Вот это настоящее сливочное масло! К всеобщему изумлению сказал мастер после просмотра. «Не повезло… не повезло просто очень, мне, как назло, в эти белые ночи…» – пел Коля Лавров.

Так вот, белые ночи – мимо, прощай мечта… Маруся садится в метро и едет к Кириллу экспромтом. В вагоне он сидит с женой. Это больно, очень больно, ведь Маруся уже считает его своей собственностью и так нуждается в утешении и успокоении! (Если помните, дома у неё, практически нет, там поселилась мачеха.) Дальше – хуже. Видимо, кроме жены ещё кто-то существует, потому что однажды Маруся обнаруживает на себе непонятных насекомых, по незнанию бросается к мачехе, чтобы узнать, что это такое, (а она, конечно, знает), и окончательно изгоняется из дома, заклеймённая соответствующим названием, презираемая отцом. Но наступает лето, и, о счастье! Кира приглашает Марусю поехать вдвоём в Крым, в Алупку. Они ныряют с огромных камней, гуляют в самом ароматном парке на свете, вечером в большой компании молодёжи пьют водку и любят друг друга без помех… три дня. На четвёртый приходит телеграмма о том, что

умерла бабушка, «бабахен», и Кирилл срывается в Ленинград, Маруся, естественно, с ним.

Через семь недель; – Что мы будем делать с нашим животиком? – вкрадчиво спрашивает Кира.

Ответ очевиден: четвёртый курс, Маруся не может рисковать так трудно дающейся профессией. Мама, Надежда Николаевна, по блату устраивает Марусю в мединститут. Операцию по знакомству врач делает без наркоза, приговаривая: – Будешь ещё? будешь ещё?

Но и это проходит. И снова: сидя на полу, они слушают привезённые Кирой из Англии пластинки: сокровище в то время – «Волосы», и, самое дорогое для Маруси, понимающей каждое слово – саунд трек (тогда таких слов не знали) из «Мужчины и Женщины», Френсис Лэй. Пьют рижский бальзам, пополам с водкой. Маруся всё больше привыкает к крепким напиткам.

Со съёмок в Великих Луках. Август 1972

«Здравствуй, моя девочка!

Вот уже и неделя кончается, а я тебя не вижу и скучаю. Я о тебе всё время думаю, о тебе, о Беньке, о маме. Я тебя люблю и боюсь потерять это внутри себя. Я только и думаю о том, чтобы сохранить это. Одним словом: остановись мгновение. Разлука – вещь жуткая, но когда понимаешь, что тебя где-то ждут, становится легче. Кроме того, не знаю, как тебе, а мне здесь многое стало ясно в наших отношениях. Ты всё боишься, что у меня уже всё было, всё в прошлом, что ты для меня только ассоциация, напоминание. Но я-то знаю, что я никого никогда так не любил, «так» – не значит «так сильно», в любви вообще нет степеней, есть только любовь, либо её нет), просто я никого не любил так, как тебя. И между моей любовью к тебе и всеми моими прошлыми любвями такая же разница, как между мужчиной и мальчиком. И самое главное, то, что является предметом моей гордости и источником энергии для меня – ты сделала меня мужчиной в полном смысле слова, мужчиной по существу. Так что можешь радоваться, прыгать на одной ножке, бить в ладоши, ты у меня даже не первая, ты – единственная. Я знаю, что буду это беречь как единственную ценность в своей жизни. Запомни только, что я буду с тобой только до тех пор, пока буду тебе нужен, и мы расстанемся в тот момент, когда ты перестанешь во мне нуждаться. Всё это

для меня чрезвычайно серьёзно. Я видеть тебя хочу сейчас, твою непривычную серьёзную физиономию, твои губы. твои глаза. твои лапки. Я, наверное, холодный мужик, но я не хочу тебя целовать, обнимать, я только хочу посидеть рядышком и смотреть на тебя, моя маленькая. Какое-то я пишу тебе странное лирическое письмо, ведь собирался написать деловое и бодрое про то, как я тут живу. Но это ничего, про все дела я напишу маме, а ты мне пиши почаще, я так люблю получать письма, да и писать тоже, только нужно расписаться, поэтому не сердись, что письмо такое короткое, завтра или послезавтра напишу подлиннее. Спи спокойно, моя девочка, я не исчез, не испарился, я просто вышел на минутку и скоро вернусь. Целую тебя. К.»

«Здравствуй, Маришка!

Ну вот мы с тобой и поговорили по телефону. Я очень был рад услышать твой голосок, он, кстати, изменился, наверное, со сна. Ты разговаривала сегодня со мной «взрослым» голосом. Вообще ты ведь знаешь – человек, (любой!) всегда «человек с тысячью лиц». Кое-какие твои лица я уже изучил и голос тоже. Я очень его люблю, хоть тебе он не нравится, как ты говоришь. Он у тебя такой… как бы это сказать…соответствующий (ай-яй-яй, какое красивое слово!) Нет, не могу выразить, плохо у меня с художественными образами. Ну ладно, пусть, такая уж я бездарь. Ты не обращай внимания на мою маму, я понимаю, что она пересахаривает. Но мама – прирождённая жертва, она очень добрый человек, эгоистичный альтруист, она просто не мыслит жизни вне заботы о ком-либо. Поэтому будь умной, умей не сопротивляться, а использовать, будь внимательной сама и всё получится. Ты для мамы, я думаю, сейчас как награда за всю её несложившуюся жизнь. Да, впрочем. Не мне тебе объяснять, я очень верю, девочка, в твой ум и тонкость и такт. Что же касается твоего письма, оно меня очень обрадовало. Ты начала думать, думать, анализировать – это для меня настоящий подарок. Я тебя прекрасно понимаю и принимаю со всеми твоими эмоциями. Кроме того, я рад. Что ты нарушила своё собственное табу – первая начала разговор о Наталье. В твоих рассуждениях есть только одна маленькая ошибка. Тебе никогда не придётся заменять «ту», вообще в отношениях никто никого заменить не может. Наталья

занимает и сейчас определённое место в моей душе – «своё» место. но ты занимаешь своё – своё собственное, принадлежащее только тебе. ты другой человек и это замечательно. Ты развязала мне язык, и я ещё обязательно вернусь к этому разговору, но не тревожь себя понапрасну. Я всё таки очень рад, что ты (вот такая!) у меня есть, наверное, даже счастлив. (я боюсь высоких слов, они пугают чувства.) Ну, вот и всё. Целую тебя в глаз и нос. Пиши и звони. Поцелуй маму и пообещай ей, что когда я вернусь, мы замечательно заживём втроём. Жбан тебя целует. К.»

Жизнь с Надеждой Николаевной тогда, действительно, была замечательной. Её так забавляло, как Маруся ждёт Киру, как расцветает ему навстречу, как теряется, роняет столовые предметы, зависит от каждой шутки, реагирует непосредственно и сразу, зависит, зависит… зависит..

Из Англии приехал Бернард Джей, самый красивый мужчина, которого Маруся видела. Они задружились во время английских гастролей. Ему устраивали приёмы, когда Кира был занят, Беню оставляли с Кравченко (Жбаном), который, не зная ни одного слова по-английски, рассказывал ему анекдоты. Войдя в номер гостиницы через два часа, Кира с изумлением видел хохочущего, всё понимающего Беню.

Втроём не зажили. Самый счастливый период быстро закончился. Кира стал холоден, бесчувственно смотрел в потолок, наконец, признался: ты слишком легко мне досталась, я должен был тебя завоёвывать.

Что тут скажешь? Наверное, он был прав. Маруся, слишком глубоко усвоив поэзию Цветаевой, почти идентифицировала себя с Мариной Ивановной. Категорично. До конца. Без жеманства. Без ухищрений. Заем прикидываться, заманивать, разжигать пыл, если я уже – вся твоя? Маруся не знала, что такие отношения возможны на расстоянии, в переписке, а в жизни утомляют. Особенно такая привязанность тяготит профессиональных ловеласов, каким оказался Кирилл. Видимо, потому и не торопился разводиться. Жена его не утомляла.

Летом на несколько дней втроём: мама, Кира и Маруся поехали на родину деда, в деревню на реке Паша, рядом с Петровским каналом. Поселились в одной комнате на втором этаже огромного, столетнего дома. Пять сестёр деда Филинова пекли фантастические пироги с сигами и в голос, по-народному пели: «что ты, ветка бедная, ты куда плывёшь?» Много лет спустя Маруся узнала, что стихи – Ивана Мятлева.

Глупая Маруся, как многие тогда девицы, заметив прыщик, тут же начинала его выдавливать. Почти всегда на этом месте образовывалась огромная воспалённая шишка. Кира дотрагивался до неё и говорил: «И Карлссон снова проверил, не проросла ли персиковая косточка!» Марусе это казалось верхом остроумия. Но была история с нарывом ещё более драматическая: у Маруси тогда, без мамы, которая, вроде бы, должна была бы направить, было плохо со вкусом: она, не имея денег, сама соорудила себе чёлку и покрасила волосы перекисью водорода. Если прибавить к этому самое короткое из возможных мини и растянутую кофту, связанную ещё мамой, вид был, мягко говоря, залихватский. И вот, в день сдачи экзамена по русской литературе Маруся утром не смогла открыть глаз, над которым накануне что-то выдавливала. Шишак ещё и пульсировал. Маруся бросилась в поликлинику, но там её перенаправили в районный кожно-венерический диспансер. Высидев очередь с сифилитиками, Маруся, наконец, попала к врачу, который намазал шишак вонючей мазью Вишневского и заклеил глаз пластырем крест-накрест. Он в сочетании с вытравленными волосами и вульгарной чёлкой явно указывал на профессию, к которой Маруся не имела чести принадлежать. Вот в таком виде она и отправилась на экзамен, но, конечно, опаздала. Юрий Николаевич Чирва уже уходил по аллее. Маруся догнала его и протянула справку из КВД. Господи, какой удивительный человек, дай Бог ему здоровья! Он совершенно невозмутимо, не задав ни одного лишнего вопроса, попросил дать ему зачётку и со словами: «Я верю в Ваши способности!» поставил пятёрку по литературе.

Но, вернёмся в деревню на Паше. Закаты были фантастически красивы, Маруся рвалась куда-то, в поисках ускользающего несбыточного, предлагала Кириллу погулять, разделить восторг. Он отвечал: – «Я не вписываюсь в твоё представление о счастье.»

Ночью пытались любить друг друга под одеялом, а мама делала вид, что спит.

Можно предположить, что Маруся от отчаяния занялась неумелым психоанализом, и, желая вернуть счастливые дни, подчинить ускользающего возлюбленного, окончательно его присвоить, написала жестокое письмо. Оно не сохранилось, но отзвук его в письме Кирилла:

> «Мариша! Я тоже начну с призыва к самообладанию, и логике, и уму. В отличие от тебя, пишу это письмо обычными чернилами, хотя оно и имеет для меня огромную ценнность. Ты во многом права, ты – действительно, умная 21-летняя женщина, поэтому

надеюсь на эти твои качества. Всё, что ты пишешь о маленьком, некрасивом, тщедушном, изуродованным мальчике – правда. Я мало рассказывал тебе о своём детстве, ты сама дошла до всего – честь тебе и хвала за это. Действительно, я был одержим комплексами, да и сейчас у меня их предостаточно, как у каждого человека. Действительно, я хотел соответствовать определённому идеалу мужчины, который почерпнут из Хэмингуэя, Куприна и Лондона. Я многое для этого делал и многого добился. Я хотел быть мужественным и решительным, и стал таким, может быть, – напоказ. Я совершал в своей жизни самые разные и хорошие, и дурные поступки, может быть, на очень поверхностном уровне. Но я знаю каков я, и на что я способен. Если я чего-то не делаю, то только потому, что не хочу, а если сильно захочу, то делаю всегда. Мой теперешний кризис проявляется в том, что я ничего сильно не желаю: могу делать, могу не делать, но не делать – легче, и я, как всякое разумное существо, поступаю согласно этому. Ты ошибаешься в одном: внешний вид сделать легко, быть таким на самом деле – трудно. Губит меня одно – ты совершенно права: сострадание к ближнему. Только я называю это любовью или жалостью. Моя беда в том, что я всех могу понять и каждому человеку посочувствовать, я только помочь ему не могу, стоит человеку помочь – он повисает на тебе, и уже не выпутаться. На мне висит слишком много людей. Твоё письмо вырвало меня из мучительных раздумий Буриданова осла перед двумя кормушками сена. Почитай повесть Горького «Коновалов» или посмотри спектакль «Хозяин» – там герой – носитель «сострадальческой» философии, вынужден покончить с собой потому что не может осчастливить людей к которым неплохо относится. Во мне – нерастраченный запас нежности, я нежный человек, но теперь я предоставлю этому кладу гнить внутри меня посмотрим, во что это превратится. Я был сострадальцем – теперь хватит! Все вокруг требовали: «Поступи!» (но так, как было бы лучше нам!). Хватит с меня! Я начинаю действовать, поступать, пусть решительно, бесповоротно, жестоко. Я надеялся на понимание – меня не поняли, приняли за другого человека. Ты не представляешь себе, как трудно быть сильным каждому сильному, если только он не животное, грубая скотина. Я «плакал в трансе» рядом с тобой, потому что не хотел быть

сильным, теперь я им буду. Пора вырваться из этого болота, в котором я вязну, разрубить все узлы. И начну я с тебя. Я сострадаю тебе необычайно, знаю, что наношу тебе тяжелейший удар. Мне трудно писать всё это, но я это сделаю. Ты мне чрезвычайно симпатична, у меня болит за тебя душа, я хочу тебе добра и счастья… но не со мной. Я не люблю тебя. Я не могу назвать своё чувство любовью. Я сознаю свою вину, раньше она убила бы меня, теперь – нет. Я сохраню самые добрые воспоминания о тебе и не более. Ещё вчера я мог сказать тебе всё это и потом добавить: – Решай сама! Теперь – нет. Я всё решил. Так будет лучше. Ты можешь избрать любую форму отношений между нами, или даже разорвать их совсем, это твоё право, но прежних отношений не будет. Найди в себе мужество дочитать всё это. Тебе очень больно, я знаю. Больше я не буду утешать тебя. Не пытайся меня переубедить – я поступил, так будет правильнее. Моё поведение по отношению к тебе было бесчестным, я признаю это. Впредь этого не будет. Я никого не люблю. Теперь я совсем один: голый человек на голой земле, у меня никого нет – и это болит, но я выдержу, ты меня плохо знаешь. Будь моим товарищем, попытайся взглянуть на меня по-новому, я не такой, каким тебе кажусь. Я знаю – ты потребуешь разговора. Я его выстою. Я скажу тебе всю, а не половину, как обычно, правды. Назову всё своими именами. Крепись. Продолжаю быть твоим советчиком и помощником. Я всегда в твоём распоряжении. Но слабости в отношении тебя я больше не допущу. Моё решение затронет не только тебя, но всех людей, с которыми я общаюсь. Во мне больше нет ни сочувствия, ни жалости.»

Наступил 1973 год.

Получили дипломы. Как тогда было принято, студенты из стран соцлагеря обменивались визитами. Курс Корогодского поехал впервые за границу! В Болгарию! Незадолго до поездки Маруся рассорилась с Кирой, и, упрямая, не хотела идти на мировую. Курс режиссёров, на который только поступил Кира, должен был провожать учителя. Поезд тронулся. Маруся случайно подошла к полуоткрытому окну. Сначала она услышала крик: – «Сумасшедший!», а потом почувствовала губы повисшего на окне набирающего скорость поезда Филинова. Он удачно спрыгнул на платформу, а Маруся убежала в тамбур рыдать. Бедный учитель, который так категорически запрещал подобные связи и

столкнулся с такой рискованной демонстрацией непреодолимого чувства, впервые, наверное, растерялся, зашёл в тамбур и как-то беспомощно сказал: «Вот, что делает любовь!» И удалился.

Дипломные спектакли, грозящее распределение в провинцию, сначала счастье: мастер доверил, оставил в театре, всё уже подписано, Затем беда: новая беременность. А в театре идут репетиции «Весенних перевёртышей». Пронзительная, дрожащая атмосфера возникающего спектакля… Интереснейшие задачи, стоящие перед исполнителями главных ролей. А у нас… Надо бегать за кулисами и звонкими голосами кричать: Римка-а-а-а-а! И, сколько бы раз не повторялась сцена, сколько бы раз не останавливались, чтобы установить свет, надо, не уставая, быть в постоянной готовности… ну, невозможно… постепенно массовка собирается в гримуборной в подвале. Что?? Где?? А у Маруси токсикоз. Маруся тихо линяет, надеясь, что незаметно. Не тут-то было! После репетиции всех собирают в зале. При всех мастер кричит… Что? Маруся не помнит. Смысл в том, что Маруся попала не в свой театр, она не соответствует его основным принципам… и т. д.

Что делать? три дня не появляться в театре, строить планы, как родить, чем зарабатывать… Перспектива была одна – идти в дворники, поскольку Кира, поступивший на режиссуру, как-то устранился. На четвёртый день Маруся пошла на поклон к учителю. Почему-то он говорил только о том, что Марусе надо расстаться с Кирой: – Понимаете, вы – тарелки из разных сервизов! Маруся что-то лепетала, пыталась защищать свою такую духовную связь… но и в театре осталась, и в спектакле. Этот замечательный спектакль шёл много лет. Маруся со подруги играла школьницу. В школьной форме, в хлопчатобумажных чулках на резинках школьницы забирались на груду брёвен, сверкая полными, совсем не девчачьими бёдрами… Ладно, Маруся, а Мила Вагнер, однокурсница Кирилла, ей то было уже тридцать! Да, в детском театре есть определённая специфика. Взрослые мужики, играющие мальчишек во главе с неугомонным Яшей Степановым неслись через всю сцену, чтобы успеть снизу поглядеть на это восхождение…

Кончился сезон, надо было куда-то деваться на лето. А тут оказия: организуется группа для военно-шефской поездки по Киевскому Военному Округу, пожилой травести Брянцевского призыва нужна молодая актриса для исполнения сцены из «Своих людей». Марусю взяли. Уже в поезде стал понятен удивительно странный состав группы: пожилая Фадеева, с первой минуты возненавидевшая Марусю, замечательный в прошлом актёр, спивавшийся в тот момент Геннадий Вернов, вечно недовольная и

вечно неадекватная Лина Дашкевич, замечательный Володя Ставрогин, юная балетная пара: Ольга Матусова, дочь знаменитого тогда эстрадного певца и Никитка Бельский, сын тогдашнего худрука Кировского театра. Оба ненавидели балет, в который насильно были отданы с детства, Ольга – потому, что всё время набирала вес и должна была непрерывно сидеть на диете, Никита потому, что любил футбол.

Из поезда. В совхоз «Шушары»

> «Здравствуй, мой маленький!
>
> Как ты там без меня? Знаю – не скучаешь. Сам себе готовишь, стал самостоятельным и суровым мужчиной? Так странно: еду куда-то, что-то за окном, какие-то люди, лето, юг… без тебя. Ты счастливый, если не живёшь воспоминаниями, которые реальнее действительности. Кабы ты знал, какая противная компания! Как мне не хватает тебя! Отец даже не позволил поцеловать себя: «Не хочется что-то!»

Никто меня не провожал.

> «1-го я шла из театра одна, волоча сумки с книгами. Кто знает, как стать нужной хотя бы одному человеку? До скорой встречи через 39 дней. Целую глаза и пальцы.»
>
> «Я купила в городе Гомеле почтовый набор, развернула бумажку… и увидела твоё письмо, полученное мною давно в Москве от Колобова. И ещё: как я держала этот листок, а на нём прыгали твои буквы, твои слова, и что это было для меня. И ужасно захотелось написать тебе такое же письмо, чтобы ты понял, как это здорово. Но, ничего из этой затеи не получится, сам знаешь почему. Мастер на прощанье мне сказал: «Расстанемся без любви», потому что я так и не смогла поговорить с ним. Что сказать тебе; «Встретимся без любви?» Знаешь, что, если ты напишешь 20 писем и наугад пошлёшь их до востребования в три города, то я могла бы быть счастливой, получив из них одно-два, если б, к тому же, у меня был паспорт. Представляешь? Еду без него! А если ты напишешь Марущенко в Ялту, то я получу письмо только 17 августа. Осталось… 25 дней.»

Вопреки ожиданиям, поездка оказалась приятной и полной впечатлений. Лётчики принимали восторженно, что, кажется, всё-таки не очень соответствовало уровню концерта. Или это

сегодняшний снобизм. Балетные лихо отплясывали характерные танцы из «Дон Кихота», Лина замечательно на пару со Ставрогиным исполняла Некрасовских «Русских женщин», Фадеева злилась, потому что Маруся совершенно не умела играть Островского, но, тем не менее, драматический отрывок в концерте тоже присутствовал. В поезде молодёжь сдружилась, и со всем удовольствием стала принимать участие в щедрых застольях, которые ожидали после каждого концерта, к большой радости Вернова. Во время первого же ужина в окрестностях Киева, Маруся услышала: – Сбежим? А как же! Сбежим с Володей Ставрогиным в тёплую, чёрную, после дождя напоённую опьяняющими ароматами ночь, не зная пути! Ну не сидеть же до ночи за столом! И вот – пустынное мокрое шоссе, долго-долго ничего по сторонам, и вдруг – на высоком холме белая заколоченная церковь. К ней? Конечно! Только склон зарос колючими кустами дикой ежевики, и что с того? Маруся в единственном нарядном платье из настоящего джерси, купленном за 8 рублей в комиссионке, отважно ринулась вверх. Сквозь кусты не надо было пробираться: они так густо срослись, что образовали единый колючий настил, по которому пришлось ползти на животе. Зато там, наверху… Долина, сверкающая огнями, лежит под ногами, тёплый ветер вызывает желание раскинуть крылья… И Володя начинает читать Маяковского. Как он читал! Воспоминание на всю оставшуюся жизнь! Володя вскоре сгорел. Ему было чуть больше пятидесяти. Так же, как и чудному другу Жбану – Валере Кравченко. Поразительно, никогда больше в ТЮЗе не было таких высоких и сильных, настоящих мужчин! Потом какая-то мелкота стала приходить. Играть мальчиков в трусиках. А те, первых наборов, сохраняющие благодарность учителю (Володе и псевдоним-то дал мастер, надо же было догадаться, может «Бесов» тогда читал?), но не умещающиеся в рамках репертуара детского театра, как слоны в зоопарке томились, как скакуны в тесных стойлах… и пили…

Вот так и ездили по Киевскому Округу, и от банкетов не отказывались, и Никитка уже выказывал своё расположение, что дало повод Фадеевой безапелляционно заявить: – Проститутка! И добрались до Одессы, где шефская поездка завершилась.

Письмо из Алупки пришло в Одессу до востребования на имя Ольги Владимировны Матусовой.

«Мариша!

Получил твоё красивое письмо из поезда. Оно меня не обрадовало. Но это ничего, ты же у нас переменчива, как море. У нас дождь, но всё равно хорошо.

Наслаждаюсь. Работаю. Пью сухое вино. Ласты послал тебе в Ялту, в Одессу они бы точно не успели. Живу у своих старых хозяев на улице под навесиком – роскошно. В Ялте тебя будет ждать моё письмо. Думаю, что в Крыму увидимся, если будет желание (у тебя, разумеется). Смотри вокруг себя, не только внутрь. Учись радоваться и радуй. Вот и всё, пожалуй. Напиши, если будет время. Нежно целую, не скучай. Пока, маленький.

В Одессе были несколько дней, Маруся встретила многих коллег. Меньшов снимал фильм «Солёный пёс». В съёмках участвовали Коля Лавров, Таня Шестакова, Игорь Шибанов, Тамара Уржумова. На пляже в перерыве между съёмками Меньшов и Лавров приобщили Марусю к игре в кости. Маруся, убегая от своих проблем, пыталась всё время быть на людях.

Но получила отповедь.

«И, тем не менее, здравствуй, Мариша!

Я прочитал твоё письмо, но не уничтожил, сделаешь это сама, если захочешь, – в Ленинграде.

Начну, скажем, так: всё, что ты написала верно, в твоих глазах я не могу выглядеть иначе. Но вся наша беда в том, что, что мы хотим видеть другого не таким, каков он в действительности, – ты бы хотела, чтобы я был иным, мне хочется того же в отношении тебя. В этом смысле мы оба неправы. Если хочешь, можешь на свой счёт ничего не принимать. Что же касается всего остального, то послушай вот что: мне очень не хотелось начинать письмо с ругани, но твоё последнее письмо из Одессы меня не в шутку разозлило. Откуда этот пошлый, бесшабашный актёрский тон? Что, жизнь чересчур легка? Или тебе всё так ясно в ней? Новые друзья у тебя появились? Или ты всё так же по-детски доверчива и общение со мной не пошло тебе на пользу? Я всё чаще убеждаюсь в том, что ты живёшь по принципу: наслаждайся и страдай, – середины нет. Твои желания и страсти совершенно неуправляемы и нерегулированы, в этом отношении ты тоже чрезвычайно похожа на меня, но я, по крайней мере, умею ставить перед собой задачи и выполнять их. Я много думал о себе, несчастном, и даже не столько о себе, сколько о тех, кто от меня терпит. Пришёл к грустному, но, не удивившему меня выводу: я страшный эгоист, эгоист в высшей степени. По сути дела, мне ведь никто не нужен, хотя без людей мне крышка. К близким мне людям я отношусь, в общем,

хорошо, даже добро, если эта доброта меня не отвлекает от себя. Хотя, для тех же самых людей я готов выложиться без остатка в основном: в работе. И буду выкладываться ещё больше. Я странный эгоист – кроме работы мне ничего не надо: никаких радостей жизни, и, если они у меня есть, то только потому, что я никогда не отказываюсь от того, что мне предлагают, и в этом смысле крайне небрезглив, – это тоже недостаток.»

Кирилл к тому времени уже был в Алупке, но к себе не звал. Звала тогдашняя приятельница Муращенко в Ялту. У неё Маруся и остановилась. Учиться радоваться было поздно, впереди было убийство ещё одного ребёнка, и, про всё, что попадалось на глаза, Маруся говорила ему: смотри, вот луна, больше не увидишь…

Конечно, сразу поехала в Алупку, долго искала «навесик», нашла… Кирилла не было. Сказали, что он уехал в Судак к жене. Маруся в страшной депрессии лежала на лоджии и отвлекала себя всегда спасающим «графом Монте-Кристо». Потом не выдержала, приехала ещё раз, поняв, что в тягость, взбрыкнула, разыгрывая покорность, принесла, держа их в зубах за шнурки, ботинки своего повелителя. Это был перебор.

Следующий год был полон разрушительных страстей. Маруся снялась в кино неудачно, (в «Соломенной шляпке»), вызвала на свою голову все возможные порицания со стороны киношников, и… В театре репетировали «Бориса Годунова». Как было принято: «все – всё»: и персонажи, и народ, и ноги танцующих на польском балу за реальным железным занавесом. На роль Марины Мнишек претендовали шесть актрис. На съёмки Марусю отпускали один раз в неделю, в выходной день. Ночь в автобусе рядом со Стржельчиком, пахнущим самым шикарным тогда одеколоном «Рижанин». Знаменитый артист рассказывает: – Вы представляете, у меня на даче украли три автомобильные шины! На съёмках Марусю клянут: – Из-за вас в нашем фильме перекос! Мы вместо вас должны снимать дублёршу со спины!

В театре всю неделю, каждый день, когда доходит до сцены «У фонтана», называют все имена, кроме Марусиного. Она, либо участвует в массовых сценах, либо, сидя в зале, смотрит на то, как другие играют Марину, категорически не соглашаясь внутренне, имея своё представление о том, как это должно быть, но, чем ближе к премьере, тем чаще надо танцевать «на балу» за железным занавесом, а потом рыдать в гримёрке.

– Почему??? – решилась она однажды спросить.

– Ну, вам же кино дороже, так ведь и театр можно потерять… (Безмолвная пауза).

История с кино как бы закончилась, (но «как бы», потому что фильм, в который как кур в ощип попала Маруся, показывают и ныне, и по несколько раз в год, не благодаря Марусиным победам, естественно). Маруся получила деньги и смогла снять потрясающую комнату на Солдатском переулке, где впервые начала самостоятельную жизнь, которая длилась всего полгода, пока хватило денег.

Кино это подарило Марусе ещё и дружбу с Гердтом, (которую Маруся упорно считала только духовной, не подозревая о ставших позднее общеизвестными многочисленных похождениях обаятельного любителя женщин), но это – для сегодняшних пожирателей отголосков чужих страстей. Маруся, уединяясь с З. Е. в тенистом уголке, слушала, как он читает стихи, читала сама. Впервые З. Е. услышал стихи Арсения Тарковского, и, однажды, некоторое время спустя, переполошил весь театр, приехав в Ленинград, и требуя, чтобы: «ей сказали, что приехал человек «с той стороны зеркального стекла». На премьере фильма в Доме Кино, на которой режиссёр и компания не расстроились бы, не увидев Марусю, она за столом оказалась напротив Булата Шалвовича. Он очень трогательно, увидев потерянность Маруси, отрывал куски лаваша, показывал, в какой соус их надо макать, был внимателен. На лестнице после окончания банкета, Маруся выпалила: – На вас всё держится! Окуджава смутился и предложил довести девочку до дома на такси. – Нет! Нет! Мне по пути с помощницей режиссёра!

А в театре всё пошло так, как умный человек (не Маруся) мог бы предугадать: была сыграна премьера, из претенденток на роль Мнишек осталось четыре, но основные лавры достались блиставшей тогда актрисе. Маруся, доведённая до предела, подошла к учителю и сказала: – Вы, как учитель, должны хоть посмотреть, как бы я это сделала!

Посмотрел, и назначил репетицию и ввод. Дальше Мнишек было три, играли в очередь.

Все эти события окончательно расшатали неустойчивую нервную систему Маруси, она истерила, совершала какие-то безумные поступки, среди ночи, накаченная коктейлями, которые предлагали многочисленные поклонники, являлась на Большой проспект. Кирилл отдалялся, Маруся вела себя всё хуже, становясь воплощением Настасьи Филипповны…

Однажды, как это обычно и бывает в театре, в котором люди проводят большую часть своей жизни, и, соответственно, именно среди коллег находят себе партнёров, Маруся увидела, как на шею Кириллу бросается студентка, талантливая, хваткая.

На Лене Кира женился осенью.

Маруся… как описать это состояние непрерывного стона? Многим женщинам оно знакомо. «Мой милый, что тебе я сделала?» Так говорят одни. «Да больно ты мне нужен! – говорят другие, знающие себе цену. – Я и получше найду со своей-то красотой!» – встряхивают кудрями, надевают новое платье… Ах, если бы так уметь! Маруся, видимо, была из числа прирождённых жертв. Из тех, кто месяцами, каждый день и каждую ночь задают себе бессмысленные вопросы, не имеющие ответа.

«Зачем ты позволил мне смотреть на мир твоими глазами?»

Ты сказал: «Лена трезвый, реальный человек! Это достоинство.»

Но у тебя уже была жена, которая устраивала тебя трезвостью, реальностью, деловитостью. – «Купила полтора метра кожи, мне пиджак сошьём, и, если останется, – тебе кепочку». А затем попыталась отвоевать у вас комнату. А ты при ней гордился тем, что у тебя – двадцать пар обуви!

Ты сказал: «Ты меня не понимаешь!»

Понимаю, Кира, но… тебе нужно другое. Тот мир мой, который ты называешь придуманным – моя духовность. Женщина, которая тебя понимает – та, что признаёт только за тобой право на эту духовность, не вмешиваясь, зная своё место. Я понимала тебя, но оспаривала первенство: сама рассуждала, выбирала стихи, любила их, философствовала, это унижало тебя, и этого ты не мог мне простить – моей попытки быть равной тебе.

«Если бы ты не была такой, я бы тебе многое прощал!» – Я не могу не быть «такой».

Зачем ты сказал: «Мама каждый вечер говорит о тебе»?

Да, я незрелая, витающая в облаках, высокомерная девица, утомляющая, всё время требующая чего-то, но ты завладел всеми моими мыслями, я преданна тебе и готова на любые жертвы. Твоя мама это чувствует.

Я не могу себе представить жизни отдельно от тебя!

В самом деле, наверное, есть связи, которые невозможно разорвать. Особенно когда объединяет профессия. Кирилл очень хорошо знал Марусю, каждый раз, когда в возвышенном порыве она, либо ударялась затылком о тумбочку, либо падала навзничь, споткнувшись о единственный камушек на дороге, он повторял: – ты всё трагической актрисой себя представляешь, а на самом деле ты – клоунесса! Именно Марусе он предложил поставить с ней моноспектакль по пьесе Саши Ремеза «Божественная Лика», основанной на истории отношений Чехова и Мизиновой. Репетировали урывками, находя короткие интервалы в основной работе. Они снова стали друг для друга мужчиной и женщиной тоже урывками, от слова «урвать». У судьбы. У людей. Марусе

приходилось иногда звонить, чтобы договориться о репетиции. Лена была беременна, однажды она подошла к телефону и резко спросила: – Зачем ты ему звонишь? – Маруся сорвалась и ответила недостойно. Почему? Потому что считала Кирилла своей выстраданной собственностью. А работа создала между ними какую-то новую, удивительную близость. Режиссёр так точно поставил перед артисткой задачи, так просто объяснил то, над чем Маруся безуспешно билась до тех пор, что спектакль стал главным событием её творческой жизни, её визитной карточкой.

Но – зло есть зло, оно, как известно, аукается. Аукнулось спустя много лет, когда новая «свекровь», известная актриса, встретила вошедшую в дом Марусю вопросом в упор: – Зачем вы звонили беременной женщине и говорили ей, что спите с её мужем? – Господи, как же было стыдно за тот давний срыв! Хотя союз с Леной продолжался не так уж и долго. Кира получил диплом режиссёра, и стал надолго уезжать из Ленинграда. У него была своя жизнь, у Маруси – своя, но письма продолжали приходить.

Из Орла. Апрель 1977

«Здравствуй, Маша!

Ровно две недели рассуждал о том, с какого обращения начать. А потом плюнул. Перестал конструировать общение. Я теперь пьян, но это ни о чём не говорит, я теперь не пьянею. Я бы тебе и трезвый написал, но это было бы разумнее.

А сегодня я пишу тебе безрассудное письмо. Маша, Маша! Сколько бы мы с тобой ни говорили – никак договориться не можем. Да и не договориться.

Суть в том, что, когда я вернусь в «колыбель революции», все эти слова, (и это письмо) потеряют смысл. Не исключено, что я отрекусь и от этих слов, и от этого письма. И это будет верно. Но не значит, что хорошо.

Ты изредка снишься мне. И я сознаю, что виноват перед тобой. О твоей вине я не хочу говорить, я забыл, – в чём она?

Есть связи, которые невозможно разорвать, кто бы как бы ни старался. Я очень старался разорвать всё, что можно. И, наверное, можно пресечь, но нельзя перечеркнуть память. Нельзя вычеркнуть ночной перегон Москва-Ленинград, и первое исполнение песни № Поручик голицын» и оконную раму вагона, уходящего в

Болгарию. Нельзя забыть вкус и запах и цвет. Нельзя забыть даже секунду, даже атом.

Глупо! Глупо! Я собирался писать о себе, а пишу о невысказанном. Я знаю, что всё меняется, и что мы – другие. Я не хочу рядиться ни во что – это бессмысленно. Я не Монро Стар, хоть и предвижу в нём свой конец, который надвигается неотвратимо. И сколько ещё осталось – Бог весть!

Я не прошу ничего. Я просто горюю, горюю сверхсил (м. б. это слово надо писать раздельно? – я пьян.) Я часто думаю: хоть бы три дня опять вместе, хоть бы день. Просто наговориться. Как Понтий Пилат желал только одного: – встречи и ещё одного разговора. Но знаю я, что ничто не спасёт – ни миг, ни час, ни день – ничто. Не лучше ли сделать ещё одну попытку забыться и заснуть.

Наивно. Видишь, Машка, я откровеннее, чем ты. Я ничего не маскирую, не конспирирую. Хоть и прошу сохранить это строго между нами (особенно прошу молчать с Натальей Пожарской – она никому не скажет, но начнёт обсуждать этот вопрос со мной, а мне это ни к чему.)

Мы расстаёмся с тобой надолго, не исключено, что навсегда. Это тяжело и страшно. Но так будет, и не надо ничего менять. Мне было бы легче, если бы я не изменился со времени нашей встречи в садике – во дворе под моими окнами.

Но мы тогдашние – в прошлом. Я знаю, что и ты уже в прошлом. Каждый сам по себе. Так хочется схватить за хвост проклятое время и повернуть вспять, и отыскать ошибку. Но – немыслимо. Ничего не вернуть. Кончаю рассопливаться. Я ставлю прекрасный спектакль по пьесе Ремеза «Выпускники», там и про нас тоже.

Хочешь – пиши, сумеешь – приезжай (но в этом случае – позвони).

Наши отношения не должны затрагивать людей, оказавшихся с нами.»

19.01.78 – Вологда

«Здравствуй Маша, если мне ещё можно тебя так называть!

Я получил твоё письмо только пятнадцатого января. Это было обидно. Во-первых, потому, что об этом узнала Ленка, она была в Вологде и присутствовала при

получении (впрочем, не такое уж это большое горе), а во-вторых, я только 14-го вернулся сюда, пробыв в Ленинграде более двух недель – следовательно, ты всё могла мне рассказать на словах, а я мог увидеть тебя в новой работе. К сожалению, этого не случилось. Жаль.

Благодарю за длинную Цветаевскую цитату – она прекрасна сама по себе, хоть я и не уверен, что она хоть отчасти объясняет тебя мне. Твоя собственная проза (постскриптум) тоже, поскольку я не понял цели. За последние годы я стал занудливо конкретен и перестал понимать намёки. А, может быть, просто тупею с годами. Поэтому: это моё письмо – невинная месть тебе за несколько чёрных июльских дней, когда кончалась моя молодость. Будь здорова. Желаю тебе успехов и в этом году и в будущем. Желаю счастья (это искренно). Захочешь писать мне – пиши, буду рад и отвечу обязательно. До свидания. Твой Кирилл Филинов.»

13.02.78

«Вот, вот, Маша!

Странное, пьяное самочувствие, может быть, это и есть – сходить с ума. Впрочем, всё объяснимо – я пьян. Трезвый не решился бы писать – как же, слишком умён, стар, силён, отринул прошлое и т. д.

Впрочем, не тебе пишу – пишу тебе, не приходящей во сне, хотя каждую ночь перед тем, как нажать кнопку стосвечовой лампы, освещающей мне снотворные страницы интеллектуальнейших книг, я прошу: пусть вернётся! Пусть снова я буду счастлив, пусть вновь я буду не один. Let me, Let me…

Ну, ну, что это я? С ума сошёл? Я знаю, ты там где-нибудь будешь читать всё это – пережившая, прошедшая. Смеяться не будешь – вычислишь: а что правильно? Ох, Маша, Маша – ты вправе. Это я не вправе писать эти глупости, и, дурак, ждать ответа. Я пойду сейчас в в вологодскую ночь до почтового ящика и брошу письмо. Утром сил не станет.

Уже полстраницы, как полжизни, а смыслу – ноль. Ой, засекут меня!.. Шеф ли, Юра ли твой Гальперин, а то мои многочисленные жёны, сёстры, друзья. Или ты сама пронесёшь, как штандарт эти листы: вот он! вот он попался, отольются ему мои слёзы. Ага, отольются! Ты ведь училась в школе, параллельные плоскости

проходила: на одной – вологодская ночь, палисады, свистки паровозов, снег падает-кружится. На другой – розовый садик моего двора, утренний звонок, я спускаюсь по лестнице: – «Извини, не могу принять. я не один, поговорим внизу.» И ты – вся из одного слова: Нет! Нет! Не может быть! нет, не верю, нет, неправда, нет, нет, нет!

Ай – яй-яй, взволнованный Филинов пишет письмо Марусе. Ай-яй-яй! Историки сойдут с ума! Режиссёр, супер – едрёна мать, мэн, железобетон, скала, мать её (его).. пьян!

А, может быть, я и не отправлю, пока пишу – одумаюсь, так же уже было несколько раз. Слушай, Маша, а зачем я тебе пишу, а? Я не знаю. Ты написала, я написал, ты не ответила и вот я, слабый человек пишу. Пишу…

Пишу, и знаю, что зря пишу. Дурью, так сказать, маюсь. Что проку провинциальному режиссёру от столичной актрисы?

Фу, какая пошлятина! А ведь было… Чёрное трико… «Здравствуй, зритель, здравствуй верный наш!»… а до этого – «Убить человека», Ильин и ром из горлышка на третьем этаже, и ресторан «Околица», мой пёстрый галстук, и потом – твоя премьера. И моя записка, и ожидание у телефона. Месяц апрель (или март?) – ты прыгаешь мне на голову с пандуса ТЮЗа… мы гуляем под кронами Петербурга, сидим на скамейке в метро, и через пару дней я звоню – ты приезжаешь в кучу народа, я рассказываю про «Волосы» одной тебе, потом сгущается ночь, Кравченко слизывет крем с торта и подносит ко рту бутылку со спиртом: «Ребята, будьте счастливы!».. Испуг моей мамы и твой взгляд, разбудивший мня под утро – так посмотрела бы Афродита, поняв, что я – всего лишь смертный. Другой день – скверик на Кировском: – «У однокурсницы были цветы!», а у меня ни гроша, Кировский мост и набережная, мои узкие, дурацкие (теперь понимаю) штаны и непонимание… непонимание…

… В течение двух месяцев ты учишь меня себя любить – «нужно так»!, я злюсь. Первое мая, Жбан и Сашка, спирт с клюквенным соком Ещё неделя…

Ты покупаешь клубнику в газетный кулёк: «Завтра приедет твоя жена…» Мы сидим у меня дома. «Это ненадолго» – говорю я. И правда, не проходит и двух

месяцев…

Наталья уезжает – первая трещина (а была ли она? что же нас развело?) Из сегодня не понимаю, почему, почему же мы расстались?..

Расстались ли мы?

Поезд в Крым… А до него – лес по дороге к твоему дому, ещё раньше «Ромео и Джульетта», твой отец на кухне и твой шёпот: «Не бойся», ощущение старости, а в лесу солнце, и твои волосы, перепутавшиеся с травой. Мой браслет на дне Чёрного моря… Телеграмма… Я рыдаю в телефонной будке – смерть… Автобус, а до него – единственная ночь в Крыму – ты сильна, как смерть, а я бессилен – не хочу жить!

Самолёт, серый Ленингралд… Щёлкает счётчик такси, и воспоминание – последний разговор с «бабахен»: – Ты знаешь, она тебе понравится… – Ты уверен? – Да, конечно, да… я люблю её… твоя кровь на простыне – «Ты уверен?»

Похороны, сосна, растущая из могилы. Мне нужно на съёмки, ты ждёшь ребёнка…

Прости, прости меня, Маша! Это сейчас я обливаюсь слезами, по прошествии…

И можно продолжить…Не стоит. Зачем я всё это?

Блажь. Люблю ли? Скорее, хочу. Не только постели (хотя, этого м. б. больше всего) – твоих песен, или стихов, или ругаться, спорить, или бежать по мокрому асфальту, а потом пить вино в сумерках, и знать, что всё впереди.

Было ли это?

Возможно ли?

Прости за тревогу.

Некогда твой К. Ф.

P. S. Как ужасно – невыразимость!»

13 марта – Вологда

«Здравствуй, Маша!

Увы и ах! Только сейчас имею возможность ответить тебе на письмо. Очень много работы по подготовке к гастролям, поэтому пишу весьма коротко.

Могу только посочувствовать тебе в связи с твоей личной жизнью. Ты создаёшь её себе сама, самой тебе и приходится расхлёбывать. М. б. – не по Сеньке шапка? М. б. запрос превышает возможности? С чего ты взяла, что у

тебя непременно должно быть то, на что ты не имеешь права? Мне грустно от сознания того, что я был прав и предвидел этот конец. К сожалению, не могу тебе даже ничего посоветовать до тех пор, пока ты не поймёшь, что для тебя является в жизни главным не на словах. А на деле.

Что же касается работы, то советую тебе оценивать пьесу не в частностях, а в целом, продолжать заниматься только личностью Мизиновой не касаясь внешних фактов её биографии. Почему у неё ничего не вышло с Чеховым? – вот вопрос. И думай о музыке к спектаклю. Учи текст, думай о пьесе, но не мучайся. Я приеду в начале октября – разберёмся.

Если что – пиши в Архангельск, на главпочтамт до востребования. Там я буду посвободнее, и, скорее всего ещё раз напишу тебе, но спокойнее и подробнее. Помни, что «на свете счастья нет…» и т. д. Не устаю твердить тебе одно и то же.

Как всегда, Кирилл»

23 августа

«Знаешь, Маша, всё никак не решался ответить тебе на письмо, хотя приехал уже десять дней назад и сразу его получил. Не было настроения. Нет – не было настроя. Я не хотел заражать тебя суетой, в которой варюсь, которая заглатывает меня даже в редкие свободные минуты, по вечерам. Нет мне покоя.

А письмо к тебе – это роскошь, которую я не могу себе позволить часто. Может быть, ты права, и я всё придумываю. И мы оба хотим видеть друг в друге придуманных людей. И, тем не менее, писать тебе – роскошь. Хочется употребить ещё какие-нибудь упаднические слова – пир души, например. Может быть, это под влиянием Вертинского, которого я не спел тебе летом, и с тех пор пою очень часто сам себе, просто мания какая-то.

Наши встречи в Ленинграде мне не очень понравились. Нас отравил город суетой, беспокойством, буднями. И говорили мы всё не то, и не так пили вино, и я не так целовал тебе руку. Мне кажется иногда, что для счастья нужно так мало – просто быть рядом. Но и такая малость бывает невозможна. И ничего не говорить, молчать. Или, наоборот, говорить. И вот я сижу,

перечитываю твоё письмо и перебираю наши прошлые минуты, как осенние листья. Не бойся, я не стану делать тебе больно. Скорее – себе. Но нет, не буду вообще – слишком сладко и больно. Я ведь иногда часами вспоминаю тебя. И не минуты любви, а вот какую-нибудь твою улыбку, поворот головы. И никогда – слова. Если бы ты могла приехать…

Ни за чем, вернее, за тем, что не определить словами. Иногда я иду домой и мне кажется, что ты меня ждёшь. Я даже дверь в свою комнату не запираю. Есть такая мечта – чтобы ты приехала. Нет-нет, если это не нужно тебе, или затруднительно, – об этом не может быть и речи. Но мечта всё равно ведь остаётся.

И стихи Ахматовой, что ты мне прислала, я положил на музыку, но сам спеть не могу – нужен женский голос, видала, как я к тебе подъезжаю.

Напиши мне срочно. Хоть две строчки, на почтамт (кстати, в этом слове «почтамт» ты делаешь забавную ошибку, которую делал и я лет до двадцати). И в надежде на чудо – на твой внезапный приезд, посылаю тебе свой адрес: Вологда, Пролетарская ул.Д 61 кв.25.

Ответь мне срочно.

Целую тебя. Кирилл»

Маруся не приехала. У неё началась новая, головокружительная, но такая же безнадёжная история.

Кире Маруся обязана ещё двумя сильнейшими сценическими опытами. Он всё-таки, был очень хороший режиссёр, и уж точно, Марусин режиссёр.

В Питер показываться в театры приехал Марусин друг из Москвы – Миша Житько.

Он выбрал отрывок из пьесы Вампилова «Утиная охота», трудную сцену объяснения Зилова с женой, где он предлагает ей пепельницу, которая как бы букет. В принципе – издевательство над женщиной, ёрничанье. Кира так объяснил происходящее, что оно наполнилось совершенно иным смыслом: это Зилов – страдающий, это жена приземлилась и обабилась, забыла, предала первую свежесть чувств! Как интересно было актёру, предлагая пепельницу вместо букета смотреть в глаза актрисе с немым вопросом: ты поняла, о чём я? Как интересно было актрисе вместо того, чтобы тупо обидеться и негодовать, заглянуть вглубь себя и покраснеть от стыда!

С подругой Жванией затеяли самостоятельную работу (это очень приветствовалось, правда после единственного показа,

обычно, забывалось. Выпустили артисты пар, показали свои возможности – и опять вернулись к детскому репертуару). Замахнулись на Сэллинджера. «Лапа-растяпа».

Две соученицы встречаются спустя много лет, вспоминают юность, напиваются, рядом ходит несчастный одинокий некрасивый ребёнок, на которого не обращают внимания.

Что привлекло? Ну, хотелось поиграть в американскую жизнь с коктейлями… смысл ускользал. Позвали Киру на помощь.

«С чего начинается?»

«Встречаются. Одна замужем с ребёнком, другая – нет.»

«Почему приехала та, что не замужем? А что, если она решает для себя: выйти замуж по расчёту, или ждать любви? Тогда её визит – проверка: как это?

Какие ключевые слова? – Разве так важно, чтобы было весело? Если это: – разве так важно, чтобы была любовь? И ответ: – Дура! Если не весело, тогда и жить-то не стоит! Понятно, что имеется в виду на самом деле? Вам это близко?»

«Даааааа!!!!»

И всё стало на место, и уже не важно было, американки ли пьют коктейли, какой там внутренний текст, что родилось, что не родилось… Осталось только одно: полное, ясное понимание происходящего: чего хотим друг от друга, что имеем в виду, что читаем в глазах… Это был первый опыт того самого «полного погружения». Когда всё остальное перестало существовать, осталось только счастье полноценной жизни на сцене!

Как и многие другие работы эта не нашла применения в детском театре, была показана один раз и забыта.

… Кира привёз из Вологды жену – опять практичную, реально смотрящую на вещи, вульгарную. Ей единственной удалось поссорить сына с матерью. Около года они с Надеждой Николаевной не разговаривали, живя в тех же комнатах, разделённых одной дверью. Не разговаривали, пока маму не разбил паралич. Марусю позвали на похороны на то же Серафимовское, где уже лежали её бабушка, дедушка и мама. Кирилл выглядел так, как будто всё происходящее не имеет к нему никакого отношения, Только придя к Марусе на девятый день, он разрыдался.

Прошло время, и острая необходимость в общении утихла.

Кира уехал ставить спектакль в Братск.

В апреле Маруся играла «Лику» на малой сцене знаменитого театра. Пришла домой счастливая, удовлетворённая вместе с Таней Москвиной, которая оказалась свидетельницей… Первый позвонивший не решился сообщить… о смерти Киры сообщил только второй…

Похороны на том же Серафимовском. Поминки в разорённом доме: исчез рояль, буфет, шкафы, вместо литографии Венеции позапрошлого века и портрета Шопена – «медная» давлёнка на стене. Тогда ещё вдова Баландина не успела посягнуть на Киркин кабинет: его письменный стол, его любимые трубки….

Апрель 1992 г. – Братск

«Маша. Трудно начинается письмо. Жаль, что тогда я тебя (ты? вы?). Ты. Тебя не узнала. Вернее, приняла тебя за Лену. Это ведь ты сказала тогда мне: «садитесь в автобус»? Что-то произошло тогда с нашими глазами, но я ошиблась, решив, что ты – Лена. Так?

Имею ли я право волновать тебя своим письмом. Вот.

С Кириллом (терпеть не мог, когда я его так называла) мы встретились почти семь лет назад. Наши отношения развивались сложно. Обрели мы друг друга в конце ноября прошлого года. И были с тех пор счастливы безумно, бездумно, мучительно. Наверное, так нельзя. Такое счастье непереносимо. Непозволительно. Это не для людей. Говорю тебе об этом потому что ты была всегда, во всех наших встречах, все эти семь (почти) лет с нами. С самого первого нашего разговора. Разговор – не то слово. Соучастия. Соединения. Сомолчания. Вначале – легко, осторожно, вскользь – была, мол, такая… Потом всё чаще и серьёзнее, и печальней – Маруся.. Взгляд поверх очков – ну как? не ревнуешь? Не обидно? – и дальше Маруся… Маруся… Он постоянно сравнивал меня с тобой. Тебя со мной. – «Представляешь, прихожу к Марусе – ни одной чистой тарелки в доме, а она валяется и читает Фрэзера» – с нескрываемым восторгом. И дальше: – «А ты ведь тоже не любишь убираться.» Множество воспоминаний оставил он мне об этой любви к тебе. Только вот я, к сожалению, не из тех, кто запоминает слова и цифры. Помню историю про котёнка, которого он не захотел брать с собой в Ленинград (откуда-то вы уезжали. Деревня? С какой-то нежностью про твоего брата. Про битьё посуды. Обливание вином. Про ваше прощание на вокзале. И во всех воспоминаниях любовь к тебе и такая тёплая, такая живая и осязаемая печаль о несостоявшемся, о тебе той, тогдашней. Наши отношения с ним – это то, что могло бы состояться, что должно было случиться с вами, если

бы… Возможно, он очень виноват перед тобой. Если это так, то прошу тебя – прости. Он очень беспокоился о тебе. Его мучила мысль, что жизнь твоя не складывается, что ты, по сути, страшно одинока. Он никогда не говорил о своей вине перед тобой. Или о твоей вине. Я спрашивала, всегда, когда речь заходила о тебе и о вашей любви: – Почему? Зачем вы расстались? Отшучивался. Или отмалчивался. За два дня до смерти на тот же мой вопрос по-детски, беспомощно и печально, протяжно: не з-н-а-ю…

Он был беззащитен перед любовью. Боль той, вашей с ним потери сделала наши отношения чем-то запредельным. Конечно, он скрывал от меня многое, но иногда был предельно откровенен. Говорилось и о других женщинах, у них, у каждой была своя роль. Но из всех откровений я взяла на себя смелость сделать вывод: Ты – начало его зрелости, я – конец. Мостик лёгкий и надменный между нами – его жизнь. В ту же ночь, когда говорилось о тебе, за два дня до смерти, глядя в глаза, (всегда глядя в глаза): – А знаешь, я ведь удивительно счастливый человек. Жизнь наконец-то, повернулась ко мне лицом.»

Маруся, хорошая, наверное, не смогу больше писать сегодня. Да и сказано уже главное. Если у тебя возникнет потребность поговорить со мной – отвечу на любое твоё письмо. Можеь быть, хочешь спросить о чём-нибудь. Не желание поделиться болью толкнуло меня на поиски Маруси. Хотелось поделиться любовью. Может быть, это тоже эгоизм с моей стороны. Но ты – единственная из всех женщин, которой причитается половина того огня, той робости, той звенящей нежности и неугасающего беспокойства, и всего света, которые достались мне. И они действительно твои. Целую тебя. Благодарю. Будь Здорова. Живи хорошо.

Ольга. 29.4 92»

Через месяц-другой Братский театр приехал на гастроли в Ленинград с Кириной постановкой (очень, кстати, приличной). Маруся тут же вычислила Ольгу – тот же тип лирической героини, – и после спектакля бросилась ей на шею.

Баландина сказала: – Ох уж, эти мне незаконные…

А Ольга сидели у Маруси сутки, и они поминали, поминали…

– Он всё время сравнивал меня с тобой, невольно: – ой, ты повернулась, как Маруся, ой, у тебя такое же выражение лица…

Он умер у Ольги на руках. На секунду прервал репетицию – тромб, почти мгновенная смерть. Он не дожил полгода до сорока семи.

У меня мистическая убеждённость в том, что мать, посвятившая сыну жизнь и обиженная, забирает его. А законная вдова, разведшая мать с сыном, проявив недюжинные способности, стала хозяйкой всей этой огромной коммуналки и живёт безбедно, благоденствует, Бог ей судья!

06.06.95 Наталья Курапцева

«… Ты меня немножко испугала. Вернее, я испугалась, что ты сейчас Филинова поставишь на пьедестал и будешь на него молиться. Филинова! который загробил твою жизнь.

Но потом я подумала: а какое, собственно мне дело? Это твоя жизнь и твой Филинов. Чего это, спрашивается мне тебя учить, как к нему относиться? Хочешь молиться – молись, в конце концов! Но что-то наш с тобой разговор во мне всё-таки задел, и я, наконец, вытянула стихотворение, которое началось тогда, три года назад. А теперь оно написано. Его тебе и посылаю, поскольку в нём всё сказано.»

ПАНИХИДА

Эти пять сантиметров разрыва
На изношенном сердце твоём…
Эти водкой залитые рыла
Славословят твоё бытиё.

По тебе, по тебе панихида!
Ухмыляешься в тихом гробу?
Для тебя зеленеет Колхида,
Ангел ржавую чистит трубу.

Ты ушёл – как предатель, как прежде
Предавал. Негодяй и подлец!..
Да простит тебя мама Надежда,
Да спасёт тебя юный отец.

На вершину дорога крутая,
Ты дрожишь, как осиновый лист.
Отмолю я тебя, отрыдаю –
Будешь светел пред Богом и чист.

Я иду, как и ты, по обрыву:
Улюлюкание, хохот и визг.
Эти пять сантиметров разрыва
Просто честно оплаченный риск.

У нас с тобой странные отношения, и виноват в этом опять-таки, Кирилл Игоревич. Я никогда не была твоей соперницей, по той простой причине, что никогда не была любовницей Филинова. Он мне даже как-то сказал: «А ведь я тебе не нравлюсь как мужчина.» Я подняла его на смех. А теперь думаю, что его это оскорбляло, очевидно. Но тут уж ничего не попишешь. Филинов, как мужчина мне был никогда не нужен. Моя мама с ужасом говорила: – «Твой Квазимодо!». Я его не любила, я его боготворила. И продолжаю это делать к полному своему удовольствию. Теряется только физический контакт, а духовный остаётся. Правда, я мечтала прожить с ним вместе старость. Думаю, что это было бы колоссально интересно: старик Филинов и старуха Курапцева, мудрые, как черепахи Тортиллы. Не случилось.

Доктор:– Грустная история, но вы сделали из неё выводы? В чём, по – вашему, была причина?

– Я всё пытаюсь описать вам своё тогдашнее состояние: непрерывное стремление к максимальному накалу чувств, само по себе порочное и разрушительное. Так в сексе неумеренный доходит до полного извращения, так наркоман всё увеличивает дозу… Белая ночь, природа, красивый пейзаж обещают какое-то неземное счастье, вот оно, кажется, достигнуто, но вдруг оказывается, что это не оно – это подстава, симулятор, бездушная кукла… И рвёшься дальше, а удовлетворения всё нет…

Но были и совсем простые причины. Оставим то, что Кира был гулёной, а для Маруси это было неприемлемо. Сам по себе образ жизни молодого режиссёра обрекал на многожёнство. Как они стремились, как они осваивали профессию, как они мечтали возглавлять театры! Но… Все места давно были заняты. Что оставалось молодому режиссёру? Спектакли в провинции, месяцы жизни без семьи. А там, в провинции, молоденькие примы, мечтающие зацепиться за «столичного». А если предлагали художественное руководство, – то прощай Питер, навсегда становись провинциалом, зависящим от местного князька!

Так мгновенно распался союз моих однокурсников: Кошелева, который возглавил театр в Новгороде, и Оли Лысенковой,

оставшейся в ТЮЗе. Да, мы слишком зависели от обстоятельств. Перед Марусей тоже стоял этот судьбоносный вопрос: куда распределят? Так страшно было уезжать… Маруся была способна на подвиги только в том случае, когда её ситуация припирала к стенке, и тогда, как заяц, сражающийся до последнего, она обнаруживала в себе скрытые доселе способности бороться. В обычных обстоятельствах богатая фантазия рисовала возможные ужасы, и даже поездка летом к морю казалась совершенно невозможной: – а где же я там буду жить?

Почему-то Корогодский оставил Марусю в театре. Почему? Амплуа «героини» было не очень востребовано в детском театре… Маруся играла истерично, неровно, голос всё время срывался на визг… Может, всё-таки, видел учитель потенциал и ждал?

И началось!!!

Дипломные «Вей, ветерок!» и «Открытый Урок», обязательные «Сказки Пушкина», «Наш цирк», «Наш, только наш» и «Наш Чуковский». (Дети с песней выбегают на сцену в прологе, Марусю в мини-юбке ставят в пару обязательно с самой маленькой травести: Ля-ляляляля!)

ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ВСЕГДА НЕ С ТОБОЙ

Марусина страстность требовала выхода. Ей всегда хотелось праздников и фейерверков, не предусмотренных в доставшемся ей детстве. Жизнь вчетвером в комнате коммунальной квартиры, и бедность на грани нищеты. Марусю мало заботило то, что еда – картошка и докторская колбаса, и только по праздничным дням – наборы, в которых – деликатесные сайра, болгарские помидоры, и баночка икры. Её мало заботило, что платьев только два: – одно – школьная форма, коричневая с чёрным передником, менять нужно было, как в армии, только воротничок, он должен был быть чистым, – униформа, скрывающая нищету в классе, где у всех остальных папы – «плавали», в прямом смысле: школа была под патронажем торгового пароходства, другое – домашнее, затрапезное, какой-то фланелевый халат. Однажды Маруся, опаздывая на урок, забыла переодеться, вот это был позор, почувствовав себя практически раздетой, Маруся бежала из школы. Денег у Маруси не было никогда. После школы подружки могли позволить себе эскимо за 11 копеек, пирожок, неизвестно с чем, зажаренный на неизвестно каком масле, или даже только что появившуюся воздушную кукурузу, (так назывался тогда попкорн). Марусе оставалось с независимым видом отворачиваться от всех этих соблазнов, но в тайне надеяться на то, что угостят. Тогда, наверное, и зародилась её любовь к халяве, впоследствии принявшая уродливые формы. Если уже взрослая Маруся дорывалась до угощения, то меры уже не знала, будто пытаясь наесться и напиться впрок, чем часто пользовались те, кто угощал. Маруся балансировала на грани «динамо», но это было уже потом.

Но деньги ребёнку были нужны, как всякому ребёнку. Даже не на эскимо. Тогда все собирали марки. Во всех киосках продавались красочные наборы с цветами, животными и космонавтами, на переменах шёл бойкий обмен, и если ты не вступал в этот торг, то становился изгоем. На набор надо было накопить 20-30 копеек. Три копейки, которые мама выдавала на булочку, можно было сэкономить, но это значило – голодать все пять уроков. Маруся ходила по улицам, не поднимая глаз от земли, в надежде найти копеечку, и иногда находила её, правда, однажды эта копеечка оказалась подо льдом, и её долго нужно было согревать замёрзшими пальцами, чтобы выковырять.

Но довольно о грустном. Душа жаждала праздника, и Маруся даже подвела под это теоретическую базу: она родилась в год Дракона, а Дракон – существо мифическое, не от мира сего, его создают для праздника, правда, потом сжигают, но он снова возрождается к следующему празднику! Маруся страдала без сильных впечатлений, и первым оказалась поездка в Болгарию. В те годы был принят обмен между выпускниками театральных ВУЗов соцлагеря. Мы – к ним, они, потом – к нам.

Дел там, в Софии особенно не было никаких, – знай себе, братайся с болгарскими коллегами. Только вот принимающий нас курс оказался тоже пьющим. Наша «Столичная» стоила у них копейки, их сигареты «БТ» продавались на каждом углу, а братание заключалось, в основном, в застольях. Не прошло и нескольких часов, как мастер, потративший четыре года на воспитание и дисциплину учеников, оказался лицом к лицу с совершенно распоясавшейся бандой, сдался, опустил руки и пустил всё на самотёк. Он грустно смотрел на распоясывшуюся банду, жадно считающую «статиночки», грустно кивал, когда Маруся с вызовом спрашивала: «можно закурить?» и произносил афоризмы типа: «От вашего стола у нас нет стула».

Апогеем стал поход на Витошу. Одетые в летние сарафанчики, в лёгких сандалиях, мы бодро сели на фуникулёр и через полчаса оказались в подтаявшем колючем снегу по колено. Девочек-травести мальчики взяли на закорки. Маруся не была травести, к тому же, ей только что подарили заграничные босоножки. Чтобы не испортить, пришлось их снять и идти босиком по снегу, вспоминая героев-партизан. Через некоторое время выяснилось, что нужная дорога находится внизу по склону. Самая умная взяла у кого-то курточку из кожзаменителя, села на неё и, разогнавшись на склоне, рухнула лицом в растаявшую слякоть. К счастью, вели русских братьев всё-таки, в трактир, где только огромное количество «Солнчева Бряга» спасло всех от простуд и воспалений. На этом празднике были ещё и шестидесятиградусная сливовица, и мастика, про которую говорили, что те, кто её пьют, умирают красивыми, потому что умирают молодыми, и домашний «Шартрез», льющийся, как расплавленное бутылочное стекло, изготовленный старым русским офицером, оставшимся где-то в окрестностях Тырново после гражданской войны и с гордостью показывающим свой новенький советский паспорт. На фоне нового пейзажа Марусе необходим был новый роман – просто для того, чтобы не в одиночестве наслаждаться тишиной Тырновской ночи…

– О, Доктор! Я не сказала главного: Маруся была законченной публичной женщиной, ну, в том смысле, что с какого-то момента,

эмоции она должна была обязательно с кем – то разделять, иначе не получалось. Ну например, любимую музыку либо слушать в чьём-то присутствии, либо – не надо.

– То есть, как бы всё время быть на сцене?

– Примерно так.

– И что?

– Ничего. Платонический роман, никому не принесший ни вреда, ни пользы. Но на какое-то время спасший от однокурсников.

– А что с ними?

– Это одна из самых постыдных составляющих моей жизни… Трудно. Но…

Я уже говорила, что после занятий добираться пешком домой (где, к тому же никто не ждал) было довольно сложно. Сначала на проспекте Новаторов домой уходил Комиссаров, затем, на Голикова был дом Ерошина. У Маруси была альтернатива: одной идти через лес, в котором, по слухам, убивали, или ночевать у Ерошина. За ночлег Маруся расплачивалась телом.

– Иначе было никак?

– А как? И потом, это вечное Марусино чувство вины, то, что она всё время кому-то за что-то обязана… Было бы странно пользоваться гостеприимством, оставаться с мужчиной наедине и говорить ему: – Я не такая!

Семья Ерошина решила, что Маруся – невеста, сам Витя уже считал её своею собственностью, а когда понял, что наткнулся на непрошибаемую стену, нашёл типичный для мужчины выход: назвал Марусю интеллектуальной блядью, однокурсники подхватили, и понеслось… Гадость. Вспоминать не хочется.

Они с Комиссаровым были намного старше, они воспитывали и поддерживали, они же и подсадили на алкоголь. Ерошин спился и умер первым, Комиссаров – позже. Бог им судья.

Забудем. Мы – о театре. И о личной жизни, потому что существование в этом театре сплавляло в едином тигле актёрскую жизнь, интриги, женитьбы, рождение детей, разводы, измены… Как марсианская колония мы все, кто не успел улететь на шаттле, были вынуждены разделять всё, до малейших деталей.

Друг Богин, как многим Маруся ему обязана! Необыкновенно одарённый музыкально, очень начитанный, он как сейчас стоит перед глазами: курчавый, с бородкой, с вечной сигаретой без фильтра, от которой усы и губы становятся жёлтыми. Сплёвывая крупинки табака, он читает Марусе Мандельштама, говорит: – Ты поняла, что это («когда Психея-жизнь спускается к теням…») – про самоубийство? Как многим Богину обязан ТЮЗ! Гимн «Живя тысячелетья» – его произведение, соло трубы для «Шёл парнишке

тринадцатый год…», наблюдения, номера… И ни единым словом нигде не упомянут как автор, «всё принадлежит всем», так же как «все играют всё», никаких авторских прав, никаких вознаграждений! Если бы Александр Кушнер слышал, на какую музыку Миша положил его стихи «Не соблазняй меня…». Миша играл на пианино, импровизировал, разбирался в джазе и был очень приличным режиссёром. Но, закончив Институт, как и все должен был уехать по распределению.

1973 ГОД

«Маруся, лапочка!

Знаешь ли ты, как зовут одиночество? Его имя – Рыбинск. Маленький, глухой, как обрубок ноги. Тело от него, кажется, далеко-далеко убежало. И все чужие. И поплакаться некому и посплетничать… Даже выпить не с кем. В театре надо держаться строго. А больше ни с кем контактов нет. Так что одна радость – работа. А это, и вправду, радость. Ковёр тку! Репетирую ежедневно, иногда два раза в день (если позволяет расписание), срок сдачи – 19 апреля! Смешно. Так что, ни о каких «поисках» речи быть не может. Сажусь вечером накануне, расписываю для себя сцену. А наутро стараюсь неприметно впихнуть их в этот рисунок. Актёры – н-н-н-ничего. Работают, смущаются. Кое-кто – просто попки. Сами ничего ни придумать, ни оправдать не могут. Я тявкну – он тявкнет, я пукну – и он рад стараться. Но есть и, если не с царём в голове, то, хотя бы, с мозжечком. Нет героини! Вообще! Дирекция стонет. Я им вякнул – мол, в Питере есть такая студентка, выпускница – Машка Старых. Но, мол, не знаю, поедет ли она сюда? Но баба – первый сорт, и рожа, и голос! Директор (неплохой, кстати, мужик), лапками замахал: – Давай, зови, мы на всё готовы! Прописку ей сохраним, всё сделаем! Я сказал: – Я ей напишу. Что я сам по этому поводу думаю: я чуток поездил, присмотрелся и знаю: театр этот – не из худших. Во всяком случае, сволочей нету. Образ жизни таков, что гадам развернуться негде – это же не Питер. Делают они примерно 10 спектаклей в сезон. Это значит-5-6 главных ролей твои. За год такое сыграть, да ещё в условиях, когда ты начнёшь ощущать в себе и научишься пользоваться школой – это не вредно. Тем более, что есть шанс кое-что у них урвать. Да и я здесь, вероятно, кое-что делать буду.

Надо написать им письмо: мол, я ещё ничего не знаю, какие у вас предложения по ролям, то да сё… Это тебя ни к чему не обяжет. Закинь такую приманочку. Пусть они раскроют кошель, а там посмотрим.

Целую. Миша.»

ДОКТОР:– Написали?

– Нет, и в голову не пришло.

ДОКТОР:– Сейчас не были бы отлучены от сцены, город носил бы вас на руках… ну, как мечтала Нина Заречная…

– Нина Заречная ехала в Елец третьим классом… Хотя… самое смешное, что Рыбинск – мой родной город. Там, на привокзальной площади стоял духэтажный деревянный дом одного моего прадеда, а ещё – каменный дои другого. Дед окончил Рыбинскую мореходку, играл в ансамбле балалаечников… Все старинные семейные фотографии – Рыбинские. Выбор был. Но не было решимости его сделать. Несмотря на все конфликты, Маруся не могла порвать пуповину, связывающую её с Альма-матер, боялась покинуть Питер и начать жить самостоятельно. А так, оно катилось само по себе по проложенным судьбой рельсам… Ну, и «Ленфильм» под боком. Хотя, и там после скандальных съёмок в «Соломенной шляпке» репутация Маруси была безнадёжно испорчена, и приглашений не было. Учитель вёл себя как собака на сене: держал учеников в чёрном теле, но всеми силами мешал карьере в кино. И в другие театры не пускал. Маруся дважды показывалась: Владимирову и Опоркову. Оба выдерживали паузу, явно созванивались с Учителем и отказывали. Это предположение, скорее всего, верно, потому что подобное случалось не с одной Марусей. Только одна девочка, приехавшая из Казани, талантливая и очень уверенная в себе, полностью игнорировала все запреты, когда её пригласил на съёмки Авербах. «Потеряю театр? Ну и ладно!» И выиграла, и стала звездой, и мастер пошёл на попятный.

Что касается Миши… К нему в Рыбинск приехала подруга Маруси – Галя Михайлова. Оказавшись вдвоём в чужой среде, они, естественно, сошлись, поженились, родили дочку Катю и вернулись в Питер. Галя пришла в ТЮЗ, Миша стал ездить по провинции. Вскоре разошлись. Миша привёз из Иркутска ещё одну гениальную жену, она устроилась в МДТ. Третья жена, говорят, была неумна и неталантлива. Маруся не знает наверняка, не была знакома. Почему-то, и эта дружба постепенно остыла. Уже в девяносто каком-то Мишу нашли мёртвым, привязанным к стулу со следами чудовищных пыток. Вроде, хотел снимать кинофильм, занял много денег… или наоборот, получил зарплату после работы с Германом, обычная для того времени история.

ДОКТОР:– Ещё одна смерть… Вы помните тему нашего исследования? Разве это не ваша собственная жизнь?

– Да, конечно. Но что поделать, это удел тех, кто пережил многих близких. Не рассказать о них – не объяснить ничего. Рассказ не полный, если не имеет финала, а он всегда трагический: жирная точка, поставленная судьбой, в которой вся

суть. Кроме того, я чувствую, что это мой долг: сохранить память о них.

Вернёмся в 1975.

Миша познакомил Марусю со своим другом Гальпериным.

В день свадьбы Филинова бьющуюся, как рыба, выброшенная на берег, Марусю успевал поймать в свои объятия, отвлечь писатель Гальперин. Он увёз её в деревню, заговаривал, приносил чай и кефир на ночь. Маруся, не способная выносить одиночество, конечно сдалась…

– Конечно?

– Конечно. Тогда у Маруси не было проблем с претендентами, была проблема с выбором.

– И по какому же принципу Маруся выбирала?

– Уж точно, не по расчёту. Однажды на скамейке возле ТЮЗа Маруся подсела к какому-то старику, чтобы погладить его болонку.

– Знаете, девочка, что такое любовь? Любовь – это запахи! Вот моя собачка, – сколько у неё было женихов! Но только одного она понюхала – и сошла с ума: рвётся из дому, ищет, ищет его одного!

– Как почти перед каждой женщиной, перед Марусей стоял выбор: – любовь, или вынужденные, но приемлемые компромиссы. Остальные варианты отметались.

ДОКТОР:– Вынужденные обстоятельства? Это лукавство?

– Как хотите. Юра был человеком необходимого Марусе круга. В то время он считался молодым талантливым писателем из непечатающихся, уже признанным тогдашним литературным сообществом. Соответственно, круг его общения включал всё самое интересное, творческое, оппозиционное и фрондёрское в Питере. Он был знаменит в узких кругах романом «Мост через лету», где главная героиня – Марина сошла к нему с экрана из фильма «Клолдунья», уже написал новеллу для ТЮЗа. Юра был хорошо образован, закончил истфак и знал, что такое «семантика» и «семиотика», он многое мог дать Марусе. С ним было интересно. А главное – у Юры была своя комната. 18 метров в коммуналке на улице Якубовича!

Комната была пуста, если не считать раздолбанного раскладного дивана и подобия письменного стола, на котором стояла пишущая машинка с постоянно заправленным чистым листком бумаги, но вся оклеена вырезками из журналов.. В самом деле, это было непревзойдённое произведение искусства, потребовавшее от хозяина уймы времени и терпения. Случайного гостя можно было долго не занимать разговорами: открыв рот, он переходил от стены с политическими деятелями, где вперемежку соседствовали Че Гевара с Мухаммедом Али, к писательской

галерее с Фолкнером, Хэмингуэем и Норманом Мэйлером…

Маруся привезла единственное своё достояние – разваливающуюся ондатровую бабушкину шубу, которую торжественно повесили на гвоздь.

Юра работал в службе лифтов, где можно было писать, изредка брал в «Звезде» внутриредакционные рецензии на чью-то прозу, подрабатывал корреспондентом в «Костре».

Маруся получала бы свои 85 рублей, если бы… не появилась возможность поехать в Париж. Кто-то, как-то, походя, случайно спросил Марусю: – Ты, вроде, знаешь французский? – Да. – Так беги в райком комсомола, в такой-то кабинет, там дают путёвки в Париж. Как потом выяснилось, через бюро молодёжного туризма «Спутник» Альянс Франсез, организация, занимающаяся распространением французской культуры в мире, рассылала приглашения преподавателям фр. языка на курсы усовершенствования оного. Путёвки были относительно дешёвыми, и наши комсомольцы быстро прибрали их к рукам, но вдруг выяснилось, что знание языка необходимо, и им срочно пришлось предлагать их кому попало. (Нет ничего случайного в этом мире).

Тем не менее, для Маруси, уже работающей в театре, 360 за путёвку были нереальны. Помогли знакомые. Оказывается, тогда это было отработанной практикой. Маруся пришла в магазин, в котором кто-то только что купил за 670 р. катер «Днепр». С его чеком был оформлен кредит, который надо было выплачивать в течение года, а остаток был уплачен за мечту.

ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ…

Потом были собеседования в Смольном, где всех проверили на политграмотность, объяснили, что в Париже – сплошные провокации, ходить можно только пятёрками, ни в коем случае, ни с кем на улице не разговаривать, а для встреч с французскими коммунистами, взять с собой по две бутылки водки и по палке копчёной колбасы. Это был 75 год, тогда и поездка в Болгарию была событием, а уж Париж!!!… Поскольку путёвки раздавали в спешке, из пяти питерских, одна была актрисой, другая – работником Эрмитажа, третья переводчиком-синхронистом, плюс мальчик-комсомолец с голубыми глазами грудничка, в общем, пятёрка, независимая от всей остальной группы сформировалась, и очень кстати, потому что основную часть составляли педагоги из города Николаева, и ещё какие-то странные крепкие парни из Москвы. Каждую группу сопровождал руководитель из райкома партии. Им не надо было знать языка, не надо было посещать обязательные для преподавателей лекции, их дело было надзирать за группой, не допускать провокаций, болтаться по Парижу, посещать порнокинотеатры (Я это смотрел, вам- не рекомендую), дешёвые магазины (Я жене купил сервиз с перламутром), и наслаждаться жизнью за наш счёт. В связи с чем водка и колбаса для французских коммунистов были ими экспроприированы для собственных нужд, а в 11 вечера они обходили все номера, не без юмора объявляя: – Контроле тотале. Дородная партийка из Николаева, гордая тем, что будет блистать в Париже в платье красного бархата с опушкой из лебяжьего пуха, сразу сказала питерскому: – За этой блондинкой следите особо, может остаться! Ну и следили.

Маруся опять была разочарована. Ещё когда в детстве читала Гюго, она представляла себе, как войдёт в пустой Нотр-Дам, ляжет ничком на холодные плиты, мощно зазвучит орган, и душа её улетит ввысь, достигнет тех эфиров, где раскрывается истинное знание и достигается блаженство… У собора толпы негров торговали своими идолами, внутри было не протолкнуться от туристов, к тому же, надо было следить за тем, чтобы не отстать от группы, а когда Маруся всё-таки, отстала, как партизан прячась за колонной, чтобы купить и поставить свечку, кто-то из соотечественников тут же донёс, и на выходе Марусю встретил суровый взгляд партийного толстопузика: – Вы что, – верующая? Пришлось оправдываться. Лекций было много, но их никто не слушал. Но разве советскому человеку, попавшему в Париж с двумястами с чем-то франков, (что было эквивалентно 37 рублям,

которые можно было обменять) было до того, что размер стихов Верлена подобен его хромающей походке? Да, мы жили в латинском квартале, да вокруг были музеи и дворцы, но на эти 37 рублей надо было привезти из Парижа что-то такое, чтобы не было мучительно стыдно перед друзьями, потому что на Родине тогда ничего приличного нельзя было купить из одежды. Да что там! Не было туалетной бумаги. Маруся украла рулон в гостинице и с гордостью пользовалась некоторое время дома. Только одна питерская девушка плюнула на всё, (может, могла себе позволить) и на все двести с лишним франков сделала себе стрижку и укладку. Маруся же, под руководством более опытной подруги, как только объявляли перерыв, неслась с ней через весь город по Севастопольскому бульвару пешком, потому что автобус был слишком дорог, на Монмартр, в знаменитый «Тати». По дороге, правда, много чего можно было увидеть. Утром вдоль Бульвара расставляли рыбные лотки, с соответствующим запахом, днём они уже были убраны, и вода, ручьями стекающая по мостовым, уносила оставшийся мусор. Вечером из окон высовывались счастливые люди, размахивающие простынями с победным криком: – Только что из употребления! Но Маруся первое время ходила по улицам не отрываясь от «пятёрки», шарахалась от тех, кто пытался заговорить, и с тоской смотрела на тех свободных, праздных счастливцев, что сидели за столиками кафе. Может быть, они не так уж были и счастливы, эти люди, может быть, если бы у Маруси вдруг оказались бешеные деньги, и она заказала бы себе чашечку кофе, и села бы наблюдать за проходящей мимо толпой, она не почувствовала бы себя ни свободной, ни счастливой, но поскольку Марусе это было абсолютно недоступно, в душе укоренилось понятие Праздника, который проходит мимо. Это особенно остро почувствовалось 14 июля, в день Независимости. Да, группу днём отвели посмотреть на дефиле, кто-то даже одолжил бумажный перископ, систему зеркал позволяющую, разглядеть конных кирасир над головами толпы. А вечером, на Елисейских полях, Маруся по незнанию прошла над решёткой вентиляции, и когда горячий воздух поднял её юбку, как радостно вопила толпа поджидающих жертву мужчин! Праздник гулял по улицам. Возбуждение, музыка, за углом в узкой улице Латинского квартала на столе танцевала гречанка – владелица кафе, а через десять шагов – марокканка, и всё это с запахами кухонь всего мира, сливающихся в один зазывный запах Парижа. А по ночам – в узких двориках женские крики, на один из которых среагировали наши партийцы, выпившие уже нашу водку и закусившие нашей сырокопчёной: они бросились спасать женщину! им объяснили, что спасать не

надо.

В тот год французы ещё не экономили деньги на распространение своей культуры. Группу отвезли на автобусе в древнюю столицу Тур, в Орлеан, показали замки Луары, Версаль… Конечно. это незабываемо, но… По дороге из Орлеана шофёр включил радио, и Маруся впервые услышала «Индейское лето» Дассена. Вернее, самое начало, потому что всё остальное было заглушено громким хором педагогинь из Николаева; «Ты казала у субботу…» и так всю дорогу…

Нет, глоток свободы всё-таки, был. Во первых, руководители дважды сводили всю группу в кинематограф: один раз на «Эмманюэль», другой раз на «Ночь оживших мертвецов». И ещё один поход был знаменателен. Вся пятёрка во главе с голубоглазым комсомольцем отправилась вечером на пляс Пигаль. Для ознакомления. Тесно прижавшись друг к другу, советские молодые люди с ужасом рассматривали зазывные рекламы стриптиз клубов и стоящих в тесных переулках женщин, некоторых в школьной форме не по возрасту. В какой-то момент обнаружилась пропажа главной опоры комсомольской ячейки – единственной особы мужского пола. Маруся, как самая отважная, вызвалась вернуться и найти пропавшего. Но стоило ей отойти от группы, как от стены отделился седой импозантный незнакомец, который схватил Марусю за руку с криком: – Я вас ангажирую! Может, это была сама судьба, но у Маруси не было времени на размышления, в конце концов, блядью можно быть и на родине, кто знает, что лучше? Она рванулась, пробежала несколько метров и обнаружила комсомольца, стоящего без признаков сознания в центре магазина секс игрушек. Хозяин магазина в это же время не отрывался от чёрно-белого телевизора, по которому транслировали советский фильм про войну. Потрясённый юноша был водворён в группу и всё, как всегда закончилось в 11 вечера тотальным контролем. Но, товарищи, не на тех напали! Не могла Маруся так бессобытийно провести две недели в Париже. Вот же оно было тут, рядом, на соседней улице! Праздник, который всегда с тобой!

Через некоторое время один из московских, высокий, со скошенным лбом и сильно выдающейся нижней челюстью, стал оказывать Марусе знаки внимания. Она, в свою очередь, заметила, что этому человеку позволяется то, что не позволено другим. Маруся поинтересовалась, чем же занимается её новый знакомый. – Распространением революции во всём мире, – был ответ. Считайте Марусю беспринципной, но, когда остаются считанные дни, а ещё не посещена могила Эдит Пиаф!… С новым знакомым можно было не соблюдать комендантский час. Нет-нет,

никто не пошёл в «Максим» есть улиток! У Шатле была распита бутылка армянского коньяку, а потом весь вечер сидели в пустом зале кинотеатра и смотрели такое медицинское порно, от которого до сих пор тошнит. анекдота: – «не теребенькай, мать, процесс Следующий вечер, в отместку за порно, Маруся решила посвятить посещению Пер-Лашез. Но, поскольку вечер был уже поздний, а ходить приходилось пешком, до кладбища не дошли и заблудились в совсем не туристических кварталах. Но у распространителя революций было не 37 поменянных рублей, поэтому, когда ноги уже отваливались, зашли в первую попавшуюся забегаловку. У Маруси была идея-фикс. На встречах с коммунистами были уже попробованы «Пастис», «Рикар», – а абсента не было! Как уехать из Парижа, не попробовав Абсента? Мсье, Абсан, Абсан! (отсутствующий по созвучию). Кивает головой, не понимает, конечно же, не француз, араб. (Только вернувшись домой Маруся узнала, что абсент запрещён во Франции с 1945 года), что делать, взяли что-то. Тут же подсаживается мужичок. Работяга, мойщик окон. Выясняет, что мы из России, вырывает из рук приятеля пачку Марльборо, (это капиталистическое) вставляет ему в руку «Голуаз»: – Это наше! И долго распространяется по поводу того, что, ему на всё насрать, наплевать и растереть, потому что он платит налоги. Вдруг неожиданно говорит разведчику, глядя на Марусю: – слишком секси. Вырвались с трудом, потому что работяга, узнав, в каком квартале гостиница, закричал: – Слишком дорого! Предлагал поселить в дешёвой гостинице поблизости, закорешиться, и никак не мог понять, почему таким симпатичным ребятам необходимо вернуться в свою гостиницу к определённому часу. Марусю очень развлекла эта встреча. Колорит живого языка, Париж не глянцевый, а, главное, Париж не открытка, не миф, не мечта, а реальное место, в котором живут… Хотя… И негры у Нотр-Дам были реальностью, и до сих пор Маруся не знает что лучше: представлять себе обычный город, полный работяг и арабов, или сохранить в душе миф, мечту, недостижимый край, по которому тоскуешь который снится по ночам, а просыпаешься в слезах… Ведь в Париже в тот же момент была и другая, уж совершенно недосягаемая и непонятная советскому человеку жизнь: жизнь богатых, о которых Скотти говорил, что они другие, может быть, их Париж и есть тот самый? А ты, совдеповка с двумястами франков и чекистом в компании будь счастлива, что беседуешь с мойщиком стёкол.

В той поездке Марусю, как обычно, бросало из крайности в крайность. Прогуливаясь с революционером по набережной, они разговорились с кем-то, кто с пеной у рта доказывал, что он

бизнесмен, не политик, он против войны. А Маруся, в чьём спутанном сознании всплывали итоги многолетнего изучения политэкономии, с важным видом заявляла: – Именно деньги в основе всех войн! Но через день на встрече со студентами пела под гитару «Поручика Голицына» (Маруся, вам не стоит ли подумать о смене репертуара? Так ведь и работы можно лишиться?) А в беседе с каким – то леваком сказала, что у нас всё ещё диктатура пролетариата, а когда, желая поставить точки над и, провокатор бегал по всему общежитию в с криком: – Маруся! – она в ужасе пряталась под кроватью.

Лучшим, что было с Марусей в Париже в 1975 году, она обязана опять-таки революционеру. В последний вечер, когда всей группе оставалось только любоваться из окон на черепичные крыши с керамическими горшками на дымоходах, они вдвоём вышли на Пляс де ля Конкорд. Какие-то бедные студенты-пилигримы, как в собственной ванне омывались в знаменитых фонтанах. Маруся, вдруг поняв, что нет больше никаких запретов, задрала свою длинную юбку и с наслаждением опустила ноги в фонтан. Перед ней два потока огней, красный с одной стороны и белый с другой поднимались к Триумфальной Арке, по кругу неслись ситроены с хищными глазами пантер и безумные мотоциклисты, лавирующие между ними. Это был тот самый, долгожданный миг свободы, счастья, праздника.

По возвращении коллеги набросились на Марусю с расспросами, в основном про то, что «там носят» но, когда вместо ожидаемых восторгов, услышали: – Я ездила туда, чтобы почувствовать себя рабом! – запрезирали неблагодарную: – Пустили Маньку в Париж! И только иногда пронзительным воспоминанием всплывала мелодия «Индейского лета», а Париж снился, снился, уже недосягаемый, и Маруся просыпалась в слезах.

Будни были не то, что безрадостными, нет, окружающие пытались разнообразить их кто чем мог: романами, скандалами, тусовками… Работа в театре была непрерывна и однообразна: утро-вечер, включаем автопилот, говорили коллеги, днём добежать до кафе, прозванного «Глотком свободы», по названию известного спектакля, там в стаканы наливали болгарское вино «Шипка», чуть дальше, у Пяти углов была знаменитая распивочная, там завсегдатаями были старшие, уже знаменитые. «Я не хожу к пяти углам, смотреть как разливают вина, как улыбается Полина, стаканы подавая нам…» – написал один из них на мелодию трогательной песни из «Радуги зимой», и это звучало кощунственно, но правдиво. А в «Сайгоне» ждало избранное общество, там за чашкой кофе можно было послушать

стихи, и вообще, удовлетворить интеллектуальные потребности. Иногда времени до вечернего спектакля хватало на кино. При желании можно было найти в репертуаре кинотеатров и Куросаву, и Вайду, и что-нибудь французское с Делоном, Бельмондо и обожаемой Роми Шнайдер. Гримировальные столики украшали вырезки с портретами Эдит Пьяф, Беаты Тышкевич, Даниэля Ольбрыхского, а молодые мужчины и женщины вынуждены были с утра до вечера общаться в своём узком кругу, за который мало кому удавалось вырваться, чтобы создать полноценную семью. В этих бетонных стенах влюблялись, растили детей, интриговали, служили делу детской радости.

Но главной стала жизнь с Юрой. Он уже не мог писать, потому что вокруг, рядом, была фантастическая тусовка!

Писатели: Вика Беломлинская, Саша Житинский, Валерий Попов… да что перечислять! Писатели того времени всем известны. Потрясла Вика с её рассказами про Залмана Риккенглаза.

Однажды посетили Юлию Вознесенскую, портрет которой был напечатан на обложке какого-то американского журнала. Кто-то рассказывал: заходим, Юлия возлежит на диване, прикрывая лицо этим журналом, потом томно его опускает, и открывает такую страшную старую рожу!

Поэты приходили постоянно – беззубый Олег Охапкин подарил Марусе том Пушкина с «Евгением Онегиным», Кривулин, Куприянов, Ширали – нищие, гордые, пьяные, все не от мира сего!

А незабвенный Леон Карамян, сын академика, женатый на дочери академика, эрудит и бонвиван, поставивший себе целью объединить в одной всеобщем празднике технарей и писателей! И какие новые знакомые появились! Каждый вечер приглашены в гости, каждый вечер новые открытия.

А тут подряд выставки художников-нонконформистов: В «Газа» и «Невском», имена самых талантливых или скандальных – у всех на слуху. Белкин живёт в соседнем доме, к нему всё время приезжают на машинах иностранцы, – покупать картины

Юру Жарких кто-то облил на улице ипритом (известно кто), мастерскую Есаулова подожгли, разогнали демонстрацию под лозунгом «Декабристы – первые диссиденты!»

С коммунального телефона известный стукач звонит якобы Сахарову и сообщает о намеченных мероприятиях. Марусиного брата вызывают в Большой Дом, пытаются завербовать, пугая неподобающими связями сестры. Во время репетиции детской сказки из спектакля, посвящённого 50-летию образования Советского Союза Корогодский кричит: – Старых, у вас на лице написаны только городские проблемы!

Однажды после спектакля Маруся застаёт пришедшего в гости невысокого симпатичного человека в чёрном свитере: Лев, доктор, будущий известный сексолог и психотерапевт. Маруся, почуяв новую жертву, в смысле, нового зрителя, хватает томик и с наслаждением читает «Плавание» Бодлера в переводе Цветаевой. Лицо гостя остаётся непроницаемым. Потом выясняется, что он предупредил Юру, что у девушки – по всем симптомам МДП в начальной стадии, и срочно нужно лечиться. Прописал амитриптилин.

ДОКТОР:– Принимали?

– Да, по схеме.

– Помогло?

– Не то слово! Появилось ощущение, что маятник, который раскачивался внутри с неимоверной амплитудой, подобный гигантским качелям, на которых захватывает дух, наконец тяжело завис где-то в центре живота, дав возможность вздохнуть и оглянуться. Как рыбка, носящая с собой свой аквариум, Маруся наблюдала за происходящим как бы из-за стекла, изредка всплывая на поверхность, чтобы произнести короткое бесцветное слово и затем снова погрузиться в свою нирвану. Вдруг голос перестал срываться, и Маруся стала лучше играть.

– А потом?

– А потом, когда терапия закончилась, продолжился прежний бедлам: пьяный астрофизик с компанией ввалился ввечеру, сходу поцеловал Юру в губы и со словами: – «Это была последняя!» – рухнул на семейный диван.

Появились какие-то деньги, и Юра с Марусей совершили первую покупку «в дом» – десять стаканов из небьющегося стекла по двадцать копеек штука. Вечером ожидали гостей. Швейцарская студентка, которую Юра подцепил на филфаке, испекла традиционный открытый пирог: половина с копчёной колбасой, половина с сыром. Комната была чисто убрана, пирог и стаканы стояли на единственном журнальном столике. Гостей было много, пили, танцевали, как водится. Кто-то из гостей спросил: – А правда, стаканы небьющиеся? Решили проверить. Сначала безрезультатно швыряли их в стену, затем догадались кидать их в батарею центрального отопления. Стаканы разлетались на мелкие кубики, что страшно всех веселило. Утром Маруся поднялась с дивана с тяжёлой головой и увидела в густом нерастаявшем табачном тумане апокалиптическую картину: на столике, в остатках недоеденного пирога торчали окурки, весь пол был усыпан битым закалённым стеклом…

Но, тем не менее, быт налаживался, Юре подарили деньги на

мебель. Марусе очень хотелось принять участие в меблировке жилья, она пропадала в комиссионке на Марата, оглаживала резные зеркальные шкафы, любовалась тонкими этажерками из бамбука, всё это тогда, в 76-ом, не ценилось народом, переселяющимся в тесные новостройки, стоило копейки…

Но у Юры было собственное представление о комфорте: стенка, как у мамы, письменный стол, а на нём – неизменная пишущая машинка с заправленным чистым листом.

Маруся попросила только: – Можно я сама всё буду раскладывать по полочкам в шкафу?

Бедный Юра! Он так разрывался на части! Он, по сути, был совершенно буржуазен, он мечтал о комфорте и белом БМВ, но богемный образ жизни был навязан ему имиджем писателя из андеграунда, и Юра натужно играл свою роль, покоряя сердца страшненьких швейцарских студенток, впервые увидевших так близко страдающего русского гения.

Маруся была не в теме. Она была занята своим местом в искусстве. Наверное, это было очень несправедливо по отношению к Юре, но восхищения по поводу его творчества она не испытывала, в рот с восторгом не смотрела, равнодушно принимала знаки внимания. Не любила.

Сентябрь 1976

На целый месяц театр приехал на гастроли в Куйбышев. Жара. Песчаный берег Волги. Гостиница «Россия», – внизу – пристань, с которой под «Славянку» уходят речные пароходики. В магазинах – венгерский вермут «Кечкемет». Весь день делать нечего, все развлекаются, как могут, в основном, – пьют. Одни открыто, другие, по выражению Уржумовой – «под одеялом».

Художественный руководитель собирает труппу: – «Устроили тут Мацесту, ширинки расстегнули, бутылки – на стол!» но как уследить за этой распоясавшейся молодостью! Маруся, будучи несвободной, пила вермут в номере одна, читала «Идиота» и, не выдерживая накала страстей Аглаи и Настасьи, иногда швыряла книгу о стену.

> «Моя маленькая!
>
> Извини, что долго не мог собраться и написать. Первые недели сентября были похожи на увлекательную погоню за собственным хвостом. А, кроме того, я надеялся на командировку. 12-го я здорово простудился, но не придал значения соплям и 14-го вечером свалился с такой температурой, что вынужден был проваляться на диване до конца недели, – хорошо, что холодильник был

наполнен припасами. Лечился мёдом, мясом да португальским портвейном. Вчера как-то сразу стало легче. так легко, что я даже отправился в Павловск гулять в парк. Прихватив по дороге килограмм винограда, который заменил мне обед. Вечером выпил (У Жени Маркова дочка родилась), и в 11 вечера уже спал.

Сегодня утром убирал комнату, гулял в Александровском саду, завтракал и катался на речном трамвайчике. В буфете на катере купил блок «Феникса» (в городе проблема сигарет). Сидел на верхней палубе и был единственным пассажиром.

Погода стоит отличная, солнечная и холодная, – всё красиво и грустно.

Простуда отодвинула меня от работы, от намеченных дел. Наблюдаю собственную растерянность. Но, предполагая уехать в Хибины, я ничего не намечал, поэтому ничего не сорвалось. Завтра включусь, и всё завертится. (встаю в 7 утра)

В Ульянке нормально, купили радиолу, с папой перезваниваемся через день. Он чувствует себя хорошо. Не забудь поздравить брата с Днём рождения.

Нина Катерли написала хороший рассказ. Иногда катает меня на машине.

Илью Левина жестоко избили при странных обстоятельствах. Ю. Вознесенскую, Н. Лесниченко и двух художников арестовали за изготовление антиправительственных лозунгов и плакатов. Обыски.

Мама ничего не пишет из Гудаут. Наверное, купается.

Нашёл потерянную в прошлом году французскую рубашку.

Новая проза всем сильно нравится – это не лучший признак.

Иногда хочу поехать в Пулково и залезть в Куйбышевский самолёт, билеты продают свободно. В такие моменты отправляю себя в кухню мыть посуду или прогуливаюсь по бульвару. Вообще. довольно хлопотно управлять прихотями этого типа (себя). Бедная моя Машенька, – теперь я понимаю, каково тебе было со мной.

Спать привык у стены. Пользуюсь одной подушкой. О тебе не спрашиваю, всё равно ты не напишешь.

Да и осталось-то несколько дней.

Уже жду. Целую. Твой Симба»

Маруся не была очень заботливой женой, и каждый вечер отворачивалась к стене, где на уровне её глаз была наклеена фотография из журнала «Америка» – стая чёрных птиц, догоняющих стаю белых, и надеялась, что в эту ночь просто тихо уйдёт в свои сны. Ну что делать? Любовь – это запахи. Никто до сих пор не разгадал загадку этой химии.

Иногда случались и скандалы по этому поводу. Однажды, конечно в присутствии многочисленных друзей, Гальперин бегал за Марусей с тупым столовым ножом в руке с криком: – «Ты не досталась мне, так не доставайся же никому!»

Юра страдал и жаловался другу – будущему сексологу, который укреплялся во мнении, что Маруся – стерва. Может, так оно и было, может, так оно и есть, ведь если ты – стерва, то это – неотъемлемая часть твоего образа жизни, основа твоих отношений с людьми.

А ещё – как-то Маруся вопила по какому-то поводу, как капризный ребёнок. Юре захотелось, чтобы стало тихо. Он взял Марусю за горло и немножко придушил. Когда дыхания почти не стало, Маруся спокойно подумала: «А, вот оно как будет!» – и затихла. Может быть, именно это и спасло и её, и Гальперина. Синяки на шее потом долго не проходили.

ДОКТОР:– Детский сад какой-то!

> «Марина!
>
> Прости, я не могу мучить тебя. Больно отказываться – ты для меня единственная женщина сегодня. Наверное, мы оба сделали не всё возможное, но ведь всего сделать и нельзя.
>
> Надеюсь, мы останемся друг для друга тем, чем всегда были, и что так глухо заслонил безобразный психоз.
>
> Твой Юра»

Марусю опять отправили избавляться от ребёнка, а вскоре поставили перед фактом: у Гальперина серьёзные отношения со швейцаркой, он собирается жениться, получить гражданство и стать вторым Набоковым, и Марусе пора возвращаться к папе.

Все слова о любви… Можно было бы хотя бы комнату оставить… она вернулась в собственность государства, а Маруся так и не обрела независимости…

«На помойке ты родилась, на помойке и помрёшь!» – кричал будущий Набоков.

Маруся вернулась в свою Ульянку. И просто поплыла по течению дальше.

ДОКТОР:– Вы не пытались уже как-то включить мозги? Ведь вы наступали на одни и те же грабли?

– И Марусе предстояло ещё не раз наступить на них. А что было делать? Она совсем не могла врать и приспосабливаться. Всё всегда было написано на её лице, а душа не терпела никакой фальши. Называйте это как хотите: завышенная самооценка, гордыня… Всё это пустые слова, когда всё нутро восстаёт и не позволяет поступиться ни каплей своего достоинства.

ДОКТОР:– В чём разница между больным самолюбием и достоинством?

– Артистов без больного самолюбия нет. Оно болит, когда тебе делают справедливые замечания, критикуют твою работу. А достоинство страдает, когда оскорбляют несправедливо, ни за что, и это может касаться вовсе не тебя лично.

Скажу больше, если бы не Невидимый Друг, Маруся вполне могла бы закончить свою жизнь на помойке, как и предрекал Гальперин, или на панели, как говорил однокурсник Ларин, который умер не старым человеком от пьянки и наркотиков. (Не судите!) Но и там Маруся осталась бы собой! Вернёмся.

ГЛУХАРЬ

Наконец, дали небольшую роль в кино. В последний момент отказалась Шанина. Съёмки – в Нижневартовске. Вылет – рано утром. Часов в девять брат разбудил Марусю: – разве ты не должна была улететь? Дальше была эпопея с самолётами: раздобыть билет, уговорить, умолить, переехать в другой аэропорт, поменять рейс… Наконец, в иллюминаторе открылась фантастическая картина: на белом фоне горящие факелы вышек, как приглашение в преисподнюю. Последний, самый маленький самолёт приземлился в Нижневартовске поздно вечером. Двухэтажное здание аэропорта стало пристанищем для цыганского табора. Марусю никто не встречал. За окном было минус пятьдесят. В безвыходных ситуациях у Маруси открывались скрытые до того сверхвозможности. В полночь она ввалилась в номер режиссёра, чувствуя себя героиней, но её встретил мутный и равнодушный взгляд. Съёмки продолжались уже не одну неделю, группе всё обрыдло. Семён Морозов, Виктор Ильичёв, Наталья Дмитриева и Саша Фатюшин разыгрывали незатейливую историю про двух шалопаев, случайно оказавшихся на севере и столкнувшимися с настоящими трудностями, которые мужественно преодолевали настоящие люди – нефтяники. Развлекались актёры как могли: встречались с местными интеллигентами (действительно очень интересными людьми), поехали на праздник оленеводов. Маруся захотела прокатиться на настоящих нартах. Капюшон шубы сдуло ветром, перепуганные каюры показывали пальцем на нос и уши – дескать, отморозите, но обошлось. Эти минус пятьдесят после питерских минус двадцати совершенно не чувствовались. С Морозовым, имевшем дурную привычку обращаясь к кому-нибудь, спрашивать: – Ну ты, как там тебя зовут? Маруся разругалась, а Фатюшин начал за ней ухаживать.

Маруся отснялась неважно, пора было домой. Режиссёр позвал её к себе и, немного стесняясь, показал огромного замороженного неощипанного глухаря: – Мы тут, это, поохотились… вы не могли бы отвезти его моей жене, вот адрес. Да, конечно. Глухарь был помещён в полупустую сумку, на дне которой лежал единственный экземпляр «Божественной Лики». В Москве была пересадка. Несколько свободных часов Маруся решила провести у близких друзей, предварительно закинув сумку в камеру хранения на Ленинградском вокзале. Только в Москве и только в специализированном магазине «Будапешт» можно было купить вермут и апельсиновый сок. А Маруся

заработала денег. Вермут с соком пили до последней минуты, на поезд Маруся чуть не опоздала, напрочь забыв про сумку с глухарём. Опомнилась уже на утренней репетиции, бросилась звонить в Москву. Сумку привезли проводники на следующий день. Глухарь разморозился, пьеса была залита его кровью. До дома режиссёра Маруся добиралась долго, наконец, дверь нужной квартиры открылась. Бледная, худенькая совершенно простуженная женщина с ужасом смотрела на глухаря: – Боже! Что я буду с ним делать!

Театр Маяковского приезжал на гастроли, Фатюшин приглашал на спектакли (не оставившие никакого следа в памяти), пришёл сам на «Бориса», потом поручал Проскурину делать Марусе пригласительные на приезжавший «Ленком». Был внимателен и ненавязчив. Наконец, приехал с другом офицером делать предложение. Маруся отказала, потому что уже смертельно была влюблена в мальчика, являвшего собой полную противоположность крепкому парню Фатюшину.

ДОКТОР:– Ну, значит, как возможность изменить ход дальнейших событий вы этот вариант не рассматривали.

– Нет, тогда не рассматривала, тогда всё было однозначно. Только теперь, увидев результат, думаю, что всё могло пойти по другому пути. Не только для Маруси. Для Саши тоже. Как просчитать, что один человек даёт другому, для чего они вместе, сколько дают, сколько отбирают, на что толкают, чем вдохновляют? Это не помещается в рамки традиционного представления о состоявшихся семейных отношениях.

Саша тоже умер рано. Его вдова охотно и часто рассказывает по телевидению и в гламурных журналах о том, как после воспаления лёгких (которое, как известно, часто даёт осложнения на сердце), муж прилёг в другой комнате. Жена с подругой с утра пили коньяк, переживая по поводу пропажи собачки. О Саше вспомнили через несколько часов, когда было поздно…

ДОКТОР:– Вы гордитесь своими победами над известными людьми.

– Просто иногда думаю, сколько раз уже могла бы стать вдовой, если бы выходила замуж. А если серьёзно – что один человек даёт другому, зачем они вместе? Именно это решает всю жизнь, а не количество совместно прожитых лет и рождённых детей.

ЛЁША

Начались репетиции пьесы Кургатникова «В гостях у Донны Анны», и с группой артистов объединили группу студентов. Они на четыре года были моложе.

Несколько дней, и Маруся готова отдать несколько лет жизни за то, чтобы быть с этим мальчиком. Ей – 26 лет, и это впервые. Как объяснить? Рост? Красота? Нет. Невысокий, худощавый, беззащитность в глазах. Материнский инстинкт что ли, громко заявляет о себе? И в то же время какая-то необъяснимая сексуальная притягательность, сводившая женщин с ума на протяжении всей недолгой Лёшиной жизни.

В январе 76-го выпустили «В гостях у донны Анны» Кургатникова.

«Марине с любовью, надеждой и верой! Я этого ждал… З. Корог.»– надпись на программке.

«Остановите Малахова», получила роль директора школы. Победа была небольшая, а репетиции и спектакли были мучительны, потому что со сцены было не уйти – все действующие лица должны были молча присутствовать при разбирательстве дела молодого преступника. Приходилось отключаться и мечтать в полумраке сцены о вечере дома под торшером, под тихий джаз. Мечты были несбыточны, поскольку дома у Маруси так и не было: делила 13-кв. метров с повзрослевшим братом.

ИЗ ДНЕВНИКА

«В 1977 – «Тени» Салтыкова-Щедрина. Опять я вдвоём с Лианой назначены на роль Софьи и… одновременно на роль Клары Фёдоровны, лица значительного, без слов. Я присутствовала на всех репетициях, но Софью репетировала только Лиана. Однажды она не пришла на репетицию, и я позволила себе высказать версию роли, отличную от того, что предлагал мастер, была внимательно выслушана, даже дали порепетировать. Версию мою учли, но играть так и не дали. Повторение пройденного: мечтаю о роли, готова играть и хожу по заднему плану молча страдая. Другие репетировали «Калоши счастья» Рощина, «Бемби», а я получила роль голубой сестры в пьесе Клары Фехер. Ролевой голод имел свои преимущества: я очень много читала. Сидя в тёмном зале, улетала в другую реальность, читая «Сто лет одиночества». Осилила даже «Доктора Фаустуса» Манна, хоть и не знала, что такое контрапункт в

музыке.»

– Ну и попивала от тоски с друзьями, куда без этого, как все. Подругу Наталью выдали замуж за художника Топкова, у которого была большая мастерская на Можайской. Там Марусю принимали как родную, выделили собственную комнатку, собственный топчан. Там собирались интереснейшие люди, правда, все сильно пьющие. Однажды Маруся, войдя, чуть не споткнулась о спящих на полу хозяина дома и его Учителя – гениального графика Светозара Острова. Тот щекой прижался к пятке Топка и сладко посапывал, а проснувшись, заявил, что никогда ещё у него не было такой мягкой подушки. Там Маруся ночи напролёт беседовала со знаменитым Сергеем Вольфом, который стал её внимательнейшим психотерапевтом.

«Получила роль коровы (как обычно, вторым составом) в пьесе Слепаковой «Кошка, которая гуляла сама по себе». Пока другая актриса изощрялась в изобретении пластики животного, я пыталась стать совсем незаметной, вжималась в стенку, пряталась за стулья, краснея от одной мысли о столь изощрённом издевательстве: мне, трагической героине привязывать хвост и вымя! Отсиживалась, пока не вышли на большую сцену, и меня не предупредили: если сейчас же не выйдешь на сцену, будешь уволена! В стрессовом состоянии привязала к талии огромный канат, махнула «хвостом» запуталась в нём, пытаясь сделать лихой разворот, грохнулась на пол… в зале раздался смех, дальше я репетировала одна. Постепенно роль стала приносить настоящее наслаждение, я купалась в ней, придумывая всё новые и новые подробности: нюхая огромные цветы Завена Аршакуни, прицельно убивая мух, севших на «круп», невольно мешая главным героям, потому что дети кричали: – Смотрите, что она делает! В мае приехали на гастроли в Москву. Спектакли играли в театре Сатиры, а в вестибюле метро «Маяковская» билеты спрашивали за час до начала. После спектакля не успела снять грим, позвали на проходную, там ждал Марлен Хуциев: – Простите, я не мог вам не сказать, что давно не получал такого театрального впечатления! Заключительный банкет, З. Я. берёт меня за руку и подводит к Хуциеву: – Вот твоя любимая артистка! – А кто это? – Не узнал? Это же корова! Марлен Мартынович был смущён: – Я думал, вы такая тюзовская, а вы такая чеховская!»

Тот май в Москве был тёплым, наполненным ароматом сирени. Тёплые дожди прибивали к земле автомобильные выхлопы, и в городе царствовал пьянящий запах свежей листвы. С компанией молодых артистов, в которой был Лёша ехали в метро после спектакля. Дальше расходились: – им в гостиницу, а Маруся жила у своих прекрасных друзей Гали и Серёжи Свет на

Мосфильмовской. Постепенно сближались с Лёшей, и однажды отправились на Воробьёвы горы клясться в вечной дружбе. Долго гуляли, находя всё больше и больше общего, соединяющего духовно. Ливень обрушился, как в лучших фильмах Хуциева. У Маруси потекла тушь, и Лёша впервые робко дотронулся до её лица, губ… А потом промокшие пришли на Мосфильмовскую. «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума…» А за окном торжествующе гремели свадебные песни лягушек…

Оставшиеся гастрольные дни не расставались. Вдвоём открывали для себя Москву, до последнего поезда метро гуляли по бульварам. Маруся исполняла весь свою любимый репертуар Пиаф, а Лёша смеялся на тем, как по детски она откашливалась перед каждой песней. Сразу после прощального банкета Лёша увлёк Марусю на близкие Патриаршие. Он набирал воду в ладони и пил, совершая мистический ритуал родства и памяти, а Маруся хохотала: – Глупый, в эту воду лебеди писают! Всё изменилось для них двоих. Приехав в Питер Лёша решительно разорвал с предыдущей девушкой, а дальше… Они быстро научились понимать друг друга с полуслова, с полувзгляда, будто все вокруг говорили на каком-то чуждом языке, и только двое – на своём, другом. Маруся делилась всем, что любила, а Лёша жадно впитывал.

Играть вместе стали плохо. Лёша точно подмечал Марусины привычки. Тогда она почему-то на всё удивительное поднимала палец к небу и говорила «О!». И вот финальная сцена расставания: – «Вон твой трамвай!» – говорит героиня Маруси, стоя на авансцене на катушке для проводов. «О!» – отвечает Лёша, подняв к небу палец. Полный раскол, трагизм финала смазан.

В Венгрию Маруся попала совершенно случайно. Актёров – комсомольцев пригласили с концертами на Саяно-Шушенскую ГЭС, а в награду предложили путёвки в бывшую тогда Народной Республику. В группу включили Лёшу, и Маруся сделала всё возможное, чтобы тоже поехать в Саяны. Но в последний момент возлюбленного из списка почему-то исключили, поездка на ГЭС отменилась, и Маруся отправилась с группой товарищей в Будапешт.

Но накануне поездки произошёл очень серьёзный конфликт с Учителем.

Как обычно, воспитывая Марусю, он назначил её вторым составом к Боровковой в детскую сказку Клары Фехер про каких-то голубых (воображаемых) братьев и сестёр. (Шелгунов, репетируя голубого брата, решил всех поразить: он набрал в рот бензину, плюнул и поджог. Прямо на сцене. Бензин потёк по подбородку и воспламенился. Закончилось всё благополучно, но

Лауреат Гос. Премии Народный артист Иванов написал стихи: Мальчик фокус сочинил, простенький. С бензином. Как идут ему теперь ушки из резины!) То время, когда Маруся страстно желала станцевать трёхсекундную партию мотылька в «Чуковском», прошло. Новое назначение было очевидным наказанием. Другие в это время репетировали «Бемби» и «Калоши счастья» Рощина, спектакль, запрещённый впоследствии городским худсоветом по идеологическим причинам.

Во время репетиции молодой режиссёр, воспитанный в этой же школе, не справляясь со своей ролью, решил наорать на К. С Кунтышева. Это был артист «из тех», безобиднейший и добрейший. Его страстью были канарейки. Маруся тут же вступилась за ни в чём не повинного и беззащитного.. Режиссёр остановил репетицию, Маруся вернулась в гримёрку. Тут же прибежала помощник режиссёра: – Маруся, беги скорее, там главному такое про тебя рассказывают, он же всё наврал! В кабинет Марусю войти не пригласили, слова произнести не дали. Не отрывая глаз от каких-то сверх важных бумаг, главный сказал: – Вы живёте не в своём государстве, делайте выводы!

Марусина истерика тогда обручем сдавливала грудь и не давала вздохнуть. Спасла подруга Наталья, какой-то поклонник подарил ей виски. Первый же глоток снял спазм, согрел внутренности, Маруся задышала.

Но подать заявление об уходе тогда она не решилась, обрекая себя на общение с теми, кто доносил, способствовал опале, улыбался в лицо. Венгрия проплыла, как в тумане: готические соборы, Национальный музей, по которому удалось пробежать, отмечая: да, Кранах есть, Рубенс есть… потому что дальше по программе нужно было ехать в Луна-парк. Однажды поздно вечером очередной комсомольский лидер пригласил её к себе в номер. На столе, конечно же, стояла бутылка. Чего он хотел от неё, Маруся не знала, и знать не хотела. Всю ночь она рассказывала комсомольцу о преимуществах американского сельского хозяйства, в котором 12% населения кормят не только свою страну, перед социалистическим с его 48% и нехваткой продуктов питания. Оставшиеся до возвращения на родину дни комсомолец от Маруси прятался. Перед отъездом группу повели в Венгерский «Мулен-Руж». Посадили русских на каком-то ярусе, под потолком, принесли орешки и какое-то спиртное. Представление претендовало на европейский уровень, но Маруся почти не смотрела на сцену. Её взгляд был прикован к двум молодым и очень красивым парам, сидящим за столиком у самой сцены. Завораживало то, как они были красивы и раскованы, как им приносили шампанское, с каким достоинством они

принимали бокалы… Богатые и красивые! «Богатые всегда красивы» – писал любимый Скотт. Марусе в голову не пришло, что это могли быть нанятые артисты, она за чистую монету приняла этот спектакль и восторженно наблюдала за тем, как после представления обе пары вышли на площадку и профессионально стали танцевать танго. Потом они внезапно исчезли, площадка опустела, но оркестр продолжал играть, и подвыпившие русские сбежали со своего яруса, и, как в худших голливудских фильмах, толпой пошли плясать вприсядку, плясали до упаду, пока их не выставили из закрывающегося заведения.

В 1978 году Театр выехал на гастроли сначала в Польшу, потом в Югославию. Вывезли всю труппу и студентов. Бурный Марусин роман проходил, как и все театральные романы, у всех на глазах, соответственно, нашлось много желающих вмешаться в происходящее. Почему-то общественность считала своим долгом избавить несчастного Марусиного избранника от её пагубного влияния. Первыми узнали Лёшины однокурсники, не любившие Марусю за «манерность», затем дошло до Мастера. Он, как истинный Создатель-Демиург считал, что волен распоряжаться судьбами учеников. Союз Маруси с Гальпериным одобрил, и даже, на какое-то время подобрел, а вот на Лёшу у него были планы. Его поставили перед выбором: либо карьера в театре, либо любовь. Он заметался.

Посему и католическая Польша, так привлекавшая своей ни на что не похожей интонацией, полюбившейся благодаря литературе и кинематографу, мощными на тот момент, стали только фоном для Марусиных переживаний. В Польше труппа была накануне восстания «Солидарности», уже можно было заметить его приближение. Труппу пригласили в Дом Кино, где показали запрещённые тогда в Союзе «Человек из мрамора», и «Охотник на оленей». В кинотеатрах шли боевики с Бронсоном. Во всю работали пошивочные кооперативы, диковинные для советского человека, хорошо была развита контрабанда.

Обмирать от счастья, встретившись глазами, когда автобус проехал мимо дорожной надписи «Томашув», потому что это – Демарчик, потому что это для нас двоих, вдохнуть весенний воздух полной грудью, как тогда, в Москве, открывать для себя незнакомые узкие улочки, бережно складывая общие воспоминания навсегда… Хотелось, чтобы так было.

Однокурсники тащили Лёшу на какую-то вечеринку. Он не стал сопротивляться. Когда ночью Маруся вошла в его номер, он почти ничего не соображал, а возле него, конечно, хлопотала сердобольная Марусина однокурсница. Она была тотчас же

выдворена, а Лёша сказал ужасную гадость, за что тут же получил по физиономии. Рука у Маруси тяжёлая, на следующий день в аэропорту Лёша скрывал огромный синяк под чёрными очками, и больше Марусю до себя не допускал. Вся труппа вернулась домой одетая в одинаковое милитари цвета хаки, вошедшее тогда в Польше в моду.

В Загреб прилетели самолётом, а потом шесть часов ехали автобусом через горы, по серпантину до Шибеника. Не повезло тем, кто оказался в одном автобусе с португальским ансамблем национальной музыки: все шесть часов они били в барабаны и горланили. Югославия тогда была единой, изобильной, гостеприимной. В знак уважения некоторые тексты артисты произносили на сербско-хрватском. В Шибеник прибыли к ночи, но главный оставил труппу на улице ещё на полтора часа, в течение которых распределял подопечных по номерам, исключительно в воспитательных целях, чтобы не дай Бог, не распространялось дурное влияние. Чтобы убить время, артисты разбрелись, плохо ориентируясь в южной звёздной ночи, с чёрными силуэтами кипарисов. – А где тут море? – Да вон там! Всего метров двадцать, и вот оно, маслянистое, тёплое, обещающее отдых. Тут же стали раздеваться и бежать к ласковой глубине. Тут же раздались вопли: дно было усеяно морскими ежами. Последствия для многих стали довольно длительными. Маруся тогда любила нырять. Она сразу пробежала по пирсу, нырнула и поплыла как серебряная рыбка, светясь и ионизируя. Это чистое море с трепангами и морскими звёздами на дне, мгновенно отрезвляющее перепившего и дающее отдых уставшему, осталось в памяти на всю жизнь. В Шибенике собрались молодёжные театры всех стран Содружества. Началось активное братание. Всё способствовало тому, чтобы народ, как с цепи сорвался и ударился в непрерывный загул. Недавно вышедшая замуж актриса проводила ночи с чехом, объясняя это тем, что он слишком похож на её мужа. Молодых женщин разобрали югославские товарищи, возили их по окрестностям, показывали достопримечательности. Только на Марусю и её соседок по номеру не было спроса. Соседок вполне устраивало мирное лежбище на пляже, а Маруся не спала ночами, металась, не знала, куда себя деть: любимый был рядом совершенно недосягаемый. Однажды к Марусе подошла такая же одинокая Алёна. Плюнули на всё, взяли напрокат лодку, поплыли на крохотный ближайший островок. Вода была цвета расплавленного бутылочного стекла, на дне можно было увидеть трепангов и морских звёзд. Ныряли с лодки. Это было тихое счастье. Потом компания для Маруси всё-таки нашлась: балканские парни, щедро угощавшие друг друга

народными песнями и крепкими напитками. Ну как тут было не спеть «Лучину» и не оказаться в центре тесного кружка? Однажды Маруся вернулась под утро и проспала отъезд всей команды «на водопады». Проснувшись, она поняла, что осталась одна, пропустила завтрак, а обеда не будет, поскольку все обедают «там». Небо неожиданно заволокло тучами, Маруся одиноко сидела на пирсе, но тут появились товарищи со сливовицей, ракией и чем-то ещё шестидесятиградусным, что обязательно надо было попробовать. Маруся пела товарищам «Ноченьку» и «Прощай радость», обжигая пустой желудок, слушала братские славянские напевы и ждала вечера, до которого надо было дожить. Но дожила, дождалась ужина, на котором отсутствовала большая часть труппы. Гостеприимство братьев-хорватов было таким щедрым, что часть труппы выгружали вечером как дрова, за руки – за ноги разносили по номерам. Долго ещё рассказывали о том, как отличился приставленный к артистам член райкома партии. Всю поездку он раздражал тем, что давал интервью, не имея никакого отношения к театру, и вот – реванш! Напившись, бедняга упал лицом в колючие кусты и не придумал ничего лучше, как наутро замазать глубокие царапины гримом. Сделал он это неумело, стал похож на старого трансвестита и вызывал всеобщий хохот и презрение.

Прощальный вечер со свечами многие по причине нездоровья пропустили. К Марусе подсела Алёна – плакала, клялась в любви, рассказывала, как несчастна, потому что нездорова, не может иметь детей… Та самая, что потом стала Алёшиной женой и матерью его дочери…

Вернувшись с гастролей, артисты ещё какое-то время продолжали куролесить. Исхудавшая Маруся тоже не могла остановиться, желудок скукожился и пищи не принимал, зато принимал спиртное. Но пришлось играть три подряд спектакля. Учитель собрал труппу: – «Единственный человек, который что-то искал на сцене…» Наивный! Знал бы, как и что Маруся на сцене искала!

Но начался отпуск. Всеобщий любимец, красавец Виташа Гальперин допился до того, что отказала рука. Он, наконец, перепугался и решил, что пора восстанавливать здоровье в Коктебеле. Гарантами суровой трезвости были его брат с невестой, одинокую Марусю взяли до кучи, что, собственно её и спасло

– За буями! Вееернитесь в зону купания! – гнусным голосом кричал Виташа, и сам себе отвечал: – Нннне вееернуусь!!!

Необыкновенно музыкально одарённый, он писал музыку к поэзии Рубцова, мечтал записывать диски… и тоже ушёл рано,

как Хочинский, в 54…

А осенью всё пошло своим чередом, Лёша вернулся.

Но подошло время новому курсу влиться в театр. Конечно, они пришли со своим, тоже потом знаменитым спектаклем.

Уже с ними, кто был младше нас на 6 лет мы стали репетировать «Ночь после выпуска» по Тендрякову. Учитель доверил постановку Марусиному однокурснику – Овадису, который уже явно вырос в педагога и режиссёра.

Андрюша – красавец, не способный запомнить текст и убивающий всех наповал своими оговорками, Игорь, будущий успешный сценарист, и Яша, невысокий, конопатенький, губастенький с совиными глазками – необычайно одарённый сын одинокой матери из карельского посёлка. Его непрерывно распирало, его всегда было слишком много, он всё время приставал к женщинам, его отшивали, его многие не могут забыть…

Его полюбила Галя Михайлова. Они нашли друг друга – незамутнённо подлинные, не считающиеся с общепринятым. Маруся дружила с Яшей. Они ночами бродили по городу, Яша фонтанировал идеями, Маруся наслаждалась. Яша выпивал, пытаясь обуздать несущих его коней.

В кино он сразу стал известен, благодаря Мамину. Его любили, приглашали. Там, на «Ленфильме» был свой круг алкоголиков. Потрясающе он играл Дронова в подзабытом нынче сериале по «Климу Самгину», всё так хорошо складывалось…

Однажды Яша обиделся на Мамина, пришёл домой и повесился. Дверь была полуоткрыта, соседи по коммуналке сняли, вызвали «Скорую»…

Потом Яша сам рассказывал, что услышал такие нежные голоса, зовущие его, что не захотел возвращаться – грыз трубку, вставленную в трахею, матерился так, что даже реаниматоров поразил.

Он ещё прожил какое-то время, снялся в фильме «Бумажные глаза….» с ненавистным Романцовым, а потом сиганул с балкона, видимо, его позвали…

Но до этого было ещё далеко.

Лёша уходил надолго. Маруся мучилась от разлуки. В теснейшем кругу театра любое духовное сближение могло естественно перерасти в интимное. Лёша пропадал месяцами, а тут рядом предлагали себя красивые, талантливые, пишущие пьесы, на которые надо было дать отзыв, инфантильные, ищущие материнской опеки… На какой-то момент Маруся переключилась, чтобы больше не страдать, а Игоря тоже должны были забрать в армию. И Маруся опять переживала и плакала. Только однажды,

когда собрали всю труппу, и оба оказались рядом… как там в «Гамлете?» – вот один портрет, а вот другой… Маруся опомнилась, пришла в пустую, тёмную гримёрку, а через несколько минут вошёл Лёша…

Будущий писатель оставил Марусе записку: «Я слишком легко тебе достался», – и как приз в эстафете, перешёл к Марусиной однокурснице, разбив её семью.

И вот осенью наступил этот ожидаемый, и всё-таки страшный момент: пришло время Лёши отдать долг Родине. Маруся поднималась по лестнице, когда услышала об этом, и с удивлением отметила, что ноги, действительно, подкашиваются. Правда, подумала ещё и о том, что надо бы это запомнить и использовать потом в работе. Последний вечер перед армией должны были провести вместе, и подруга отдала для этого ключи от своей однокомнатной, но, по закону подлости, ждали друг друга в разных местах, а, может, опять друзья увели Лёшу на мальчишник… Маруся прождала часа полтора, а утром рванула в военкомат, но там было пусто, и Маруся шла по городу, не узнавая его, как будто внезапно он стал пустым и чужим…

26.10.79

«Здравствуй, Машенька! Получилось всё в последний день настолько глупо, что и посейчас обидно и тяжело. Я идиот и прождал тебя на углу Невского и Литейного. Злился, и время уходило, и очень хотелось увидеть. Потом же я поехал к Ленкиному дому и там толкался и скулил. А когда, наконец, приехал домой, позвонила Лиана и сказала, где ты ждёшь и как. Прости меня. И напиши, пожалуйста, как ты себя чувствуешь, и как ты меня ждала и сколько. Подробно – мне помучиться хочется. Я приехал и служу 2 день. Здесь хорошая компания подобралась. Мы ехали из Ленинграда всемером – все художники и артисты, и пока так всемером и живём. Но это пока, и относительно нашей дальнейшей судьбы и местонахождения говорить трудно. Я очень смешной лысый, и жаль, что ты не видела.. Я крепко тебя целую и жду письма.»

4.11.79

«Здравствуй, Машенька, ещё раз, что случилось с тобой, честное слово. Я весь испаниковался и жду ответов. Ты здорова? Ты так обиделась? Что, в конце

концов, произошло? А, может быть, я зря ругаюсь, и ты просто писем моих ещё не держала. Вполне возможно, они ещё не дошли, но на этом «авось» долго не протянешь. Что у тебя нового, Маринка. Каково работается, пишется, ёжится, встаётся как. Что с Ленинградом. Это, действительно, Северная Венеция? Как он переносит холода? Как ты это делаешь? Я до сих пор не знаю сколько я тебя, как сукин сын, заставил простоять в метро «Маяковская», и куда ты пропала, и как себя чувствуешь. Пиши скорее. Не томи. Я очень виноват, прости, я пьяница и болван. Пиши обязательно, очень прошу, хотя бы- я здорова, а ты – дурак. Или даже страшнее. Про себя я не буду писать, у меня всё отлично, и я рад, что здесь. Мне уже выдали шинель и стало тепло. Нам здесь уже три раза показывали кино. Посмотрели чудный итальянский фильм с Сандрелли, и я страшно завёлся и разволновался за тебя. Ты у меня самая хорошая женщина. Только не молчи. У меня через два дня премьера – мы будем играть в концерте, потом расскажу, что и как. Ребята – артисты жутко славный народ. Ты из них должна помнить одного – он с курса Додина-Кацмана, ему на грудь ставили сковороду и жарили яичницу. Ты, помнится, рассказывала об этом. Я крепко целую тебя и прошу прощения, и скучаю, во сне смотрю и очень люблю тебя, дурында. Обнимаю и не отпускаю.»

7.11.79

«Ну, вот теперь, Машенька, здравствуй действительно. У меня сегодня большой праздник – я получил твоё письмо. Оно ничуть не выспренное и не сумбурное, ты это брось, оно очень хорошее и очень твоё – я аж вздохнуть не мог, когда ты написала, что, мол, такое нелепое прощание – в наказанье за нашу безалаберность. Ты, моя маленькая, аж к военкомату съездила, умница моя. Не беда, всё хорошо, только жалко твои нервы, и без того мною основательно истрёпанные. Это невероятно «по-твоему», а я так соскучился по всему твоему. Я тебе, дурында уже четвёртое письмо пишу, и вот только это письмо пишу действительно, потому что не дёргаюсь и тебя отчётливо вижу, и всё встало на свои места. А вот времени сейчас не так много, так что буду писать, наверное, два дня. Ты

просишь мелочей – попробую. У нас сегодня выпал серьёзный снег. Тут очень красиво, много берёз, и вообще хорошо. Просыпаться я уже почти научился. Даже на зарядке получаю удовольствие, этакое мазохистское. Я стал, наверное, здоровым человеком, или становлюсь, потому что ведь ничто не проходит бесследно, а зарядки и режим здесь серьёзные.

Казарма у меня большая и хорошая. Справа и слева спят ребята из горьковской области, они славные, окают немного. Этакие «мужчины без женщин», (вот кого, кстати, хочется перечитать, и кого я сейчас понимать начал). Сначала мне было страшно, относительно, конечно, потому что при всей своей охоте к перемене мест, я растение тепличное, а теперь становится легче. Лысый я смешной, голова стала маленькая. Теперь уже растительность лезет чуть-чуть, и седина попёрла из прежних мест, я думал, вдруг она не примется больше.

Ты спрашиваешь, не написал ли я чего- господь с тобою! Что там поделывает хороший Ленинград? Если я и буду писать, так о нём. Знаешь, как советовал Маяковский: писать о 1-м мае 7-го ноября, когда этого мая до зарезу хочется. Он такой хороший, этот город. Он, знаешь какой. Один мой знакомый говорил, что музыка – это контрасты. Вот он какой. Он такой холодный, и такой тёплый, он самый строгий и очень простой, самый безалаберный и самый тщеславный из всех городов. Вот поэтому он и искусство.

А написать чего-нибудь очень хочется. Я сейчас начал понимать, как надо работать. Всё это, может быть, банально на бумаге. Но иначе выразить не могу – суетиться не надо – и всё. Я всё думал, отчего тоска забирала в первые дни, звериная тоска – это была ностальгия по суете. А вылечиться легко. Мне, во всяком случае, потому что обстановка располагает. Очень крепко обнимаю и скучаю. Ты работай хорошо и не сердись на дураков. Это, в общем, просто. Только надо потерпеть. От тебя твоего они не отнимут, потому что слабы в коленках, а когда припрёт, думай о своём. Да и, в конце концов, жизнь одна, а дураки – это то, чего не изменить. Так что работай.

Пока, Маринка, любимая моя женщина, талантливая моя, умница.»

13.11.79

«Здравствуй, моя хорошая! Я получил второе письмо от тебя, и вот, спустя три дня пишу ответ – не обижайся, не дошли руки, и не донесли ноги. Это естественно, и ты это знаешь. Ты очень хорошо пишешь, и вообще, тебе писательницей быть. Спасибо за всякие подробности – но про театр – Бог с ним, и, к тому же, сложности и глупости его сейчас мною не воспринимаемы. Я его вспоминаю, и потому он – хороший для меня. Ну, да ладно. Спасибо за чудные полтора листа с ятями к коринфянам, это очень кстати, Машенька, потому что поэзии хочется. Хожу, изредка каламбурю, но зачёркивать некогда, и потому охолаживаю себя на эту тему – не знаю, правильно ли. Я жутко скучаю и хочу тебя видеть. К моему другу Серёже (это который со сковородкой – помнишь «Огонёк на Моховой»?) приехали его брат и сестра, и день были с ним. Я ему позавидовал. **(Бехтерев)**

Что у меня нового? Да, Маринка, всё хорошо, я служу и всем доволен. Здесь хорошо. Что у тебя, кроме появившейся свободы сопоставлять польскую и русскую культуры? Что за клевета, я никогда не запрещал тебе твои болтологические изыскания (причём, здесь изыскания-от-изысканный). Я рад, что ты подружилась с Путято. Есть ещё Кутято, Шутято, Мутято, и все они одноклассники Данилы. Вовке Шацеву огромные приветы и мои «ай-яй-яй». Почему не отвечает на письмо, бандит, я ему писал давно.

"Теперь из некоторой дали,
Не видишь пошлых мелочей.
Забылся трафарет речей
И время сгладило детали,
А мелочи преобладали."

Вот как писал Пастернак, и я с ним совершенно согласен.

Я невероятно тороплюсь и прошу простить за неровность и нервность.

Очень жалко, что там лучше, где нас нет. Я знаю теперь, что такое вдохновение. Это, если есть условия, когда человек в творчестве прорывается, оставаясь здесь, туда, где его нет. И поэт счастлив, и кричит: «Ай да Пушкин!»

Я скучаю, и целую тебя несчётно и жду письма каждый день. Не ленись, хорошая моя, хотя ты совсем не ленишься. Будь здорова. Тебе, наверное, очень трудно без меня – труднее, потому что у тебя есть время. Но подержись, и всё будет хорошо.

P.s. Когда вдруг образуется время, хоть 10 минут, как сейчас, не могу тебе не писать. Я бы бесконечно вот этак строчил и строчил. Я не по бумаге ручкой вожу, а к тебе притрагиваюсь и вздрагиваю, и никак не поставить точку. Вот буду писать, пока время не выйдет. Посмотрела ли ты «Пять вечеров», поплакала ли? Или, же, напротив, покритиковала? Если ещё не успела – беги и думай про нас с тобой и поплачь. Знаешь, какой кусок там про нас – когда он возвращается-таки в финале, юродствует, а она говорит ему твоим голосом: – Я горжусь тобой, Саша. И я рад, что посмотрел этот фильм последним. Играть то хочется, то нет. Писать хочется. И этого – всё время. Пришли мне стихов хороших – строфы две-три… Как там ты, кукла моя, бродишь одна между домами и домовыми. Что у тебя? Тебе «безразлично, на каком непонимаемой быть встречным»? Ты «На правую руку надела перчатку с левой руки»? Время не теряй, учись играть на гитаре, скажем, или – О! – занимайся своим французским и читай Жан-Жака-Батиста-Сент-Сименона. Ты пишешь курсивом-красиво-плаксиво, как я хочу тебя видеть! Что же, я буду ждать письма, поскорее. Крепко-крепко тебя целую, работай хорошо.»

«Машенька, Маринушка, я получил сегодня твоё письмо. Фотографию прислала, вот спасибо-то за что. Не грустишь ли ты за моё вчерашнее письмо. Я там тебя расстроил новостями. Когда я узнал о возможных изменениях в нашей судьбе, то мысленно, как ты советуешь, сосчитал до трёх, чтобы плевелы просыпались. Они просыпались, просыпались и проснулись. И зарос я бурьяном и крапивой. Но всё ерунда, правда же, главное, что когда-то это случится, и ты меня обнимешь, чтобы я «всем простил». Ух, как пишешь, бандитка ты моя. Попроси потом показать, как я читаю твои письма – я покажу. Мне смешно с тобой, не сговариваясь, написали и даже упомянули оба о том, что «это надо людям». Как здорово всё, что ты пишешь, и что ты прислала. А откуда такая фотография? Там не понять толком, где ты и в чём – уж не в этом ли срочном фото

автомате. Хотя нет. А знаменитая аллея Керн и трогательная история, с этим связанная. Я о том, что было на спектаклях. А уж про поездку, когда бедная девочка болела и по дороге от Савкиной горки кричали лягушки. А из-под коричневой куртки виднелся красный свитер, и лодки, на которых мы хотели поплавать, волокли по мокрому лугу на лошади, и грибы, которые мы собирали заблудившись, про поездку я ничего не скажу – неужели год назад?

Тут всё немножко изменилось, и не понять ничего толком – то так, то вдруг сразу раз и этак. Только бы ты не дёргалась, я то уже привык к неизвестности и безвыходности, а тебе ещё служить и служить, салага ты моя. Не грусти, не грусти, не грусти и не жди слишком многого, чтобы не столь тяжёлым было разочарование, которое очень может быть, к сожалению. Ты у меня слабенькая дурында, сразу на тебя как навалится чувство потерянности и что «Лёша далеко» и ты высоко на одной ноте заплачешь – ну почему, почему всё так ужасно и как глупо, и опять нам не везёт, и всё против нас. Ты всё же держись. Купи бутылку коньяку, и я скажу тебе спасибо, когда ты откроешь её в честь моего приезда к тебе (конечно, к тебе первой, любимая) и папы не будет за стенкой. Вот как многого я требую, и как немного надо, в сущности, потерпеть, чтобы всё сбылось, как мечтается. «Как во сне» – значит, когда сбывается то, что снилось. Мне не хватает тебя, а сегодня ещё и письмо неожиданное и фотография нелепая (это не значит – некрасивая), и тоска по лучшей жизни, и всё-всё, что было у нас и так хорошо, теперь, когда плевелы уснули и просыпались. Твою фотографию я украдкой целую и любуюсь, отойдя в сторону в курилке. Мне легче теперь, не здесь – здесь-то легко, а вообще легче, потому что ты права: нужна счастливая уверенность в том, что не один и не для себя. Ты, ты, тебе – я, и всё что со мною.»

15.11.79

«Машка, девочка моя.

Что же ты пишешь такое страшное и зачем так сорвалась на праздниках? Ну, вот как тебя оставить одну и какими словами успокоить, если ты одна, как сейчас, а слова – и те написанные. Хочешь, вот, отвлекись – я получил в один день 5 писем, представь мой праздник, и

целых 2 от тебя. И ещё два от Шацева, и из дома. Вот какой у меня был замечательный день. А за полчаса до почты я опустил своё предыдущее письмо к тебе, где всё воспринимал так, а прочитал два новых твоих письма, и всё повернулось. Что же с тобой, маленькая моя. Тебе не нужно с Бахусом дружить – это я не от зависти, а оттого, что оценил перемены, связанные с тем, что я эту дружбу прекратил. Прекрати-ка немедленно и попробуй успокоиться. Я-то знаю, как тебя лечить, но не могу. Что сиделка тебе нужна, это точно, и я бы с радостью ею стал, а что «м. быть я, действительно, больна» – глупость твоя несусветная. Ты ненавидишь писать письма – что ж, я тоже не люблю этого делать, но, Машенька, я много чего не люблю, но ведь молчу. Вот и ты потерпи, и хватит, в конце концов, дёргаться, а то плюну, приеду и буду не то не то чтобы «обижаться и молчать», а негодовать и скандалить. Хорошая моя, нежнее нежного моя, я не идеализирую, а трезво тоскую и прекрати себя чернить передо мной. Прошу тебя очень успокоиться.

Хочешь, я немного расскажу тебе о себе. Не требуй от меня полных отчётов, я не могу тебе всё рассказывать. Я привыкаю и почти привык. Сегодня, скажем, в 6 часов вечера я сменился из наряда – был в патруле. Очень смешно – «гражданка» сегодня всплыла в памяти во всех тонкостях и мелочах, пот. что ночь не спал. Сбился режим, и бессонная ночь напомнила чудесную бестолковость. Всё у меня хорошо и спокойно. Бедная моя, как тебе было плохо. Зачем тебе было плохо. Почему тебя никто не остановил, не успокоил, не пожалел. Зачем ты поехала к этим людям – они же все неудовлетворённые скандалисты, а ты неуёмная максималистка. Это же адская смесь, как ты не понимаешь. Бедная кукла. Ну, хоть Шацев был рядом – уже здорово. Ты анализируй, что ты через фразу оговариваешься и пишешь, что, мол, я этого не люблю – не велик барин – пиши всё. Только успокойся. Да, мы боимся жизни, да, Машка. Наверное, пот. что боятся всегда непонятного. Неизвестного. Как темноты. М. быть, потому что не с того конца начали эту жизнь изучать. Долго шарили в потёмках, когда надо просто что-то сделать: включить свет.

Нужна разлука. Но не разруха. Разлука нужна спокойная, когда я работаю, ты работаешь, и мы знаем, что оба друг с другом. Будь спокойнее, хорошая моя. Я

очень скучаю без тебя и жду писем каждый день.»

ДОКТОР:– Простите, мне трудно следить…

– Меня простите. Я знаю, что, видимо, только мне важна каждая строчка, потому что я слышу голос… Нет сил сокращать. Что же до фактов… Объясню. Володя Шацев попал в ТЮЗ благодаря тому, что его папа был другом детства З. Я. и работал в музее и лит. части. Мы познакомились в очереди за зарплатой. Когда я увидела в его руках очень достойную книгу, появился повод для дружбы, продолжавшейся потом много лет. Несмотря на не столь зависимое, как у артистов положение в театре, Володя очень тяжело переживал деспотизм мастера, распространяющийся на всех. Это тоже нас очень сблизило. Кроме того – Володя умница, талантливый литератор и педагог. Путято – его одноклассник, претендующий на знатное происхождение, в совершенстве знал английский и чешский и тоже пытался стать писателем, но отличался, в основном, буйной фантазией. Он постоянно рассказывал о себе какие-то фантастические истории с подробностями, не допускающими сомнения в рассказе. Это был мой спасающий круг.

Скандал, о котором идёт речь, произошёл в доме моей одноклассницы и подруги, где собрались её университетские друзья. Пили много, разговоры были развязные, на грани… Каким-то образом вышли на больную для Маруси тему. Ту самую… Уже в слезах она кричала, что не хочет быть хорошим другом и тратить время на то, чтобы клеить кому-то обои, что люди вообще ей не очень нравятся, и что то, что девушка в романе взлетела на простынях, ей важнее всех бытовых подробностей существования соседей. Шацев Марусю поддержал и увёл.

18.11.79

«Здравствуй, моя хорошая!

Получил твоё стремительно-здоровое письмо и порадовался, что ты в делах, и важных и бессмысленных (чем я упорно считаю разговоры с мастером по инициативе «снизу», но всё-таки в делах.) И ты хоть успокоилась по сравнению с предыдущим своим скандально-неправильным посланием, за которое я, не удержавшись, аж начал ругаться в прошлый раз. Всё дело в Бахусе, который не отдых, а дело. Если так, то человек гробится. Ладно, чего уж. Ты спрашиваешь, как я и что – подробно не жди. Ем, ну что я ем-пищу 3 раза в день. Сегодня у меня премьера книжки: я прочитал 70 стр.

«Записок из Мёртвого дома», – взял в библиотеке, вот какая радость.

С З. Я. не говори, он в силу своего положения не может расценивать искренние поступки как искренние, даже если всё знает. Бог с ним. Он, при всей любви к нему – З. Я., и только, а есть искусство и оно – всё. И есть мы, которые должны что-то искусно делать. Не знаю, я постепенно научаюсь не ждать ничего от людей, не теряя к ним любви или интереса. Хотя, конечно, трудно разучиться требовать от людей интереса к себе, пот. что инерция – самая большая сила на свете.

Много чего всякого думаю, и думаю, что думаю куда надо, но смешно – как бывало, проверять не тороплюсь, и вообще на сцену уже не хочется, только по первости тянуло. А сейчас знаю – рано. Мне бы почитать, позаниматься с Галиндеевым, спортом, а потом подумать. В каких-то внутренних, не сформулированных требованиях к артисту я сильно убеждён, а если так, то часто проверять или провозглашать этого не будешь. Да и потом, убеждаться и убеждать надо не с языка и не языком, а с тела и телом. Ладно, раздухарился я (от слова духовный) слишком.

Замечательно написал твой теперешний коллега Натаныч. (Шацев) Умница редкий и пролил массу бальзама. Что читаешь? Стихов-то пришли 8 строчек, будь добра. Как Ленинград, не сам по себе, а сам по тебе? Чего в театрах? По-прежнему закулисье интересней сцены, или уже пусто кругом? Да и забредает ли какой-нибудь шальной интересный человек в поле твоего зрения? Заблудившийся.

Очень хорошо, что хорошо играешь, особенно Марину и доводишь директрис до кондрата. Этак продолжаешь мочаловские традиции. Ты, судя по письмам, делаешься так смешно, по-детски серьёзно энергичной, а уж как я, извини за резкость, сублимирую, сама видишь. К чему это я, не знаю, но так захотелось. Скучаю очень и хочу тебя обнять, вот к чему.

Спасибо, что так хорошо пишешь и мою ахинею читаешь. Побудь ещё со мной, а там посмотрим, что будет дальше. Мы ведь странные. И как куклу новую получим, ломаем тут же, чтобы узнать, что внутри. Однако, ничего, мы люди привычные. Хочешь если, то получи цитату из «Мёртвого дома»: «Весь этот народ работал из-под палки, следственно, он был праздный,

следственно, развращался…» Мне очень это нравится, пот. что просто- гениально, и так многое псевдосложное объясняет. Внутренне составляю план книг к системному прочтению. Очень хочется прочного.

Пока, любимая моя дурында. Крепко спи по ночам, и ешь хорошо, и работай толково.

P. S. Приезжать, пожалуй, не надо, не дёргайся. У меня скоро праздник – присяга, а потом посмотрим, лучше потом.

P. P. S. Не потому что важное, а просто не оторваться. Давай будем добрыми. Что отдашь – тебя обогатит. Не знаю, к чему это. Подожди меня, Машка, мне нужна эта уверенность, пот. что иногда страшно делается, но ещё страшнее, если вдруг потом всё вернётся, и начнутся мои глупости и злобы. Прости, что дёргаю, но этой слабости хоть чуть-чуть, и только при тебе. Не слабости тебя дёргать, а слабости быть слабым. Скучаю я и умираю, Не сердись – пиши.»

20.11.79

«Я спросил у своих друзей артистов из разных театров Ленинграда, как начать письмо. Они спросили: "К кому?" Я сказал: "К любимой". Они сказали: "Любимая…"

Итак: "Любимая, жуть, когда любит поэт, влюбляется Бог неприкаянный, и хаос опять выползает на свет, как во времена ископаемых…" Да простят меня за то, что стих втиснул в общую строку, тогда как он должен начинаться с красной.

Что там у тебя? Ты слушаешься старших? Не дружишь больше с С. И. Бахусом? И каково тебе дышится в промозглом городе среди мозгляков без мозжечка? Театр по-прежнему похож на корабль, и вы так же со всех трибун доказываете, что он и есть "8 чудо света"?

Как ты чувствуешь себя, хорошая моя, и что с твоими измученными нервами, желудком и головой? Я скучаю, вспоминаю всё время всякие глупые и неглупые подробности и жутко хочу тебя видеть. Сейчас ты, небось, на интеллектуальных посиделках у бородатых, как анекдоты мальчиков. Или же, напротив, вся в работе вместе с побрившимся Шацевым и напившимся Цыбульским. Или же на репетиции самостоятельной работы. Я не знаю, что ты делаешь, и хочу это знать.

Надеюсь, поговорим обо всём в ближайшем будущем. Будущем обязательно.

Я жив и здоров. Волосы мои растут, но не настолько быстро, чтобы ты не успела увидать «знаменитых шишек». Я хожу, похожий на Алексея Турбина и молодой лицом, как институтка. Всего, что здесь, не пересказать, а всего, что там, не порасспрашивать, да и на бумаге становится тяжело в преддверии телефонного разговора.

Крепко целую и жду ответа. "И пусть за пережитый день мне будет высшая награда…" (Бачурин) и т. д.»

28.11.79

«Как поработала? (Это, помнишь, приветствие Родена). Знаешь, как хорошо вспоминать разговоры по телефону. Мы всё сказали, осталось только увидеться. Так всё было неожиданно в понедельник, что до сих пор не прочухаться и не причесать впечатлений. Главное – что ты была, и так много. Смешная до чего: всё удивляешься, правда ли ты мне нужна, и правда ли я к первой тебе поеду. Я тебя очень прошу не психовать, если всё задержится. В театр не хочется, ну его, глупостей много. К тебе хочу. Лёшка твой.

Машка, дорогая, срочно-срочно пишу тебе, чтобы ты не скучала. Я завтра еду на концерт в Питер, а через неделю, должно быть, уеду совсем. Получил вчера твоё ласково-разнеживающее письмо и в голос ржал в вонючей казарме, выкрашенной в жёлтый цвет (совсем как в театре, копия). Ты что, правда меня ждёшь? Дурында охламонная, кукла капризушная, как я хочу тебя обнять всю. А ты ещё пишешь так, что я начинаю бить копытом в выдраенный мною же пол. Да и захваливаешь бессовестно, даже верить начинаю иногда. А мы, может быть, завтра увидимся. Я боюсь сглазить, но уже 30 вариантов встречи перемечтал в так наз. «свободное время».

Оно действительно свободное после отбоя, и я от 8 часов безрадостного сна отрываю полчаса на чудеса. И я, наконец-то, впервые за день остаюсь один. Это счастье. Маленькая радость, добытая военной хитростью. И я засыпаю, я с тобой и забываю глупости, которые рядом и которые называются армия. Ну, да Бог с ней. Очень хочется уехать отсюда. Это первое письмо когда я не боюсь цензуры, которая здесь бесстыдна до изумления,

да ещё меня несёт оттого, что завтра еду в Дом офицеров, где сыграл свой последний спектакль, так что могу написать лишнего, не обращай внимания и делай скидки на необычность моего нынешнего состояния. Вот, хочешь картинку – получай: получаю твоё письмо за полчаса до отбоя, стою в строю с блаженством идиота, и вдруг слышу: отбой – 45 секунд! Лечу, раздеваюсь(твоё письмо в кармане), слышу: 20 секунд, подъём! Лечу, одеваюсь, (твоё письмо в кармане), и так раз 15 до 37-го пота, и все, счастливые и усталые укладываются спать, а я счастливей всех, потому что твоё письмо в кармане, и я радостно сучу ногой под сиротским одеялом и говорю им: – ужо подождите, вот уеду отсюда и увижу Машку.

И огромное множество здесь забавных картинок, которые не вместить в бумагу, пот. что нужен показ, иначе всё будет мрачно.

У меня большой праздник – я прожил здесь ровно месяц, и вот вдруг принял присягу. Ты мне напомни, я потом покажу, как это было: забавно. А перед этим мне дали стрельнуть из боевого оружия, и ты можешь мною гордиться, я сделал это лучше всех. И вообще, если бы я все силы положил на то, чтобы стать хорошим солдатом, я бы им стал.. Вот как я хвалюсь. Но я умудряюсь думать о своём, хоть это и ведёт к раздвоению сознания, когда делаешь одно, а думаешь другое, но если всерьёз думать и заниматься тем, что здесь, то это приведёт к уничтожению сознания.**(Я вот этими самыми руками дерьмо таскал прямо из нужника!!!)**»

«Машенька, Машенька, как много хочется сделать. Всего хочется, но всё колется. Если ты думаешь, что я люблю эту армию за то, что она делает меня «мужчиной», то не знаю, чем она меня делает, но я её ненавижу и никак не могу простить. Но понимаю, что она будет равнодушна как к моей любви, так и к ненависти, и воспринимаю всё как интересный эксперимент. Действительно, интересный. А моё отношение ко всему этому, если оно не материализуется хотя бы на сцене, интересно так же, как прошлогодний снег. И потому мне всё нравится. И я знаю, чего я не могу изменить, и что могу. И нет у меня мудрости пока крепко отличать одно от другого, но есть терпение не торопиться с этим отличием. Во, хочешь каламбур: всеобщая воинская повинность значит: все военные

виноваты. Это заведение очень нужно нашему военизированному государству, но оно совсем не нужно людям. Особенно этим соплякам, кот. могли бы быть неплохими молодыми людьми. Но попали сюда. Что за радость «Записки из мёртвого дома»! Такой восторг от прямого попадания. Это книга про армию. Тьфу! Тьфу! – к чертям! Только про армию – надоело про неё, и так её много – всё. Ох, как хочется увидеться с тобой, бестолковая пампушка, сельдерюшка и Ватрушка. Где твои волосы!!!!? Это у меня вдруг руку свело от воспоминания – вот что значат эти воскл. знаки. А глупости, кот. начнутся, когда вернутся будни, пусть их начинаются, они ведь тоже жизнь. Я, может быть, и выжил бы здесь, не хватает только одиночества и тебя. Я сейчас сижу в вонючем клубе среди хороших людей – художников и артистов, не особенно вслушиваюсь в их беседу, пот. что прислушиваюсь к тебе. Во! Ты доигрываешь «Чуковского», а завтра утром, усталая и курносая побредёшь из метро на какую-нибудь бездарнейшую репетицию. Или же – О, страшное сомненье! Но я спокоен уже, я отличный стрелок и всех твоих поклонников – одним большим дуплетом! Знаешь, что такое берёзы? Это неровно забинтованные чёрные стволы. При команде «Равняйсь!» я смотрю на берёзы, а «Смирно!» когда – никуда. Так смешно ходить в строю. А уж принимая присягу. Я просто кололся. Это было опасно. Я всё сделаю, чтобы завтра тебя увидеть. Если не смогу, значит, не смог, и не сметь плакать – поколочу. Я так крепко тебя целую, что ты задыхаешься и говоришь – ещё, а если ты уже не говоришь, значит, я глажу тебя по голове и целую в нос и живот. Я умираю без тебя и всю целую, как проклятый.»

Тот месяц Маруся жила от письма до письма, всё остальное происходило автоматически, бессмысленно.

Заканчивался «Борис Годунов», оставалось выйти на финал, где «народ безмолвствует». В коридоре раздался звонок/ Хриплый голос произнёс: «Я приехал. Сейчас буду у Грибоедова.» Маруся с воплем влетела в гримёрную, вскинув руки, как чайка: «Лёёёёшаааа!» Как чайку, её и подстрелили. Ближайшая подруга сказала: «Сядь! Я была с ним близка перед армией, и теперь забочусь только о твоём здоровье…»

На негнущихся ногах, наплевав на финал спектакля, Маруся подошла к памятнику. Лёшка в нелепой шинели, сорвав с головы

казённую шапку, отбросив папиросу, медленно, как в рапиде, шёл навстречу.

«Я всё знаю, мне сказали!»

«Вот так надо расплачиваться за пьянство!»

Маруся повернулась и ушла в театр.

Л.Д.Ж. – Марине (прочти это) *(орфография документа)*

«Марина! Я не могу позволить извратить наши с А. отношения преждевременно истолкованные тобой как "скотство" (твои слова). Так наберись мужества и слушай.

"Как ты могла! Ты же знала, что я люблю его!" – сказала ты. Девочка, а тебе не могло придти в голову, что мне он тоже был дорог? Ещё когда он не был с тобой, я почувствовала к нему что-то. Не могу объяснить это словами, но видеть его улыбку, смотреть на него было трудно. Я одёргивала себя и говорила сумасшедшая старая дура.

А потом ты сказала мне что он твой любимый. Не могу сказать что это был удар. Нет признаться я сильно обрадовалась за тебя и это чувство к нему трансформировалось. Я видела его взрослым мужчиной. завоевавшим твою любовь, счастливым. И естественно, старалась никак не выдать себя ни перед тобой ни перед ним. Потом я стала замечать что у вас что-то не складывается, да ты и сама часто говорила о том, что тебе трудно с ним. И я опять стала раздваиваться. С одной стороны сознание собственных «достоинств» и невозможность даже мысли о нём, с другой стороны ревнивое чувство к нему, как к ребёнку, которому плохо и нет ни в чём успокоения. Ты чуткая и не могла не заметить изменения моего к тебе отношения: нервных срывов. Молчания… Он – повторяю, никоим образом этого не чувствовал… до тех пор пока…

Это было на репетиции "Галош". Он был пьян. Он очень много пил тогда и меня это мучило. Оказались мы рядом в зале. Он стал читать стихи. Я слушала, и не скрываю, радовалась за него я считаю, что его мир полноценный и естественный для него это его трепетные чистые и очень хорошие стихи И я сказала ему об этом. Пот Ом он зашёл в гримёрку опять что-то читал и потом я стала говорить о том что он губит себя этим общением с 13 гримёрной, что ему нельзя пить, что нужно быть сильным. Уходя он приблизился ко мне вдруг и мы…

поцеловались Я была непьяная, он да, я нет. Но в тот момент я ничего не успела сообразить просто земля ушла из под ног.

На следующий день он принёс ещё свои стихи. И я спокойно как только могла и дружески обращалась с ним.

А потом опять он радостный прибежал к тебе и я сижу тут же и вынуждена улыбаться. А он был ясный и чистый. И тогда я сказала себе какой бред, хватит. Вот они два человека они нужны друг другу то чему я придала большое значение было для него просто минутой, минутой горечи… да попросту хмелем…

И вот начался период, когда он всё собирался уходить в армию. А потом была Польша.

Мне, как ты понимаешь, не слишком весело было жить с тобой в одном номере. А вам было так хорошо. А потом Югославия. И на моих глазах вы были чужими. Я как ни странно нисколько не радовалась этому… и даже жалела тебя у тебя был грустный и одинокий вид. Я же с болью сознавала, что тем «тапком» которым ты не хотела и не смогла быть в общении с ним – им могла бы быть я и не по «перевесу в килограммах», а по материнскому чувству нежности к нему как к прекрасному человеческому экземпляру но… насильно мил не будешь. В Шибенике я заставила себя влюбиться в того красивого парня певца Душко, мы провели вместе незабываемые 6 дней и на короткий счастливый миг я почувствовала что ушли вдруг комплексы что я снова молодая что могу бегать по лужам что я нужна. А потом всё жестоко и глупо оборвалось и мы уехали в Загреб.

Он позвонил мне из Шибеника и я ревела это было последнее что нас связывало – провод и дальше одиночество и неизвестность. В этот момент зашёл А, наши номера были рядом.

(А мы с Олегом и Белой собирались идти в пик-бар.) Лёшка был очень мрачен и не знал куда деваться Мы предложили идти с нами он согласился. И там каждый со своей "радости" напился так что еле вернулись в гостиницу Нас довёз знакомый пианист. Помню что когда я мылась в душе а белка уже спала входит Леша и обнимает меня прямо в душе. Это было противно и страшно. Я велела ему тотчас уйти он обиделся. Я легла. Он входит опять на этот раз за спичками и не уходит. Я разбудила белку и тут его словно прорвало. Он говорил

о том как ему плохо как всё вокруг страшно об армии. Я вдруг перенесла всё на своё душевное состояние расплакалась. Долго мы так сидели одинокие несчастные заблудшие дети в этом мире.

Белка уснула, он сказал, что не хочет уходить и прилёг рядом одетый. Я клянусь мысли не было у меня худой он просто был родной жалкий мальчик. Я сказала: "Усни", – и гладила его по голове и сама забылась… а проснулась уже в бреду объятий… Утром он ушёл от меня. Когда он уходил я сказала: "Забудь, этого не было. Никогда ни взглядом ни намёком не дай мне этого вспомнить. Только знай что у меня это не случайно. Нежность к тебе была ещё с тех пор когда … и потом… Я так долго была одна а когда ты был последний раз с женщиной?" Он ответил 4 дня назад Надо понимать что это была не ты. Уходя обернувшись у двери он произнёс: – А что такое одиночество я знаю, я три года был один а потом появилась Маша.

… Через некоторое время я слышала как ты стучала к нему в дверь.

Потом было лето и 14 сентября увидев его я признаюсь, почувствовала, что во мне что-то оборвалось. Я тут же поняла, что никогда уже не смогу посмотреть на него прямо.

А на след. день получилось что мы вместе выходили из театра и вдруг идя вместе стали говорить говорить и нам было спокойно и радостно. Заговорили о Демарчик он узнав о том что у меня есть польский вариант захотел послушать накупили еды вкусной он сбегал за бутылкой и мы долго-долго говорили обо всём, потом слушали Демарчик. А потом всё произошло. Само собой… когда я проговорилась: – мне стыдно! он прервал меня: не упрекай себя ни в чём.

Он уехал домой очень поздно, я разбудила его и отправила на такси, его ждала мама. Он уходил чужой, и у меня на душе было пусто. Мне стало вдруг так больно. Я же не слепа и вижу и чувствую что его мучает что-то всё время: то ли поэзия, то ли жизнь, то ли ты. И если я ему нужна была то на миг как попытка убежать от себя. Я остро почувствовала это. А на след. день я почувствовала себя плохо.. И всё хуже и хуже. Сказала ему об этом. И сама приняла необходимые меры. Он, как мне кажется не отнёсся к этому с должным серьёзом и потому учитывая неизвестное на сегодняшний день его

состояние я сочла своим долгом предупредить тебя, ибо подлость не в моей натуре.

А всё вышеизложенное должно найти в тебе правильный отклик. Я уверена, что любовь к тебе (трудная, больная) несомненно, есть и, залечив все раны, если они были нанесены вами друг другу, вы должны сберечь её. Когда он последний раз звонил мне, я сказала ему: дай вам Бог счастья. Главное, чтобы она в тебя верила, а ты был здоров. Я и сейчас могу это повторить.»

23 дек. 1979

«Машка, я не знаю, верно ли то, что я собрался писать, но вот пишу. Всё думаю о тебе, думаю и жаль. Но позвонить пока не удалось, а хочу скорее узнать, что с твоим здоровьем. Уехал, и так ничего и не знаю, а ты, может быть, мучаешься и унижаешься в этой гадости. Со мной творятся перемены, и главная, знаешь, в том, что где-то на свете завелась СОВЕСТЬ. Я её теперь настоящую знаю, раньше я думал, что она – самолюбие. Сейчас она ко мне пришла, и началась расплата за все тиранства, которые я допускал, и, конечно, самые страшные – с тобой. началось всё просто. Я лежал на своих нарах, и вдруг до вздрога ясно услышал, как ты говоришь, не зная, плакать или смеяться. А потом вспомнил предисторию, глупость, казалось бы, – ты начала о том. как хорошо и чудесно, что мы вместе и на воздухе (М. б. даже в Павловске, где я был особенно мучителен), а я проскрипел в ответ, что не надо оценивать то, что ещё не кончилось, а ты споткнулась, что-то вроде: «Ну вот…» Это мелочь. Бывало и страшнее и невыносимее для тебя, и я был гадок, как умирающий подагрик. И вот мне страшно за это. А ты ещё ждёшь меня и себя гробишь. Мне страшно за тебя и стыдно за всё, что сотворил. Как выскочить из этого – не знаю. Не то, чтобы психую, а просто крепко стыдно. Теперь вообще прекратил дёргаться по-бабьи пот. что ещё и за то стало стыдно, что я посмел тебе пожаловаться на свою армию. Уж совсем никуда не годится. Это, правда, понять можно (в отличие от всего остального), тут просто для самолюбивого губастого мальчика был слишком резкий переход и окончание вседозволенности. И всё равно противно, как слюни. Извини. Что ж, Машка,

не знаю, что будет дальше, но пока я ощущаю себя очень низким по отношению к тебе и недостойным даже того, чтобы ты из-за меня себя мучила. Скоро вот приеду, и опять начнётся дерготня из-за моих родителей. Веришь – я очень тебя люблю, и скучаю, и не как к бабе езжу – ещё чего! – в тебе слишком много интересного и для меня гипнотического и любимого, но я их тоже люблю. Вот уж мука – это примирить. Что же мне делать, Машенька, так нелепо выходит. Это единственный случай, где я не могу проявить свою волю, я их очень люблю, чтобы наперекор идти. Прости за это и попробуй понять, и давай не будем возвращаться больше к этой ерунде.

Если ты будешь ждать меня, я буду очень счастлив, а если устанешь второй год моё свинство терпеть, я не обижусь, а начну ждать тебя, а потом искать. Потому что ты мне нужна до зарезу. Я, как все самолюбивые люди, заполучив то, что мне было нужно, делаю вид, что, в общем, обошёлся бы. И я это знаю. Главное, чтобы ты была здорова, тьфу, тьфу, тьфу.

У меня воскресенье, и чуть обидно, что я здесь, пот. что прозевал свою увольнительную по большой глупости. Но не беда, переживём, да? Совсем не хочу в театр, он на расстоянии сделался приторно – фальшивым, чужим. Есть люди, с которыми хотел бы работать, но всё это вместе – страшненько. Не знаю, чем кончится всё, м. б. просто пижоню, закрываю страх перед сценой, где придётся не «помощник коммунистической партии, соююз молодых, комсомол» читать, а несколько другое. Но увидим. А, в принципе, на расстоянии, усилия смешны, и песни о «8-ом чуде» безосновательны. Бог с ним. Мастеру надо писать, он всё мурлыкал: – пиши об искусстве, о театре, etc, но не могу. Придётся, наверно, распогодиться на Новый Год, обижать не хочется. Правда. трудно перед ним откровенничать, а иначе смысла нет.

У меня появляется возможность книжки читать, И, кажется, серьёзные. Это радостно. Что ещё радостного? Да ничего, просто здесь спокойно, вот и радость. Что то делаю, читаю воззвания, пою песни, писать не могу, один не остаюсь ни на секунду. Вот мои занятия. Да, впрочем, я рассказывал тебе всё, и расскажу, письмо я затеял не для этого, а чтобы грех свой немного замолить. Вернее, просто выговориться с тобой надо. Попробуй понять меня, прежнего, и теперешнего пойми. Машка, Машка,

ты одна у меня. Что за ерунда творится и множится? Теперь вдруг стукнуло. Как мы увидимся, и опять в твоём доме, где будет папа, а я опять по-разбойничьи, не прямо… Мне стыдно, что всегда так. Я, извини, жениться должен был. Всё как маленький, и тебя гроблю, спрашивается, за что. Всё, мало письма, мы поговорим с тобой обо всём, я попробую тебя успокоить хоть как-то. Не серчай, если написал некстати. Я скоро появлюсь, м. быть, раньше, чем успею найти конверт, что здесь невозможно. Так что до встречи, умница. Я крепко обнимаю тебя и целую, сколько выдержишь.»

– Как расстаться с Единственным? Сразу после Нового Года, отыграв «Конька Горбунка», Маруся рванула в Каменку, где теперь поселились солдатики.

8 янв.

«Что ты делаешь?

Мы с тобой виделись ещё сегодня – сентиментально-разнеженно думаю я и делаюсь слабым. Доехал я хорошо, чтоб тебе не волноваться, и благополучно лёг в постель. Да, впрочем, и в родную часть я вошёл без приключений. Разве что запах сатанинский, который от нас исходил, он, должно быть, мешал бойцам воспринимать политзанятия. А мы сидели королями, и, пустым, надменным глазом, не смаргивая, чтобы не уснуть, изучали мир. Мне он казался совсем неплохим сегодня. Ты, дуринка, доиграла «Цирк», теперь любезничаешь с Володиным, или же, клюкаешь с Уржумовой, или (о, страшное сомненье!), с Филиновым говоришь, что хорошо бы порепетировать. А я доел обед, и со своими охламонами говорю о том, что хорошо бы поработать. Обленюсь я здесь вконец, это уж точно. Вот такая фигня творится на свете. К чертям свинячьим всякую свинскую чертовщину. Грустная гнусность. Чёрт-те что. Но ты будь спокойна.

Вот такое я написал тебе письмо сегодня. Что ж, прочти его и ложись спать, а если ты едешь в театр, то поезжай и не протягивай руки упавшему на лёд Корогодскому. Будь здоровой. Не грусти от неудач, и, главное – не радуйся особенно удачам. Всего, всего, всего, крепко целую, дорогая моя Машенька.

Артист в отставке, Лёшка твой»

22 янв.

«Ты убийца моя. Весь вечер, как идиот, искал тебя по телефонам, и – фиг! Ну тебя, честное слово, это просто чёрт возьми! Хотя понимаю, баскетболисты голову вскружили (это я шучу так нескладно).*

А прошёл день, и тоска выросла, как духота перед дождём. А перед дождём пахнет прибитой пылью, если помнишь. Не грусти, не скучай, будь здорова т прощай. Я уже, в общем, спешу, но, тем не менее, попробую, что успею. Чего уж там, сама понимаешь, нового ничего не случилось, читать нечего и утешать некого. А приходится, наоборот, кричать и материться, что противно. Машка, дурында, чего там у тебя? (дурные вопросы – будто ты успеешь сообщить, и тем более, будешь ли ты вообще что-то писать мне, садистка проклятая, сидит и копит Лёшенькины письма – вон какая пачечка, – нет, чтобы приветить хоть полсловом, чтоб тебе пусто было, и чтобы я тебе также письма писал, как твоё здоровье? Ладно, безнадежные вопросы. Что ж, м. быть, увидимся и м. быть – скоро, но я себя не тешу никакими надеждами, как всякий хитрожопый мальчик, кот. хочет побольше приятных сюрпризов. Я вот скучаю как-то и желаю тебе там без меня всего-всего. Не сердись, если вздумаешь, на короткость письма. Крепко-крепко тебя целую, и всю ночь не хочу спать. А тебе завтра не на работу. Будь здоровой. Обнимаю.

P. S. Я думал, что в Питер уеду сегодня, а вышло так, что задержали. Ничего-то опять не случилось. Меня учат командному голосу, т. е. чтобы ни нотки доброй не звучало. Учат «наши отцы – бравы полководцы», и никак меня в город не отпускают. А я и не знаю, что ты там играешь, или делаешь. Но – завтра, завтра… Письмо не отправляю, сама понимаешь, чтобы никто не прочитал, кроме тебя. Так что завтра, завтра, в Питер, в Питер, к Машке, Машке. Я жив и вообще-то, здоров. Обнимаю тебя крепко, всю тебя.

Лёшка твой»

**(тогдашняя жена Мигицко, действительно, уговорила Марусю встретиться с членом сборной по баскетболу, запавшего на неё после «Бориса Годунова». Услышав: «Девщоннки!, поедем в клуб! – Маруся поняла, что опять совершила неверный шаг, и, не отдав должное ящику мандарин в углу, попросила для себя*

несколько открыток с видом Рио, с чем и удалилась.)

Маруся целый год исправно стирала солдатское бельё, развешивая его на кухне у папы под носом, и носила передачки, в которых уже не было смысла, потому что Лёша, наконец, попал в Ансамбль, базирующийся прямо на Дворцовой, блатное и халявное место, где молодые артисты бездарно проводили своё время. Но там появились новые друзья: Бехтерев, Стоянов и Томашевский, принятые в труппу БДТ, и многие другие талантливые парни. Между идеологическими уроками они пили, передавали друг другу в общей бане лобковых вшей, делились богатым мужским опытом. Кто-то рассказывал, как в страшный январский гололёд два пьяных солдатика пересекали Дворцовую площадь «домиком», т. е. прислонившись друг другу одним плечом и максимально разнеся в стороны корпус: чтобы не упасть. В самом деле, армия – школа жизни и мужества! На второй день после демобилизации Лёша сообщил Марусе: «Я стал мужчиной! Теперь всё иначе. Забудь! Белый лист!»

ДОКТОР:– Вот так, и всё?

– Далеко не всё… Вы же знаете уже, такие истории у Маруси заканчиваются только со смертью… Но это уж потом, спустя годы…

Когда пройдёт хмельная оттепель
Над вечным холодом потерь,
Когда придёт шальная оттепель
И память оборвёт с петель,
Как в наказанье за незнанье
Что холод близится к концу –
Бездомное воспоминанье
Ударит солнцем по лицу.

Ал. Ар. – 1979

Мадам Лепик в «Рыжике» отдали Лиане, хотя Маруся была назначена и вынуждена присутствовать на всех репетициях, наблюдая за тем, как тщательно построенный ею психологический рисунок приобретает однозначный, без извивов, смысл. Спасалась, убегая на Можайскую к художникам. Однажды в тёмном зале – «Дежа вю»? – Неотвязный кошмарный сон? В тёмном портале – Лёша, которому на шею бросается кто? Алёна! Алёна, происходящая из известной театральной семьи, и

имеющая свою жилплощадь, та самая, которая плакала у Маруси на плече, жалуясь на беспросветность своей жизни.

«Судорог да перебоев хватит!
Дом себе найму.
Как живётся вам с*любою*
Избранному моему?»

ДНЕВНИК. 4 мая 1981

Жизнь стала мукой. Казалось бы – всё пока в порядке: на месте руки и ноги, молодость и здоровье, работа… Но что-то происходит… вернее, не происходит… Что же это? Прошёл месяц, другой, третий, год… Год назад я была точно в таком состоянии, но на день рождения он пришёл, и какое-то время мы были вместе, потом опять всё стало плохо. И не в том дело, что сентиментальная дамочка так переживает свою несчастную любовь, – вовсе нет.

Просто год назад началось то, что сейчас губит всё, что есть ещё во мне…

Я просыпаюсь утром, и, если светит солнце, и нет примитивного повода хандрить, я начинаю борьбу с собой…

Делать мне нечего, т. е. можно бы было сделать что-нибудь по хозяйству, но – зачем? Можно было бы уехать за город, а можно и не уехать… ведь ничего не изменится. Мне нечего делать, нечем жить, я слоняюсь из угла в угол, ложусь, встаю снова и борюсь, борюсь, борюсь с собой… Уговариваю себя. Боже мой! Я так хорошо умею себя уговаривать: жизнь, так хороша жизнь! я даже верю в это. И тогда тем более становится страшно и непонятно – почему же так мучителен каждый день, и так сладко, засыпая, прощаться с ним? Двойственность ситуации.. Я так хорошо понимаю, нет, не хорошо, так болезненно чувствую время, проходящее сквозь меня и уносящее молодость и силы, без пользы, без смысла… просто так. И вот что странно: день так долог, а месяц пролетел так, что и моргнуть не успела…

Все эти дни… Сколько мыслей было, казалось, бесценных, казалось: просветление на всю жизнь! Прошло несколько дней, и все они стали такими же пустыми и никчёмными, как всё. Даже записывать не хочется. Я взялась за эти записи для того только, чтобы как-то упорядочить жизнь, сосредоточиться, собрать остатки воли… вот сейчас-то и можно проверить: я не хочу писать, заставляю себя, или нет? Могу ли я ещё что-нибудь сделать с собой? Вчера пообещала тёте поехать на кладбище.

Боже, прости меня, не хочу ничего! Мучительна сама мысль о каком-то движении. Но и в постели лежать не могу больше!

Пиши, пиши, воспитывай себя!

Начну с 26 апреля. День рождения Шацева.

Собрались обычные люди: Кактус, Путя, Серёжа. Весь вечер философствовали, я была довольна: стряхнула пыль с извилин. В то же время, это было никчёмное занятие, и я это уже понимала. Шака разбудил старые тревоги, его это, видимо, беспокоит постоянно: не будем ли мы, истекая кровью в 19… (или в 200…) в полубезумии клясть себя за то, что в 1981 году ещё было возможно… Может, пусть ностальгия, но лучше – жить, пить кофе на Трафальгар, чем издыхать хуже собаки? (Шацеву было проще, он – еврей, мог выбирать себе место проживания. Однажды, много лет спустя, выбрал Канаду, чтобы спасти сына от армии. Попробовал воздуха свободы… и вернулся, оставив там и сына и жену. В Англии тоже пожил, англичан запрезирал, стал законченным ипохондриком. Больше не общаемся).

Но я не хочу мучить себя этими мыслями… Всё равно лень и инертность моя непобедимы. Поэтому оправдываю всё очень красиво, даже убедительно: мол, едут не только от страха, но от того ещё, что девальвированы понятия: Отчизна, Долг, Честь… Едут-то, в основном, за материальным… Тогда стоит ли? Может, счастье в том, чтобы муку принять на своей земле, так обильно политой кровью? Слиться с понятиями: народ, предки, и – разделить… Но всё это слишком красиво и отвлечённо. Да и, кроме того: кому мы нужны? И когда уйдём, кому будет интересно, с чем мы уходили – с благословением или проклятием, и чем жили: тревогой, или успокоительной ложью, если всё это не превратилось (уже ясно) в деятельность, в предназначение, не сверкнуло над жизнью других…

МНОГО ЗВАНЫХ, НО МАЛО ИЗБРАННЫХ.

Потом говорили о добре и зле, чего больше накопилось, и что будет завтра, исходя из сегодня? Я сказала, что всё равно… Ничего не меняется и измениться не может, люди- везде люди, жизнь – везде жизнь, и земли обетованной нет, и всё дело только в том, как сами мы оцениваем эту действительность.

Не новые мысли, прямо скажем… Но суть-то в том, что разговоры наши – пустые, ибо ничего мы не решаем в этом хаотичном, бессмысленном процессе смены поколений, борьбы за существование и ухода… ухода…

Но Серёжа считает, что, раз само понятие «зло» сформировалось в сознании людей, стало ёмким и конкретным, то процесс пошёл, это – симптом приближающегося светлого

будущего. И Путя ждёт этого света, правда, по другой причине: ему кажется, что дойдя до идеи – «Только зло побеждает зло» – человечество должно придти к новому качеству, т, е, слишком много зла – это уже хорошо. Но теперь я уже плохо помню, что там ещё было.

А что было 27-го? 28-го – творческий вечер в оперной студии, а у него – день рождения (25 лет), но, слава Богу, мы не встретились. 29-го шёл снег, и я лежала весь день, а вечером поехала на Путин спектакль по Вийону. И замечательно, потому что об этом стоит поговорить. Дети импровизируют, пока беспомощно, но это должно вырасти обязательно. Сейчас они увлечены, естественны, интересны, и в этом уже есть театр. Мне предложили показать там «Лику» (В доме Перцева, где теперь театр Левшина), но я боюсь, что уже неспособна на непосредственность, меня там не примут. Хотя, надо пойти на это.

Потом поехали к Серёже и всю ночь проговорили. Обо всём.

Вот несколько идей. Серёжа: «Мысль, это, как зрение, не мыслящий – слеп, мысль развитая открывает глаза и после смерти начинает самостоятельную жизнь. Надо довести мышление до возможного совершенства: в этом суть и предназначение...» Кажется, он верит в то, что люди смогут так отточить мысль, что окажутся способными воскресить всех.

Я не верю в это, но даже иллюзорная возможность узнать друг друга мыслью после смерти – утешительна. Много говорили о смерти. Путя считает, что надо действовать, а не мыслить, но возможность бессмертия тоже принимает. Я им всё рассказала про себя, главное – про то, что хочу и не могу любить: замкнута на себе, про себя, для себя… Хочу и не могу *верить* и знаю столько дерьма, высокомерия и слабоволия в себе, что мучительно самое себя переношу. Они сказали, что всё это нормально, как у всех, но, во всяком случае, Серёжа испытал это два года назад, и так же был высокомерен. И всё это расплата за лёгкие успехи в детстве и юности, и он выжил… А вот что ему помогло – я забыла, мне это не поможет, я – женщина.

А утром уже был спектакль, после которого начался бред, и мрак, но это потом – надоело!

Пережить ещё одну катастрофу? Как? Вмешалась сама судьба. Ещё по весне в театре появилась ассистентка по актёрам с «Мосфильма». Походила по театру, увидела Марусину фотографию, позвонила: «Вы можете быть такой, как на фото?»

Вызвали на пробы. Режиссёр Поляков производил странное впечатление. Он как будто подчёркивал свою духовность и полную независимость от материальных благ тем, что носил

отвисшие почти до колен старые брюки, выцветший плащ и потерявшую форму фетровую шляпу. Под стеклом на его столе красовалась цитата: «Душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь…» Марусю он снимать не хотел, искал свою идеальную актрису. Маруся это почувствовала, и когда попросили просто подыграть другой актрисе, разобиженная, решила не играть вообще ничего, тем более, что текста не было. Летом подруги пригласили в Сочи. К концу августа, уже ни на что не надеясь, Маруся услышала по телефону: – Вас утвердили! (как киношники находят актёра, где бы он ни был, когда нужен! И как в упор не видят, когда ты стоишь прямо перед ними, в другом случае.) Марусе молча осела на стул. Потом выяснилось, что утвердил Марусю худрук объединения Юлий Райзман. Ему надоело ждать, пока Поляков найдёт свой идеал, он посмотрел те самые пробы без слов, когда Марусю, оказывается, снимали, а она ничего не хотела играть, но её лицо жило помимо её воли собственной жизнью, отражая всё воспринятое. – Либо вы утверждаете эту актрису, либо я закрываю картину! – сказал Райзман, и Поляков наступил на горло своей песне.

Как ни странно, на этот раз Марусю в театре отпустили, и она надолго, с редкими наездами в Питер поселилась в гостинице «Мосфильмовская». Спасением для Маруси оказался партнёр – Володя Пучков, тогда уже очень известный, опытный, чуткий, владеющий профессией. С первого же дня он стал опекать Марусю, вселил уверенность. Вместе они разобрали историю и выстроили её. Володя сделал режиссёрскую работу, и потом тщательно следил, чтобы Марусю не занесло в сторону. В день Лёшиной свадьбы зарёванную, не способную ни к какой работе Марусю утром встретила на вокзале ассистентка. Володя тут же оказался рядом. Он не оставлял её и потом, и днём и поздно вечером, после съёмок. Правда, он был женат, и его увлечения партнёршами по кино плохо сказались на его семье. Должа ли Маруся винить себя в этом, ведь она была далеко не единственной. Однажды Володя приехал в Питер на пробы, хотел повидать Марусю, но почему-то оказался у другой своей партнёрши по фильму. Через некоторое время та безропотно пошла на аборт, кляня себя же за «блядство». После первых десяти съёмочных дней редакция объединения выпустила официальный отчёт, в котором было написано: «главным достижением считаем назначение МЛС на роль Любы».

Надо было снимать кульминационную сцену. Маруся спросила Полякова: – Что мне тут делать? (Любимый вопрос актёра, так ненавидимый режиссёрами).

Алексей Валентинович сказал: «Понимаете, Маруся…»

Дальше была та самая игра глазами, которая, как говорят, была свойственна провинциальным барышням: в угол, на нос, на предмет… – «Понимаете, Маруся, эта сцена – боль и несчастье судьбы вашей героини…»

В первый раз, неожиданно для себя, Маруся разразилась площадной бранью: «Вы хоть понимаете, что пришли на съёмки не готовым!»

Режиссёр хлопнул дверью и ушёл. Потом подошёл оператор: «Если пропадёт съёмочный день, вам придётся его оплатить!»

«Вы решили, откуда снимать?»

«Да!»

«Снимайте!»

В принципе, режиссёр мог больше не появляться на площадке, никто его не замечал. Правда, потом он хвалился, что открыл Марусю для кинематографа.

Московские знакомые решили устроить Марусину судьбу. Её познакомили с известными в избранных кругах холостяками: переводчиком и режиссёром, сыном известного писателя. В Марусиной судьбе все живо приняли участие. И сами ухаживали, и знакомым Марусю показывали. Однажды привезли к очень перспективному переводчику – международнику. Он соблазнял Марусю, фотографируя её «Полароидом». На снимках она, действительно, похожа на невесту на выданье в стиле художника Федотова: напуганная и растерянная.

Маруся долго крепилась, но Настасья Филипповна в ней взяла верх: на улице благожелателям всё было высказано про, то, как «продают».

Опыт в кино сильно изменил её. Ушла сковывающая зависимость от Мастера. Наконец появилась та самая, ради которой всё – возможность наслаждаться пребыванием на сцене.

Репетировали «На два Голоса» – шесть новелл о любви. «Всё наши комплексы» Володина дались легко. Авторская интонация оказалась очень близка исполнительнице. С Кургатниковым возникли проблемы. Незатейливая история о супругах, между которыми «Некоммуникабельность» не давалась никак, хотя партнёром был обласканный Мастером, будущая звезда, неравнозначная замена Беловольскому – Саша Б.

Пока Маруся не поняла, что этот текст надо просто произнести, не вкладывая дополнительного смысла, ничего не получалось. А потом всех всё устроило. Конечно, не виноват автор, очевидна закономерность: всем своим удачам Маруся была обязана не сознательному творчеству, а отчаянному преодолению собственных, (или наработанных за четыре года ученичества?) представлений о том, «как надо».

Почему-то с Володинскими текстами этого не происходило. Происходило другое: Александр Моисеевич, влезал в репетиции, и когда фантастической своей «чуйкой» слышал фальшь, кричал: – Это неправильно! Я всё перепишу! И переписывал и портил шедевры! Тексты его всегда были на слуху, потому что «Володинские» вечера постоянно проводились на малой сцене, и кто только не переиграл «Перегородку», «Идеалистку», «В сторону солнца»! И Таня Шестакова, и Ира Черезова, и Тома Лебедева…

ДНЕВНИК

Вечер Володинских миниатюр. Взялась за «Офелию», долго работала над тем, как сыграть сумасшествие, поскольку Офелия – сумасшедшая. Показала Мастеру: – очень плохо. Времени не было, сказал только: ничего не играй. На следующий день – полный зал гостей, среди них – сам Александр Моисеевич. Я чувствую себя совершенно не готовой, но отступать некуда, выхожу на заведомый провал. Ничего не играю. Трагический монолог – и вдруг в зале раздаётся смех! О! Этот вечный кошмар, снящийся артистам: ты на сцене, а публика встаёт и постепенно покидает зал! А ты не имеешь права остановиться, как посреди Днепра, но и на прежний берег не можешь вернуться. Надо плыть до конца, чего бы это ни стоило! Какой ужас у тебя в этот момент внутри, как хочется малодушно поклониться и бежать прочь! Не поняв реакции зала, я немного усилила напор своей правоты. Заканчиваю, аплодисменты, вскакивает с места автор: – Я думал, я написал плохой, сентиментальный монолог, а, оказывается, я написал хороший монолог! С тех пор у нас были очень тёплые отношения с Александром Моисеевичем.

Москва, новые отношения с интересными людьми, постепенно растущее чувство независимости, освобождения от набивших оскомину «моралите»…Однажды не приехала на репетицию, предпочтя важную встречу в столице. (Не скрою, появилась мысль – зацепиться, изменить всё кардинально – но … конечно, я не умела строить свою жизнь и продолжала плыть по течению). В то же время мне, наконец, доверили роль Софьи. Боже! Как я любила эту роль! Всего несколько по-настоящему счастливых спектаклей! «А что же касается до честного имени женщины, стоит ли обращать на это внимание человеку, устраивающему свою карьеру!» – и подпрыгиваю, взлетаю, подхваченная сильными мужскими руками, лечу триумфально над сценой! Как всегда – обсуждение: – «Наконец – то! Никогда у Старых не было такого голоса.» А я мотаюсь из столицы в Питер, а мои невольные опоздания тщательно подшиваются в отдельную

папочку. Наконец – откровенная подстава: заменяют спектакль, мне не сообщают вечером накануне, звонят утром. Такси, вымоленный билет на самолёт, Пулково, час до начала, сдуру не звоню по прилёте – несусь на такси прямо в театр, опаздываю к явке – в пьесе Фехер про «голубых» будет играть другая артистка, а мне – строгий выговор. Нет, правда – весной, когда заболела Тоня Шуранова, и я за день ввелась на роль Женщины в «Кошке», только чтобы не отменяли спектакль, я заслуживала Благодарности, которая по тем временам отменяла выговор, но благодарить меня никто не стал, хотя роль была сложная ещё и потому, что была загружена всяким скарбом – плошками-поварёшками, которые нельзя было перепутать, и стоила нервов.

Весной 82-го начались репетиции пьесы Слепаковой «Бонжур, месье Перро!» Репетировал тот самый любимый Марусей молодой режиссёр, артисты с текстами в руках вяло передвигались по сцене. Марусе досталась роль феи (Ну, какой-то опять голубой, что ли…)

Утром из Москвы приехал друг Житько с сообщением о том, что от рака мозга умерла его трёхлетняя дочь. О чём разговор? Тут же была распита бутылка водки. После чего Маруся появилась на репетиции, на которую, как и следовало предположить, пришёл Хозяин. И, конечно же, тут же захотел увидеть сцену ссоры двух фей. Марусе терять было нечего, она предложила фехтование зонтиками. Как это? Маруся показала, мастер увлёкся, достроил сцену до конца, ушёл, улыбаясь. Молодой режиссёр сказал: – Спасибо, Маруся, что не рухнули! ?????

Кстати. Премьера состоялась где-то в июне, и это было последнее появление (А Нет! вру! Было ещё одно спустя много лет!), на этой сцене. Сэкономив на костюме, Марусе выдали платье Гертруды – Шурановой. Только не учли того, что оно совершенно просвечивало на свету. Первые аплодисменты раздались через пятнадцать минут после начала спектакля после сцены фехтования двух фей. Говорят, (кто может это знать?) городской худсовет долго хвалил Марусю.

Явно, судьба уже вела её, двигала рычагами, заставляя бывших друзей поступать против совести, подготавливая разрыв, на который она сама никогда бы не решилась. («Трезвый я бы тебе этого не сказал, Клаеров!» – «Тени»)

Труппа устала. Те, кто не сбежал, обзавелись какими-никакими семьями, родились чудные дети, лозунги и призывы к самопожертвованию набили оскомину. Пытаясь вернуть время своей безоговорочной власти вспять, мастер умудрился оскорбить всю труппу. Хочинский с Овадисом сочиняли открытое письмо протеста, собирали подписи. Сбор труппы. У Мастера заметно

дрожат руки. Но позиций сдавать явно не собирается. Артисты берут слово один за другим. (Те, которые убеждены, что являются подлинными единомышленниками), пытаются объяснить, построить взаимоотношения на несколько иных принципах, ВЗАИМО уважения…

Кто знает, чем бы это закончилось, если бы Марусе, как всегда не было больше всех надо. И что, собственно? Она уже играла то, что хотела, и получала истинное наслаждение на сцене. С ней уже почти считались. Правда, досье было собрано, и требовался крохотный повод. Маруся его дала. Не крохотный. На волне всеобщего ропота на том собрании она встала и рубанула: – «Вы хотите, чтобы мы были граждански-ответственны. Но как может быть гражданин унижен? Я посмотрела бы, как наехали бы на Высоцкого! Ваше отношение к нам – это фашизм!»

Ну, занесло, так занесло, этого слова произносить не надо было, но всем сразу стало понятно, кто враг, кто «Пятая колонна», и тут же был собран Местный Комитет.

В Комитете, в основном, заседали люди, чьё рыльце было давно в пушку. Ну, конечно, ещё кто-то из администрации и старый умница Шапиро.

Грозно потрясли пачкой компрометирующих документов: опозданий на репетиции: «Вы понимаете, что того достаточно, чтобы уволить вас по статье?»

«Вы уверены, – вдруг совершенно спокойно спросила Маруся, – что, если эту пачку положить на одну чашу весов, а на другую – то, что я сделала в театре, эта пачка перевесит? Вы же знаете, что меня хотят уволить не за это!»

Как они опустили головы! Особенно несчастный Миронов, Лёшин однокурсник, вскоре спившийся и умерший.

В тишине раздался голос: «Может быть, вы поговорите с директором?»

В тот момент директором была хорошая тётка Кланина, с которой, играя директоров школ, мы срисовывали манеры и причёски.

«Вас никто не собирается увольнять, вас хотят просто стреножить, это очевидно. Но, скажите, вы сами представляете себе жизнь в ТЮЗе до старости?»

«Нннн-ее-т!»

«Ну, так давайте договоримся: вы пишете заявление об уходе, а мы переводим вас на договор на год, в течение которого вы сможете найти себе другое место работы!»

Почему бы и нет?

В Дирекцию Лен Гос Тюза Главному режиссёру З. Я

Корогодскому

Заявление

Прошу уволить меня по собственному желанию.

М. Старых. 27 июля 1982 года

Л. С.не возражаю, но считаю необходимым сказать, что поведение М. Старых вызвано переоценкой прав и завышением самооценки. Не скрою, что М. Старых человек и актриса, достойный доброго отношения, если бы она это отношение защищала. З. Корогод.

То ли уволенная, то ли не уволенная, а переведённая, как было обещано (иначе не написала бы заявление – уж лучше бы попробовали – по статье!) на договор, уезжаю к тёте на дачу, откуда срочно надо вывезти ребёнка с температурой. Апофеоз закрытия сезона – творческий вечер, в котором я не занята, разве что, позвали бы выйти на общий поклон. Но – звонят: срочно, вызывает Мастер! В суете смены всем давно известных номеров мало кто заметил, что происходило за кулисами. А происходило нечто странное: Главреж, обычно гарцующий, упивающийся каждым выходом на сцену, приносящим очередную порцию признания, выбегал, объявлял следующий номер и стремился за кулисы, где ждала я, вызванная официально. Моя завышенная самооценка?

«Почему ты выступала против меня?»

«Потому что за вами власть, а я защищала слабых.»

«Дура! Кого ты защищала? Этих пьяниц? Ты знаешь, сколько раз они продавали тебя?»

«Неважно. Вы всё равно были сильнее. Человеческое достоинство…»

«Почему ты никогда не говорила, что любишь меня?»

«Потому что я не умею это говорить тем, от кого завишу.»

«Идиотка! Максималистка! Я тебя такой создал! Ты не выживешь!..»

Это продолжалось два с лишним часа. Разрыв не был окончательным – велено было придти в начале сезона. Засланные казачки, бывшие подруги, собравшие компромат, уговаривали написать какое-то письмо с просьбой о прощении. Но за что просить прощение, я не понимала, покаянных писем не писала никогда.

Встреча в начале сезона опять была очень долгой – час, как минимум, и совершенно для меня бессмысленной: всё та же вода толклась всё в той же ступе, без намёка на конструктивные предложения ни с той, ни с другой стороны.

«Счастливого сезона!» – сказала я, уходя в никуда – без денег,

перспектив, надежд и спонсора.

Говорят, Тоня с Ирой сказали: «Марину мы ему не простим!» – но это только слухи. Я же точно сказала: «Расстреливать Вас будут по одному!»

Да, чёрт, завышенная самооценка… В том же году в театр завлитом пришла Маша Ланина, талантливый литератор и переводчик, много сделавший для театра, как обычно, за зарплату, без учёта авторского права. Маша, которая потом стала близким духовным другом Маруси, Маша, ещё более свободолюбивая, про которую все педагогини, классные дамы, преданно обслуживающие руководство, якобы сказали: надо было избавиться от одной Маруси, чтобы сразу взамен ей получить другую!

И ВОТ

Где ты, девушка с русой косой,
С завывающим подбородком?
На базар, к театральным селёдкам
Ты скатилась по жизни косой.
Ты не верила хрусту слов,
не разбухших от слёз и сала,
И, томясь, удила кусала
Пристяжная среди ослов.
Ты прошла, как прошла мечта,
И осталась, как тень наитья.
Как залеченная краснота
При хроническом тонзиллите.

Д. К.

«Движение вверх требует усилий, а движение вниз происходит само собой»

Т. Черниговская.

В сентябре 82-го Маруся распрощалась с Альма Матер, уходя в никуда, желая ей благополучия. Пожелания не осуществились, поскольку странным образом Марусин уход не стал причиной, конечно же, но стал первым из многочисленной череды последующих уходов, завершившихся катастрофой спустя четыре года.

Прыжок в никуда, отчасти вынужденный, совершенно изменил жизнь. Нет, папа, разругавшись окончательно с Марьей и отдав ей, откупаясь, всё, что мамой было скоплено за всю жизнь, по-прежнему царствовал в двухкомнатной квартире: с утра на полную громкость включал радио, или телевизор, или и то и другое вместе. Однажды, войдя в его комнату, Маруся решила, что сошла с ума: в телевизоре Брежнев пел арию Каварадосси! Это папа слушал радио, выключив в телевизоре звук.. (Папа лежит на диване. Входит Маруся. Спрашивает: – можно, я вытру пыль на шкафу? Папа отвечает: – Зачем? Пыль там лежит, а я здесь.) В этом смысле всё было по-прежнему: ни дома, ни денег.

Зато свобода! «Посмотрите на птичек небесных, они не ткут, не прядут!..» Как будто каменную плиту сняли со спины!

Шибанов, встретив в компании, всё спрашивал, будто примеряя на себя: – Ну, как оно, (там, на воле)?

Но, известно, что у свободы есть другая сторона: свободное время, которое куда-то надо деть! А после непрерывной занятости образовавшаяся пустота оказалась очень серьёзным испытанием, которое Маруся, наверное, выдержала не с честью. Да, Марусю считали блядью.

ДОКТОР:– Главное, что Маруся считала сама.

– Ну нет. Во-первых, никакого расчёта в отношениях с мужчинами у неё не было. Просто иногда охватывала такая жалость… В детстве во дворе вокруг горки бродил мальчишка с огромной зелёной соплёй под носом. Он потерял дорогущую, за рубль тридцать авторучку, в руках держал пустой картонный футляр, и взгляд у него был такой… Вот когда у мужчины взгляд становился такой, Марусе не жаль было своего тела. Но тело не получало истинного наслаждения без участия всей сенсорной системы, без участия головы: воображения, фантазии, иллюзии, пусть короткой, пусть быстро улетучивающейся…

Доктор Лёва однажды, походя, бросил: «все истерички фригидны!». Может быть, Маруся была истеричкой, была фригидной, доктору виднее. Но никто не знал того, что она знала сама про себя: она знала, что отзывается на зов, на желание согреться и согреть. Она с детства отринула общепринятые «моральные» ценности, как абсолютно мещанские. (И откуда в дочери крестьянского паренька наследие Ларисы Рейсснер?) И бесилась от того, что мужчина может позволить себе всё, что угодно, а женщину за свободу в поведении обязательно заклеймят.

ДОКТОР:– Дурная репутация не возникает на пустом месте. Вам нравилось соблазнять?

– Нет, никогда этим не занималась. Скорее, нравилось, когда меня соблазняют, проявляют внимание, заботу…

«Я всегда зависела от доброты первого встречного…»

– Ещё одна роль?

– Да, Бланш Дюбуа… У меня не было шансов сыграть её на сцене.

– Пришлось играть в жизни?

– Думайте как хотите. Факт тот, что Маруся была до странности равнодушна к собственному телу. Ей не приходила в голову украшать себя, делать маникюр, это казалось ненужной тратой времени, отвлекающей от главного, того, что внутри. И её

борьба за гендерное (не так давно узнала нужное слово) равноправие тоже отличалась от феминистских заявок, скажем, Марии Арбатовой. Пришлось как-то записывать аудиокнигу по её повести, так всё внутри восставало против беззаветного служения её героини собственной похоти. Ответное душевное движение не обязательно должно быть сексуальным актом… Хотя выглядит именно так. Не могу объяснить…

Друзья… Или те, кто себя так называл. Тогда их было много. Куда было идти? В ВТО! Там всегда были собеседники… У красивой одинокой женщины всегда много друзей, готовых налить ей бокал шампанского, холостых, на что-то надеющихся, и женатых, пользующихся связями и возможностями, желающими просто поживиться. Маруся по-прежнему жила иллюзиями, иногда вспыхивала мимолётной влюблённостью, которая быстро гасла при ближайшем рассмотрении, по-прежнему категорически никак не воспринимала реальность. Должен был найтись кто-то противоположный, абсолютно практичный, без кого всё могло очень плохо закончиться.

И Невидимый Друг принял облик Паши Каплевича. Он, парень из Туапсе, закончивший школу-студию МХАТ, не очень успешно побыл артистом ТЮЗа, где и подружился с Марусей, побывал в армии, в ансамбле в Сертолово, откуда часто и легко сбегал, женился на художнице с Ленфильма, и вместе с ней, и компанией молодых художников заселил чердак доходного дома (якобы дворницкую) прямо на Невском. В этой комнате Марусю принимали в любое время суток, кормили, иногда третьей (совершенно невинно) укладывали в супружескую постель.

Паша был в поиске. С ТЮЗом давно всё было понятно, но вот позвали на пробы на «Мосфильм»! Сам Хуциев собирается снимать «Пушкина», и вот они – фотопробы: Паша – Кюхля (очень похож!), Пушкин – Харатьян! И всё это тянется, и Дима с Пашей уже друзья, и… Фильм так и не был снят. Паше стал душен и тесен провинциальный Питер. Поздно вечером он шёл на Московский вокзал, пытался встретить знакомых (а знакомства заводил всегда легко и надолго), если удавалось, стрелял рубль-два, с тоской смотрел на отъезжающие под марш Глиэра в Москву поезда. Смотрел, как вымучивает свои эскизы жена, однажды не выдержал, вырвал у неё из рук картон и кисточки, и начал творить. Какое-то время его «Скоморохи», проданные под чужим именем в лавке художников, кормили не только семью, но и Марусю. Он же устроил Марусю работать на карусели «Ромашки» в парк «Челюскинцев» в декабре. Маруся выбегала в ватнике на аллею и (куда девалась застенчивость?) вопила: – Кому на

карусель? И несчастные с похмелья папаши, выполняя отцовский долг, с мученическим видом залезали вместе с отпрысками на холодные сиденья, и крутились, крутились, с трудом сдерживая естественные позывы.

Паша много тогда сделал для Маруси. Она вязала на заказ свитера, но совершенно не способна была взять за работу деньги. А у Паши комплексов не было. Никаких. И однажды Паша просто решил дальнейшую Марусину судьбу. Это было в октябре. Паше надоело Марусино нытьё, он подошёл к коммунальному телефону и набрал номер БДТ. Судьба распорядилась так, что трубку подняла не вездесущая секретарь, а САМ.

«Вы кто?»

«Я актриса, мне тридцать лет, я хочу вам показаться.»

«Вы где?»

«На Невском.»

«Подходите.»

Пашина жена дала свою одежду и обувь.

Марусю потрясло то, что Великий Человек не заставил её ждать на пороге, делая вид, что слишком занят, чтобы обратить внимание на некую незначительную персону, а встал из-за стола, пошёл навстречу, протянул руку… Это было впервые.

«Почему я вас не знаю?»

«Вы часто ходите в ТЮЗ?»

«Никогда.»

«Поэтому и не знаете.»

«Почему вы ушли?»

«Защищала человеческое достоинство.»

Дальше что-то было обещано, но нужно было подождать.

Вот так, в ожидании, питаясь, как птичка небесная, не заботясь о завтрашнем дне, Маруся и прожила этот год, окончательно загубив свою репутацию. Почему? Это знают те, кто распространял тогда эти слухи. Кто наливал Марусе вино, рассчитывая на лёгкую добычу, и злился, не получив своего, это был тот год, когда Маруся была совсем одна.

Осенью из Москвы позвонили друзья: «Ты что там делаешь? Голодаешь? Приезжай, хоть накормим.»

Маруся села в «Красную стрелу», забралась на верхнюю полку. В полночь по радио передавали новости: «Новая победа Советского кинематографа: на кинофестивале в Дели первый приз получил фильм «Открытое сердце»!» Маруся чуть не упала с полки.

В Москве уже был назначен праздничный банкет. Рядом с Марусей сидел человек из «Совэкспортфильма» который очень сокрушался о произошедшей несправедливости: вместо никому

не известной Маруси на фестиваль отправили Валю Титову, а когда стали искать, кому вручить приз за лучшую женскую роль, бедной Вале пришлось отмахиваться обеими руками. «Да и вашего "Серебряного павлина" я только вчера вместе с дипломом отвёз в Госкино, если бы я знал, что увижу вас сегодня!» – говорил большой чиновник, обещая исправить ситуацию.

Маруся вернулась из Москвы в свою обычную жизнь: поиск заработка, новогодние «Ёлки» и т. д.

Весь год она тщательно подсчитывала количество выпитого, и весной в ужасе бросилась к доктору Лёве.

Тот напряг свои связи и устроил Марусе приём у главного нарколога города.

«На что вы живёте, девочка?»

«Ну, от съёмок ещё оставались какие-то деньги, но сейчас они закончились.»

«Сколько вы выпиваете?»

«Ну, один-два бокала в день.»

«На что вы надеетесь?»

«Я буду работать в театре.»

«Почему вы в этом так уверены?»

«Потому что я не могу жить без театра».

В глазах тётеньки ясно нарисовался диагноз: «Неадекватное восприятие действительности».

«Девочка, если вы сейчас же не ляжете к нам на лечение на 45 дней, считайте, что вы погибли».

«Спасибо», – сказала Маруся, и в клинику не легла.

Через несколько дней раздался звонок из БДТ: «Приходите за пьесой».

Это была «Блондинка» Володина.

Потом в БДТ ходили слухи о том, что Маруся была любовницей А. М. и он привёл её в театр. Враньё. А. М. действительно, несколько раз звонил, когда пьесу собирались экранизировать на «Ленфильме». Он спрашивал: «Вы ведь блондинка?» – «Да». На этом разговор заканчивался. Товстоногов взял Марусю без протекции, без решения худсовета, что навсегда восстановило этот самый худсовет против неё.

Репетировать Маруся начала с Варей Шебалиной, режиссёром.

ВАРЯ

Впервые Маруся увидела Варю ещё когда училась, когда Кулиш позвал встретить Новый Год в его Институтской взрослой компании. Уже пробило двенадцать, когда в комнату с мороза влетела краснощёкая белозубая тётка в тельняшке и шапке Деда Мороза. Она тут же взяла гитару и запела частушки. Маруся тогда не была привычна к мату, но то, как весело, естественно и красиво вылетали эти слова из непрерывно смеющегося белозубого рта, потрясло её на всю жизнь. Нет, конечно, были и «Конфетки-бараночки», и весь набор тогдашнего городского фольклора. Потом эта тётка блистала в спектаклях КрасноярскогоТЮЗа, который тогда время возглавлял Кама Гинкас, ученик Товстоногова, не оставленный мастером в Питере. Театр приехал в Ленинград на гастроли и произвёл фурор. А тут – встреча с давно любимой актрисой-режиссёром в репетициях! В последний день в реп. Зал торжественно вошёл Товстоногов в сопровождении Дины Морицовны и съёмочной группы. Им предстояло запечатлеть для истории то, как репетирует гений. Маруся была на редкость свободна после года безработицы, сильно её изменившего, легко выполняла то, что требовал мастер. Д. М. ворчала. Товстоногов сказал: – а мне нравится, как она работает! Д. М. не выдержала и в гневе выскочила из зала, чуть не расшибив лоб подслушивающей у дверей Бедовой. В вошедший в историю фильм о гении этот эпизод не вошёл. У завлита были причины злиться: она сделала всё, для того, чтобы блондинку играла Попова, чей муж очень дружил с самыми влиятельными людьми театра. Но Гога вдруг восстал: – «Знаю я, как она сыграет!»… И привёл какую-то Старых!!!

Маруся как всегда, трусила и искала, на кого опереться. Она купила «маленькую» и позвонила Варе. Её появление было кстати: Варя очень горевала по пропаже любимой собаки, и натюрморт из водки с пучком зелёного лука оказались очень кстати. Варя выпивала. Маруся выпивала с ней. Их общение стало восхитительным праздником свободы, естественности, раскрепощения, взаимопомощи, для Маруси оно стало убежищем от беспощадного мира Большого театра с его непонятными требованиями. Варя говорила, что происходит от Евтихия Карпова, легендарного директора Александринки во времена Савиной и Стрепетовой. Может быть. Очень образованная, она сама была театр, самые простые слова, произнесённые ею становились значимыми, магическими… А песни, которые она пела с неподражаемой задушевностью, особенно городские

романсы, они до сих пор звучат для Маруси: «Сидю я цельный день скучаю, в окно тюремное гляжу…» Варя вызывала у Маруси восхищение, она стала другом, они могли подолгу не расставаться, читать любимые стихи, слушать любимые пластинки… Вскоре выяснилось, что к Варе часто заходят Зинаида Шарко и Наталья Тенякова. Подлинное тянулось к подлинному.

ДОКТОР:– Я не понимаю. Что вы вкладываете в это понятие? По-моему, есть талантливые и неталантливые артисты, а решает всё успех у зрителя. У вас ещё какие-то критерии?

– Да. Не новость, что в театральной школе утвердилось мнение: актёр должен до старости сохранять в себе ребёнка. Корогодский довёл этот постулат до абсолюта.

Студенты пели как гимн:

Я смотрю без боли
на твоё окно.
Разойтись с тобой нам,
Видно, суждено.
Но, куда ж тут деться,
Ты меня прости,
Ухожу я в детство,
Нам не по пути. (Мать его ети – более востребованный вариант)

Но дело в том, что этот ребёнок либо есть, либо сохранять нечего. Конечно, гениальные были детьми, детьми были и талантливые, но им уже приходилось противостоять тем талантливым, которые совсем не были детьми, просчитывали свои шаги, знали, с кем и как дружить, на каком диване в райкоме добывать себе звания. В узком кругу всем всё известно, но официально произносятся речи о «порядочности» и «самоотверженности». Так везде. Лучше ничего не знать. Иначе от этого человечества – тошнит. Особенно, когда знаешь, как уничтожают лучших.

Зин. Максимовна была ребёнком. Более приспособленные к жизни уводили от неё мужей. А она накручивала на ночь бигуди и сушила голову в духовке, чтобы утром «выглядеть». Холодильник был забит луковицами тюльпанов и ветками яблонь – чтобы расцвело раньше, чем наступит весна. За границей на гастролях, она и скупала эти луковицы, пока другие скупали шмотки, чтобы сдать потом в комиссионный магазин. Этого Зинуле не прощали. На гастролях было два автобуса: один – для народных артистов, в приличную гостиницу, другой – для

артистов массовых сцен. Зинуля, естественно, направилась к первому автобусу… Уже усевшиеся в него коллегии объяснили, что ей – туда… Представляю себе её взгляд – тот самый, неповторимый, из «Долгого прощания». Никто и никогда не сыграл бы так. Потом, намного позже, унизили ещё раз. З. М. не умела «выбивать» для себя роли, постепенно выпала из репертуара. Она! На которой этот репертуар должен был строиться! Кто знает, что возникает раньше: потребность в алкоголе, которая рушит карьеру, или детская неспособность противостоять ударам, нанесённым, порой, самыми близкими, и затем уже потребность. Клеймо было поставлено. З. М. принесла, захлёбываясь от восторга, в театр пьесу «Квартет». Театр не услышал. Прошло время, пьесу решили поставить. Народный артист, друг, сказал: – Зина, а при чём тут ты? Потом, всё-таки, З. М. стала играть в этом спектакле, и была лучше всех. Как и почти в конце, когда возобновили «Кошки-мышки»… Уже качаясь, ища опору то в стене, то в стуле, до которого надо добраться, З. М. играла так искренне, так пронзительно, так неповторимо!

Однажды Варя взяла с собой Марусю в гости к Марии Фёдоровне Берггольц, с которой Зинаида Максимовна дружила. Это была незабываемая ночь! Какие стихи, какие истории, какие шансонетки из давно ушедшего времени, какой клад, какой канувший в лету клад! Шарко фонтанировала, потому что были слушатели, потому что уже не было достойной работы в театре, потому что была безмерно одинока!

Но это я забежала вперёд. «Блондинку» репетировали уже целый сезон с молодой приглашённой актрисой. Что-то не складывалось.

ДНЕВНИК

28 июня.

От Паши позвонила в БДТ, разговаривала с самим Товстоноговым, приглашена на прогон! Началась НОВАЯ ЖИЗНЬ.

29 июня.

Прогон «Блондинки». Многое не понравилось. Мнение своё высказала Г. А. прямо, как думала. Завелась очень сильно. Купили с Варей бутылку водки, пошли к ней договариваться об исходном и событиях эпизодов.

30 июня.

Репетиция с Володиным и Малеванной. Придумали роль матери-автора. Пока – творчество, о котором мечтала.

3 июля.

Поработали. Позвонила Володину. Вечером – День Рождения Богина, сидели до четырёх.

5 июля.

Съёмки репетиции Товстоногова. Скандал с Д. М. Шварц. Вечером с Варей говорили про «Комплексы».

6 июля.

Первая репетиция с Юшковым, первый с ним конфликт.

7 июля.

Второй скандал с Юшковым. Вечером – Паша, Храбровицкая.

8 июля.

Репетиция с Малеванной. Сговорились. ВТО. «Дядя Ваня» в БДТ.

12 июля.

Дома. Вечером – «Замужество Марии Браун» в кино. Паша, разговоры до четырёх утра.

13 июля.

С утра – книжный магазин «Белые ночи». Началась травля. Я задёргалась страшно. Пришли к Варваре. 3 бутылки вина. Осталась ночевать. Худо очень. Репетиций больше нет.»

Лето… какое там лето!

Начался сезон, репетиций не было. Маруся смотрела спектакли. Иногда изнывала. Она привыкла к другому театру. Надо сказать, что ТЮЗянам вообще не везло в этом театре. Колю Лаврова, замечательного, уникального, пригласили на роль Алексея в «Оптимистическую», но вскоре сняли с роли, не объяснив причин. Тамара Лебедева, которую пригласили ища замену уехавшей Дорониной, бесславно провела своё время до пенсии, после чего вдруг резко ушла в религию, уволилась, сказав

Марусе на прощание: – ты не представляешь себе, в каком искривлённом мире вы все живёте! Её муж, однокурсник, Гоша Антонов вообще выкинул фортель: не пришёл на сдачу спектакля городскому худсовету! Ольгу Волкову гнобили так, что как только ей удалось кости унести в Москву! Чужая была, чужая, непонятная! А Таня Шестакова, репетируя Сонечку в «Дяде Ване» заявила Басилашвили, что, если он забыл, что такое правда на сцене, то пусть вернётся к своему третьему курсу и перечитает дневники! Она тоже недолго играла на этой сцене, но ей уже было куда уходить. На смену ей пришла Танечка Бедова. Вот она как-то выжила, тихо, незаметно, знала секрет.

ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ…

Маруся стеснялась, пряталась под лестницей, чтобы незамеченной получить свои незаслуженные деньги, пока в театр не пришла телеграмма: Марусю вызывали в Индию, на неделю Советского кино. Директор театра, коммунист, замеченный неоднократно в том, что, считая, что его никто не слышит, пел оперные арии, отказался подписывать Марусину характеристику, поясняя, что он Марусю не знает. Тогда позвонили из Горкома, и Маруся отправилась в Москву. Там её опять нарядили Светы, и, безумно зажатая, Маруся села в самолёт рядом с Олегом Ивановичем Янковским. Олег был тогда на пике красоты и славы. Он только что вернулся из Парижа, где Карден ему что-то дарил из одежды, уже вышла «Ностальгия» Тарковского, уже вышли «Полёты во сне и наяву», а в Индии представляли его фильм «Влюблён по собственному желанию». Что было делать Марусе? Она всегда прямо держала спину, из-за чего курносый нос задирался. Если Маруся молчала, не умела шармировать, расслабленно улыбаться, то приговор был один: «Как ты поедешь с этой п-дой на цыпочках?» – спрашивали друзья О. И. , что он тут же и донёс до Маруси. Ей надо было защищаться, так она думала. Поэтому тут же, в самолёте, сидя рядом с большим артистом, она рассказала ему, что не так уж он и велик, что просто так сложилось, что именно его внешность стала образом героя нашего времени, на нём сфокусировались проблемы поколения… и т. д. Потом появились какие-то функционеры из Внешторга, которые не могли пропустить возможность подобного знакомства, и Олега Ивановича, а заодно и Марусю пригласили в бизнес-класс, где до самой посадки шампанское лилось рекой, и странно, что на единственной сохранившейся фотографии из газеты лицо Маруси ещё похоже на человеческое.

Короткий отдых, взгляд, нет, взнюх из окна пятнадцатого этажа пятизвёздного отеля: в декабре нищие в окрестностях столицы за неимением древесины согревались коровьим высушенным навозом, и сладкий дым заполнял весь город, смешиваясь с запахами благовоний, цветущего в это время жасмина… Запах такой силы, что долго ещё, когда Маруся открывала подаренный фотоальбом «Ганди – моя Индия» – голова по-прежнему кружилась.

Марусю к поездке опять-таки подготовили подружки. Одежда была не от Кардена. Нет, какие-то марлевые, батистовые, просвечивающие платьица, что было не очень гоже для

министерских приёмов, но, как потом сказал О. И., прокажённые на улицах вставали и тянулись следом за откровенно обрисованной блондинкой. – Запомните, Маруся: декабрь 1983 года, дели, за Госсчёт! – говорил Олег Иванович.

Не откладывая в долгий ящик, потомственный дворянин, и, по общему мнению, самый интеллигентный артист показал Марусе движущуюся комбинацию из пальцев, однозначно демонстрирующую его намерения на совместное пребывание в незнакомой стране. Маруся была шокирована грубостью предложения, хотя перспектива узнать первого плейбоя страны была заманчива. Вопрос решился очень просто: рано утром О.И. постучал в дверь номера Маруси и с невинным видом сообщил, что не сделал прививок от желудочной бактерии, но взял с собой виски, чтобы обеззараживать желудок, и этот виски надо пить натощак, желательно вдвоём. Это было предложение, от которого Маруся не могла отказаться. Правда, оба советских посланника не учли, что в программе Недели Советского кино кроме прессконференций, фотосессий (один раз в жизни Маруся непрерывно находилась под вспышками фотоаппаратов, будто на красной дорожке звёзд, правда утренняя анестезия совершенно стирала значимость происходящего), ещё запланировано по два приёма на день. И приёмы были на самом высоком уровне.

Огромный зал, по периметру – подогреваемые блюда со всевозможной едой. Но сначала: это…. и к вам подводят Бачана, ну, что делать, Маруся не была специалистом по индийскому кино, но знала, что перед ней проходят самые-самые. Айм вери глэд, айм вери глэд, айм вери глэд… А в руке – стаканчик с виски, из которого невольно прихлёбывается, а когда он пустеет, тут же появляется низкорослый (О, как в Индии отличаются внешне аристократы от простолюдинов!) служка, протягивающий новый бокал с таким видом, что, если не возьмёшь – его уничтожат! А потом – еда, а в заключении – зелёные листики с какими-то орешками. («Зачем ты ешь это говно? У тебя язык коричневый! Зачем ты уговорила меня съесть это говно?») Олег Иванович был немножко обескуражен. Он – звезда. А в Индии – Маруся – звезда. К ней подходит солидный дядя и говорит: «Я пять раз видел ваш фильм. Два раза следил за сюжетом, и ещё три раза смотрел, как меняется ваше лицо». А в Болливуде уже запускают индийскую версию советской мелодрамы (Не «Влюблён по собственному желанию»). Приём у какого-то миллиардера. Специально для русских танцует одна из самых знаменитых и высокооплачиваемых танцовщиц. Потом – фуршет. По залу бегает двухлетний внук богача – поразительно красивый, с огромными масляными глазами малыш. Маруся, в своём марлевом платье, с

распущенными белыми волосами поднимает малыша на руки, и тот берёт с её ладони орешки и кладёт ей в рот. Фотография потом появляется во всех центральных газетах Индии. Олег Иванович шипит из-за плеча: «Вы – чудовище!»

Ещё какой-то миллионер, вернее, его сын, фантастически красивый, с глазами газели, принимает русских в дорогом ресторане. Маруся заказывает рыбу, О.И. – мясо, поскольку считает, что рыба из Ганга – заразная. Рыба – превосходна, мясо – подошва. О.И. шипит. Маруся, перебрав виски, приглашает миллионера на танец и отрывается по полной. «Ведь можешь же, можешь! – Что с тобой сделал твой проклятый город!» – говорит О.И.

«Где твой паспорт! Где ты держишь деньги! Нет, пора провести политинформацию, поскольку – я – руководитель группы!»

Маруся назло, как мусор, бросила деньги (большую сумму) в ящик стола. Наутро деньги пропали. Маруся пришла сообщить об этом руководителю группы. – «А зачем ты мне это говоришь?»

На следующий день пришлось вместе идти по ювелирным лавкам, О.И. спокойно выбирал драгоценности для жены, Маруся подставляла пальцы для примерки. Она попросила разделить, по-возможности, делегацию. Главный кэгэбешник и его заместитель оказались в ссоре. С Марусей поделились проблемой, и она, конечно, приняла участие. Её стали опекать, и делегация в частной своей жизни разделилась. Но оставалась часть официальная. Маруся хорошо формулировала основы нерушимой, древней близости русско-индийских культур, и главная агитационная цель делегации осуществлялась, несмотря ни на что. И вдруг – встреча с работниками советских представительств. Полный зал русских, для которых Янковский – бог, а Маруся – никто. Она попросила не давать ей слово. Сорок минут О.И. рассказывал о том, как ему повезло с театром, с главрежем, с кино. Правда, упомянул, что весь его успех – не его заслуга, просто время так сфокусировалось на нём, просто именно так должен был выглядеть человек сегодняшнего дня. «Браво!» – подумала Маруся, но тут скромный герой предоставил ей слово. И Марусю понесло. Она стала говорить о другой стороне профессии, о безвестном и бесславном служении, она цитировала Цветаеву, она не могла остановиться. После встречи к ней подходили с утешениями: «Не беспокойтесь так, у вас всё ещё будет хорошо!»

Прилетели в Калькутту. Дорога из аэропорта шла сквозь трущобы. Описать их невозможно. Полуземлянки-полухижины из глины, покрытые пожухлыми пальмовыми листьями,

приобретшими цвет той же глины, и в этом цвета праха месиве – человечки, дети, с тонкими паучьими ручками, держащие на руках ещё более мелких паучков. Жалость, но не брезгливость. В этом жарком климате, на самых грязных рынках, среди куч отбросов, в которых копались козы и собаки, никогда не пахло аммиаком, никогда не чувствовалось того зловония, которое знакомо советскому человеку везде, начиная с пионерлагерей, включая элитные черноморские пляжи с их М / Ж. Проходя через холл, Маруся увидела застеклённую дверь во внутренний дворик с бассейном, и заявила, что хочет купаться. О.И. был в шоке («Как же, а укладка перед вечерним рестораном, а вообще…» – «Наплевать!») Картина маслом: декабрь в Калькутте, Маруся, блаженно плавающая в бассейне, Олег Иванович в тройке, сидящий в кресле с неизменной трубкой, и вытаращивший глаза, изумлённый но молчаливый служитель-сигх, наблюдающий происходящее.

В ресторан Маруся пришла с мокрыми волосами, и тут же завела с кем-то из посольских разговоры об экономике, что явно раздражало руководителя группы. Он прислушивался, издалека пытался вставить свою реплику, но вскоре был отвлечён искусной танцовщицей, которая, как бы позволяла, приближаясь к гостям, помочь ей избавиться от части туалета, под которой неизменно оказывалась другая часть.

Но и это шоу закончилось, а консул так соскучился по соотечественникам, в конце концов, он от души отплясывал с Марусей «Цыганочку». С корзиной фруктов Марусю чуть не на руках внесли в номер. А индийскую стриптизёршу Маруся перетанцевала! Во всяком случае, для русских это было так.

Запутавшись в сложной игре самолюбий, Олег и Маруся сосредоточились друг на друге, что очень сильно разочаровало чиновников из Совэкспортфильма, приехавших и местных агентов, а, главное, посольских жён, которым тоже хотелось праздника. Все они пытались обратить на себя внимание – но тщетно! Всё, что им оставалось – принять ситуацию такой, как есть, по сути, идти у делегации на поводу, тем более, что программа выполнялась более, чем хорошо. Только в Бангалоре, перед посещением поместья Святослава Николаевича Рериха, актёров предупредили, что встреча – официальная, протокольная. То есть – без самодеятельности, без вопросов, на которые Святослав Николаевич не любит отвечать. Но это был декабрь 83-го! В «Новом Мире» только что напечатали «Семь дней в Гималаях» Сидорова, и образованная общественность говорила только о Шамбале!

Святослав Николаевич, 82-ти двух лет и его жена Девика, 84-

х, звезда индийского кинематографа 30-х годов, которую молодой Рерих увёл у мужа, удивительно красивая женщина в сари, с цветком в совершенно чёрных волосах, и яркими, не замутнёнными старческой поволокой, озорными чёрными глазами, встретила делегацию привычно-радушно. Всё бы шло, как обычно: прогулка по поместью, демонстрация банговых рощ, паровой машины, действующей бесперебойно с 1914 года, в мастерской – демонстрация полотен хозяина поместья. Всё было бы так, если бы Девика откровенно не заинтересовалась О.И., а Маруся не находилась бы в состоянии крайнего возбуждения, которое мудрые старцы не могли оставить без внимания. В том, что многие индусы – провидцы, Маруся убедилась.

Ещё на подходе к мастерской, Девика, до сих пор ограничивающаяся дежурными репликами на английском, неожиданно взяла Марусю за подбородок и на чистейшем русском произнесла: – Будь осторожна, девочка! Потом, во время демонстрации картин, обнося гостей сладостями, она, как бы случайно задевала Марусино плечо, или легонько шлёпала её по затылку. Низкорослые служки сняли с огромного подрамника последнее полотно, и Маруся, нарушая все запреты, подошла к Рериху с очень простым вопросом: «Вы верите в бессмертие души?» Старец и глазом не моргнул, приняв эту выходку как должное: «Да, конечно, у меня есть фото ауры руки моей матери, психическая энергия существует. Я боюсь только ядерной войны, тогда всё исчезнет».

«Что вы посоветуете для совершенствования души?» (Ну так, прямо в лоб в душевной простоте!)

«Очень просто: каждый день думать о прекрасном, потому что наши клетки, обновляясь каждые семь лет. несут в себе ту информацию, которую мы в них заложили, и делать своё дело чуточку лучше, чем вчера».

Когда садились в машину, Марусю трясло то ли от нервного возбуждения, то ли сказались дни непрерывного пьянства. Святослав Николаевич наклонился и долго смотрел на Марусю, сидящую в машине. А на следующий день, в аэропорту Бангалора официальных лиц чуть не хватил кондратий: впервые два святых старца, проехав по жутким индийским дорогам 40 км появились в аэропорту чтобы проводить русских актёров. Мало того, что их провели без обязательного досмотра в зону вылета, так ещё и провожали до самого отлёта самолёта. Девика, конечно же, общалась с О.И. Святослав Николаевич, подсел к Марусе: «Что с вами? Почему вы так тревожитесь?» Маруся залепетала что-то про рано умершую мать, которая снится… – «Не волнуйтесь, это она говорит вам, что ей там хорошо».

И напоследок, С. Н. вложил в Марусину руку что-то, завёрнутое в бумажку: «Это старинный освящённый талисман, никому не показывайте, пока он с вами, наши добрые мысли будут с вами».

В самолёте Маруся развернула бумажку: там был эмалевый медальон, на одной стороне которого была надпись на санскрите, на другой – стилизованные ступни Бога. Маруся долго носила этот медальон, пока он не исчез совершенно мистическим образом. Но это уже другая история.

Прощальный вечер устраивал министр информации во французском ресторане.

Аперитив проходил под фантастическое музыкальное сопровождение: пианист – виртуоз легко исполнял попурри из самых известных джазовых тем. Министр сидел рядом с Марусей, напротив – посольская жена, взявшая на себя обязанности переводчика. После десятидневного пьянства Маруся пыталась вспомнить все известные ей официальные выражения и изощрялась в стилистике. Дама напротив сказала: – это я перевести не могу. Маруся махнула рукой, и вдруг заговорила на английском, всплывшем вдруг из неизвестно какой кладовой мозга. О.И. был вне себя: он не привык быть не в центре внимания, но в Индии звездой была Маруся, министр сидел рядом с ней, млел, заказывал одного лобстера за другим, пока не закрыли ресторан.

Пора было улетать. Но самолёт был в два часа ночи. Время до самолёта пришлось провести в посольстве. Там делегацию разъединили, и Маруся оказалась в обществе двух высоченных мужиков, которые представились: «Ну, я, это ИТАРТАСС, а он, значит, – "Новости", но, на самом деле: Военная разведка и Безопасность». Врали они, правду ли говорили, да и о чём говорили, Маруся не знала. Целью этих защитников Родины было – напоить Марусю и напиться самим. В какой-то момент один из них на Марусю упал, пролив на её голову полный стакан виски. Как посадили в самолёт, Маруся не знала, проснулась только после Ташкента, подняв голову со скомканной замшевой, от Кардена курточки Янковского. «Так хорошо держалась, и так сломалась», – сказал он. Самое обидное, что в посольстве осталась огромная пачка подборки фотографий по всему путешествию, никто их не переслал Марусе, как она не просила. Пропали и визитки всех значительных людей, щедро их раздававших. Не осталось ничего, кроме памяти, но, видно, Маруся не знала, по какой грани ходила и в какую игру, в действительности играла.

И, тем не менее, это, конечно же, был главный праздник

жизни, пик, после которого всё, естественно, должно катиться вниз, что и случилось.

Олег Иванович, из которого посмертно стали лепить образ аристократа и интеллигента, для Маруси не был ни интеллектуалом, ни образцом поведения. Для неё он остался хулиганом и сибаритом, жадно поглощающим всё, что предлагает жизнь. А жизнь предлагала ему, своему избранному дитяти, так много! Он был необыкновенно одарён, прежде всего, поразительным обаянием. Казалось, ему и играть-то ничего не надо: просто сощурить свой хитрый глаз. Конечно, Маруся на всю жизнь попала под власть его обаяния, и долгие годы снился ещё ей этот потерянный праздник, и она просыпалась в тоске.

Реальность обрушилась на Марусю в праздник Старого Нового года, который она решила отметить с коллегами в ВТО. К ней неожиданно подошла моложавая красавица и сочувственно произнесла: «Я вас узнала, видела вас в фильме с Товстоноговым, жалко вас, девочка!»

??????

«А, вы не знаете, я – мама Максима Леонидова!»

«Такая молодая?» – ляпнула Маруся, которая никогда не знала, кто с кем живёт, кто кому мать, а кому – мачеха.

«Да, Макс сказал, что вашу роль будет играть Фрейндлих».

Кино, снятое в рапиде: Маруся, ещё не осознавшая уровня своего падения, медленно отходит от Принесшей недобрую весть, встречается глазами с тем, кого считала другом, и тот со странной интонацией то ли сочувствия, то ли злорадства произносит: «Ну что, пролетела в БДТ?»

Вербин, чем тебе-то я насолила? Перед глазами тотчас же встал весь прожитый в борьбе за существование год, а дальше что – панель, ведь я умею быть только актрисой! Топиться! В Фонтанку!

Но инстинкт не позволил пойти на крайние меры, Маруся, как обычно, выбрала путь наименьшего сопротивления: забыться и уснуть. Добежала до улицы Рылеева, где в бывшей бабушкиной комнате, ставшей квартирой после капремонта жила тётя Муза. Разбудила бедную тётушку, которая, ни слова лишнего не произнеся, поднесла Марусе стакан чистейшего самогона. Маруся вырубилась.

На следующий день в тётиной квартире раздался звонок: Товстоногов требует Марусю. (Как, каким образом режуправление выискало этот адрес, тайное Марусино прибежище, для неё это до сих пор – загадка. Маруся посмотрела на себя в зеркало: глаз не было, только заплывшие щёлки, которые не раскрасить никаким гримом.

«Я сейчас не могу!»

«Нужно сейчас!»

Маруся вошла в кабинет. Г. А. всех выгнал, сел на диван, указал Марусе место рядом.

«Простите, Георгий Александрович, мне только вчера сказали, я всю ночь плакала…»

«И выпили?»

«И выпила…»

«Мы сейчас выпустим спектакль с Фрейндлих, а потом выпустим другой спектакль с вами. Вы ведь другая?»

«Я – другая».

«Ну вот, будет два разных спектакля».

«Георгий Александрович! Вы ведь меня не знаете. Можно, я покажу вам свой моноспектакль?»

Товстоногов согласился и назначил дату показа.

В день показа в легендарном репетиционном зале были Г. А., кто-то ещё, и почему-то Андрюша Толубеев.

Без музыки, без театральных эффектов, Маруся была как голая, но это уже было привычно.

Потом только ей рассказали, что мэтр, довольно быстро поняв, останавливает «самодеятельность», дорожа своим, принадлежащим вечности, временем. А тут, мало того, что выдержал всё до конца, но и привычную сигарету не раскуривал, опасаясь помешать актрисе звуком зажигалки.

«Вы добились того, чего хотели: у меня такой актрисы нет. Если бы я сейчас ставил «Три сестры», я был бы спокоен, что у меня есть Маша. Ваш спектакль надо играть на Малой сцене, только нужно найти к нему вторую часть».

Вот так. С роли Марусю никто не снял, надо было присутствовать на всех репетициях и ждать, когда начнут делать другой спектакль. С ней.

Это было тяжёлым испытанием. Маруся была уверена, что чувствует автора. Его героини – его альтер эго: неуверенные в себе, уязвимые, оторванные от реальности, но убеждённые в истинности чувств и отстаивающие эту истинность.

«О, вещая душа моя! О, сердце, полное тревоги!

О, как ты бьёшься на пороге

Как бы двойного бытия!» – Эпиграф к пьесе.

Была ещё репетиция с мэтром.

«Про что это, по-вашему?» – спросил Товстоногов.

«Понимаете, это как бы Цветаева, только стихов не пишет, а так – всё то же самое!»

«Но через что это выражается? Через любовь?»

«Да-а-а», – ответила Маруся, в самом деле, через любовь

билась душа Блондинки. Билась… Трепетала, как мотылёк возле лампы… Но мэтр уже не слушал Марусю.

А Алиса Бруновна в тот момент совсем не готова была трепетать. Ей было на двадцать лет больше, чем героине, она ушла из, театра, который её обслуживал, и должна была доказать, что она всё ещё молода, неотразима, незаменима, ну и т. д.

Она была напориста, и с такой силой отстаивала свои «неприземлённые» ценности, разрушающие жизни окружающих, что Марусе иногда хотелось выбежать на сцену и остановить её, защитить тех, кто стал жертвой её максимализма вопреки автору.

В гримёрке Маруся пыталась объяснить тем же Бедовой и Даниловой, что происходит чудовищная подмена, что Александр Моисеевич этого не заслуживает, что сейчас она пойдёт к Товстоногову и объяснит ему… – «С ума сошла?» – кричали ей, и не пускали, хотя, может быть, зря… Тогда бы всё и разрешилось, и, может быть, открылась бы ещё какая-нибудь форточка… Но Маруся смалодушничала, прислушалась к советам опытных товарок… А потом сидела на банкете по поводу премьеры, которая была объявлена очередной победой, и не могла смотреть в сторону Володина, который благодарил, благодарил…

О спектакле с Марусей уже никто не вспоминал. Выяснилось, что гении тоже могут лгать, как ни в чём не бывало. Но на этом её беда с «Киноповестью с одним антрактом» не закончилась. Когда Леонидов увёз в Израиль Селезнёву, игравшую вторую женскую роль, на эту роль ввели Марусю. Ей было свойственно вибрировать, и смысл пьесы, вывернутый наизнанку, стал совсем очевиден: не прогматичной девушке герой предпочитал трепещущую героиню, а уверенная в себе взрослая женщина расправлялась с дрожащей малолеткой. А. Б. не могла не понять того, что произошло, спектакль скоро сняли, а Марусина карьера закатилась, хотя она этого не понимала, как всегда живя иллюзиями.

Но артистку как-то надо было использовать. А тут ушла Шестакова. Марусю, которая статью и ростом была раза в два крупнее этой травести, умудрились втиснуть в её костюм, чуть расшив его. Но втиснуть Марусю в рамки идеальной правдолюбки было проще, после «Ночи после выпуска» в ТЮЗе. Роль – несколько фраз и зачитанная вслух статья из «Пионерской правды». Иногда Басилашвили заигрывался, отвлекался, скучал, они развлекались с Ерёминым, передавая друг другу записки с новыми анекдотами. Маруся требовала: обратите на меня внимание! И тогда всё начиналось всерьёз – настоящая схватка. Маруся захлёбывалась, и голос срывался на тот самый, который не театральный, а настоящий, неприятный женский плачущий…

Народная артистка Макарова подошла после спектакля: «Девочка, почему вы так плачете, у вас дома что-нибудь случилось?»

После спектакля Маруся шла по Гороховой к метро. Вдруг рядом остановился «Жигулёнок», из него выскочила простого вида тётка с криком: «Девочка, я тебя узнала, я тебя сейчас на сцене видела, можно, я тебя поцелую?» Это был момент истины.

Но потом, после случайного, из-за болезни Даниловой ввода в «Островитянина», та же Макарова написала на программке: «Вы – актриса!»

После первого Марусиного выхода на сцену БДТ, за кулисами её поджидал Андрюша. Он предложил отметить дебют и сразу пригласил домой.

МЫШКА

Эта история не может претендовать на объективность, поскольку, не будучи инженером человеческих душ, Маруся не знает, что на самом деле творилось в душе героини. Она только многие годы наблюдала со стороны проживаемую рядом жизнь, иногда с ней пересекаясь. Таточка была небольшого роста, с мелкими, очень правильными чертами лица. Несмотря на хорошую фигурку и большой бюст, Тата совсем не была сексапильна. Тем не менее, а может быть, именно благодаря этому, она в юности познала славу, настоящую славу, с которой надо было как-то жить дальше. Как и все юные девушки, Тата, видимо, мечтала создать семью и завести детей. Но что-то не складывалось. Утончённый эстет, на которого была сделана ставка, оказался мужчиной, осуждаемой в те времена обществом «нетрадиционной» ориентации. Свою роль он, всё-таки сыграл, поспособствовав тому, что Тата попала в знаменитый коллектив. И вот там, среди именитых и зубастых, она нашла, наконец, своего мужчину, подходящего по статусу, росту и возрасту. Один недостаток был у Андрея: он был женат на молодой, красивой и востребованной актрисе. Но та слишком часто уезжала на съёмки, а Тата всё время была рядом. Конечно же, как это всегда бывает в актёрском кругу, всё началось с совместной работы. Маруся может только предполагать, какими чарами неприметная Тата околдовала счастливого в браке чужого мужа. Ну, вот такое предположение: Андрей был уверен в том, что совокупляясь с женщиной, делает её счастливой, без оговорок. Видимо, Тата укрепила в нём эту уверенность, так, что позже, видя перед собой несчастную женщину, Андрей предлагал ей интимную близость, убеждённый в том, что остальные проблемы отпадут сами собой. Но это предположение. Факт тот, что, однажды, вернувшись из командировки, молодая жена обнаружила, что рукава её банного халата завёрнуты для очень коротких ручек. Вывод был сделан. Как почти все красивые и успешные молодые женщины, обманутая не очень дорожила тем, что имела, во всяком случае, не цеплялась за свою семейную жизнь, как за единственно возможную. Она вспылила, хлопнула дверью… Нет, такие истории враз не заканчиваются. Некоторое время ещё продолжалось перетягивание каната, однажды жена законная подкараулила пару во дворе, Андрей получил по голове зонтиком, но канат перетянула смиренная Тата, Мышка. Однако, победу рано было праздновать. Как Мышка ни старалась:

ухаживала, заботилась, ни на секунду не спускала глаз с вожделенного объекта, тот не торопился жениться и заводить детей. – «Она считает меня своей собственностью!» – с ужасом говорил он и устранялся, по возможности.

Вот тогда в коллективе и появилась Маруся. Её появление было неожиданным и громким. Коллектив заволновался: в устоявшемся мире забрезжили перестановки, которые никого не устраивали. Андрей начал осаду, опасаясь, что кто-нибудь из коллег, падких на новое, его опередит. Осада была основательная: Маруся почти сразу была приглашена в дом с мамой, традициями, портретами и канделябрами. У Маруси дома не было. Соблазн был велик. Но в первый же вечер при свечах, Маруся, почувствовав: «не моё!», сказала, что в курсе почти семейных отношений Андрея с Мышкой и не желает переступать через них. «Что же, раз я был с ней, значит, не имею больше права на счастье?» – внешне вполне искренно воскликнул Андрей, и чуть не заплакал.

Потом приехал к Марусе в Ульянку.

«Все говорят, что ты пьяница и блядь, но я не обращаю на это внимания».

«Значит, ты нашёл меня на помойке? Тогда, зачем я тебе?»

Таким оригинальным образом сделанное предложение оставило в душе Маруси определённый осадок, но она сдалась, хотя семейной жизнью это назвать было трудно.

После спектакля Андрюша, как положено, у всех на глазах выходил из театра с Татой, но затем, посадив её в транспорт, встречался с Марусей и вёл её к себе домой. Видимо, это был уже отработанный маневр: две жены, Тата, ещё несколько женщин, о которых можно было догадываться, Маруся не знала, какая она по счёту. С Андрюшиной мамой отношения тоже не складывались. Переезжать в дом с видом на Исаакий Маруся не спешила.

Настал чудесный май. Коллектив отбыл на гастроли, Маруся – на съёмки в Усть-Нарву, где цвели ландыши, сирень, Гафт читал свои эпиграммы на берегу залива, и всё было прекрасно.

Когда Маруся вернулась, подруги (О, эти театральные подруги!) тут же в подробностях рассказали ей, как во время гастролей неоднократно видели несчастного Андрюшиного соседа по номеру, слоняющегося по коридорам, потому что номер был заперт. Причина этому ни для кого не была секретом.

Это был хороший повод, чтобы уйти, но Андрюша упал на колени: «Ты моя надежда и опора!» В этот раз слёзы пролились.

Конспирация в шпионских романах длится годами, а в романах любовных – совсем недолго.

Маруся зашла повидать бывших коллег, вполне уважаемых

людей.

«Говорят, у тебя там новый роман? Ну и как труппа?»

«Ну, сейчас большой бум, но, я думаю, вскоре всё встанет на свои места».

Маруся вошла в дом, в дверях – Андрюшина мама: «Это правда? Вы только что сказали, что устроите большой бум и всех поставите на свои места! Вы и меня будете ставить на место?» (Немая сцена. Сказать нечего. Информацию исказили на прямо противоположную те, кого Маруся считала друзьями. Бог им судья!)

Однажды Мышка поймала Марусю после работы и с места в карьер задала почти философский вопрос: «Это правда?» В самом деле, кто знает, что есть правда? Но Мышка неотступно семенила рядом, ожидая нефилософского ответа.

«Спроси у него. Знаешь, мы сейчас в ссоре, я еду домой, если можешь вернуть его – иди, попробуй, я не против».

Но Мышка на то и была Мышка, что не могла позволить себе проиграть. Осенью труппа месяц блаженствовала в Сочи. Кроме пляжа и ресторанов был ещё один домашний аттракцион: Мышка против Маруси! Кто кого? Маруся в борьбу не вступала, пряталась в номере. Мышка использовала весь арсенал: с несчастным видом и зарёванными глазами появлялась всюду, где было людно, умоляюще заглядывала в глаза тем, от кого что-то зависело, публично оседала разыгрывая сердечный приступ. Могущественная секретарша сказала Марусе: «Она всю труппу подняла: – "Верните мне Андрюшу!"»

Но тогда Андрюша совершил мужественный поступок: у всех на глазах взял Марусю за руку, встав на её защиту, что не помешало ему, вернувшись в Питер, продолжить свой гаремный образ жизни.

Опять гастроли, история повторяется, Маруся приезжает на несколько дней позже, подруги докладывают, Маруся пытается разорвать ставшую мучительной связь. Через пару дней к ней присылают гонца: «Ты что, смерти его хочешь? Он там пьёт и плачет – "Что мне делать? Одну хочу, а другую жалею!"»

И тут Мышка допускает ошибку. Маруся бежит на сцену, Мышка, не занятая в спектакле, почему-то стоит за кулисами, подставляет Марусе ножку. Это недопустимо по профессиональной этике. Андрюша клянётся в верности Марусе, произнеся при этом замечательные слова: «У тебя внешность стервы, ты и должна вести себя, как стерва. Никто не поверит, что ты – другая».

Некоторое время продолжалась эта обречённая уже совместная жизнь, до очередного Андрюшиного приступа

жалости к Мышке.

Чем всё закончилось? Тем, чего следовало ожидать: появилась новая артистка из западноукраинской глубинки, где женщин учат полностью подчиняться мужчине, всё терпеть, всё принимать как должное. Андрюшу вызвали в райком партии: «Никуда не поедете, пока не разберётесь со своими женщинами!» Андрюша женился.

А Мышка осталась одна. Смиренная, не отмеченная в страстях и скандалах, тихо добилась звания, улучшения жилищных условий, по-прежнему получает свои маленькие роли, дружит с себе подобными.

ДОКТОР:– С Мышкой понятно. А Маруся?

– Похоже, что Маруся изобразила из себя жертву? Нет, конечно, в этих отношениях жертвы всегда – две.

Наверное, Маруся Андрюшу не любила так, как она могла. Во первых, он категорически отказался называть её «Мой маленький», хотя тоже был на семь лет старше. Это шутка. А серьёзно – её коробил его юмор, его перенятая у стариков Александринки манера общения. Вечером, придя домой после спектакля, он говорил ожидающим его матери и сожительнице: «Ну что, мохнатки?» Он боготворил и копировал отца, но актёры той, старой шолы не были утончёнными интеллигентами, в них говорила сама природа, и они как дети, не создавая лишних проблем, принимали её дары.

Однажды за ужином Маруся спросила Тамару Ивановну: «А как вы жили во времена репрессий?»

Старая актриса грохнула кулаком по столу: «Поужинать спокойно не дадут!» – и ушла в свою комнату. Больше вопрос не поднимался.

Марусю позвали на пробы, она прочитала сценарий и очень загорелась. Накануне режиссёр заглядывал ей в глаза и уговаривал. Но стоило ей сказать, что всё нравится, и она очень хочет сниматься, глаз его потух, интерес к актрисе пропал. Когда она, ошарашенная, пожаловалась Андрюше, знаете, какая была реакция? «Дура ты, ё… т… мать!» Так он выразил сочувствие.

А главное – полное несовпадение в том, что делает мужчину и женщину одним целым. Целого не было. Маруся чувствовала, что её «берут», не глядя в глаза, а ей остаётся рассматривать потолок. Это называлось: «хочешь палку?»

От ребёнка избавилась надеясь на съёмки на Одесской студии, где и снялась с Юозасом Киселюсом и Юрой Шлыковым в фильме «Жалоба» Тимура Золоева. Да и не представляла себе совместного с Андрюшей ребёнка.

В общем, устроила ему кошмарную жизнь, не желая терпеть и

прощать, кричала по любому поводу: «Всё равно я не буду жить с ним!» – И уходила.

ДНЕВНИК

«Начался новый, 1985 год. Сегодня… 7 или 8? Да-да, сегодня 8, вторник. Сегодня закончила читать «Майю» Разумовской, пьесу, которая при огромных недостатках всколыхнула то, по чему давно неосознанно тоскую. Ставить хочет Жора Васильев. Конечно, на любительских началах. Сразу представился балаган, картонный театр, реальность вне быта, времени и пространства.

Ясно стало то, к чему на самом деле лежит душа – символизм? декадентство? – в любом случае – не реализм, в котором не приживаюсь. Задыхаюсь без любви, без божества, без вдохновенья!

Здравствуй, мой придуманный мир! Мир, из которого так искренне хотела уйти в простоту и ясность, и почти потеряла себя. Теперь ещё немножко, и придёт покой, уверенность. Надо только знать, что я – «не с вами», разве что только внешне, и окончательно утвердиться в своём, где лучшая «Я» без попыток подстроиться, приладиться, в этих попытках сразу слабею, теряю почву, гибну.

Моя комната, моя свеча, моё одиночество и – «каждый день думать о красивом!»

Я должна писать. Это единственный выход. Выход неосознанной тоске, которая накатывает и душит. Спокойно.

13 янв.

Старый Новый год в ВТО. Я выпила, была спокойна, уверенна… «Бешеный успех».

«О, сердце моё, я печальную радость познал…»

Ко мне подходили и говорили одно: – какая необычная, красивая…

Вывод: «Надо быть мобилизованной, красивой, собранной ежедневно Они все имели в виду внешнюю сторону. Профессия вынуждает ежедневно подавать себя. Я искала более существенное – внутреннее, поэтому распустилась, позволила себе быть искренней. Надо собираться перед каждой репетицией. Как?»

Тамара Ивановна Марусю не щадила, она чувствовала и не могла простить того, что Маруся не считает Андрюшу большим актёром.

ДОКТОР:– А это действительно было так?

– Скользкая тема… Андрюшу подняли на такой высокий

пьедестал… особенно после смерти. Многие меня не поймут, многих я могу сильно задеть… Для меня его популярность – до сих пор загадка. Когда с роли Алексея в «Оптимистической» сняли Колю Лаврова и назначили Андрюшу, значило ли это, что Лавров был хуже? Нет, конечно. Андрюша ведь не получил с моей точки зрения, настоящего театрального образования. Он интуитивно до чего-то доходил, часто просто копируя отца, пользуясь внешними приёмами. Для меня очевидно то, что в театре времён Луспекаева, Копеляна, Борисова, Юрского ему просто нечего было бы делать. Стареющий Г. А. нежно к нему относился, прощал то, чего не прощал бывшим верным соратникам… Почему? Тайна…

Вот ярчайший пример. Андрюша захотел сыграть Нерона в пьесе Радзинского. – Пожалуйста! пригласили режиссёра Малыщицкого. Сенеку репетировал Рецептер. Я была свидетелем всего, потому что Андрюше тогда (единственный раз!) удалось поспособствовать тому, что я попала на гимнастическую, без слов роль во втором составе.

Малыщицкий не справлялся, Рецептор задавливал его интеллектом. После двух месяцев мучений вмешался САМ. Малыщицкого убрали, Рецептору при всех было сказано: «Уходите!»

Не могу забыть его лицо в тот момент: нос покраснел, но глаза остались сухими невероятным усилием воли. Владимир Эммануилович ушёл гордо, не напоминая о былых заслугах!

Сенеку сыграл Романцов, которого затем заменил Миша Данилов.

После утреннего прогона я сказала Андрюше: «Ты работаешь внешне! На одну секунду во время монолога про мать, подумай о Т. И.»

Вечером Андрюша играл наполнено. Я спросила: «Ты почувствовал разницу между утром и вечером?»

«Нет», – ответил он.

Потом для меня было большим испытанием играть с ним.

ДОКТОР:– Значит, расстаться вы должны были легко?

– Вы издеваетесь?

ДОКТОР:– Несмотря ни на что, вы опять страдали?

– Да, не скрою, очень. Он ведь был неумелым в отношениях с женщинами, но добрым. По-своему очень заботливым. Маруся очень ценила общность профессиональных интересов, общий дом, в котором ни одного её промаха не пропускала «как бы свекровь», совместные походы за продуктами, утренние пробежки, посиделки с друзьями, его друзьями. За два прожитых года пришло понимание, жалость, нежность, необходимость. Как ни

странно, не взаимно любила Андрюшину маму, чувствовала какую-то глубинную схожесть характеров.

Эти вечные весы между мужчиной и женщиной! Он ведь и не отпускал!

«Когда мне всё безразлично, вы все становитесь шёлковыми. Безразлично – но не совсем, иначе бы ты не была здесь. Ты выпотрошила мне душу.» А.

Что-то очень знакомое… Уже в который раз! Иди сюда – уйди отсюда! Сам не ам, и другим не дам!

Говорит: «У меня нет сил на твоё нытьё». А смотрит глазами, полными страдания.

Так же было и с прежней женой красавицей. Четыре года он возвращался к ней, и гнал её. Гнал, когда она клялась в любви, бежал к ней, когда она успокаивалась и готова была забыть. Результат: – у неё серьёзное заболевание.

1 апр. 1987

После бассейна гуляла по солнечному Невскому.

Вдруг – Володин.

Говорили о «Блондинке», о «Диалогах» в МДТ. О Селезнёвой: «Она докладывает громко, внятно, а я ничего не понимаю!»

«Почему мне плохо в театре?»

«Надо следить за своим лицом!»

«Да! Да!»

Договорила с Володиным, тут – Андрюша, случайная встреча у библиотеки.

«За поездку в Испанию я заплачу, не беспокойся. Ты не чужой мне человек».

10 апр.

Ночью тело занемело. Приснилось страшное. Попадаю между дверьми вагона метро, они чуть прижимают меня, но сползаю, сползаю под колёса в тёмный туннель, и никто не держит меня. Закидываю голову. пытаюсь попросить людей поддержать, – но звука нет… Сползаю под колёса, и никто не держит. Опять мучаюсь Андреем. Знаю, что это – иллюзия. Выдержать!

Утвердили на роль мамы на «Мосфильме». «Шантажист». Сын – Миша Ефремов, партнёры – Ширвиндт, Титова, Куравлёв. Режиссёр, как обычно – не гений.

Андрюша по-прежнему, поддерживает надежду на возобновление отношений, «Подожди немного, мне нужно время!»

Дальше – мексиканское кино: Марусе звонит подруга Марго, сообщает о том, что Андрюша вывел в свет свою новую пассию, с

которой уже полгода встречается в общежитии театра, поскольку она из Львова, приехала по рекомендации, и ни в чём ещё не занята. Всё это время Маруся на что-то надеялась, то ли сама себя уговаривала, то ли кормилась обещаниями. Но тут – всё! с катушек сорвалось, полетели клочки по закоулочкам! Такси, вверх по лестнице, звонок, звонок, звонок… будто и нет никого… Вдруг распахивается дверь, Андрюша летит вниз к такси на съёмку, кричит: «Там никого нет!» Исчезает в ночи.

Маруся спускается вниз, видит свет в окне, поднимается и снова звонит. На этот раз дверь открывает Катя в прозрачном нейлоновом пеньюаре. Что остаётся сказать? «Роди ему ребёнка».

У Маруси с собой было. Как она бродила в эту белую ночь, завывая и успокаивая себя водкой, знает только подруга Лора, к которой Маруся заявилась под утро, потому что надо было привести себя в порядок перед съёмкой на ТВ.

Вот и скажите. Если уж судьба сворачивает всё в один клубок, что тут поделаешь?

За несколько дней до того на телевидении чудный, чистый Вова Фонарёв начал снимать телеспектакль под названием «Снега» по Пильняку. Начало двадцатого века. Осатанев от одиночества в Париже, эмансипированная дама возвращается в Россию, где была любовь… а он женат, и уже спокоен, и душе его незнаком мятеж… Его роль играл Толя Колибянов, несостоявшаяся Марусина любовь…

Последний съёмочный день – героиня в отчаянии подносит бывшему другу бокал: «Пей до дна!».

Марусю невозможно загримировать: слёзы льются потоком.

Как сняли, всё-таки? Марусе и играть-то ничего не надо было, отчаяние было совершенно подлинным Потом много чего говорили: что у Маруси злое лицо, что Маруся там всех переиграла, что Марусю в кино надо снимать… Главный по телефильмам Латышев решил, что это надрывное декадентское произведение не имеет права на жизнь и велел смыть плёнку… Бог ему судья.

В тот же вечер Маруся должна была вылететь на съёмки в Минск. Нежный человек Фонарёв проводил её и посадил в самолёт. Прилетев поздно вечером по чьей то рекомендации Маруся оказалась в доме очень известной тогда актрисы Суховей. Они с мужем проявили удивительную заботу по отношению к страдалице, успокаивали её всю ночь. Несмотря ни на что, Маруся неожиданно очень хорошо сыграла в фильме «Хотите – любите, хотите – нет». Это был первый фильм Булдакова. Спустя много лет случайно Маруся увидела свой эпизод и очень удивилась: сыграно было нервно, искренне, следов пьянства и

бессонных ночей не было видно. Видимо, опять, у организма в стрессовой ситуации не было сил на ненужные переживания. Подсознание сказало рацио: «Отвали, без тебя разберёмся!»

ДНЕВНИК

30 июня

Г. А вызвал Катю, чтобы сказать, что она может возвращаться на Украину, поскольку театр в ней не нуждается. Катя ответила, что останется, потому что выходит замуж.

1 июля

Андрюша в очень возбуждённом состоянии позвонил Марусиной подруге: – «Меня вынудят сделать то, чего я не собирался делать!»

«Киноповесть с одним антрактом» – бывшая «Блондинка» (После отъезда Селезнёвой, Марусю ввели на её роль.)

Узнала от подруг «всё в подробностях» Последний разговор…

«Почему ты так хорошо играла? Что-нибудь случилось?» – спросила Ольхина. Вечер с Володиным. Напилась. Ночной звонок Варвары. (*Она никогда Андрюшу не любила*) Злость. Желание интриговать, расстроить его планы!

Таня Тарасова перед «Кафедрой»: «Не жалко тебя! Надо было раньше понять, с кем имеешь дело! Давно надо было уносить ноги!»

Макарова и Шварц успокаивают, но все твердят одно: «Уходи из театра!» (*Не понимаю, никогда не пойму, почему так связывают личную и профессиональную жизнь! Кого-нибудь теперь интересуют личные качества Микельанджело, или Нежинского и т. д.?)*

9 июля

Не хочу больше себя губить. Бродская: «Никому не лучше, особенно тем, кто вдвоём. Достоинство – главное. Дружба важнее любви. Надо сохранить лучшее, что связывало, он всегда поможет, он добрый»… Огромный положительный заряд. Как я поддаюсь влияниям!

Ну и о Тамаре Ивановне.

Девчонка с Охты, хулиганка, не так красивая, как неотразимо манкая. Один её озорной и необъяснимо сексуальный взгляд в фильме «Небесный тихоход» стоит всех крашеных блондинок – звёзд этого фильма.

Она сама любила рассказывать, как ещё до войны в санатории на юге, когда неожиданно хлынул дождь, присела на корточки и задрала на голову юбку, чтобы укрыться от него

Когда-то, при Вивьене, была звездой Александринки. В её

комнате висел её большой фотопортрет в спектакле «Заговор Фиески в Генуе». Точёный профиль, царственная осанка. Любила говорить, что прежде Андрюшу представляли, как её сына, а теперь её представляют, как Андрюшину маму.

Оставшись без ролей, всецело посвятила себя карьере сына. Актриса старой школы, она прекрасно разбиралась в хитросплетениях внутритеатральных отношений, поддерживала необходимые связи, видимо, была влиятельна. Считалось, что ни одна претендентка на Андрюшу не будет ею одобрена, царство своё никому она не уступит.

Маруся ещё не успела появиться в доме, как мнение матери было сформировано подругами. Мало того, что Маруся была высокомерной выскочкой, но к тому же ещё, не оценивала по достоинству сына. Мать была бдительна: «Ты его обнимала, но смотрела в стену, ты не любишь его!»

Привычный в Александринке и, соответственно, в доме фривольный тон, вперемежку с изысканным матом Марусю смущали. Т. И. нарочно встав напротив, рассказывала Марусе пикантные истории из жизни Симонова и Толубеева, наслаждалась замешательством Маруси. На лице её было написано: «ханжа!»

Это было ужасное испытание для обеих – попытка совместной жизни. Но Маруся полюбила Тамару Ивановну за уникальный, не поддающийся давлению, подлинный характер, за талант, за царственное чувство собственного достоинства. А уж после того, как увидела её в последней роли, где спина актрисы была выразительнее всего, что было вокруг, влюбилась в неё окончательно! Может, на самом деле, они очень были похожи по сути своей!

Когда Маруся в последний раз собирала свои вещи, железная Тамара Ивановна вдруг расплакалась.

Андрюша, по своему обыкновению, не в первый раз, предложил Марусе продолжить интимную близость и после расставания. Говорили же все, что он очень добрый! Маруся ответила однозначно: «Ты сделал выбор, забудь про это навсегда». – «Но маму будешь навещать?» – «Конечно».

Маму вскоре отселили в отдельную квартиру. Её роль секретаря при сыне взяла на себя другая женщина, театральные связи ослабли и потеряли актуальность, сын иногда заходил и сидел молча. На Т. И. навалилось чудовищное одиночество, к которому она, похоже, не была готова.

Маруся иногда заходила, пили чай, болтали ни о чём.

«Есть только одна женщина, перед которой я виновата», – сказала старая актриса, и, выдержав необходимую паузу,

закончила: «Это ты».

На похоронах Маруся рыдала взахлёб, запивала слёзы водкой и, в конце концов, подошла к микрофону: «Это была последняя королева, после неё всё скучно, мелко, пошло!»

Никто не понял, что она хотела сказать.

Андрюша, несмотря на свою неспособность разобраться с женщинами, был очень достойным, щедрым, имеющим понятие о долге и чести мужчиной. Он вынужден был, нося громкую фамилию, возглавить Питерское отделение союза театральных деятелей в самые страшные годы, когда бандиты претендовали на здание на Невском, а в Москве ВТО сожгли со всеми бесценными архивами, чтобы на их месте появился наипошлейший торговый центр для богачей. Он беззаветно служил театру и лавировал между теми, кто решал ещё и свои личные проблемы. Это стоило ему жизни. Он умирал рано, мучительно, почти в одно время с Олегом Янковским, от того тже заболевания. Его жена настрадалась, и у Маруси нет ни малейшего повода держать на неё обиду.

Вдруг, спустя много лет, с экрана его голос: «… в болезни и радости, пока смерть не разлучит нас…» Господи!!! Такая профессия.

Но у нас всё ещё 1987.

ПРАЗДНИК…

В Германию к знакомому профессору, преподавателю немецкого Маруся поехала на поезде. За окном вытягивались пустые, почти необитаемые равнины. Сто метров границы, и потрясающая метаморфоза: к самым железнодорожным путям подходят косули, вдали виднеются чистые озёра с лебедями. В купе – пожилая профессорская пара из Варшавы. Маруся с гордостью протягивает им книжку Нуйкина: «Смотрите, что у нас теперь печатают!» Поляк, подумав, произносит: «Добже! Но пуздно!»

Май в Германии восхитителен. Не унылый питерский дождь, падающий на грязные мостовые, а мелкий, насыщающий влагой ещё прозрачные, зелёно-дымчатые парки Веймара, осыпанные яркими цветами сливы и яблони. Здесь жил Гёте, рядом – Шиллер, в этом доме останавливался Шопен, а этот дом помнит Кранаха… И никакая индустрия не изуродовала места, где будто бродят ещё их тени.

В Берлине Марусю всё зазывали в мороженицы-кондитерские, но она упрямо хотела только настоящих немецких сосисок. Однажды забрели в квартал, не популярный у туристов. По какому-то наитию Маруся открыла дверь без вывески и оказалась в маленьком кафе, где собирались только местные из ближних домов. Вот это и была Германия! Две седенькие, ухоженные дамы танцевали посреди зала под аккомпанемент аккордеона. Лили Марлен! Сосиски с картофелем, изумительное пиво и интереснейшая беседа (переводил друг-профессор) с бывшим боцманом, гордо носящим настоящие морские, переходящие в бороду усы.

Только одно в Берлине было странно: вид с балкона на разделительную стену, за которую так и тянуло заглянуть, и станция надземного метро, с которой на запад поезда не ходили.

В 87 году знаменитая труппа поехала на гастроли в Испанию. Не попавшая в списки пожилая примадонна сказала Марусе: «Подумаешь! Мы и сами можем туда поехать!» – и уговорила купить туристическую путёвку от всероссийского театрального общества. Путёвку в порядке компенсации за моральный ущерб оплатил несостоявшийся муж, Ольхина в последний момент решила, что в Испании для неё слишком жарко и отказалась от поездки, а Маруся полетела…

Сорок лишённых надзора со стороны теряющих хватку органов артистов из столиц и провинции под руководством

Александра Лазарева, общество умницы-красавицы талантища художницы Ольги Саваренской – десять незабываемых дней! Отель в центре Мадрида. Очередь с паспортами на рецепцию. Оля берёт Марусю за руку и отводит в сторону: «Подожди». Последними подошли к стойке: «Извините, двухместные номера закончились, остались только одноместные!» Утром, выходя из номера, Маруся лицом к лицу сталкивается с известной питерской актрисой. «Ты с кем в номере?» – «Одна». Лучезарная улыбка мгновенно превращается в кислую мину. О, актрисы, настоящие актрисы, вы как дети, как бы ни старались, ничего не можете скрыть, все ваши чувства написаны на ваших, привыкших к лицедейству лицах! «Учти, нам этого не простят!» – сказала Оля. Мадрид, Прадо, Гойя, прелестная сопровождающая, у которой, похоже, были только две темы: стиль Мудэхас и изгнание Изабеллой Католической евреев, после чего в экономике и культуре неизбежно обозначался упадок. Какая разница! Всё включено. Одна забота: донести тело до автобуса, а дальше – кирпичного цвета почва с зеленью олив, режущая глаза синева, всё мимо, мимо… Эскуриал, Андалусия, Толедо, как свадебный пирог, торжественно преподнесённый подарок, Кордова – фантастическим образом выросший из мавританской мечети католический собор, Альгамбра, Севилья, римские виадуки, Гвадалквивир… И ассоциации. Всё что-то напоминает, всё на что-то похоже, на любимые полотна, на детские фантазии, рождённые этими магическими названиями, на сны.. Ну, и Лорка, конечно же, вот он, тут.

И всё это в фантастической компании. Среди всех – Сошальский. Легенда. Говорят, когда в Ленинградском ТЮЗе он играл Ромео, женская половина города сходила с ума. Оля назвала этого немолодого уже человека: «маленький». Потому что невообразимо трогательный. В автобусе: «Смотри, смотри на маленького! О, какой спектакль!» Володя Баринов стоит над Сошальским, что-то рассказывает, тот только слушает, но как меняется его лицо! какая палитра всех человеческих чувств, сменяющих друг друга мгновенно и совершенно неосознанно! Утром Сошальский выпивал свою «маленькую» и бесстрашно поднимался на сорокоградусной жаре по ступеням высоченных средневековых башен. За Марусей ухаживал трогательно: молча, с необыкновенно выразительным взглядом предлагал стакан бесплатной воды.

Когда вечером на берегу Средиземного моря мастера развлекали друг друга театральными байками под коньячок, Сошальский долго слушал, и, наконец, изрёк с видом ослика Иа-Иа: «У меня тоже есть история, но она не смешная. Был у меня

как-то безумный роман с одной очень известной актрисой. Имя её я вам не назову. Но когда всё зашло слишком далеко, её свекровь послала сыну, Славке Тихонову, телеграмму: "Срочно приезжай, Нонка безумствует с Сошальским!" Тогда нас развели. Прошло много лет, у меня уже было несколько жён, но на тот момент я был холостой, когда случайно столкнулся с Нонкой в Останкино. Я и говорю: "Нонка, у меня в холодильнике баранья нога, давай поженимся!" Она приехала, спрашивает: "А кто у нас будет понятым?" – "Да Женька Евстигнеев", – говорю. Женька приехал, а я его прошу: "Слушай, меня в этом ЗАГСе слишком хорошо знают, давай, ты пойдёшь с Нонкой вперёд, а я уж потом подойду". Ну, поженились, баранью ногу съели, водку выпили… и развелись». (Маруся пересказала историю, как запомнила, но от смеха умирали все, кроме Сошальского, сохранявшего трагическое выражение лица).

Тогда, на Средиземном море, разгорячённая Маруся решила искупаться, но, поскольку купальника не было, разделась за невысокой дюной донага, нырнула, а когда вынырнула, увидела недалеко от себя лодку с испанскими полицейскими, держащими в руках фонарь. «Боже мой, при мне же нет паспорта!» – ужаснулась Маруся и не выныривала больше до самого берега.

В Мадриде Маруся всё ещё пыталась схватить ускользающую тень чужого праздника. Она уговорила Вадю Ермолаева попробовать разыскать хэмингуэевский «Хихон», а когда увидела обычное кафе, войти в которое не позволяли средства, села на скамейку, и стала воображать себя частью проходящей мимо толпы людей, для которых нет недоступного хотя бы в такой малости. Вадя поставил диагноз: «Такие, как ты спиваются или сходят с ума». Но Маруся упрямо пыталась хоть на мгновение освободиться от своей советской сути, независимо прогуливалась по улицам, и, конечно, её опять попытались снять.

По дороге в Севилью сопровождающая пугала: «Учтите, Севилья – сковородка Испании». Оля, не переносившая жары, заранее покрывалась испариной. Прибыли утром, но, когда вышли на улицы сковородки, вдруг обнаружилось, что небо заволокло облаками, и температура не поднялась выше 26. Это так поразило Олю, что она воскликнула: «… твою мать! Всего за шестьсот пятьдесят рублей, и в Севилье такой мороз!» (Как выяснилось потом, это была последняя поездка по советским ценам.) Как Оля и предполагала, одноместные номера в Мадриде коллеги по цеху им не простили, оттеснили в конец очереди, в результате, номер оказался на последнем этаже. Его пришлось долго искать, но, проходя по коридору с комнатами для обслуги, Маруся увидела дверь, над которой была надпись: piscine. Номер

оказался просторным, единственным на верхнем этаже. После экскурсии и обеда, действительно, стало жарко, всех разморило. Но Маруся открыла заветную дверь, ведущую к бассейну на крыше. Тотчас же задремавшие, было, питерские друзья-товарищи были разбужены, и вчетвером, захватив с собой двухлитровую бутылку «Сервеции», компания блаженствовала в прохладной воде на крыше отеля до вечера, который был посвящён фламенко.

Вечером на маленькую сцену выходили невзрачные мужички: коротконогие, с непропорционально большими головами, мужички, созданные для плуга. Они начинали стучать высокими каблуками, и начиналось чудо, яростный джаз, доводящий публику до исступления. Сеньоры в своих ярких юбках не отставали, и накаляли атмосферу до предела. Вышли в жаркую севильскую полнолунную ночь. Поскольку бассейн закрывали в 9 вечера, просто собрались вчетвером в Олином с Марусей номере, поставили на стол бутылку водки, посидели некоторое время… Маруся сказала: «Не понимаю, эта дверь входная, эта – в ванную, а эта – куда?» Открыли таинственную дверь и обнаружили выход на крышу. Через невысокую стенку перелезть – и бассейн. Высоченный лось Ермолаев с диким рёвом: «Не могу!» первым перелез через стенку… Жаркая ночь, полная луна освещает древние колокольни, а ты лежишь в тёплой воде, глядя на звёздное небо Севильи…

На обратном пути в автобусе Олечка пыталась упорядочить впечатления, чтобы отчитаться перед мужем. литератором и острословом, но, поскольку в голове всё перемешалось, всё время спрашивала Марусю: «Кордова, это что? – а, да, храм, а Толедо? А Севилья? А, да, знаю!» – и крупно написала в дневнике одно слово: «П…..ц!»

Было у Маруси и ещё одно незабываемое впечатление: в маленьком городке, в который впервые привезли туристов, группа погуляла по совершенно африканским улочкам с выбеленными сплошными стенами, за которыми во внутренних двориках проходила скрытая от посторонних глаз жизнь обитателей, и направилась к автобусу. Маруся, конечно, пошла в другую сторону и оказалась на крохотной площадке перед пустым в это время храмом на горе. Вниз по склону тянулись заросли огромных папоротников, жаркий ветер Африки обдавал лицо, пустой храм создавал ощущение присутствия Высшего. Маруся замерла, чувствуя, что это – очень важный момент приближения к чему-то самому главному в жизни. Но пришлось догонять группу, и, как обычно, в суете суть ускользнула.

Вернувшись в Россию в аэропорту все узнали о смерти Миронова и Папанова.

Сезон 1987-88

Вызвал Товстоногов. Сказал: – «У нас раз в пять лет актёры проходят аттестацию. Худсовет настроен против вас, вы не пройдёте.»

«Я недостаточно профессиональна для вашего театра?»

«Нет, вы – профессиональны».

«Тогда в чём дело?»

«Считайте, что вам не повезло! Предлагаю вам добровольно перейти на контракт, и обещаю, что в течение года вам будет предоставлена возможность защитить себя в роли.»

Маруся согласилась, естественно. Современную пьесу репетировал режиссёр из Перми, Г. А. закрыл уже готовый проект. Карьера Маруси зависла в воздухе.

ДНЕВНИК

«Стала стареть осязаемо, зримо, реально. Вижу это каждый день в отражении в метро. Опускаются губы, резко обозначаются «трагические складки». Нельзя сказать, что ничего не было в моей жизни, но… всё это было, а что заполнит сегодняшний день? Сегодня каждую секунду сосущая пустота. Тоска увядающего без толку сердца и тела.

Глушу себя работой на курсе. Но работа только усиливает тоску, потому что единственно интересная тема – страсть. Страсть, о которой я рассказываю молодым, сама себя завожу и знаю, что – неутолимо!!»

ДОКТОР:– Курс?

– Да, после катастрофы с Учителем, Михаил Григорьевич остался один и позвал меня преподавать.

!989

Утвердили на главную роль в фильме «Бархан» на Узбекской студии. Снимали в мае-июне в Кара-Кумах, бегали по пескам, на смерть ругались с партнёром Рыжаковым, который уже несколько лет был «в завязке», что напрочь испортило его характер (а может, и был говно?) и который почему-то решил, что за любовь зрителя надо бороться с партнёром, стараясь его «переиграть».

А в это время умер Мэтр.

Маруся вернулась в совершенно неопределённую ситуацию. Театр возглавил К. Ю. Лавров, он же и назначил в начале сезона худсовет, которому Маруся показала «Лику». Её снова взяли в труппу театра (второй раз!), Е. А. Лебедев, встретив в коридоре, сказал: «Вот мы всё ищем артистку, а она у нас, оказывается, есть!» Призван-Соколова в гардеробе, пока никто не слышал, сказала, что это было – гениально! Забрезжила надежда выпустить монолог на Малой сцене.

ЖЕНЩИНЫ МОЕЙ МЕЧТЫ

Заметки драматурга.
Журнал Театральная жизнь июнь 1992

«А вот и последнее воспоминание наиболее близкое по времени и оттого наиболее радостное, хотя и ему предшествовали известные огорчения. Ленинград, доживающий свои последние под старым – или новым, как точнее? – именем. Январь 1991 года. Большой Драматический Театр. Малая сцена. Премьера моноспектакля по моей пьесе «Божественная Лика» В роли Лики Мизиновой – Марина Старых.

Жанр монодрамы многотруден, это я знаю по собственному опыту, и очень может быть, что я не захочу или не смогу дважды войти в эту «реку» – по крайней мере, пока робею. Ведь здесь драматург совершенно беззащитен, ему невозможно укрыться за сюжетом, внешним конфликтом, диалогом, наконец. Между тем он должен, не отступая от всех непререкаемых законов своего ремесла, но ограничив себя аскетическими рамками монолога, выразить в нём и своего героя – его мысли и чувства, – и самого себя. Задачка, доложу я вам!

Но ещё труднее жанр моноспектакля, не всякий актёр решится на такое, а главное – не всякий такое «потянет». За примерами ходить недалеко: та же «Лика» была написана мной не для Марины, а совсем для другой, и вот та, другая не выдержала сложности «материала», он оказался ей не по силам, и она благоразумно отступила.

А Марина нет. Марина – устояла. Причём в самых неблагоприятных условиях. Но давайте по порядку.

Весьма возможно, что Марина Старых, с которой я и познакомился близко именно благодаря «Лике», пришла к моей пьесе «не от хорошей жизни». Выпускница студии при Ленинградском ТЮЗе, она после её окончания работала в театре З. Я. Корогодского, где её амплуа несомненно драматической героини, как вы сами понимаете, было не слишком в чести. Тогда-то и пришла к ней мысль попробовать себя в самостоятельной работе и, с помощью режиссёра Кирилла Филинова (так же ученика Корогодского и и бывшего актёра того же ТЮЗа) осуществить постановку бесхозной к тому времени «Лики». Спектакль был срепетирован, показан главному режиссёру на маленькой сцене «театра на пятом этаже» и… «лёг на полку»(что для спектакля конечно же гораздо страшнее, чем для фильма). Не знаю, что именно не устраивало сурового Учителя в работе

Ученицы, в работе, которая привлекала меня своей законченностью и отточенностью. Не знаю… Быть может, всё то же пагубное равнодушие к судьбам драматических героинь своего театра? Не знаю! Но Марина – человек упрямый. И особенно в вопросах дела, творчества. Она не сдалась, она продолжала бороться за свою и за мою, за нашу с ней «Лику». К числу её побед я отнёс бы и телевизионный вариант спектакля, снятый в Нижнем, и успех актрисы на традиционных чеховских фестивалях в Таганроге и Липецке, и то, что спектакль, несмотря ни на что, продолжал жить на разных сценических площадках города.

Как жаль, что только после смерти Товстоногова в осиротевшем его театре, Марине удалось всё же довести до желанного конца свою борьбу, длившуюся, по моим скромным подсчётам, лет десять, если не больше. Если бы у меня спросили, как и что играет Марина Старых в своём моноспектакле, я бы ответил – играет она верно и самозабвенно, хотя, быстротекущее время редко идёт на пользу живому искусству драматического театра. Относительно же того, «что» она играет, – она играет… любовь. Одним из главных достоинств Актрисы и есть, по моему мнению, это умение «играть любовь» (на сцене, разумеется). Марине это удаётся в высшей степени. Положим, и пьеса даёт для этого основания, вся она – о любви, вся пронизана женской любовью, но ведь в силах исполнительницы всё это испортить, опошлить, потопить в бессмысленных слезах и пустых вздохах, лишить объёма, сделать неинтереснм и попросту скучным. Марина счастливо избежала всего этого. Она сумела точно проследить (перефразируя Станиславского) и жизнь человеческого чувства: от зарождения его – через все разочарования и падения, новые взлёты и новые надежды – к смерти, и вместе с тем бессмертию этого чувства, и трагического и прекрасного соей неосуществлённостью, неизрасходованностью.

И вот в чём принципиальная удача спектакля – в незримом присутствии Чехова (что и входило в первоначальный мой замысел), его жизненной драмы. Недаром последний монолог Лики – она произносит его в день похорон Чехова в Москве – Марина завершает (вопреки авторской воле – на что я нисколько на неё не в обиде) такими словами: «Все эти люди – они хоронили известного писателя, которому уже не грозила смерть. Я прощалась с человеком, которого уже не будет, с тем, кого я любила, и кто был до смешного несчастен весь свой век… Мне сказали, что незадолго до смерти он задумал пьесу о том, что волновало его всю жизнь – великая любовь, торжествующая над смертью. Никогда бы не подумала, что его это волновало, а пьесы он так и не написал. Всю свою жизнь я испытывала к нему именно

такое чувство, а любовь осталась несбывшейся. Теперь мы в равном положении, он – как писатель, я – как женщина. Это впервые…»

Ещё одна «цитата»:*«Саша! Спасибо! Всю жизнь буду жить с твоей Ликой. 8,1,91»*

Что же, Марина Старых, и я благодарю тебя за твою неженскую и вместе с тем такую женскую стойкость.

Эпилог

Что же такое АКТРИСА? Как складывается её судьба на театре? От чего судьба эта зависит? Какие потери и какие обретения ждут Актрису на её тернистом пути от дебюта к вершине? И чем приходится за всё это платить?

Пришло время рассказать о Саше. Сын Однокурсника Корогодского Оскара Ремеза и В. Сипухиной, он считался вундеркиндом, он написал много пьес и в 28 лет стал самым юным членом Писателей, (поправляюсь – самым юным членом Писательского Союза). Его женила на себе однокурсница Лены Поповой, понимая, что в Питере ей не светит ничего, а тут-квартира в Москве у Зоопарка, возможности… Родила… Не буду говорить о нынешней соратнице Додина. Наверное, она настрадалась, наверное, Маруся виновата перед ней, в том, что потакала Сашиной слабости, но им вдвоём было весело! Их разговор, подогретый алкоголем, был так содержателен!

Доктор сейчас скажет, что это обычный симптом.

Да, наверное, но у обоих было ощущение возможности вырваться из обыденности, тяготившей обоих, достать до звёзд, прикоснуться к вечному…

Саша писал Марусе письма, присылал открытки, хотел быть на связи… Но… Ему совсем нельзя было пить, есть такие люди, которым совсем нельзя… После «Лики» на малой сцене Маруся смогла представить зрителям автора – лохматого, неухоженного, дурно пахнущего…

Прощай, Саша, ты сделал трагическим конец твоей матери, но был ли т в этом виноват? Может, ранний дар пришёлся не по силам и не ко времени? Я любила тебя.

!989-90

Работы особенно не было.

С Варей сделали очень серьёзный монолог Комиссаржевской, составленный из её писем, слишком, слишком серьёзный, Саша Урес после единственного показа в театральном музее сказал, что

в работе «мало юмора». Собственно, какой юмор надо было искать в жизни самой трагической актрисы, это уже к Уресу вопрос. Он понял: публику на это не собрать. Эти тексты со мной всю жизнь, и, наверное, главное – это.

Снова позвали в Одессу. На деньги украинской косметической фабрики снимали фильм «Собачьи ворота». Марусю утвердили.

Сценарист был тот, который тесно сотрудничал с Муратовой, наверное, под неё и писал. «Собачьи ворота» – это должен был быть «Наш ответ Чемберлену», как мне кажется. Триллер с волком-оборотнем, перенесённый на нашу почву, приобретший так же, как и наш рок, глубокий, социальный, он же психологический смысл.

Не просто так человек стал волком, а обстоятельства и предательства его на это толкнули!

Могло бы и произойти… Балуев снимался…

Прекрасная сцена была у Маруси: два мужика в форме выпивают, дерутся, фуражка с одного слетает, оказывается – баба, драка переходит в секс-насилие… Это для Муратовой, для Тарантино, для … но не для того режиссёра, который взялся.

Увидев якобы «сексуальную» сцену на экране, Маруся сказала, что смысла в этом нет, нет заложенной в сценарии жестокости, радости насилия. (уж кто-кто, а в этом, как вам, доктор, известно, Маруся знала толк!) Пусть будет хотя бы секс. Сцену пересняли, О, это был уже голливудский уровень! Маруся впервые обнажилась перед камерой, на самолёт еле успела, не стерев с себя нарисованную кровь…

Фильм на экраны не вышел, может, косметическая фабрика просто отмыла свои деньги, такое было время…

Но – не искусством единым… Марусю к стенке припёрли обстоятельства: – жить было негде, брат привёл в дом жену. Как прижатый стене заяц, Маруся стала с испугу бить лапками, и неожиданно добилась от властей разрешения на получение комнаты в коммунальной квартире. Вот тут и подключился всехний депутат Стржельчик. Как уж он прознал, может, всё-таки, через профком, но однажды, увидев Марусю в буфете, он забаритонировал на весь театр: «Какой у тебя район, что за мудак там сидит? Щас позвоню ему!»

Как ему нравилось то, что он всесилен! И был всесилен! И Марусю вызвали, и дали ордер на комнату, и дальше судьба так распорядилась, что вместо комнаты в Кировском районе с двумя многодетными семьями, на которую Маруся была бы обречена пожизненно, ей предоставили комнату на улице Черняховского. 14 метров, соседка одна – алкоголичка Люся.

На Лиговку переезжать было страшно. Самый центр города – две остановки до Невского, позади – пути Московского вокзала, депо, бомжи, и дореволюционная слава района красных фонарей. Удивительно живучи были традиции Лиговки. Маруся завела собаку, стала с ней гулять и, соответственно, завела знакомства среди собачников. Сосед сверху, добрый алкаш, обременённый семьёй, крановщица Таня из дома Перцева, Оля, бывший водитель троллейбуса, а ныне работник аптеки, – все они будто вчера приехали из глухой деревни, законсервировали свой ограниченный тремя улицами между ближайшими распивочными быт, и не хотели знать о том, что живут в культурной столице, что рядом есть Эрмитаж и, в конце концов, библиотека. Но они были простодушны и искренни, безумно любили своих собак, были очень внимательны и добры к Марусе, она с удовольствием вступила в их сообщество, жаловалась на суровую жизнь в конкурентной борьбе и находила понимание.

Затянула бы Лиговка, погубила бы… Но тут Невидимый Друг нашёл для Маруси дело. На экзамен к Шмойлову пришёл В. В. Петров, спросил: «Чьи это два отрывка?» оказалось – Марусины, В. В. позвал её к себе вторым педагогом. Вернее – третьим, потому что вторым был Саша Романцов, коллега по БДТ, ещё более не удовлетворённый своим местом в театр

Талантливый, утончённо-красивый, он был самовлюблён и порочен, как кокаинист и декадент Серебряного века. Ему не надо было играть Юсупова в «Агонии» Панфилова, он был воплощением Юсупова, воплощением вырождающегося аристократизма, неизвестно откуда взявшегося, Маруся ничего не знает про его семью. Однажды они случайно вместе вышли из театра. Саша вдруг сказал: «Мне тут хребет перебили, а ведь обо мне по Голосу Америки говорили!» В тот момент роль, на которую он претендовал, отдали кому-то из Великих Мастеров.

Конфликт с Сашей начался с первого дня, когда два педагога попробовали найти общую платформу.

«Я не позволю тебе, с твоим шаманством (это о нашей школе) портить курс, который Я набрал!»

Курс, конечно, набрал Владимир Викторович. Это был удивительный человек. Старинная петербургская семья, истинная интеллигентность, испытания, выпавшие его поколению. Он был пехотинцем, зимой, в составе лыжного батальона освобождал тот самый Елец.

Изящный, артистичный, он влетал, полутанцуя, в аудиторию. Его губы, на которых всегда оставались крупинки табака от сигарет без фильтра, неизменно, неосознанно были сложены в доброжелательную улыбку. У него было очень много успешных и

благодарных учеников. Он любил их всех, слишком многое, по мнению Маруси прощал, и они радостно творили кто во что горазд!

Три года Маруся считалась преподавателем. Но, в присутствии В. В. сама не открывала рот, а когда творил Романцов, он не давал ей вмешиваться в процесс.

На третьем курсе взяли «Чайку». Работал, в основном Саша. Маруся позволяла себе только изредка подходить и говорить на ухо: «Неужели ты не видишь, что они не общаются?» Нет, была одна неделя, когда Маруся осталась со студентами одна. В это время приехала женщина профессор из Москвы, как бы с инспекцией. Она посмотрела репетицию и сказала безапелляционно: «Это двадцать моноспектаклей на одной сцене!»

Через неделю она работу одобрила: «Ну вот, другое дело!» (Это я хвалюсь, но три года самоограничений и почти ежедневного присутствия в аудитории наверное дают мне на это право)

Однажды ночью Марусю озарило: она поняла, как играть Дорна, который всё молчит, или отшучивается, и вдруг, единственный бросается на помощь Треплеву.

Марина Леонидовна вызвала в коридор студента Нагиева, репетировавшего Дорна. «Понимаешь, это разочарованный романтик!»

«А кто такой романтик?»

«Ну, это человек, который хочет изменить мир к лучшему».

«Зачем? По-моему, человек должен добиться лучшего для себя. Вот вы, например, чего вы добились?»

Маруся задумалась и поняла, что хвалиться нечем: ни карьеры, ни денег, ни семьи, ни детей.

«Ну вот», – продолжил студент, – «а у меня всё будет!»

Увидев погрустневшее лицо педагога, он смилостивился и позволил ей рассказать, как она видит роль Дорна: понимаешь, он всё время хочет встрять, сказать, что неправильно они поступают, и уже встаёт, но в последний момент думает: «Зачем? Всё равно не поймут!» – и снова садится. На этих подавляемых в последний момент порывах можно было бы построить всю роль. И как интересно было бы следить за этой бессловесной борьбой человека с самим собой!

Эту беседу, стоившую Марусе многих сил, прекратил разгневанный Романцов.

На следующий день Дима, поняв, что прошёлся по педагогу дорожным катком, бросил: «А вот мы с Мариной Леонидовной знаем, как играть эту роль!»

Но всё пошло по-накатанным рельсам. Показали этап работы кафедре. Один из членов совета заметил: «У меня такое ощущение, что у всех персонажей один опыт».

«Да», – сказала Маруся, – «и я даже знаю, – чей». Саша, действительно, как бы надевал на студентов свой собственный образ, вместо того, чтобы помогать им открывать самих себя.

В. В. поняв, что назрел неразрешимый конфликт, сказал, что один из двоих должен уйти. Ушла Маруся.

Курс, всё-таки, получился замечательный, благодаря Петрову, почти все стали известными артистами: Цапник, Лифанов, Аптикеева, Хвощнянский… Марусиного вклада в своё профессиональное обучение они не помнят, может, действительно, он был слишком незаметен.

Романцов закончил очень плохо, он попал под следствие, все от него отвернулись, умер от сердечного приступа перед самым судом.

Соседка Люся курила «Беломор», пила портвейн и обожала свою дворняжку Мальчика, которого непрерывно звала пропитым хриплым басом. Перегородки были тонкими, и совместная жизнь оказалась конфликтной. Однажды, правда, Люся пришла к Марусе с драниками и захотела её удочерить. «Семейная» жизнь закончилась тогда, когда к Люсе пришли подружки из дома Перцева. То, на каком матерном языке они общались (а перегородки были тонкими), – ничто в сравнении с тем, что они поминали друг другу про блокаду: кто был чьей подстилкой, кто убивал за хлеб, кто сколько украл, кто кого сдал… И всё это неженскими мерзкими голосами, с состарившейся злобой, с непроходящей ненавистью, заливаемой портвейном…

Когда они, наконец, ушли, из коридора донёсся жалобный стон: Люся не могла встать. Маруся отнесла её, уложила… Люсю непрерывно рвало, Маруся приносила ей воду, уговаривала вызвать доктора, Люся отказывалась, говорила, что отравилась портвейном. На третий день скорая увезла Люсю в больницу, из которой она не вернулась. Скорую вызвала Маруся. В последний раз Люся со страхом и надеждой посмотрела на Марусю белёсыми от алкоголя, светлыми от отражающегося в них неба глазами…

Это трудно простить себе: радость от того, что хоть и никчёмный, но живой человек освободил тебе место для существования, и чувство вины, вины даже за эту невольную радость…

Надо было срочно креститься.

То есть, Маруся предполагала, что бабушка Мария Васильевна не поднесла бы некрещёного младенца к святой иконе, но ведь никаких доказательств тому не было!

Самым популярным среди артистов был один чёрный монах, либерал и всепрощенец. Он и себе многое прощал. Однажды, пригласив Марусю в гости, в квартиру, увешанную иконами в золочёных окладах, потчевал её постным лобио, специально приготовленным кухаркой и анашой. От лобио Маруся отказалась так же, как и от анаши, которую с наслаждением вкусили батюшка и его дьяк.

Но это был единственный знакомый священнослужитель. С ним Маруся и договорилась.

В назначенный день села в троллейбус, читала книжку, проехала остановку, когда вернулась – служба закончилась, не случилось.

Но тут в гости пришёл Путя. Именно в этот момент ему срочно понадобилось ехать в Эстонию в Пюхтицкий монастырь.

Я уже говорила о Путе. Он некоторое время сохранял некий дендизм, гостей принимал в белых перчатках, женился, родил дочь. Но, видимо, и его жена оказалась той самой, очень практичной, брак распался, Путя всё больше пил и в тот момент пытался изменить кривую судьбы, подумывая о монашестве.

«Поехали!» – бросила клич Маруся, и в тот же вечер были куплены билеты на автобус в Эстонию, для посещения которой ещё не нужен был Шенгенский паспорт.

Куда поехали, зачем поехали? Была страстная неделя, на которой не крестят. У Маруси начинались больные дни, которые не позволяют входить в храм. Не было ни денег, ни еды.

Поздно вечером автобус приехал на конечную станцию, от которой до монастыря было ещё 12 км. Ни на что не надеясь, вышли на пустое шоссе. Маруся, воодушевлённая возможным очищением души, стала читать известные её молитвы. Появился пустой «Икарус», который за скромную плату довёз до места.

Дверь странноприимного дома для женщин открыла неприветливая женщина: «А что, в Питере нельзя было креститься? И никто не будет крестить в страстную пятницу!»

Но Марусю пустила, дверь за ней захлопнула, куда исчез Путя, осталось тайной.

В большой комнате, как в казарме, стояло много кроватей для паломниц. Некоторые были с больными детьми, даже почти взрослыми даунами.

Встали рано, все пошли в храм. Службу стоять было тяжело, дождавшись окончания, Маруся получила приглашение в баптистерий для крещения.

Деревянный домик одиноко стоял на вершине холма. Марусю встретила молодая монахиня. Бросив живой взгляд, полный огня, тут же погашенного постоянной тренировкой, шелестящим

голосом молодуха спросила, не больные ли дни у Маруси. «Сейчас проверю», – ответила та и с удивлением обнаружила, что эти естественные процессы в теле прекратились.

Вошёл молодой, с огромными синими глазами батюшка. Задёрнул занавесь, оставил Марусю на краю маленького бассейна. Велел раздеться. Крещение произошло по всем правилам: трижды рука монаха ложилась на голову Маруси, трижды она окуналась в воду с головой. Потом, одетая трижды обошла алтарь, и всё было бы закончено, если бы больная совесть не восстала:

«Исповедоваться хочу!»

Дальше батюшке оставалось только перечислять все возможные грехи, на который новообращённая отвечала утвердительно. Так продолжалось до тех пор, пока монах не спросил:

«Волосы стрижёшь, лицо красишь?»

«А… Как же, батюшка. Я же актриса!»

Вот тут и настала пауза.

«Значит так, возвращаешься домой и сейчас же меняешь профессию! Человеку дана только одна личина!»

«А… Но… Я же всю жизнь на это положила!»

«Ничего. Люди не тем ещё жертвовали для спасения души!» Дальше началось перечисление отрёкшихся от земных благ столпов церкви… «Ну, приходи, дочь моя!»

«Ага!» – сказала Маруся. Мороза она не чувствовала, только удивительно вкусный, мартовский воздух наполнял всё тело, которое стремилось взлететь, как наполненный гелием шарик. Но в доме естество потребовало своего: Марусе выдали варёную в мундире картошечку, и ничего вкуснее той картошечки никогда она не ела.

Потом женщины сели за большой стол зашивать мешки из грубого полотна. А во главе стола сидел «странник», скорее всего, от слова «Странный». Настоящий, как в прежние времена юродивый.

Ему задавали вопросы, он отвечал странно, как и положено.

«Как астму лечить?»

«Сорок галок».

«Как так?»

«Вот так! Отстреливаете галок, варите бульон, и так сорок дней».

Потом неожиданно повернулся к Марусе, которая молча сидела за послушанием.

«А тебе нервы лечить надо!»

Вернулась в Питер будто из восемнадцатого века. Путя, слава

Богу, не пропал, но ни слова не сказал о своих тогдашних приключениях.

Чудо, всё-таки, произошло: Маруся стала неожиданно для себя владелицей двухкомнатной отдельной квартиры в центре, хоть и на Лиговке.

Помогли ли молитвы? Вряд ли.

– Позвольте, Доктор мне сделать ещё одно отступление. Многие ваши коллеги, простите, мало чего понимая в устройстве мозга, надеются лечить душевные болезни там, где ведутся речи о душе, то есть в храме, ну или тупо подсаживают пациентов на лекарства, которых сейчас очень много… В самом деле – психотерапевт! Психо – душа, терапевт – врач. Ну, и как вы лечите эту больную душу? Нет, я не говорю о шарлатанах, делающих «пассы», хотя на каких-то истероидов это может производить впечатление… Чаще всего вы отправляете своих больных в церковь, туда, где покаяние и воздержание, туда, где может случиться откровение, переворачивающее эту самую, вечную душу… Так вот! Я – слишком заблудшая овца!

В то время я очень задружилась со Светой Гайтан, потрясающе талантливой актрисой, которую Богин привёз из Иркутска, поматросил и бросил… хотя она любила его так, что говорила: «в попочку готова целовать»!

Она поступила в МДТ, снялась в культовых фильмах того времени, ютилась с дочкой на пяти квадратных метрах, ходила в церковь и хотела спасти погибающую Марусю.

Сначала Маруся прошла катехизаторские курсы при Церковной Академии. Их вёл молодой, красивый батюшка кандидат искусствоведения Там она, конечно, задавала вопросы, на которые верующие знают ответы и только презрительно усмехаются.

Одновременно с этим, Света привела Марусю в новооткрывшийся храм при Академии Художеств, где этот же батюшка и царил.

Впервые войдя в этот Храм, который просто был очень большим залом с наспех поставленным алтарём и потрясающей акустикой, Маруся, к изумлению своему, столкнулась нос к носу с ТЮЗовским педагогом, убеждённой коммунисткой (в прошлом), правой рукой Учителя, теперь сменившей идеалы на прямо противоположные, и, с прежним рвением служащей другому властителю дум. Она радостно открыла Марусе объятия и стала наставницей. Маруся читала молитвы, приходила к причастию, не пропускала служб, насиловала себя постом, от которого раздувалась и готова была взорваться. Крестный ход был удивительным: со свечами и пением обошли всю Академию по

узким галереям, помнившим всех знаменитых российских художников.

Подвиг был тщетен. На первой же исповеди Маруся театральным шопотом, прозвучавшим эхом под сводами старинного зала, во всём призналась, как выяснилось, публично. Ну, что ж, соответствуя духу Достоевского!

«И с этакой мерзостью вы подходили к причастию!!!»

«Батюшка, мне же Господь мужа не дал!»

«Епитимья! Покаянный канон!»

«… И яко свинья в калу лежу…» – Это надо было читать перед сном. Дня четыре Маруся выдержала а потом решила, что при её депрессивном мироощущении это – слишком. Своей больной совести вполне достаточно.

Что ещё было сказано пастырем, история умалчивает, в анналах осталось следующее:

«Бог больше!!! Это не то, что вы рассказываете», – вопила, заливаясь слезами, Маруся, – «Никогда, никогда больше к вам не приду!»

Несчастной Мурашовой оставалось только молиться за грешницу.

Но, может, всё-таки, Невидимый Друг следил за заблудшей и защищал её! Он на этот раз принял облик совсем не православного целителя Вагифа, друга Ларисы.

Это был последний месяц льгот, предоставленных членам Союза театральных деятелей. Вагиф передал Марусины документы из рук в руки тому, кому было нужно, (а мог бы не делать этого!) и Маруся стала владелицей отдельной двухкомнатной квартиры на улице Черняховского!

Собаку Марусе привела поклонница лесбиянка Рая. Какой-то гей уехал в Германию, а трёхмесячного щенка сенбернара надо было пристроить. Рая уверяла, что они все – ЛГТБ сообщество, – вегетарианцы и будут отдавать на прокорм собаки свои талоны на мясо. Маруся сидела по-турецки, пёс сразу устроился в ногах, контакт был налажен, пути к отступлению не было. Талоны отменили. Не стало ни мяса, ни рыбы.

Но «Женитьба Бальзаминова» поехала в Швейцарию на гастроли. Спасибо тебе, Дима Астрахан! Не бог весть какой, не придуманный, традиционный спектакль оказался на тот момент востребован и спас нас всех от «голодной смерти»!

Двухнедельную поездку в Женеву предваряли гастроли труппы Театра де Каруж. Естественно, на банкете Маруся разговорилась со швейцарскими коллегами, показывала им город, может быть, слишком откровенничала, жаловалась на трудности, потому что время, действительно, было очень тяжёлое. Когда

карточки отменили приходилось занимать две очереди на пять часов: за какой-нибудь рыбой, и за молоком. За костями павших телят Маруся ездила на окраину, выстаивала очередь на морозе, набирала побольше и тащила груз через весь город, чтобы сварить тушёнку и вырастить «мальчика». Факт тот, что в первый же вечер в Женеве Марусе позвонили, и скучать в Швейцарии ей не пришлось. Поездки на машине в окрестностях, ужины в маленьких ресторанчиках (пока именитые коллеги давились привезёнными консервами), фантастическая авантюра: переезд на машине через границу во Францию, в Шамони. А там – обед в ресторане в горах, раклетт, потрясающие виды из окон, а за окнами – парапланеристы, плавно спускающиеся с вершин. Горы Марусю потрясли. Привыкший к плоскости Петрограда взгляд, каждый раз натыкаясь на непредусмотренное «нечто» на горизонте, вызывал изумление и восторг.

А в Берне жил несостоявшийся муж-писатель, Юра Гальперин. Приехал, забрал, показал Берн. Такой сказочный, такой единый в цвете и тумане, такой город мечты, в котором нас не будет никогда больше. И ужин в Лозанне на берегу Лак-Леман, и Монпелье… Из Берна Маруся ехала на поезде, в котором голова кружилась от скорости, от мгновенной сменяемости темноты тоннелей, молока низких облаков, внезапно распахивающихся лугов с неизменными коровами и горных склонов, заросших виноградниками. Перестройка! Ау, братцы из райкомов-обкомов-комитетов! Знали бы вы, как по всей Швейцарии гуляла Маруся, правда, всегда успевая к началу спектакля! Маруся гуляла и, как всегда, делала глупости. Однажды на банкете она увидела, как худрук беседует с женой руководителя театра Каруж. Маруся очень хотела быть хоть тут то полезной, подошла и предложила свои услуги переводчика. Несколько фраз, и Маруся заявила, что перевод пьесы Островского «За чем пойдёшь, то и найдёшь», который звучит подстрочником в зрительских наушниках – бездарен и не имеет никакого отношения к оригиналу. Глаза Кирилла Юрьевича Лаврова вылезли из орбит. Маруся не подозревала что, мало того, что экстравагантная швейцарка была автором перевода, но, что именно её вполне земной увлечённостью худруком БДТ труппа была обязана этими гастролями.

Ярость Лаврова Маруся вызвала ещё раз, когда случайно оказалась участницей концерта в консульстве, и за ужином немножко поспорила.

Лавров сказал консулу, что России сколько денег не дашь – всё проедят.

Маруся заявила, что знает сферы, в которые надо

инвестировать, чтобы они развивались. Оля Волкова ударила Марусю ногой под столом. На совместной фотографии консул держал Марусю за руку, а в довершение её бед, Гальперин, забрав Марусю, разогнал свой БМВ на автобане до двухсот километров, намного опередив заядлого автомобилиста Лаврова. С карьерой было покончено, но в эйфории праздника Маруся этого ещё не понимала.

Пожилой артист на своёй таратайке опять повёз Марусю к тому месту, где Рона впадает в Женевское озеро. Там, в горах у Жан-Клода было старинное шале, построенное дедами из огромных дубовых стволов. Декабрь, затишье в природе, Моцарт, звучащий в доме, Маруся на открытой веранде, далеко внизу – тонкая серебряная змейка Роны, а напротив – склоны в снегу, на которых резко выделяются огромные ели. И опять – ощущение полного, законченного счастья, дыхание Бога рядом.

Возвращалась на поезде теперь уже по нижней дороге, вдоль озера, мимо Шийонского замка. Как будто специально для Маруси освещённого огромным диском заходящего солнца.

А дальше – почти сразу, Южная Корея.

Там Марусю совершенно случайно познакомили с бизнесменом, ищущим дружбы с Россией. Маруся не была его целью, скорее, средством задружиться с руководством театра. Но он сопровождал Марусю, показал ей гордость Сеула – золотую башню с огромным кинотеатром, аквариумом, каких ещё нигде не было и смотровой площадкой на тридцатом этаже. Умный и тонкий человек, он пригласил всю женскую часть труппы в косметический салон с сауной (Чтобы тебе не завидовали), и одарил всех подарками. Хон Джон приезжал потом в Питер много раз со своими друзьями-бизнесменами, тщетно пытаясь наладить совместный бизнес, в те самые девяностые и очень поддержал Марусю. Правда, в театре всё равно все говорили о примитивном романе. А худрук Лавров называл её с тех пор только «мадам».

Ну что ж, теперь, собрав всё воедино, Маруся понимает, что Праздник в её жизни был. Такой Праздник, который не всякому выпадет на долю. Но Праздник не может длиться. Понимает она и то, что после праздника бывает похмелье. За всё нужно платить. Траурный набат уже прозвучал над её карьерой. Но она его по беспечности своей не услышала. И когда, подыгрывая Андрюше Павловцу на показе в театр Ленсовета, услышала от Владимирова: «А вы не хотите к нам?» – ответила: «У меня и так всё хорошо!», – полагая, что будут ещё и гастроли и роли. Это был незамеченный знак судьбы, а ведь какая красивая случилась бы рокировочка с Алисой Бруновной!

МАКС

Перед самой поездкой в Швейцарию Максима Максимова привёл в дом Маруси переводчик Топоров.

Все трое были «под градусом», Маруся танцевала под Джанис Джоплин и произвела на Макса то самое впечатление, которое требует продолжения отношений, несмотря на разницу в одиннадцать лет.

Макс, наверное, был гений журналистики. Фантастически эрудированный, он создал в рамках отдела культуры в популярной тогда «Смене» совершенно не газетный по уровню культурный мир. Он первый и единственный познакомил питерского читателя с Горенштейном, он в каждом номере публиковал стихи не очень признанных официально поэтов, он был чист душой, верил в победу разума над чернью, донкихотствовал и иногда приходил с разбитым носом, буквально.

Но… два в одном – это бывает только во флаконах с шампунем.

Когда дошло до интимной близости, Маруся почувствовала себя героиней «Кентавра» Апдайка.

Макс был закомплексован и неопытен сексуально, нездоровая кожа была причиной его страданий и нерешительности. Видимо, может быть, кто теперь знает? Как старорежимный юнкер искал общества опытной профессионалки, исполняющей одновременно роль матери, он и потянулся к внешне уверенной и развязной Марусе. И ошибся. Играя чужую роль в жизни, Маруся оставалась ребёнком, нуждающимся в защите. Почему они сразу не поняли, что не пара? Что держало их друг возле друга целых два года?

ДОКТОР:– И что же?

– Не знаю до сих пор. Маруся, видимо не могла строить нормальные, без излишней требовательности отношения. Как обычно было для неё, они часто ругались, расходились, вновь сходились… Макс, видимо, надеялся на полноценную мужскую жизнь, и всё просил Марусю подождать… Хотя, такой завидный жених мог найти себе более молодую и достойную партнёршу. Она же спасалась от одиночества, да и что говорить? – жизнь с Максом была очень интересной: и сам он, как собеседник, и его знакомства, и постоянные выходы в «свет», где официоз перемешивался с андеграундом.

Однажды после посиделок в Доме Литератора, который вскоре после этого сгорел, в квартиру Маруси ввалились втроём с

Геной Григорьевым. Поэт и алкоголик, он был притчей во языцех, скандалил и писал скандальные стихи, был кроток и нежен, и всю ночь рассказывал о недавно приобретённой козочке, а глаза были детские, полные слёз…

Как-то от канадского телевидения приехал режиссёр Мирзоев с оператором. Марусю долго и подробно расспрашивали о том, не страшно ли ей жить в России начала девяностых, честная до идиотизма, она говорила на камеру, что очень страшно, потому что много бандитов и мало еды. Заплатить за интервью её не сподобились, дескать, и так пусть будет горда вниманием. Через несколько дней будущего мэтра московской театральной тусовки пригласили в дом Либабова-Ивановой. И тут уже Макс возмущался, что гости пришли с пустыми руками, что называется, попользовались и ушли, не сказав: – До свидания.

А время, действительно, было трудное. Если бы не театр, что стало бы с Марусей?

ДОКТОР:– Вы задаёте слишком много риторических вопросов.

– Потому что это вопросы, на которые и вы с вашим опытом ответить не сможете.

После «Бальзаминова» новых ролей не было. Но это было очень кстати. Потому что надо было растить мальчика. На Лиговке в бывшем магазине «Океан» стояла очередь на пять часов за мороженым хеком, через дорогу – такая же очередь за кефиром. Обе надо было отстоять одновременно, постоянно перебегая через дорогу. К счастью, ещё не совсем развалился кинологический отдел ДОСААФ, и для породистых щенков продавали кости едва родившихся телят. Ехать на общественном транспорте приходилось через весь город, в конец Ленинского проспекта. Там на улице, на морозе стояла своя очередь. Набирала Маруся килограмм по двадцать за раз, чтобы надолго хватило, тащила, естественно на себе, а потом варила домашнюю тушёнку.

Однажды дружественные немцы прислали продовольственный паёк для артистов: по две коробки круп и консервов на нос.

Деньги, привезённые из Швейцарии, все сэкономленные, Маруся умудрилась растянуть на год. Подарки и сдуру купленные в Корее шмотки – отнесла в комиссионный. Потому что кроме пустой квартиры у Маруси ещё и дача появилась.

В 88-году в ВТО распределяли участки для садоводства. Подруга Лори уговорила взять: – Это же вложение капитала! Ну взяла участок и взяла. Приехала взглянуть из любопытства, благо от станции пешком два с чем-то километра. Найти свои кровные

шесть соток на огромной буро-чёрной равнине, на которой редкими кустиками росла только болотная трава с белыми пуховыми шапочками, да грозными надолбами торчали неперегнившие корни было очень трудно. Вдалеке на этой внеземной равнине какой-то дяденька сколачивал домик из разбитых на плашки ящиков, да работала лопатой тётка в красных шароварах.

Марусин участок нашёлся сразу за дяденькой кумом-Тыквой, а тётка оказалась подругой Лианой, которая с энтузиазмом закричала: – Маня! Окно в окно будем жить!

Как известно, артисты, отличающиеся умом и практицизмом, увидев это мёртвое поле, обрадовались: – ведь ничего не надо корчевать! А то, что это было реликтовое озеро, с поверхности которого финны до войны вывезли весь плодородный торф, а на оставшемся расти не может ничего, – это выяснилось намного позже. Тут же стали строиться, кто из чего мог – в основном из списанных декораций. Очень живописное вскоре было зрелище: на пространстве без единого кустика сразу можно было увидеть издалека, кто из какого театра. Бывшие балерины и оперные певцы с невиданным даже для стахановского движения энтузиазмом орудовали ломами и лопатами, вытаскивая из кислой мёртвой субстанции неперегнившие стволы. А вокруг уже роились спекулянты всех мастей, сбывая тяжёлые бетонные блоки и всяческий ненужный строительный хлам. Надо было торопиться: после очередной реформы доллар понёсся вверх, а потом (буквально, в пустыне Кара-Кум) заработанные рубли – стремительно обесцениваться. Маруся металась: то ей обещали строительный вагончик, то – бытовку, которую привезут и сразу поставят, но обещали – обманывали. Прошёл ещё год. И тут подруга Лиана завела ценное знакомство: сама поехала за брёвнами в Кингисепп, а Марусю отправили в Подпорожье, где, якобы, ещё можно было купить брус по советским ценам. Три поездки, шесть часов туда, шесть – обратно на автобусе. Там – поговорить минут пять-десять, подписать бумаги, заплатить, получить чек, поболтаться часа четыре, и назад, чтобы к полуночи выпасть из автобуса. – Пожалуйста, мужчины, не обманите одинокую актрису, будьте милосердны! Но русский мужичок западло для себя считает не обмануть интеллигентку. Смотрит на тебя голубыми чистыми глазами: – Маруся! Зуб даю! Всё щас будет лучше всех! И обманывает с наслаждением.

Брус, который из Подпорожья по государственной цене везли аж почти под Выборг (за перевозку и солярку денег никто не спросил), был снаружи ровненький, а внутри связки – винтом, бракованный.

Вот и дом, который по знакомству ставил местный бармен со своими поварами, стал избушкой на курьих ножках, так же как и дом подруги Лианы, как она и говорила: – Окно в окно!

Чего это стоило, не рассказать, факт тот, что простой в театре пришёлся кстати, Маруся была по горло занята и похоронного набата не слышала. А уж когда появился Мальчик, дом за городом стал насущной необходимостью.

ДОКТОР:– То есть, вы перестали быть артисткой?

– Во-первых, артистками быть не перестают никогда! Во-вторых, у меня редко, но были спектакли. В-третьих, и это Главное, параллельно я преподавала актёрское мастерство. Знаете, сколько у меня учеников? Я сама не знаю.

– Так что же Макс?

– Макс… Самый трудный вопрос…

Перед Максом Маруся навсегда виновата. С ним она повела себя как настоящая стерва. Но – необходимо предисловие. Позволите?

В 83-ем, когда Маруся пришла в Большой, там уже всерьёз обустроилась артистка Лена.

У неё был счастливый для актрисы дар: без памяти влюбляться именно в тех. от кого зависела её карьера. Ещё будучи студенткой она стала женой немолодого режиссёра – правой руки Великого Товстоногова, заслуженного деятеля искусств, про которого одна большая актриса сказала, что он получил звание за то, что был нем, слеп и глух. Возможно. Но его зрения и слуха было довольно, чтобы задружиться с самыми влиятельными на тот момент актёрскими семьями, и соответственно, ввести в избранный круг молодую жену. (Конечно, речь не шла о дружбе с Борисовым или Юрским, или Шарко.)

Расставшись с пожилым супругом, артистка Лена вынуждена была обосноваться в общежитии театра, куда поселяли всех приглашённых режиссёров, и, в частности, пришедшего после смерти мэтра Т. Чхеидзе.

Любовь вспыхнула на кавказский манер, и вскоре Лена стала незаменима и на кухне и на сцене.

Потом, уже много позже, избавившись от некоторых иллюзий, Маруся поняла ещё одну причину этого творческого союза: несмотря на кавказский темперамент, мало заметный за маской медленно формулирующего, чрезмерно деликатного, рефлексирующего интеллигента, режиссёр строил свои конструкции так, чтобы ни одна по-настоящему живая актёрская нота не отвлекала от выверенного рисунка. Лена, не обладая подлинным актёрским темпераментом, имитируя страсть, абсолютно вписывалась в его замыслы. Их уже совсем не

интересовало – почему персонаж произносит это, как он к этому пришёл, за какими душевными движениями должен следить зритель, который текст пьесы, если немножко образован, может и дома прочесть. Лена стала его идеальной актрисой – очень красивой и бездушной.

Марусе до этого не было никакого дела. Она полагала, что её предложения, пьесы, переводы, появления на чужих показах, её преподавательские качества однажды понадобятся, её оценят и позовут. И вот – позвали!!! Назначена на главную роль в спектакле «Призраки» по Эдуардо де Филиппо, и на обсуждение декораций позвали, и эскизы костюмов показали! Маруся взлетела. Не пила. Каждое утро, включив подаренный в Корее крохотный приёмник с наушниками, танцуя под «Радио-Максимум», летела в театр…

Запись 1993

«С чего началось моё последнее профессиональное падение? Летом я читала «смело», уже как бы всё сыграла, плакала во время читки… Тогда же наткнулась на железный режиссёрский рисунок, но – не придала значения.

Дальше – цепь почти не зависящих от меня событий, та тесно завязавшихся в узел, раздавивший моё «Я».

Ещё летом: в ночь с 6 на 7 августа – пустой, обычный конфликт с Максимом. Неожиданно для себя предложила ему идти своей дорогой.»

Осенью вышли на большую сцену, и началось что-то непонятное: Всё в Марусе режиссера не устраивало: двинулась фальшиво, дверью хлопнула фальшиво… Маруся всё больше зажималась. Самую простую фразу вдруг стало невозможно произнести после многочисленных повторов. Случайно присутствующая стажёрка, желая помочь, предложила совсем уж какую-то странную интонацию. В панике Маруся попробовала и увидела, как перекосилось лицо режиссера. Художник по костюмам на примерке вспомнила старое суеверие про неправильно воткнутую иголку и напрямую заявила, что можно и не сыграть роль, костюмы подчёркивали недостатки фигуры, были неудобны. Гримёр в поисках образа сожгла Марусе волосы, вокруг творилось что-то странное: коллеги прятали глаза. Только одна завцехом, много лет прослужившая в театре, выпив лишку, сказала: «Не понимаю, что у нас теперь творится! Все с самого начала знали, что тебя подставили!»

Это ощущение кошмарного сна, когда машина без тормозов уносит тебя в пропасть, а ты сознаёшь это, ждёшь неминуемого конца. Не в силах что-либо предпринять.

Через два месяца пытки – последняя репетиция, на которой объявляется, что Марусю снимают с роли. У выхода на сцену уже сидит Лена.

Маруся сорвалась страшно. Город тогда был наводнён дешёвым виски. Маруся пила всю ночь и рыдала, и, наверное, не пережила бы эту ночь, если бы возле неё не бодрствовала случайно заехавшая знакомая. Утром вызвали в театр. Маруся портновскими ножницами срезала апельсинового цвета патлы и пошла на казнь. Чхеидзе встретил с заготовленной речью. Маруся перебила: «Не трудитесь, и так всё понятно!»

Он развернулся и ушёл. Маруся помедлила, проходя мимо открытых дверей реж. управления. Краем глаза увидела развалившегося в кресле режиссёра. Он рассказывал анекдот.

Вышла из театра как сомнамбула, не зная, что делать дальше. Казалось, жизнь закончилась. Рядом – Лениздат, газета «Смена», кабинет Макса. Вошла, прислонилась к двери, сказала: «Ничтожество!» Добавила: «Ты – ничтожество!»

ДОКТОР:– За что?

– Не знаю. Может, примитивно надо было сорвать на ком-то злость (нет, не злость, не знаю, срывают ли на ком-то боль, отчаяние). Может, винила в том, что не защитил, не уберёг, может, просто ничего не соображала, а может, инстинктивное чувство драматургии требовало поставить в триллере, длящемся три месяца, закономерную, кровоточащую точку.

Макс не простил. Больше никогда не разговаривали. «Смена» потихоньку выдохлась, Макс связался с АЖуРом, купил квартиру. Похоже, так и жил один. Какая неудовлетворённая страсть заставила его броситься в одиночку в опасное расследование, теперь никто не узнает. Тела не нашли.

А тогда, в 93-ем спектакль вышел с Леной в главной женской роли. Это был откровенный провал, но рецензии, как всегда, были хвалебные… Кроме одной, в которой открытым текстом автор задала вопрос: – Знает ли теперь кто-нибудь, была ли Райх действительно, талантливой актрисой, но все знают, кем она была Мейерхольду. А Лену сравнили с манекеном фирмы «Лена» – красивым и неподвижным. Кстати, фамилия рецензента Марусе больше не встречалась.

ДОКТОР:– Признайте, что в случае с этим талантливым человеком вы вели себя как расчетливая, холодная стерва, нанесли ранимому человеку неизлечимую травму…

– Я признаю. Не прощаю себя. Хотя… холодная стерва – наверное, но не расчетливая… В чём был расчёт? Да и не удерживала я его никак, он добровольно мучился. Без надежд. Без перспектив.

– Вам нравилось мучить?

– Нет. Это получалось само собой. Мучилась сама, а все близкие попадали в это поле. По принципу: – Мне больно, так раздели эту боль со мной!

– Достоевщина!

– Кое-кто называл меня Настасьей Филипповной. И Грушеньку я понимала очень глубоко. Кстати, однажды вытащила из романа её линию, получился законченный монолог на сорок минут. Но, как многие, не пригодные для творческих вечеров самостоятелные работы в ТЮЗе, эта тоже стала одноразовой.

О! Прелестный эпизод! Маруся всё время скучала без наполненного интеллектуального общения, и в какой-то момент переводчик Топоров стал её собеседником и конфедентом.

Виктор Леонидович был признанным гением (говорят, ему принадлежит лучшая трактовка Nevermoore в переводе на русский), алкоголиком и не очень считающимся с людьми человеком. Выпустив свой толстенный том воспоминаний и эссе, он навсегда рассорился с половиной бывших друзей, описав их нелицеприятно.

Но до этого было ещё далеко.

Однажды Топоров позвонил и сказал, что к нему приехал гений (впервые из уст Леонидыча прозвучало это слово) из Москвы, и они с радостью посетят Марусю.

Гений был под два метра ростом, широкоплечий, стриженный под поповича, или Аоексея Толстого. С ним была хрупкая девушка с повадками кришнаитки. Что-то напевая, она повесила Марусе на шею какие-то бумажные бусы, затем выпила из горлышка две подряд бутылки вина и стала отключаться.

Занимаясь дамой, Маруся не следила за общением двух гениев. Наконец, Топоров блаженно отключился, сидя на диване, у дамы начался эпилептический припадок, а гений литературоведения попросил вызвать такси и доставить обоих в снятую на пару дней квартиру на Английской набережной.

Бьющуюся в конвульсиях даму трудно было затащить в машину, выгрузить и поднять по широкой, достойной особняка лестнице на третий этаж. Маруся с ужасом видела, что гений тащит за ноги подругу, как разбитую куклу, наверх, а голова её бьётся о ступени. Маруся пыталась поддержать эту несчастную голову, но не успевала соразмериться с бешенной энергией гения.

Вернувшись домой, Маруся обнаружила безмятежно спящего Топорова и отсутствие на груди своей цепочки с бабушкиным крестом и Рериховским талисманом.

Жизнь продолжалась. Хайсен рос, непрерывно болел, Маруся обошла уже, казалось бы, все ветеринарные клиники, денег надо

было много, а зарплата была маленькая. Но присутствие огромного пса постепенно прибавило Марусе уверенности, избавило от многих страхов, они были неразлучны, и однажды она привела его в театр, усадила в актёрском гардеробе. Тут же разразился скандал: «Такого в театре ещё не было!» – «А что мне делать, если страшно одной идти домой после спектакля?» Вскоре все привыкли, уходя из театра, говорили собаке, которая поднимала голову и внимательно слушала: «Сейчас, сейчас мама придёт!»

Дом строился, на дачу тоже ездили вдвоём: на трамвае, на электричке, пешком до дома, Хайсен впереди, Маруся следом, нагруженная до предела: рюкзак, сумка на одном плече, на другом – рама для веранды.

Обычно, когда выходили из электрички, начинался дождь. Однажды встречный мужичок пожалел: «Что же вы, женщина, так тяжело тащите, когда у вас такая сильная собака». Маруся подумала, сняла рюкзак и пристроила его у собаки на спине. Под проливным дождём пёс растянулся в луже и с ужасом посмотрел на хозяйку, – он боялся встать с такой ношей. Пришлось снова водрузить рюкзак на несгибаемую женскую спину.

Чтобы провести электричество, привезли папу. Он протянул провод прямо поперёк бревенчатой стены. укрепив её вырезанными из консервных банок кусочками жести. Брус запестрел цветными пятнами. «Красиво!» – сказал папа.

Размыло глину, скреплявшую кирпичи на трубе. Труба вот-вот могла рухнуть. Посоветовали Марусе недорогих работников. Через день она поняла, что все трое – бомжи, недавно покинувшие зону. Один уже сидел на крыше и собирал трубу заново. Маруся несла на плече двадцатикилограммовый мешок цемента, подаренный дальними соседями.

«Маня! Посмотри-ка, труба куда наклоняется: туда или сюда?» – руками показал строитель.

Взялись за проводку. Разобрали штепсель, заскорузлые пальцы не могли удержать маленький винтик. Сначала один покатился по полу и упал в щель, потом другой. Наконец, закончили, включили: короткое замыкание. Маруся отдала все имеющиеся деньги, взяв с мужичков слово, что никогда больше их не увидит. Зимой, говорят, одного из них нашли на дороге замёрзшим.

Съёмок не было никаких. Отпускные, обычно, заканчивались в конце июля. Однажды разговорились с женщиной в электричке: «О! делайте как я», – сказала она, – «Я вяжу крючком салфетки и еду на рынок в Выборг. Туда приходят автобусы с финнами. Они их покупают охотно и за хорошие деньги».

У Маруси тогда уже было что-то навязано: льняная скатерть, салфетки, – в привычку вошло занимать руки в свободное время. Поехала. Простояла весь день. Действительно, совершенно пьяный финн купил одну салфетку. Остальное разобрали русские товарки по бизнесу.

Вдруг тётя Муза проявила инициативу. Она познакомилась с какой-то тёткой, которая привезла целый контейнер секонд-хэнда. Его надо было распродать. Тётя подключила племянницу. С несколькими мешками Маруся приехала на рынок у метро «Звёздная», арендовала раскладушку, разложила товар…

День был солнечный. Голову нестерпимо пекло.

«Женщина, смотрите, это же для вас платьице!»

«Но здесь же дырочка!»

«Так вы вишенку вышейте!»

«Откуда вы знаете, что я умею вышивать?»

Первый день был таким тяжёлым, что на все заработанные деньги Маруся купила бутылку водки, – чтобы уменьшить дозу полученного солнечного излучения.

Но проработала весь август, денег хватило до первой зарплаты в театре.

А потом, через пятнадцать лет после расставания вернулся Лёша.

Ну, то есть, он и до этого эпизодически появлялся.

Поставил спектакль в фойе Александринки. Позвал. Очень был достойный спектакль. По окончании Лёша сказал: «Можешь ничего не говорить, я всё время смотрел на тебя из-за двери, всё на твоём лице было написано». (Ну, не дословно, но, что-то в этом смысле. Потому что трудно отвыкнуть от привычки понимать друг друга без слов. «Ах», – повторял Лёша, – «с тобой неинтересно!»)

Однажды пришёл совсем несчастный сразу после выписки из психиатрической клиники, куда попал по поводу приступа белой горячки. Рассказывал, как через решётку смотрел на купола Александро-Невского собора и тем утешался.

А тут заявил, что уходит от жены, пытается отсудить жилплощадь, и это – решено.

Маруся тут же предложила ничего не отсуживать, а поселиться вместе с ней на её жилплощади. Потому что, как выяснилось, ничего не изменилось, ничто не поблекло, не утихло, как будто и не было этих пятнадцати лет.

Ах, это давно забытое чувство ревности! (Когда к телефону подошёл приходящий столяр). Ах! Ах! Ах!

Но…

Маруся покритиковала написанные стихи, уверенная в том,

что только правдивое мнение ведёт партнёра по пути совершенствования.

Маруся пошла в гости к старому другу, что Лёша не одобрил.

Маруся предложила какой-то план, на что Лёша сказал: «Не наезжай!»

Маруся не готова была взять Лёшу на полное содержание.

ДНЕВНИК

Этот 1994 начался ужасно… подряд, один за другим умерли люди, которых я знала, которые были мне достаточно дороги. Виктор Аристов, едва закончив съёмки последней своей картины, не смонтировав… однокурсник Массарский, Борис Андреевич Самошин… Что же касается меня лично…

Готовилась к встрече Нового года с Лёшей вдвоём тридцатого. Нарезала «оливье», когда он позвонил и сказал, что не приедет. Со мной всегда так: стоит взлететь, как тут же бьют на взлёте. Пока я занималась собой, своей театральной трагедией, он был рядом. Как только я позволила чувству захватить меня полностью, – начались обломы, и, соответственно, страдания. Насмарку декабрьское воздержание – от тоски я снова выпила. Вечером пришли Миша Иванов с сыном, мама их выставила. Чтобы не болтались под ногами во время приготовлений. Мило пообщались, выпили всё шампанское. Заснула и проспала новый год без надежд, без желаний.

1-го вечером сыграли «Бальзаминова», отметили Новый год с Андрюшей и девочками-бутафорами. Выходя из театра поскользнулась, расшибла о ступеньку колено, кажется, серьёзно. Гуляла с Хайсеном у ТЮЗа в час ночи, не думая о времени.

Третьего – опять гости.

Потом – подготовка к экзамену в центре «Семья». Каждый день часа на два забегала на Васильевский, что-то репетировали… Несущественно всё это, потому что непрерывно ждала звонка, и так – до 13 января, или даже дольше, довела себя до исступления полного, при этом всё время возникали поводы для выпивки.

ДОКТОР:– Может, вы сами их искали?

– Может быть. Но куды ж было крестьянину податься? Душевный контакт, необходимый каждому, устанавливался в ближайшем окружении, а оно всё было пьющее: – соседи, которые помогали, когда болел Хайсен, одинокие тётки, с которыми вместе гуляли с собаками, вместе ездили за город, к которым всегда можно было придти и поплакаться. У Пяти углов жил Путя, в том же доме – Варя. Сводная сестра, дочь последней папиной жены… повторяюсь: все алкоголики, с которыми Маруся общалась, были душевно щедрыми, не способными на продвижение по карьерной лестнице мечтателями, все они не стремились к высоким целям, поэтому с ними только Маруся и чувствовала себя комфортно…

– Знаете, что мне пришло в голову?

– ???

– Маруся чувствовала себя комфортно, потому что на их фоне не чувствовала себя лузером!

Доктор:– Наконец-то!

– Да-да! Для них Маруся всё ещё была той, с экрана, из «Соломенной шляпки!»

Однажды пошла сдавать пустые бутылки, и вдруг услышала из глубины заплесневелого подвала: – Это не вы снимались в фильме «Перегон»? Я вам так поверил!

Так в Марусиной жизни появился друг на долгие годы: Боря Илишаев, тат из Дербента. Он, токарь высшего разряда, вынужден был уйти из развалившегося, как большинство крупных предприятий тогда, ЛОМО, диаспора поддержала и взяла на работу в магазин от завода «Дагвино» с перспективой повышения.

Он, конечно, хотел Марусе только добра, и именно поэтому, в подвале между ящиками с бутылками её всегда ожидал хороший коньяк и закуска.

И Маруся не имела воли отказываться от таких близких соблазнов, от общества, в котором верили, что она всё ещё талантлива, всё ещё на то-то способна, во всяком случае, как говорил Боря: «Уже оставила свой след в истории, на экране…»

Никто из тех моих друзей не перешагнул через чью-то жизнь, расчищая пространство ради собственного места под солнцем. А в театре…

Когда ослабела верховная власть, началась вакханалия. Любимый лозунг Корогодского «Кто палку взял, тот и капрал!» приобрёл зловещее с оттенком каннибализма значение.

Круче всего обошлись с артисткой Наташей. Назначенная в паре с артисткой Леной на роль в «Дворянском гнезде» она, уже знаменитая (её портретами был увешан общественный транспорт города, она стала увековеченной Еленой Андреевной в телевизионной версии «Дяди Вани»), была абсолютно уверена в себе, она говорила: «Юбку надеть, ресницы наклеить, – и всё!»

Но к премьере вдруг выяснилось, что её костюм не готов, и премьеру в спектакле однокурсника бывшего мужа артистки Лены будет играть именно артистка Лена. (Там романс надо было петь. Лучше бы этого не слышать!)

Артистка Наташа сложила два и два, возмутилась и написала худруку гневное письмо, в котором заявила, что не желает работать в театре, где происходят такие недостойные (дальше всё было названо своими именами) вещи.

Она не ожидала, что её заявление с лёгкостью будет подписано, а пути назад уже не будет.

ДНЕВНИК

Очередной юбилей театра. Памятная фотография труппы. Мне опять показали моё место – в последнем ряду. Унизили и как женщину, заставив встать за рядом сидящих мужчин.

С трудом привела себя в порядок к вечеру и уж оттянулась!

Роскошный ужин в «Невском», виски и водка – рекой.

Потрясающие скетчи Карцева, Хазанова и нашего Жени Чудакова.

Доронина, приглашённая на юбилей, устроила скандал: Как только Хазанов начинал говорить, она вставала и громко начинала кого-нибудь приветствовать, и так несколько раз! Говорят, она пыталась сорвать его выступление по политическим мотивам. Хазанов точно и зло пародировал Жириновского, а она – среди его сторонников.

Я пошла танцевать одна, прибежали фотографы, – видимо, это было эффектно. Танцевала до упаду.

Может, наконец, принять своё одиночество и ничего не желать, кроме работы, работы и работы?

Утром позвонил З. Я. Он поставил вопрос ребром: «Зачем обслуживать чужих, если можно быть со своими».

Надо выбирать.

ДОКТОР:– Снова Корогодский?

– Да! Я так сумбурно рассказываю, потому что всё происходит одновременно, всё сплавлено: быт, профессия, любовь… Просто я не писатель, чтобы это правильно донести, я – рассказчик одной жизни.

Однажды на Фонтанке лицом к лицу столкнулась с учителем.

«Ну, как дела?» (Не выдавая сарказма, хотя Марусе уже давно передали его слова: «У нас была бы первым номером, а там – пропадёт!») – «Да вот, сенбернара завела!»

«Дура! Лучше бы завела мужа. Мужа выгнать можно, а собаку – нельзя!»

Пришла преподавателем. Постоянно переезжали. Учитель сам создавал себе рабочее место, но, поскольку «центр Семья» дохода не приносил, отовсюду, в конечном счёте, выселяли.

Начиналось всё в незабвенном ДК Первой Пятилетки, там преподавали Хочинский с Шурановой, но, кажется, недолго. Потом была 8-я линия Васильевского острова, потом – Рижский проспект… Уже боюсь перепутать…

С Лёшей Потёмкиным вдвоём, практически, вели первый курс, это было «сливочное масло», по выражению учителя, самый

плодотворный момент.

Но дальше начались пробуксовки. И набор без конкурса, а значит – не все способные, и, главное – цели! Целью не было создание театра, вот радостно кто-то творчески развивается, – и слава Богу! Вот праздники, вот прибаутки, вот уровень первого курса, а дальше – не надо! Кто-то метко назвал Театр Поколений – Театром Поздравлений.

Ещё была попытка поставить пьесу Эйкборна в переводе Маши Ланиной «Женщина в себе».

(У меня такое ощущение, что униженный, всё потерявший Учитель наконец прозрел, и пытался исправить ошибки, собрав вокруг себя тех, кого обижал, но на кого мог, по-настоящему положиться. Что за пьеса? Не «Король ли Лир?»)

Репетировали, репетировали…. Ничего не получилось. Этого следовало ожидать.

«Репетиция была никакая, работать студенты не хотят, говорят, что нет времени, скучают, безумно чем-то утомлены. Увиделась с Потёмкиным. Это – всегда радость.»

Маруся ушла. Мастер обиделся.

День театра праздновали с В. В. Петровым, его женой и Мариной Алекандровской. Говорить было о чём, выпивали на равных.) Радует то, что во всём сходимся во мнениях с супругой В. В. Она говорит, он расплатился за мой конфликт с Романцовым, и я «отомщена». Если бы это радовало! Искренне люблю В. В. хорошо, что он всё это выдержал, и теперь его меньше дёргают. Весь вечер провела там, у Алексея не было возможности дозвониться.

Неужели я опять его напугала готовностью служить? Всё на одну тему: по ТВ Остроумова, Шанина, а теперь ещё Леонтьева в интервью говорят: – «делаю себе харакири – на! – и он тут же убегает!» Одно утешает: – не стыдно быть в одной компании с этими женщинами.

ДОКТОР:– Вы ещё не понимаете?

– Теперь уже – да! Как глупо были растрачены силы души на то, что не могло быть в реальности, не светило, не написано было в звёздных картах, на линиях ладони, а Господь этим вообще никогда не занимается: МАРУСЯ НЕ БЫЛА СОЗДАНА ДЛЯ СЕМЬИ!

Семья требует умения прощать и терпеть – это известная истина. Но приносит ли это умение счастье, для которого каждый человек, как известно, рождён, как птица для полёта?

Недавно один замечательный мужчина, посвятивший своей парализованной жене с десяток лет, похоронивший её, сам

больной лейкозом, проходящий курсы химиотерапии, сообщил Марусе, что ему необходима женщина два раза в неделю.

Одна счастливая замужняя женщина призналась, что в присутствии мужа не может наклониться над пылесосом…. (Анекдот от Лебедева: «Баба полощет бельё, с другого берега ей кричат: "Фенька, тя-бу – т!"

– "Чо?"

– "Т я-бу-т!"

– "Ой! Та уди ты!"»)

Ему надо! Служи! Супружеский долг это называется. Хочешь – не хочешь, – ему надо – дай! А не то он на стороне найдёт. Видела я этих пожилых дам, вынужденно прощавших измены, до самой смерти не забывающих о них, стареющих с осознанием того, что их предали навсегда, и никакие дети не спасут от унижения. Видела я и других – согласившихся с тем, что их тело – нечто вроде утреннего душа, или чашки кофе для мужа. Они и сами начинали относиться к нему (к телу), как к бытовому прибору, который уже не важно кто и где включил, главное, чтобы было эффективно… Одна такая замужняя случайно встреченная на съёмках, с гордостью рассказывала о том, что всё в её интимной жизни было… негра не было… а тут и негра словила – счастье! Удача! Кайф! Женщины тоже начинают изменять, только бы уйти от обыденности того, что обыденным быть не должно. Или ещё: одна знакомая актриса громко заявила, что семья для неё важнее профессии. Потакала мужу во всём, подстраивалась, терпела… Он избаловался, охамел. И, в конце концов, ушёл, оставив её на руинах. Она бодрится, слава Богу. Сын удался. А дети… Я сошла бы с ума от ответственности, от страха за него? или за неё… И знаете, слишком много теперь я знаю историй, когда лучше бы было не родить и не посвятить свою жизнь Этому…

ДОКТОР:– А чему?

– Раньше знала. Теперь – нет. Вот мы же с вами и пытаемся понять.

1991 ГОД
ДНЕВНИК

Сколько нужно денег?
20 тысяч – взнос СТД
25 тысяч – песок.
30 тысяч – установка рам.
20 тысяч – стёкла.
50 тыс. квартплата

50 тыс. день рождения, итого примерно 160 тысяч – около ста долларов.

Кинопробы на «Ленфильме» на право рекламировать стиральный порошок. Идиотизм!

24 марта

Хорошие у меня друзья. Саня сказала: «Научись сохранять покой. Нельзя поддаваться чужой информации…»

ДОКТОР:– А разве не это я вам твержу: удаляйте чужие вирусы! Распознавайте их и удаляйте!

– Но это же целая наука! Я привыкла всё сразу принимать в самое нутро, без защиты!

… Пусть нынешний момент – сознательный уход в молчание ради нового качества. По сути – то же, что у Франкла – смысл в каждом мгновении. НАДО ОТКЛЮЧИТЬ АНАЛИЗАТОР. Тихо и спокойно кайфовать момент, а не гнаться за несбыточным, которое, на самом деле, вовсе и не нужно.

ДОКТОР:– Медитация, исцеляющий транс…

– О! Про транс… Однажды Марусю привели в дом Динары Асановой. Её мужем был художник Юдин, такой же, как Динара, антропософ. Ну, всем известна фотография Дианы на фоне картины, где дьявольские кони несутся по чёрному небу, а в уголке – Мастер и Он.

В доме было много картин, графики… Но всё было посвящено междумирию… Мужские тела, преодолевающие законы притяжения, одним пальцем касающиеся матери-земли, летящие… Лицо пророка с пронзительными глазами… Маруся, потрясённая, спросила: «Когда вы пишете, вам, наверное, кто-то сверху диктует?»

Юдин милостиво согласился с версией.

Марусе дали с собой кучу антропософской самоизданной литературы, и, главное – издание Штайнера, 1911 года.

Штайнера Маруся изучила и книгу вернула.

Попытка познания высших миров не уберегла Динару от преждевременной смерти…

О Юдине стараются не говорить, сын Динары остался сиротой…

13 июня

Вечер у Милы и Фреда. * Выпила. Захотелось петь. Полное недоумение у хозяев. Они не знают и не любят эти песни, которых «душа требует». Им не приходит в голову романтизировать отношения. Я – в шоке. До какой же степени ничего не понимаю!

В самом деле, отношения между мужчиной и женщиной – это не совместное чтение стихов. Есть что-то, чего я не испытала: простое и заземлённое, что связывает людей намного сильнее, чем совместное сентиментальничанье. Что? Я выглядела идиоткой со своими претензиями на что? Или же, это земное существование – скука, которой так боюсь? Ничего не понимаю!

30 ноября

У Мурашки провожают Овадиса в Канаду.

Сидели у меня с Ирой Рез, диктовали экскурсию, а в это время, оказывается, Лёша сидел там рядом с Уржумовой и пьянел от морса. Мы с Ирой позвонили им в восемь, и никто нас не пригласил.

2-е – птн.

Вводят в массовку «Визита старой дамы». Побывала в театре – настроение испортилось так, будто кто-то сглазил. А, может, и правда, сглазили?

Днём позвонила Тамара. Криком, на повышенных тонах: – «Его нельзя не любить: умный, тонкий, красивый, неотразимый! Почему вы не вместе? Надо что-то делать!» – Как растрепала она мне душу!

ДОКТОР:– Так почему?

– Цитата: – «… И непонятно, зачем красоту, эту приветливость, эти милые глаз бог даёт слабым, несчастным, бесполезным людям, зачем они так нравятся?… И точно в лесу вдруг запахло вином…» А. П. Чехов «На подводе».

Тогда, после Нового, невстреченного вместе года, Маруся долго мучилась, пока не решилась пойти к однокурснице Лысенковой, которая стала женой его старшего брата.

Выяснилось, что Лёша запил с друзьями, допился до остановки сердца и реанимации, а когда пришёл в себя, женился на очередной «боевой подруге», т. е. ничего плохого не имею в виду, это – женщины – преданные друзья, всё принимающие, всё прощающие, главное – восхищающиеся. С ними живут без любви. Будто это чувство было уже не по силам его душе.

Он ещё один раз появился весной, неожиданно, с красной розой. Нетрезвый.

«Продавец спросил меня: она блондинка? Тогда – красная роза», – сказал Лёша и, взяв за руку, потащил Марусю на диван. Он один спал на этом диване. Он свой выбор сделал. Что ещё? Утром он убежал. Больше не встречались один на один.

Остальное Марусе известно только по слухам.

Пытался поставить спектакль в «Приюте», чтобы сделать

декорации, заложил квартиру жены, денег не заработал, спектакль не пошёл, жена переехала в коммунальную квартиру.

Лёша и долю родительской квартиры потерял, остался без прописки в Ленинграде. Его прописала у себя временно Ольга Мурашко. Начал репетировать большую роль, вернувшись в ТЮЗ. Утром выпил кофе, вышел на лестницу покурить, умер мгновенно от обширного кровоизлияния в мозг. Ему, как и Кириллу, не исполнилось сорока семи…

Много лет спустя Маруся пришла на спектакль, в котором блистательно играла Лена, и, посредственно – Алёна. Полагалось зайти за кулисы и поздравить. Марусе обрадовались, наперебой стали показывать фотографии дочерей. Маруся улыбалась, а внутри грохотал гомерический хохот: – не лучший ли из всех драматург – сама жизнь, поставившая её сейчас лицом к лицу с двумя женщинами, занявшими её место, забравшими самое дорогое, родившими вместо неё, гордящимися этим? И только мысль о том, что так, видимо, и было изначально задумано, гасила обиду и успокаивала внутреннюю бурю уже навсегда.

– Не надо ничего говорить… Да, Маруся понимает теперь, что Невидимый Друг – отвёл, что вдвоём погибли бы вместе и раньше, но…

Все эти годы преследует один сон: сквозь толпу безликих чужих Маруся видит единственно родственного, и рвётся к нему, и видит встречный порыв, и вот уже – короткое бестелесное касание, в котором столько приносящей боль нежности, что вся реальная жизнь наутро кажется пустой и бессмысленной. Это – кара…

1996 ГОД

Работаем с Лиан Гийом. Из пьес, предложенных ею, выбрала «Из-за ДА или из-за НЕТ» Натали Саррот.

Поначалу не представляла себе, КАК это сделать. В пьесе – двое мужчин и два эпизода – соседи. Мы – женщины, значит, уходим в маски, в поэтический театр. Про что? Озвученное слово – инструмент убийства, значит, слово нужно материализовать, написать на листке бумаги – наклеить на чёрный экран. Бумага – значит, – корзины для бумаг, где есть слова, а есть чистые листы, поскольку один из персонажей – писатель, не осмеливающийся писать. Корзина, надетая на голову, становится клеткой – тюрьмой. Дальше, по нарастанию – схватка, до полного расставания, из-за ничего…

– Доктор, не стало ли это образом моей жизни? Как Лика? Что это за взаимосвязь – образ, понятный только тебе отражает

твоё «Я», или накладывает свою лапу на твою психику и меняет её, меняя заодно и судьбу? Никто не знает, что такое настоящее творчество. Все знают, что такое ремесло, и ремесленников, успешных, обожаемых публикой, очень много. Но – наитие… Когда гениям кто-то диктует: Моцарту, Пушкину, Тесле, Мандельштаму… Нет-нет, я вовсе не ставлю себя в их ряд, но даже человек средних способностей может оказаться под властью сил непонятных, неизведанных… Православным тут всё ясно – Бог и Воля Его… А у меня соседка была, военный учёный, диссертацию защитила по всеобщему информационному полю, в котором каждый шаг любого человека оставляет след. Многого она достигла бы, наверное, но не пускает поле в себя, трагически, на ровном месте погибла её единственная дочь…

Может, и не надо знать, только чувствовать, что не просто так всё… Только большинству теперь не до этого.

Не хочу утверждаться в этом новом мире. Знаете, как ответил Магомаев, когда его уговаривали подлечить сердце? Он посмотрел в окно и сказал: – Там теперь всё чужое!

В апреле – распределение на «Антигону». Роль без слов – жена Креонта – Эвридика.

Маруся позвонила Чхеидзе: – Вы понимаете, что теперь меня будут занимать только в массовке?

Он разозлился, сказал, что придумал потрясающую роль специально, что она ещё поймёт и оценит.

Перед Днём Рождения Маруся чистила селёдку и зачем-то надкусила её голову. Сломала передние пластиковые коронки. Роль без слов потребовала ежедневного присутствия на репетициях. Маруся без передних зубов могла только улыбаться. Она совсем не понимала, за что ей эта пытка: – молча сидеть и смотреть, как репетируют другие. Потом догадалась: Чхеидзе очень внимательно следил за её лицом, на котором никогда нельзя было скрыть ни одной пришедшей в голову мысли. Она была для него – пунктиром, лакмусовой бумажкой, короче, её, как обычно, использовали.

Май 1996

Неожиданно заболел Хайсен. Ему так больно, что он не ходит. Вывожу – проходит несколько метров и ложится. Вчера мне сказали, что, скорее всего, это – рак селезёнки, от которого дети Сен_Себастьяна умирают в 3-6 лет. Успокаиваюсь только когда едем к очередному ветеринару, потом снова плачу. Боюсь остаться одна в этой квартире (А ведь сколько несчастных без жилья маются!), а перед этим ещё – мучения. Которые мы с ним разделим. Так остро чувствую одиночество. Рвутся нити,

привязывающие меня к жизни. Всё и все, что я любила, уходят от меня. Цепь потерь – вот моя жизнь. Любовь, профессия… Вчера поймала себя на странном чувстве: подсознательно я всегда знала, что Хайсен – слишком большая для меня роскошь. Когда он шёл рядом – сильный, прекрасный, я смотрела будто о стороны и удивлялась: – неужели это моя собака? Как будто не заслужила, как будто украла счастье общения с ним. Я никогда больше не решусь, да и материально не потяну такую собаку.

Чем жить? Для чего? Ни молодости, ни надежд… Сиротство, на которое я была обречена… сопротивлялась, боролась… Теперь как ездить на дачу? Он ещё жив, но в любой момент может начаться непоправимое. Мне и дача не нужна без него…

ДОКТОР:– Не стыдно?

– Так себя жалеть? Стыдно. Но вы же понимаете, что записи делались не регулярно, а в моменты наивысшего эмоционального напряжения.

– Связанного с алкоголем?

– Связанного, не связанного! Кто сначала: курица, или яйцо?

– Я не об этом.

– А о чём?

– Собака заменила вам ребёнка. Это что – нежелание взять ответственность, пожертвовать чем-то важным, тот самый эгоцентризм?

– Да! Скажите ещё: жалкое сочетание высокомерия и безволия! Вы мне кто: доктор или прокурор? Я сама себе прокурор!

…Как объяснить? Знаете, когда настоящие женщины рассказывали мне о том, какое чудо – зарождение новой жизни, я, не ощущая себя священным сосудом, испытывала лишь ужас. За собаку я ещё могла взять ответственность, но не за ребёнка, потому что я сама, если вы сможете понять, так и осталась ребёнком: пугливым, требовательным, крикливым, способным навязать свою волю, но – не взрослым человеком, несущим ответственность за собственную жизнь. Почему? Разве теперь это важно, когда ничего нельзя исправить?

Мне кажется, что у меня только одно предназначение – вещать. Если не со сцены, то – так, письменно. Я должна говорить правду, иначе – заболеваю.

– Правда у всех разная.

– Нет, есть общая правда, про которую все знают, но считают благоразумным её таить. И только сумашедшие самоубийцы иногда кричат: «Король-то голый!»

Я не самый храбрый из них, меня не держали в КПЗ, не били дубинкой на демонстрации, но вы видели, как жизнь моя летела

под откос из-за принципов, в которые я верила, и ни в одном моменте выгоды и расчёта меня никто не сможет упрекнуть. Так что – эгоцентризм?

ДОКТОР:– Но вы сами сказали, что эгоцентризм – всего лишь восприятие мира через своё «Я».

– Будем заканчивать.

Пространство вокруг Маруси пустело стремительно.

ВАРЯ

Её единственный сын решил улучшить жилищные условия, хотел купить отдельную квартиру на Плеханова у отъезжающих в Израиль. Ради этого продал две комнаты в коммуналке, но квартиру купить не смог. Варя стала БОМЖом. (это страшно произносить, но правда – превыше всего! Те, у кого была власть, коллекционировали квартиры, остающиеся после смерти ветеранов, дарили их своим пассиям, смекалистым, доступным дамам, веселящим остывающую кровь.) Варя не заслужила! Однажды утром она пришла на репетицию выпивши, её тут же уволили. Актёрская семья, братство! Как ни странно, примитивные сериальщики гуманнее. Продюсеры, если заинтересованы в актёре, и бригаду нужную вызовут, и подошьют…

У Вари не было иного выхода, она поселилась у подруги, спившейся, очень талантливой Елисеевой. Тем, кто встречал их в тот период, они говорили: – Я пью больше, чтобы ей меньше досталось. Денег не было, пили фальсификат. Финал – предсказуем. Сожгли квартиру и сгорели сами.

Путя продал квартиру на Рубинштейна и поселился в деревне с какой-то очень креативной дамой. Вскоре она умерла от скоротечного цирроза, а Путя забомжевал. Его ещё принимали на ночь сохранившие к нему нежность знакомые, но квартиру потом надо было долго проветривать.

ДОКТОР:– А Маруся?

– Хайсен не умер в тот год. Маруся вдруг увидела на дорогу французскую бульдожку соседа – парализованную ниже пояса. Естественно, с соседом заговорили о ветеринарах. Подруга Капица сказала: присмотрись к соседу! – У него такой маленький домик! (Нет, Маруся не собиралась селиться в чужих хоромах, просто подумала, что для неё опять нет места). – Ну, у тебя дом для Сенбернара, а у него – для бульдожки. И на следующий день после того, как Маруся поклялась небесам, что не выдержит ещё одного дня одиночества, сосед заговорил с ней…

И уже двадцать лет Володя терпит Марусю и прощает её. Он дал ей нормальный быт и научил его обустраивать, он дал ей

ежедневное общение и понимание, он продлил её жизнь, потому что без него всё уже было бы кончено. «… а главное, он любит её, а главное – он никогда её не предаст!» – «Божественная Лика»

Невидимый Друг, или провидение, что бы оно из себя не представляло, забрав профессию, мечты и иллюзии, подарили Марусе спокойную старость, в которой главное – держаться друг за друга, вместе…

ДОКТОР:– Значит, сейчас ваши проблемы разрешились?

– Разве можно уйти от себя?

– Вы же понимаете, что понятие «Я» подвержено изменениям. Ваше детское «ЗЛО» – агрессивность, свойственная каждому в той или иной степени, плюс развитое воображение.

– Но я думаю (не смейтесь), что дело в гормонах. Разве кто-нибудь сопоставлял когда-нибудь влияние этого коктейля на судьбу и предпочтения человека? Только сейчас начинают говорить о том, что именно неправильное сочетание гормонов делает многих, не определивших свой пол, изгоями. Разве не избыток мужских гормонов заставляет стремиться к властвованию, покорению, подчинению более слабых? И именно это восхищает, остаётся в истории, воплощённое в героях, полководствах, Александрах и Наполеонах? И непреложно – «победителей не судят!» Беда тем, кто проиграл, вот они, как загнанные косули, остаются на пожирание гиенам.

– Трудно с вами, творческими людьми. Но я понимаю вас. Поверьте, мир изменится, когда мы сможем считывать индивидуальный генетический код и сопоставлять его с гормональным фоном. Может быть, удастся на ранней стадии вычислять насильников и террористов… но до этого далеко, во-первых. А во вторых, нельзя сводить всё к этому.

– Ну да! Как король из «Обыкновенного чуда» – сказать, что это прабабушка проснулась… гены, ребята, гены, а мы тут вовсе и не причём.

– Да, конечно, семья, окружение…. Сами понимаете, тут уж кому что досталось. Но демонов своих надо знать в лицо.

– Чтобы справляться с ними, не давать им воли! Да, конечно, на это и уходит жизнь…

– А болезнь, о которой вы говорите, надо лечить. Теперь, когда вы всё понимаете?

– Цитирую Франкла – «Настоящий смысл болезни заключён не в факте заболевания, а в особенностях страдания. Смысл, который болезнь имеет сама по себе, – это сверхсмысл, выходящий за пределы человеческого постижения смысла.»

ДОКТОР:– Не пугайте меня цитатами, я тоже поклонник Франкла: «Человек не для того здесь, чтобы наблюдать и

отражать самого себя; он здесь для того чтобы предоставлять себя, поступаться собой, чтобы, познавая и любя, отдавать себя. В конечном счёте, биография – объяснение личности во времени.»

– На этом и сойдёмся. Пока. Значит, есть ещё возможность прорыва к новому смыслу. Одно пугает…

– Что ещё?

– Вера Фёдоровна… Последние письма: «… театр в той форме, в которой он существует сейчас – перестал мне казаться нужным… Я открываю школу, но это не будет только школа. Это будет место, где люди, молодые души будут учиться понимать и любить истинно прекрасное и приходить к богу… Для этого сохранён во мне до сих пор мой дух молодым и жизнерадостным, для этого пронёс меня сквозь все испытания, для этого закалил и укрепил во мне веру в себя через Бога…»

– Прекрасно, и затем?

– Затем последние строчки, написанные в горячке, умирающей от чёрной оспы: «Во вселенной вечным и неизменным остаётся один лишь дух», – «Чайка».

– Какая связь?

– Ну как же! Если верить теософам (А как же не верить, если Марусю судьба приводила и к Рериху, и к Асановой!) – цель нашей жизни – улучшить своё космическое «Я». Вот Вера Фёдоровна собрала себя из осколков, пришла к истине, а тут ей и дали понять: всё, хватит, миссия выполнена!

– Ну, могу вас утешить: вам ещё очень долго придётся работать над собой!

– Спасибо, доктор!

2018